

ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

12(2) 2026

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 12. № 2. 2026

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 12. № 2. 2026

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора по связям с зарубежными авторами: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный секретарь: Чистякова Е.Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

***

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – *председатель редакционной коллегии*

Антанасиевич И.Н., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Атлагиц С., доктор политических наук, профессор кафедры журналистики и коммуникации Факультета политических наук Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиаологии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Воюшина М.П., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования и художественного развития ребенка РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вране государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy Chief Editor: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Executive secretary: EKATERINA YU. CHISTYAKOVA, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Russia

***

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – *Chairman*

Irina N. Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Siniša Atlagić, Doctor of Political Science, Professor of the Department of Journalism and Communication, Department of Political Science, University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystriantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Maria P. Voyushina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Primary Education and Artistic Development of the Child, Herzen University, St. Petersburg, Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailovič), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Mikhail S. Zhiron, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Research Skills Centre, School of Communication, HSE University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, директор Центра развития научных компетенций Школы коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Махлин В.Л., доктор философских наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН, Москва, Россия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Римский В.П., доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Румянцева Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Таймагамбетов Ж.К., доктор исторических наук, академик Национальной академии наук Республики Казахстан (НАН РК) при Президенте РК, главный научный сотрудник Национального музея РК, Астана, Республика Казахстан

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шмонин Д.В., доктор философских наук, профессор, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philosophy, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Vitaly L. Makhlin, Doctor of Philosophy, Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Department of Literary Studies, INION RAS, Moscow, Russia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Victor P. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Tatyana G. Rumyantseva, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy of Culture, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Zhaken K. Taimagambetov, Doctor of Historical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (NAS RK) under the President of the Republic of Kazakhstan, Chief Researcher of the National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zhu Tsyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Dmitry V. Shmonin, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Theology, St. Petersburg State University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCHES

Финогентов В. А. Истоки и природа философских проблем	5	Finogentov N. S. The origins and nature of philosophical problems	5
Леготин М. С. Событие в онтологии диалектического материализма: от клинамена к аperiodическим структурам	17	Legotin M. S. An Event in the Ontology of Dialectical Materialism: From the Clinamen to Aperiodic Structures	17
Зайков О. В. Об особенностях и границах ума: философский взгляд на христианское мышление	27	Zaykov O. V. The Peculiarities and Limits of the Mind: The Formation of Christian Thinking	27
Клементьева Т. Н. Особенности диалога христианских организаций и научного сообщества в современной России	37	Klementyeva T. N. Features of the dialogue between Christian organizations and the scientific community in modern Russia	37
Колесников С. А. Когнитивные перспективы теологической поэзии: поэтическое познание и «живой» автор	53	Kolesnikov S. A. Cognitive Perspectives on Theological Poetry: Poetic Cognition and the "Living" Author	53
Чикаева Т. А. К вопросу о взглядах В.С. Соловьева на Родину, Отечество и патриотизм	65	Chikaeva T. A. On the issue of V.S. Solovyov's views on the Motherland, Fatherland and patriotism	65
Невзоров С. Г. Героика Курской битвы: культурологическая интерпретация коллективного подвига	74	Nevzorov S. G. The Heroism of the Battle of Kursk: A Cultural Interpretation of Collective Feat	74
Бабич И. Л. Патриотизм в поликультурном контексте провинциального города	85	Babich I. L. Patriotism in the multicultural context of a provincial town	85
Долинченко А. А. Медиальность: конвенциональные смыслы алгоритмического субъекта	100	Dolinenko A. A. Media personality: conventional meanings of the algorithmic subject	100
Рязанов А. В., Целыковский А. А. Между модернизацией и архаизацией: медиа как агент мифотворчества и формирования политической культуры в современной России	107	Ryazanov A. V., Tselykovsky A. A. Between modernization and archaization: media as an agent of myth-making and political culture formation in modern Russia	107
Галюченко Д. И. Лингвокогнитивный анализ пользовательских интенций в коммуникации с LLM (на основе таксономии Блума)	119	Galyuchenko D. I. A linguo-cognitive analysis of user intentions in interaction with LLMs: a Bloom's taxonomy approach	119
Ольхова Н. А. «Друзья lento»: к установкам медленного чтения в немецкой образовательной культуре	130	Olkhova N. A. "Friends of Lento": On Slow Reading Attitudes in German Educational Culture	130
Билибин А. М. Экологический кризис как источник новых мифологем научной фантастики	139	Bilibin A. M. Environmental crisis as a source of new science fiction mythologies	139

Червяков В. В. Ткачество как технология культуры: историко-культурная генеалогия текстиля	149	Chervyakov V. V. Weaving as a technology of culture: a historical-cultural genealogy of textiles	149
АРХИВ		ARCHIVE	
Гордеева М. Н. Гастроли Федора Шаляпина на сцене оперы С.И. Зимина в сезоне 1915-1916 года. Хронология события	164	Gordeeva M. N. The touring engagements of Feodor Chaliapin on the stage of the S.I. Zimin opera during the 1915-1916 season: a chronology	164
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Орлова Д. Д. «Философия для детей» как форма практической философии	180	Orlova D. D. Philosophy for Children as a Form of Practical Philosophy	180
Ефименко Н. А. Рецензия на монографию Чжу Цзяньгана "尼·斯特拉霍夫文学批评研究" – "Литературная критика Н. Н. Страхова" (Пекин, 2025)	189	Efimenko N. A. "Review of the monograph by Zhu Jiangang "尼·斯特拉霍夫文学批评研究" – <i>Literary Criticism of N. N. Strakhov</i>	189
Беляева У. П. Споры об «истинном христианстве»: нормативность и религиозная идентичность (размышления о книге David W. Congdon «Who Is a True Christian? Contesting Religious Identity in American Culture», Cambridge University Press, 2024)	195	Belyaeva U. P. Contesting "True Christianity": Normativity and Religious Identity (Reflections on David W. Congdon's Book <i>Who Is a True Christian? Contesting Religious Identity in American Culture</i> , Cambridge University Press, 2024)	195
Егоров Н. С. Личностное литературоведение. Заметки на полях книги А.Н. Андреева «Школа персонцентрического литературоведения» (Москва, 2025)	203	Egorov N. S. Personal literary criticism. Notes on the margins of A.N. Andreev's book "The School of Personocentric Literary Criticism" (Moscow, 2025)	203
Баринов Н. Н. «Профессиональный кретинизм» и постнеклассическая наука	209	Barinov N. N. "Professional Cretinism" and Post-Non-Classical Science	209
Подзолкова И. Ю., Карпенко И. И. Использование генеративного искусственного интеллекта в политической коммуникации	217	Podzolkova I. Yu., Karpenko I. I. Using Generative Artificial Intelligence in Political Communication	217
Куров А. С. Когнитивное моделирование внеязыковой ситуации в аудиовизуальном переводе: потенциал денотативного подхода	227	Kurov A. S. The cognitive modeling of an extra-linguistic situation in audiovisual translation: the potential of the denotative approach	227

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК: 101

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-1

Финогентов В. Н. | Истоки и природа философских проблем

Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина,
ул. Генерала Родина, д. 69, г. Орёл, 302019, Российская Федерация; v_fin@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается вопрос об истоках и сущности философских проблем, весьма актуальный для понимания места и значимости философии в современной культуре. В этом контексте анализируются два противостоящих друг другу подхода: «негативистский» и «позитивный». Сторонники первого подхода (Л. Витгенштейн, неопозитивисты и их нынешние последователи) полагают, что философские проблемы – это псевдопроблемы, что подлинных философских проблем просто нет. Приверженцы второго подхода (К.Р. Поппер и его единомышленники) утверждают, что подлинные философские проблемы не только существуют, но и образуют своего рода сердцевину различных этапов развития философии. Оценивая указанные подходы, следует учитывать существование различных типов философских проблем. Важнейшими среди них являются: «временно» философские проблемы, «кентавровые» философские проблемы и «фундаментальные» философские проблемы. Демонстрируется, что эти типы философских проблем различаются и характером происхождения, и ролью, которую они играют в философских построениях. «Временно» философские проблемы возникают, когда в лоне философии, играющей в данном случае роль преднауки, формируются новые специальные науки, и существуют до тех пор, пока формирующаяся специальная наука не обретает способность отчетливо переформулировать эту проблему на своем языке. «Кентавровые» философские проблемы формируются, в частности, в результате взаимодействия и взаимопроникновения сосуществующих с философией специальных наук (например, множество так называемых философских проблем естествознания). «Фундаментальные» философские проблемы образуют «твердое ядро» философии на всех этапах ее развития. Они являются конституирующей, инвариантной составляющей самых разных философских построений. По своей сути и происхождению такие проблемы являются мировоззренческими проблемами. Фундаментальные философские проблемы – это мировоззренческие проблемы, сформулированные на языке философии.

Ключевые слова: философские проблемы; типы философских проблем; «временно» философские проблемы; «кентавровые» философские проблемы; фундаментальные философские проблемы; мировоззренческие проблемы

Для цитирования: Финогентов, В. Н. (2026), «Истоки и природа философских проблем», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 5-16. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-1

V. N. Finogentov | The origins and nature of philosophical problems

Parakhin Orel State Agrarian University,
69 General Rodin St., Orel, 302019, Russian Federation; v_fin@mail.ru

Abstract. The article discusses the origins and essence of philosophical problems, which is very relevant for understanding the place and significance of philosophy in modern culture. In this context, two opposing approaches are analyzed: the “negative” approach and the “positive” approach. Proponents of the first approach, such as L. Wittgenstein, the neo-positivists and their current followers, believe that philosophical problems are pseudo-problems and that there are no genuine ones. In contrast, proponents of the second approach (K.R. Popper and his associates) argue that not only do genuine philosophical problems exist, they also form the core of various stages of philosophical development. The article goes on to note that when evaluating these approaches, it is crucial to consider the existence of different types of philosophical problems. The most significant among them are “temporary” philosophical problems, “centaur” philosophical problems, and “fundamental” philosophical problems. The article demonstrates that these types of philosophical problems differ from each other both in the nature of their origin and in the role they play in philosophical constructions. “Temporary” philosophical problems arise in philosophy when new special sciences are formed within the framework of philosophy, which in this case plays the role of a pre-science. Such problems exist until a new specialised science emerges and gains the ability to rephrase them in its own language. “Centaur” philosophical problems are formed, in particular, as a result of the interaction and interpenetration of the actual coexisting philosophies, on the one hand, and the special sciences, on the other hand. An illustrative example of this type of philosophical problems is the many so-called philosophical problems of natural science: philosophical questions of cosmology, philosophical questions of physics, philosophical questions of biology, etc. ‘Fundamental’ philosophical problems constitute the solid core of philosophy at all stages of its development. They are a constitutive, invariant component of various philosophical constructions. By their very nature and origin, such problems are worldview problems. Fundamental philosophical problems are worldview problems formulated in the language of philosophy.

Keywords: philosophical problems; types of philosophical problems; “temporary” philosophical problems; “centaur” philosophical problems; fundamental philosophical problems; worldview problems

For citation: Finogentov, V. N. (2026), “The origins and nature of philosophical problems”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 5-16. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-1

Два подхода к оценке сущности и значимости философских проблем

Начиная разговор об истоках и природе философских проблем, следует сказать, что существовали и существуют различные, в том числе диаметрально противоположные, понимания и оценки сущности, происхождения и значения философских проблем.

Прежде всего следует напомнить о «негативистском» истолковании философских проблем. Я имею в виду, в частности, соответствующие взгляды Л. Витгенштейна, а также некоторых его последователей. Для таких авторов философские проблемы – это

псевдопроблемы, то есть для этих философов, как это ни парадоксально, подлинных философских проблем просто нет. Они были уверены, что большинство так называемых философских проблем на самом деле бессмысленны, а те немногие из них, которые все-таки имеют смысл, при более глубоком рассмотрении и соответствующем уточнении оказываются проблемами специальных наук. Л. Витгенштейн писал в связи с этим: «Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны» (Витгенштейн, 1994: 18). Отношение к философии как к «совокупности псевдопроблем», как известно, было свойственно также представителям неопозитивизма. Так, один из основоположников и лидеров неопозитивизма М. Шлик без всяких сомнений утверждал: «Нет никаких специфически “философских” истин, которые представляли бы собой решения “философских” проблем» (Шлик, 2001: 75). И далее: «Все настоящие проблемы являются научными и других проблем не существует» (Там же: 76). Аналогичные «негативистские» характеристики философских проблем даны также в работах других авторитетных представителей неопозитивизма, в сочинениях А. Дж. Айера (Айер, 2010), Ф. Вайсмана (Вайсман, 2001), Р. Карнапа (Карнап, 2001) и их единомышленников.

Сторонники противоположного – «позитивного» – подхода к оценке природы и значения философских проблем не только утверждают их существование, но и полагают, что именно философские проблемы занимают центральное место в структуре философии и играют в ней конституирующую роль. То есть, с точки зрения сторонников такого подхода, именно философские проблемы, а не философские идеи, философские принципы и философские концепции делают философию философией, придают ей определенность и неповторимое своеобразие, а также задают связность и единство различным этапам ее многовекового развития.

«Позитивный» подход к оценке философских проблем развивался, в частности, К.Р. Поппером. В данном случае я имею в виду его позицию, представленную в статьях «Природа философских проблем и их корни в науке» и «Какой мне видится философия». Для Поппера именно подлинные философские проблемы делают философию значимой и интересной. «Философия, – писал он в связи с этим, – интересует меня лишь постольку, постольку я занят решением подлинных философских проблем» (Поппер, 2004: 124). Действительно, чем может привлечь к себе философия, в которой нет настоящих (подлинных) философских проблем и представлены только псевдопроблемы?! И чем в таком случае занимались выдающиеся и великие философы прошлых эпох?! Трудно в этом отношении не согласиться с Поппером, а также с его оценкой кратко представленного выше «негативистского» подхода к философским проблемам как позиции не только антиметафизической, но и «антифилософской» (Поппер, 2001: 126). Кстати, К.Р. Поппер считал также, что истоки подлинных философских проблем по большей части лежат в области достижений и трудностей специальных наук (Поппер, 2004: 126). К обсуждению такого понимания происхождения философских проблем я вернусь ниже.

Критически оценивая «негативистский» подход к философским проблемам и присоединяясь в целом к «позитивной» позиции по данному вопросу, развитой К.Р. Поппером, сделаю здесь два замечания.

Первое состоит в том, что «негативистский» подход к истолкованию природы и значимости философских проблем сложился, образно говоря, не на пустом месте. В текстах многих философов нередко встречаются неясные, размытые, «темные» формулировки проблем, которые они пытаются обсуждать и решать. В работах представителей «негативистского» подхода, в частности в работах Р. Карнапа (Карнап, 2001), критически разобраны некоторые весьма яркие образцы такого рода формулировок. Вряд ли надо обосновывать правомерность и необходимость подобного критического анализа, а также полезность попыток дать более отчетливые формулировки соответствующих философских

проблем. В конце концов, хорошо известно, что адекватная формулировка и специально-научных, и философских проблем – это значительный шаг на пути к их решению. И, наверное, настойчивые и безуспешные попытки прояснения и уточнения формулировок, по крайней мере некоторых философских проблем, могли привести Л. Витгенштейна и его последователей к выводу, согласно которому эти («темные», неясные) проблемы в действительности являются псевдопроблемами. Но обнаружение того, что некоторые проблемы, известные как философские, являются на самом деле псевдопроблемами, отнюдь не является достаточным основанием для того, чтобы считать, что все философские проблемы являются таковыми.

Второе замечание заключается в том, что, оценивая рассматриваемые позиции, следует учитывать существование различных по своей природе типов философских проблем. Учет этого важного обстоятельства позволяет, на мой взгляд, показать, во-первых, что по отношению к разным типам философских проблем, как это ни удивительно, правы в определенном смысле и сторонники «негативистского» подхода, и К.Р. Поппер. Во-вторых, последовательный учет только что указанного обстоятельства позволяет, как представляется, достичь более полной и более систематичной характеристики происхождения и значимости философских проблем – главной цели данной статьи.

Ранее мной было показано, что существует, по меньшей мере, три существенно отличающихся друг от друга типа философских проблем: а) «временно» философские проблемы, б) «кентавровые» философские проблемы и в) «фундаментальные» философские проблемы (см. подробнее об этом: (Финогентов, 2023)). Разумеется, возможны различные подходы к типологии философских проблем. Например, вполне правомерна типология по признаку отнесенности соответствующих проблем к тому или иному разделу философии. В рамках такого подхода следует говорить о проблемах онтологии, проблемах гносеологии, проблемах философской антропологии, проблемах социальной философии и т. д. Не менее правомерна типология проблем по признаку отнесенности к периоду в развитии философии: проблемы античной философии, проблемы средневековой философии, проблемы философии Нового времени... Понятно, что все эти типологии по крайней мере частично пересекаются друг с другом. Моя типология философских проблем, выделяющая три указанных выше типа, ориентирована в первую очередь именно на обсуждение природы и значимости философских проблем. Ниже дается краткая характеристика природы и особенностей философских проблем трех названных типов.

Природа и значимость философских проблем различных типов

О природе и значимости «временно» философских проблем

Прежде всего познакомимся поближе с «временно» философскими проблемами. Чтобы отчетливо увидеть такие проблемы, необходимо всмотреться в многовековую историю взаимоотношений развивающейся философии, с одной стороны, и растущего множества специальных наук, с другой стороны. При таком «всматривании» мы увидим, что по отношению ко многим еще только формирующимся в тот или иной период истории специальным наукам философия играла в прошлом, и, по всей видимости, продолжает это делать в наши дни, роль преднауки.

Ситуация порождения философских проблем обсуждаемого сейчас типа, кратко говоря, такова: некая специальная наука еще не родилась, она еще только формируется. В это время ее «зародыш» находится в лоне философии, играющей роль соответствующей преднауки. В такой ситуации именно в лоне философии или в лоне какого-либо ее раздела (например, натурфилософии, социальной философии, философской антропологии и т. д.) постепенно и предварительно осмысливается предметное поле будущей специальной науки, формируется в общих чертах ее понятийный аппарат. И главное: именно на языке тогдашней философии

даются формулировки проблем будущей специальной науки. Разумеется, когда соответствующая специальная наука сформируется, когда она выйдет из лона философии (несомненно, так было в свое время с психологией, с социологией, с нейронауками...), когда она достигнет определенной стадии зрелости, тогда эта наука отчетливо увидит, насколько несовершенными, неясными (то есть, по сути, преднаучными) были формулировки проблем, доставшихся этой науке в наследство от философии. Вот такие преднаучные формулировки проблем я и называю «временно» философскими проблемами, поскольку им на смену приходят гораздо более отчетливые и значительно более конкретные формулировки, выраженные уже на языке соответствующей, недавно возникшей, специальной науки.

Я полагаю, что наличие философских проблем такого рода в составе современных для неопозитивистов философских учений послужило одним из серьезных оснований формирования у них «негативистского» отношения к природе и значимости философских проблем вообще. Действительно, формулировки таких проблем, особенно если их сравнивать с формулировками соответствующих проблем вновь сформировавшихся специальных наук, мягко говоря, недостаточно отчетливы и глубоки, поэтому их есть за что критиковать, а нередко они просто неудовлетворительны. С другой стороны, наличие такого рода философских (преднаучных) проблем в истории развивающейся философии и в истории комплекса формирующихся и развивающихся специальных наук представляется вполне естественным и даже неизбежным. И, поскольку и в наше время продолжают возникать новые специальные науки, можно достаточно уверенно утверждать, что нынешняя философия, точнее ее специализированные разделы (онтология, гносеология, аксиология и т. д.), способна и сегодня в определенной мере сыграть роль соответствующей преднауки, т. е. давать предварительные формулировки проблем, которые в дальнейшем, может быть, трансформируются в проблемы вновь возникшей специальной науки. Другими словами, «временно» философские проблемы, скорее всего, существуют и в наши дни и, наверное, они достойны специального и более детального рассмотрения.

О природе и значении «кентавровых» философских проблем

Теперь пришло время кратко рассмотреть «кентавровые» философские проблемы. Само их название указывает на то, что в состав проблем такого рода входят разнородные компоненты. Для простоты я буду говорить здесь о проблемах, включающих в себя всего два разнородных компонента: компонент философский и компонент нефилософский. Для определенности под нефилософским компонентом далее подразумевается компонент специально-научный. (В скобках замечу, что в принципе в качестве нефилософского компонента могут выступать компонент теологический, компонент художественный, компонент идеологический, компонент этический и т. п. «Кентавровые» философские проблемы в действительности весьма многообразны.)

Как показывает соответствующий анализ, «кентавровые» философские проблемы возникают в результате взаимодействия и взаимопроникновения актуально сосуществующих философии, с одной стороны, и специальных наук, с другой стороны. В качестве примеров философских проблем такого рода укажу на комплекс философских вопросов естествознания, который включает многообразные философские вопросы физики, космологии, астрономии, биологии и т. п. Главная особенность философских проблем такого рода состоит в том, что их более или менее адекватная формулировка и квалифицированное обсуждение (и тем более решение!) требует от соответствующих субъектов познания, так сказать, двойной компетентности: и собственно философской, и специально научной. Либо – другой, более реалистичный вариант – в качестве субъектов познания, формулирующих и обсуждающих (решающих) философские проблемы такого типа, должны выступать коллективы, включающие в свой состав и профессиональных философов, и представителей соответствующей специальной науки. Только такие субъекты познания смогут адекватно

вычленять из «кентавровой» философской проблемы компонент собственно философский, формулируемый на языке философии, и, соответственно, компонент специально-научный, формулируемый на языке данной специальной науки. Только такие субъекты познания, в принципе, способны адекватно, когерентно соединять указанные компоненты подобных философских проблем. Стоит ли говорить о высокой сложности и значимости философских проблем такого рода. Стремительное, революционное развитие многих специальных наук в двадцатом и в двадцать первом столетиях чрезвычайно актуализировало потребность в квалифицированном обсуждении и решении многих проблем этого типа. Речь идет, в частности, об обсуждении философских проблем, связанных с развитием квантовой и релятивистской физики, генной инженерии, современных нейронаук, биотехнологий, с взрывообразным развитием разнообразных систем искусственного интеллекта и т. д.

Добавлю, что очень интересные примеры именно «кентавровых» философских проблем мы находим в указанных выше работах К.Р. Поппера. Как известно, он склонялся к мнению, согласно которому «чисто» философских проблем не существует. Более того, он полагал, что «чем чище становится философская проблема, тем больше она теряет свое первоначальное значение и тем быстрее ее обсуждение вырождается в пустую словесную эквилибристику» (Поппер, 2004: 129). В частности, как уже отмечалось, Поппер считал, что корни, истоки большинства подлинных философских проблем лежат в области достижений и трудностей специальных наук: математики, механики, физики и т. д. Так, например, Поппер полагал, что «центральное философское учение» Платона, то есть его знаменитую теорию форм или идей, невозможно понять «вне контекста критической проблемной ситуации, возникшей в греческой науке <...> в результате открытия иррациональности квадратного корня из двух» (Поппер, 2004: 130, 131). В данном случае Поппер имеет в виду драматическую не только для античной математики историю, связанную с открытием древнегреческими математиками несоизмеримости геометрических отрезков, с открытием иррациональных чисел (см. об этом подробнее: (Гайденко, 2009)). Надо признать, что Поппер аргументирует это свое весьма ответственное предположение оригинально и достаточно убедительно (Поппер, 2004: 131-151). Тем не менее, некоторые сомнения в том, что грандиозное объективно-идеалистическое учение Платона со всей его многообразной философской проблематикой целиком выросло из драматического осознания Платоном факта «иррациональности квадратного корня из двух» все же остаются.

Здесь уместно вспомнить замечательную работу В.С. Соловьева «Жизненная драма Платона». В этой работе философ, который сам занимался переводами сочинений Платона, размышляет в том числе и над проблемой истоков своеобразия философских взглядов великого грека. И приходит к интересному и весьма значимому для нас выводу, согласно которому объективно-идеалистическая философия Платона имеет своим истоком трагическую смерть его учителя, «лучшего из людей», Сократа, казненного, как известно, по приговору «законного» суда. В.С. Соловьев, описывая удивление и глубокое возмущение, охватившее в связи с этой трагедией молодого Платона, писал: «Тот мир, в котором праведник (Сократ. – В.Ф.) должен умереть за правду, не есть настоящий, подлинный мир». И далее, реконструируя логику философских размышлений Платона, Соловьев отмечал: «Существует другой мир, где правда живет». «Вот, – провозглашает русский философ, – действительное жизненное основание для Платонова убеждения в истинно существующем идеальном космосе, отличном и противоположном призрачному миру чувственных явлений» (Соловьев, 1991: 188). Мне представляется, что позиция В.С. Соловьева более убедительна, чем подход К.Р. Поппера. Кстати, и сам К.Р. Поппер в других своих сочинениях, в частности в книге «Открытое общество и его враги» (Поппер, 1992), оценивает истоки воззрений и проблематики философии Платона не столь однозначно и узко, как он делает это в статье

«Природа философских проблем и их корни в науке», но связывает их в том числе с современной для Платона кризисной социально-политической ситуацией.

Другой пример, с помощью которого К. Поппер иллюстрирует свой подход, касается особенностей и проблематики философии И. Канта (см.: (Поппер, 2004: 152-157)). При этом Поппер не без оснований полагает, что идейная основа и важнейшие проблемы «Критики чистого разума» были инициированы убежденностью Канта, да и всех его просвещенных современников, в истинности ньютоновской механики, его убежденностью в том, что законы этой механики дают нам всеобщее и необходимое знание. Соответственно, И. Кант в своей великой книге поставил, полагал Поппер, перед собой задачу философски обосновать возможность существования такого знания. В принципе, и этот пример достаточно показателен. Он действительно подтверждает отстаиваемую Поппером позицию, согласно которой многие подлинные философские проблемы проистекают из попыток философского осмысления достижений и трудностей тех или иных специальных наук. – Многие! – Но далеко не все! В частности, из трудностей и достижений современной Канту науки (классической механики, прежде всего) проистекают далеко не все философские проблемы, которые сформулировал и пытался решить в своей философии И. Кант. В том числе обсуждаемый вывод К.Р. Поппера сомнителен по отношению к проблемам, представленным в философии религии И. Канта, в его этике, в его эстетике.

По всей видимости, К. Поппер, возводя истоки философских проблем в первую очередь к трудностям и достижениям специальных наук, прав по отношению только к одному из типов философских проблем, по отношению к «кентавровым» философским проблемам. Для понимания истоков и природы двух других типов такого подхода явно недостаточно. Скорее всего, эвристического потенциала этого подхода недостаточно для понимания истоков и природы «временно» философских проблем. Тем более его недостаточно для понимания происхождения и особенностей философских проблем третьего типа: фундаментальных философских проблем.

Природа и значимость «фундаментальных» философских проблем

Прежде чем начать обсуждение этого вопроса, я должен сформулировать в некотором смысле очевидный, но совершенно необходимый на данной стадии размышлений тезис: природа философских проблем определяется природой философии. Впрочем, не менее справедливым представляется и утверждение, обратное данному тезису: природа философии в значительной мере определяется природой философских проблем. Сами по себе эти тезисы вряд ли будут оспорены. Но множество трудноразрешимых вопросов возникает, если мы попытаемся воспользоваться логикой этих тезисов для прояснения природы философских проблем. Ведь для этого необходимо, хотя бы в общих чертах, раскрыть природу самой философии!

Конечно, было бы самонадеянно ставить перед собой задачу раскрыть здесь природу философии. Это – задача чрезвычайно сложная, объемная и, так сказать, совечная самой философии. О природе философии философы будут размышлять, пока будет существовать сама философия, так что я не претендую здесь на особую оригинальность. Хорошо известно, что в философской литературе представлены самые различные толкования природы философии (см. об этом, например: (Виндельбанд, 1995) (Конт-Спонвиль, 2012) (Ортега-и-Гассет, 1991) (Трубников, 2001)). Из множества толкований философии я выберу два, наиболее адекватных для обсуждаемого в данной статье вопроса. А именно: при рассмотрении природы «временно» философских проблем и «кентавровых» философских проблем я буду исходить из предположения, что философия – это особая наука. А при обсуждении природы «фундаментальных» философских проблем я буду предполагать, что философия – это особый тип мировоззрения. Принимая два только что указанных понимания философии, я тем самым

признаю, что философия одновременно обладает и чертами особой науки, и характеристиками особого мировоззрения.

Понятно, что если признать философию особой наукой, например, вслед за марксистами признать философию наукой о наиболее общих законах природы, общества и мышления, то тогда философские проблемы – это разновидность научных проблем. Надо сразу сказать, что такое понимание природы философских проблем вполне согласуется со сказанным выше о природе и «временно» философских проблем, и «кентавровых» философских проблем. В таком случае философские проблемы, являясь особой разновидностью научных проблем, в некотором смысле однородны с проблемами специальных наук. Поэтому они (философские проблемы) могут, с одной стороны, естественным образом перерастать, трансформироваться в ходе развития философии и специальных наук в проблемы специально-научные. С другой стороны, некоторая однородность так понимаемых философских проблем с проблемами специально-научными позволяет философским проблемам образовывать различного рода симбиозы, гибриды с проблемами различных специальных наук.

Соответственно, если признать философию особым типом мировоззрения, например, определить ее как максимально рационализированное мировоззрение, то философские проблемы – это в первую очередь именно мировоззренческие проблемы. (Замечу в скобках, что понимание философии в качестве максимально рационализированного мировоззрения я развиваю на протяжении многих лет. Об этом, в частности: (Финогентов, 2009: 57-83).) Такие философские проблемы, которые по сути и по происхождению являются мировоззренческими, я и называю «фундаментальными» философскими проблемами. Именно они образуют третий из выделяемых мной типов философских проблем. Именно они, по моему убеждению, составляют сердцевину проблематики современной философии. Соответственно, именно они и делают современную философию философией.

Разумеется, квалификация фундаментальных философских проблем в качестве мировоззренческих не определяет однозначно их природы, и тем более их перечня. Тем не менее, такая их квалификация дает значимые ориентиры для поиска ответов на эти вопросы. Действительно, она позволяет, в частности, отчетливо «развести» фундаментальные философские проблемы, с одной стороны, и самые фундаментальные проблемы специальных наук, с другой. Все-таки мировоззренческие проблемы и проблемы специальных наук – это проблемы, так скажем, разных весовых категорий и разного содержательного наполнения. В свою очередь, этот факт подчеркивает автономность, самоценность философии, которые ставятся под сомнение нынешними наследниками позитивизма. Что касается перечня фундаментальных философских (мировоззренческих) проблем, то задачу его уточнения можно в известной мере решить эмпирически: путем сравнения перечней таких проблем, представленных в работах выдающихся мыслителей.

Значительный интерес в этом плане представляет широко известный перечень фундаментальных философских проблем, предложенный И. Кантом: 1) что я могу знать? 2) что я должен делать? 3) на что я смею надеяться? 4) что такое человек? (Кант, 1980: 332). Знакомство с этим перечнем показывает, что проблемы, в нем присутствующие, являются фундаментальными и конституирующими, соответственно, для гносеологии (1), для аксиологии и социальной философии ((2) и (3)), для философской антропологии (4). Не вызывает сомнения также мировоззренческий характер проблем, перечисленных великим мыслителем. Все указанные им вопросы напрямую касаются важнейших для всякого мировоззрения проблем: проблемы происхождения и сущности человека, проблемы его познавательных и преобразовательных возможностей, проблемы перспектив человека и человечества... По всей видимости, И. Кант, составляя этот свой список основополагающих философских проблем, не стремился охватить все проблемное поле философии. Во всяком

случае, очевидно, что в этом списке онтологическая проблематика, несомненно, важнейшая для философии, присутствует лишь опосредованно.

Интерес в обсуждаемом контексте представляет позиция современного французского философа, Андре Конт-Спонвиля. Он пишет о том, что существует «главный вопрос философии», настолько важный, что на его основе можно дать определение философии. «Вопрос этот – как жить?» (Конт-Спонвиль, 2012: 663). Любопытно, что эта позиция А. Конта-Спонвиля перекликается со знаменитым рассуждением А. Камю. Начиная свой «Миф о Сизифе», А. Камю, писал: «Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями, – второстепенно» (Камю, 1990: 24). Очевидно, что так эмоционально сформулированный А. Камю «фундаментальный вопрос философии» действительно является центральной мировоззренческой проблемой, проблемой, вокруг которой кристаллизуются, по сути, все остальные мировоззренческие проблемы, являющиеся одновременно фундаментальными философскими проблемами. Правда, А. Камю, на мой взгляд, вряд ли стоило противопоставлять этот «фундаментальный вопрос философии» другим ее фундаментальным проблемам и даже несколько принижать значимость этих «других» фундаментальных проблем философии. В самом деле, для того чтобы более или менее обоснованно ответить на вопрос: «Стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить?», нам придется, хотим мы этого или не хотим, привлечь многие другие серьезнейшие философские (мировоззренческие) проблемы: вопрос о природе действительности, вопрос о месте человека в мире, вопрос о его познавательном и преобразовательном потенциале и т. д.

Кстати, здесь уместно будет сказать, что характерной чертой всех мировоззренческих (фундаментальных философских) проблем является их глубинная взаимосвязь и взаимопроникновение. Иначе говоря, всякая попытка более или менее серьезного обсуждения любой из мировоззренческих (фундаментальных философских) проблем требует соответствующего обсуждения всех других мировоззренческих (фундаментальных философских) проблем. Соглашусь в этом плане с В.П. Прытковым. Раскрывая важнейшие характеристики философских проблем, В.П. Прытков пишет о «голографической связности» философских проблем друг с другом (по принципу «все со всем») (Прытков, 1998: 704). Он вполне справедливо утверждает, что в каждой фундаментальной философской проблеме в определенном смысле содержатся все остальные фундаментальные философские проблемы. Можно предположить, что именно по этой причине прогресс в решении таких проблем осуществляется столь низкими темпами.

Добавлю еще, что, в отличие от «временно» философских проблем и «кентавровых» философских проблем, которые или переформулируются на языке соответствующей специальной науки («временно» философские проблемы), или частично формулируются на таком языке («кентавровые» философские проблемы), фундаментальные философские проблемы непременно, пусть не всегда удачно, формулируются именно на языке философии. О них вполне обоснованно можно сказать так: фундаментальные философские проблемы – это мировоззренческие проблемы, сформулированные на языке философии.

Подчеркну также, что проблематика, относящаяся к миру вещей и процессов, принадлежит специальным наукам и в определенной мере «временно» философским проблемам и «кентавровым» философским проблемам. В отличие от них, фундаментальные философские проблемы преимущественно сориентированы на мир ценностей и смыслов, а также на раскрытие отношения человека к этому миру. Хорошо на эту тему сказал Н.А. Бердяев: «Философия <...> есть творческое осознание духом смысла человеческого существования» (Бердяев, 1994: 236). Поэтому, в отличие от «временно» философских и «кентавровых» философских проблем, так или иначе пересекающихся, как мы видели,

с проблематикой специальных наук, «фундаментальные» философские проблемы в большей степени пересекаются с проблематикой других типов мировоззрения, прежде всего, с проблематикой религиозного и мифологического мировоззрений.

Заключение

В ходе осуществленного в статье анализа показано, что разные типы философских проблем отличаются друг от друга и характером своего происхождения, и ролью, которую они играют в философских построениях. Так, «временно» философские проблемы возникают, когда в лоне философии, играющей в данном случае роль преднауки, формируются новые специальные науки. Каждая такая проблема существует до тех пор, пока формирующаяся специальная наука не обретает способность отчетливо переформулировать эту проблему на своем языке. Поскольку процесс появления новых специальных наук продолжается в наши дни и, наверное, продолжится в будущем, постольку изменяющиеся наборы «временно» философских проблем, видимо, являются постоянным спутником развивающейся философии. «Кентавровые» философские проблемы формируются в результате взаимодействия и взаимопроникновения актуально сосуществующих философии, с одной стороны, и специальных наук, с другой стороны. Вследствие стремительного, революционного развития многих естественных наук в последние сто пятьдесят лет актуальность и высокая значимость таких проблем для современной философии сомнений не вызывает. Что касается фундаментальных философских проблем, то они образуют, так сказать, твердое ядро философии на всех этапах ее развития. Они являются конституирующей, инвариантной составляющей самых разных философских построений. По своей сути и по своему происхождению такие проблемы являются мировоззренческими проблемами. Фундаментальные философские проблемы – это мировоззренческие проблемы, сформулированные на языке философии.

Литература

- Айер, А. Дж. (2010), *Язык, истина и логика*, общ. ред. Суровцев, В. А., Канон+, Москва. EDN: TNSDZL
- Бердяев, Н. А. (1994), *Философия свободного духа*, Республика, Москва. EDN: TJMLWL
- Вайсман, Ф. (2001), «Как я понимаю философию», *Путь в философию: Антология*, ПЕР СЭ; Университетская книга, Москва; Санкт-Петербург, 42-61.
- Виндельбанд, В. (1995), «Что такое философия (О понятии и истории философии)», *Виндельбанд, В. Избранное: Дух и история*, пер. с нем., Юрист, Москва, 22-58.
- Витгенштейн, Л. (1994), *Философские работы. Ч. 1*, пер. с нем. Козлова, М. С. и Асеев, Ю. А., Гнозис, Москва.
- Гайденко, П. П. (2009), *История греческой философии в ее связи с наукой*, ЛИБРОКОМ, Москва.
- Камю, А. (1990), *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*, пер. с фр., Политиздат, Москва.
- Кант, И. (1980), «Логика. Пособие к лекциям», *Кант, И. Трактаты и письма*, пер. с нем., Наука, Москва, 319-504.
- Карнап, Р. (2001), «Преодоление метафизики логическим анализом языка», *Путь в философию: Антология*, ПЕР СЭ; Университетская книга, Москва; Санкт-Петербург, 66-78.
- Конт-Спонвиль, А. (2012), *Философский словарь*, перевод с французского Головина, Е. В., Этерна, Москва. EDN: PFFOLU
- Ортега-и-Гассет, Х. (1991), «Что такое философия?», *Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия?*, Наука, Москва, 51-191.
- Поппер, К. (2001), «Какой мне видится философия», *Путь в философию: Антология*, ПЕР СЭ; Университетская книга, Москва; Санкт-Петербург, 123-136.
- Поппер, К. Р. (1992), *Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона*, пер. с англ. под общ. ред. Садовского, В. Н., Феникс; Междунар. фонд «Культурная инициатива», Москва.

Поппер, К. Р. (2004), «Природа философских проблем и их корни в науке», *Поппер, К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания*, пер. с англ. Никифоров, А. Л. и Новичкова, Г. А., АСТ; Ермак, Москва, 119-167.

Прытков, В. П. (1998), «Проблема», *Современный философский словарь*, ПАНПРИНТ, Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск, 701-705.

Соловьев, В. С. (1991), «Жизненная драма Платона», *Соловьев, В. С. Философия искусства и литературная критика*, Искусство, Москва, 161-211.

Трубников, Н. Н. (2001), «Философская проблема. Ее гуманистические основания и критерии», *Путь в философию: Антология*, ПЕР СЭ; Университетская книга, Москва; Санкт-Петербург, 416-431.

Финогентов, В. Н. (2009), *Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры*, ЛИБРОКОМ, Москва. EDN: QXXVMJ

Финогентов, В. Н. (2023), *Будущее: наше и не наше: Философская мозаика*, Каргуш, Орёл.

Шлик, М. (2001), «Будущее философии», *Путь в философию: Антология*, ПЕР СЭ; Университетская книга, Москва; Санкт-Петербург, 66-78.

References

Ayer, A. J. (2010), *Yazyk, istina i logika* [Language, truth and logic], translated from English by Surovtsev, V. A. (ed.) and Tarabanov N. A., Kanon+, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: TNSDZL

Berdyayev, N. A. (1994), *Filosofiya svobodnogo dukha* [The philosophy of the free Spirit], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: TJMLWL

Camus, A. (1990), *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [A rebellious person. Philosophy. Politics. Art], translated from French, Politizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Carnap, R. (2001), “Overcoming Metaphysics by Logical Analysis of Language”, *Put v filosofiyu. Antologiya* [The Way to Philosophy. Anthology], Per Se; Universitetskaya kniga, Moscow; Saint Petersburg, Russia (in Russ.), 66-78.

Comte-Sponville, A. (2012), *Filosofskiy slovar* [Philosophical Dictionary (Dictionnaire philosophique)], translated from French by Golovina, E. V., Eterna, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: PFFOLU

Finogentov, V. N. (2009), *Religioznyy renessans ili filosofiya gumanizma? Mirovozzrencheskiy vybor sovremennoy kultury* [A religious renaissance or a philosophy of humanism? The worldview choice of modern culture], ЛИБРОКОМ, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QXXVMJ

Finogentov, V. N. (2023), *Budushchee: nashe i ne nashe: Filosofskaya mozaika* [The Future: Ours and Ours Not: A Philosophical Mosaic], Kartush, Orel, Russia (in Russ.).

Gaydenko, P. P. (2009), *Istoriya grecheskoy filosofii v eyo svyazi s naukoym* [The history of Greek philosophy in relation to science], ЛИБРОКОМ, Moscow, Russia (in Russ.).

Kant, I. (1980), “Logic. Lecture Guide”, *Traktaty i pisma* [Treatises and letters], translated from German, Nauka, Moscow, URRS (in Russ.), 319-504.

Ortega y Gasset, J. (1991), “What is philosophy?”, *Ortega y Gasset, J. Chto takoe filosofiya?* [Ortega y Gasset, J. What is philosophy?], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.), 1-191.

Popper, K. (2001), “How I see philosophy”, *Put v filosofiyu. Antologiya* [The Way to Philosophy. Anthology], Per Se; Universitetskaya kniga, Moscow; Saint Petersburg, Russia (in Russ.), 123-136.

Popper, K. R. (1992), *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona* [The Open Society and Its Enemies. Vol. 1: The Charms of Plato], Translated from English under the general ed. of Sadovsky, V. N., Feniks; International Foundation “Kulturnaya initsiativa”, Moscow, Russia (in Russ.).

Popper, K. R. (2004), “The Nature of Philosophical Problems and Their Roots in Science”, *Popper, K. R. Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya* [Popper, K. R. Assumptions and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge], translated from English by Nikiforov, A. L. and Novichkova, G. A., AST, Ermak, Moscow, Russia (in Russ.), 119-167.

Prytkov, V. P. (1998), “The Problem”, *Sovremenny filosofskiy slovar* [Modern Philosophical Dictionary], PANPRINT, London; Frankfurt am Main; Paris, Luxembourg; Moscow; Minsk (in Russ.), 701-705.

Schlick, M. (2001), “The Future of Philosophy”, *Put v filosofiyu. Antologiya* [The Way to Philosophy. Anthology], Per Se; Universitetskaya kniga, Moscow; Saint Petersburg, Russia (in Russ.), 66-78.

Solovyov, V. S. (1991), “Platos Life Drama”, *Solovyov, V. S. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Solovyov, V. S. Philosophy of Art and Literary Criticism], Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.), 161-211.

Trubnikov, N. N. (2001), “A philosophical problem. Its humanistic foundations and criteria”, *Put v filosofiyu. Antologiya* [The Way to Philosophy. Anthology], Per Se; Universitetskaya kniga, Moscow; Saint Petersburg, Russia (in Russ.), 416-431.

Waismann, F. (2001), “How I Understand Philosophy”, *Put v filosofiyu. Antologiya* [The Way to Philosophy. Anthology], Per Se; Universitetskaya kniga, Moscow; Saint Petersburg, Russia (in Russ.), 42-61.

Windelband, W. (1995), “What is Philosophy (On the Concept and History of Philosophy)”, *Windelband, W. Izbrannoe: Dukh i istoriya* [Windelband, W. Selected Works: The Spirit and History], translation from German, Yurist, Moscow, Russia (in Russ.), 22-58.

Wittgenstein, L. (1994), *Filosofskie raboty. Ch. I* [Philosophical Works. P. 1], translated from German by Kozlova, M. S. and Aseev, Yu. A., Gnozis, Moscow, Russia (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Финогентов Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина, ул. Генерала Родина, д. 69, г. Орёл, 302019, Российская Федерация; v_fin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Valeriy N. Finogentov, Doctor of Philosophy, Professor, Department of History, Philosophy and Russian, Parakhin Orel State Agrarian University, 69 Generala Rodina St., Orel, 302019, Russian Federation; v_fin@mail.ru

УДК 141.82 + 111.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-2

Леготин М. С.

**Событие в онтологии диалектического материализма:
от клинамена к аperiodическим структурам**

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Букирева, д. 15; г. Пермь, Российская Федерация;
max.legotti@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обоснованию концепта «событие» как онтологического механизма порождения нового в диалектическом материализме. Проблема исследования – парадокс развития, сформулированный В.В. Орловым: из чего и каким образом возникает новое содержание высшей ступени развития материи, если оно не присутствует в низшей ни актуально, ни как скрытая потенция? Актуальность определяется тем, что ни советский диамат («сплошной» или пленистический материализм, исключающий онтологическую пустоту), ни западный марксизм не дают механизма развития: первый телеологически постулирует его, второй лишь констатирует его контингентность. Новизна подхода состоит в том, что событие мыслится имманентным онтологии материи – как сингулярная актуализация структурной возможности, заданной расколом бытия и небытия. Методологически статья сочетает анализ историко-философских источников (атомизм Демокрита и Эпикура, концепт δέν, клинамен, платоновский додекаэдр) с конкретно-научным материалом (купол Нортонa, аperiodические мозаики Пенроуза, гипотеза квазикристаллов пространства-времени). Результат: аperiodичность – отсутствие трансляционной симметрии – обосновывается как всеобщее свойство материи, делающее возможным качественное развитие; δέν Демокрита читается как онтологический коррелят этого свойства. Вывод: введение концепта события в категориальный аппарат диалектического материализма восполняет пробел, который не устранялся рассмотрением развития как атрибута материи.

Ключевые слова: событие; диалектический материализм; аperiodичность; клинамен; δέν; парадокс развития; пустота

Для цитирования: Леготин, М. С. (2026), «Событие в онтологии диалектического материализма: от клинамена к аperiodическим структурам», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 17-26. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-2

M. S. Legotin

**An Event in the Ontology of Dialectical Materialism:
From the Clinamen to Aperiodic Structures**

Perm State National Research University,
15 Bukirev St., Perm, 614068, Russian Federation;
max.legotti@gmail.com

Abstract. This article proposes the concept of 'event' as the ontological mechanism of the emergence of the new in dialectical materialism. The central problem is the development paradox formulated by V. V. Orlov: if new content is present at a lower stage of material development, how does it arise at a higher stage if it is not present in the lower stage, either actually or as a hidden potency? Neither Soviet diamat – a 'plenary' materialism that excludes structural void – nor Western Marxism provides a satisfactory mechanism: the former postulates development teleologically, the latter merely registers contingency. The novelty of the approach lies in treating the event as immanent to the ontology of matter – as the singular actualization of a structural possibility defined by the split of being and non-being. The article combines analysis of historical-philosophical sources (Democritus's and Epicurus's atomism, the concept of δέν, clinamen, Plato's dodecahedron) with concrete scientific material (Norton's Dome, Penrose aperiodic tilings, the spacetime quasicrystal hypothesis). The main result is that aperiodicity – the absence of translational symmetry – is established as a universal property of matter enabling qualitative development. Democritus's δέν is read as the ontological correlate of this property. The conclusion is that introducing the event concept into the categorical apparatus of dialectical materialism fills a gap left open by the treatment of development as an attribute of the matter.

Keywords: event; dialectical materialism; aperiodicity; clinamen; δέν; paradox of development; void

For citation: Legotin, M. S. (2026), "An Event in the Ontology of Dialectical Materialism: From the Clinamen to Aperiodic Structures", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 17-26. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-2

Введение

Диалектический материализм и материалистическая диалектика – это две разные традиции, и это различие принципиально для понимания задачи настоящей статьи. Диамат представляет собой «сплошной», или «пленистический» материализм: материя полагается как позитивная субстанция с исчерпывающими атрибутами; противоречие всегда уже движется к снятию в поступательном развитии (отсюда возможные обвинения в телеологизме, следующем из «гарантированности» прогресса); пустота здесь исключается. Западный марксизм использует термин «материалистическая диалектика» по множеству причин: дистанцирование от «советской ортодоксии» и возврат к Марксу, отказ от онтологизации категорий и натурфилософии и т. д. Но значимым для нас является именно допущение материалистической диалектикой произвольных разрывов, выраженное в алеаторном материализме позднего Альтюссера, пустоте в топологической философии Лакана, переходящей в попытке Жижека переосмыслить понимание материи в связи с квантовой физикой (Žižek, 2012), математической онтологии Бадью и т. п. Если синтез этих традиций возможен, то от нас требуется понять, какие теоретические задачи решает каждая из них, и где именно они сходятся. Как мы полагаем, такую задачу представляет собой объяснение появления нового, разрешение парадокса развития. Статья стремится дать онтологическое обоснование тому, что структурная пустота имманентна материи, и ее включение в систему категорий способно раскрыть механизм развития через сингулярные актуализации – событийно.

Основная часть

В своей книге В.В. Орлов формулирует парадокс развития. «В самой мысли о возникновении высшего из низшего заключен парадокс, который обходится в упрощенных

изложениях диалектики. Констатируя феномен развития (который с полной определенностью фиксируется уже последовательностью основных объектов науки – физического, химического, биологического и социального), мы должны признать, что высшее содержит в себе некоторое новое содержание, некоторое приращение сложности, отсутствующее в низшем. Без признания этого содержания идея развития теряет всякий смысл. Но в то же время, допуская именно развитие высшего из низшего, мы должны заключить, что добавочная сложность не могла появиться откуда-либо, кроме как из низшего. Однако в низшем этого содержания не может быть, ибо иначе не было бы самого факта развития. И т. д. Коренная проблема развития заключается в том, откуда берется новое содержание, которого не было в низшей ступени развития?» (Орлов, 1974: 101). Отвергая объективно-идеалистическое решение – возникновение конкретного из абстрактного, единичного – из бытия вообще, он настаивает, что феномен развития дан как «возникновение одного конечного, определенного из другого конечного и определенного» (Орлов, 1974: 112). Теоретическое снятие парадокса по Орлову предполагает рассмотрение развития как всеобщего, изначального и невыводимого атрибута материи как таковой: «материя не есть нечто законченное и застывшее, а находится в непрерывном становлении. Обладая общей определенностью и постоянством своих всеобщих свойств, материя в пределах этой общей определенности и свойств находится в вечном процессе развития, роста богатства содержания. В этом смысле материя есть единство определенности и изменчивости, бытия и включенного в него небытия, законченности и становления» (Там же). Несмотря на то, что решение многое проясняет относительно имманентной процессуальной сущности материи, формулируя движущий принцип, согласно которому ее наблюдаемые формы «а, b, с» различаются, и «а» переходит в «b», нам представляется, что оно упускает из виду собственно механизм различения и перехода. Так, утверждающий, будто живой природе свойственно изменяться и в ней происходит видообразование, будет прав, но это окажется лишь половиной дела – останутся не проясненными эволюционная направленность, отбор, наследственность и т. д.

Мы приходим к выводу, что если реальная материя, представленная как конечное сущее, абсолютна в своем различии (которое оказывается самим собой – различием, в отношении себя, без отношения к чему либо еще, даже к бытию (Платон, 2017: 239)), то этот Абсолют оказывается хрупким (Сюткин, 2025) – в отличие от гегелевского, его содержание не дано в завершенном виде, но актуализируется в завершении и заполнении раскола, противоречия между бытием различия и небытием, реализованными формами и их структурными возможностями, большая часть которых осталась нереализованными (Орлов, 1974: 238-239). Если бы различие только оставалось собой, но не было бы как нечто иное, то не было бы и моментов возникновения и уничтожения, образующих становление – многообразие конкретного материального мира. Тогда абсолютной оказывается и нереализованность, небытие, не принадлежащее и не включенное в бытие (иначе могла бы быть материя, лишившаяся развития как своего атрибута). Реализация возможности – такое изменение, которое не предполагалось уже реализованной формой движения, проявление которого определялось существующей необходимостью, но как таковое оно оказывается изменением случайным, сингулярным, отделяющим множество *до* от другого множества *после*, или ничем иным, как *событием*.

Исследование вынуждает нас обратиться к истокам материалистической онтологии – к античному атомизму, в котором уже в зародыше содержится интуиция, принципиально важная для нашего аргумента. Показательно, что именно здесь, в самом начале материалистической традиции, проблема возникновения нового оказывается вписана в ткань языка. Отделение от «μηδέν» или «οὐδέν» отрицательной частицы образует у Демокрита термин «δέν», которым он характеризует атомы. По Плутарху: «μη μᾶλλον τό «δέν» ἢ τό «μηδέν» εἶναι» (нечто («ичто»))

существует не более, чем «ничто»). В древнегреческом «δέν», в отличие от русского «-что» без «ни-», не может рассматриваться как обозначение некой вещи, «чтойности», противопоставленной ничто, это просто ничто, лишенное своего отрицания – меньше, чем ничто, но более бытия («э́ν»); не одно, но и не вполне иное – расщепление слова для избегания обращения к бытию как единому и зависимости от него. Похоже, игры с языком и философская ирония появились задолго до так называемого постмодернизма, материализм начинается как нарушение языковой нормы, признание того, что выходит за пределы тождества логоса и бытия. «Дέν – чистое означающее, полученное неправильным разбиением (проявление неделимости?) μηδέν или οὐδέν, неправильным потому, что обычно подразумеваемая этимология (μηδ' ἔν или οὐδ' ἔν, “ни одно”) предполагает разбиение по ἔν, “одно”» (Кассен, 2015: 136). Чистое означающее «δέν» получает самостоятельность относительно бытия, поскольку не является более отрицанием чего-то иного, но скорее – неразличенностью бытия и иного, чем-то третьим. «Неинным», чем захватывающим отрицание и утверждение вместе, утверждающим нечто, отрицая его. «Атом появляется вместе с пустотой и, можно сказать, за счет различающей его пустоты. Негативность пустоты задает саму возможность атома. Или, в деконструктивном прочтении: расщепление – различание [différance] атома и пустоты» (Долар, 2018: 12).

Дέν как траектория актуализации абсолютной плотности и пустоты, самостоятельное бытие которых нельзя мыслить, становится движением атомов по траектории, производящим тело – следом, стирающим себя в произведенном. Если причиной мы называем то, чему наша априорная функция понимания приписывает изменение в органах чувств – некий объект или вещь саму по себе, предшествующую во времени этому изменению как следствию, – то «ничто» не есть бытие некой вещи; оно вне времени, существующего в порожденных им отношениях. Это то, как мы называем изменение чувственности, которому понимание не может сопоставить в качестве необходимого бытие некоего объекта, а именно – не-причина, случайность или отклонение.

*«Собственным весом тела изначальные в некое время
В месте неведомом нам начинают слегка отклоняться,
Так что едва и назвать отклонением это возможно.
Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,*

И ничего никогда породить не могла бы природа» (Лукреций, 1984: 65). – В этом широко известном среди мыслителей материалистического направления отрывке Лукреций описывает клинамен, самопроизвольное отклонение атомов, введенное Эпикуром. Клинамен связывался им со свободной волей и движениями иными, «разрушающими рока законы» (Лукреций, 1984: 66). В онтологии атомизма отклонение оказывается обосновано не больше, чем безосновность. Случай не снимает тем не менее предпосылок клинамена, поскольку не будь инобытия атоматочки – траектории прямой линии, причинности, отклонение не было бы возможным как бытие-для-себя, отдельность, исключенная из времени и пространства (Маркс, 1956: 174). Случайность одновременна себе самой, она не определена тем, что было до нее, она происходит без различия к потоку времени; ее появление ничем не обосновано, кроме недостаточности самого бытия, которое, таким образом, не единое, но дающее место прибавлению. Здесь можно установить связь между докторской диссертацией Маркса, посвященной различию между системами Демокрита и Эпикура, и его концепцией прибавочной стоимости: производственный цикл перестает быть сводим к обороту необходимых средств; равные стоимости в целом обмениваются на равные стоимости, но в этой системе появляется излишек, прерывающий ее цикличность, разрывающий сам смысл процесса, который теперь не свести к простому воспроизводству и отрывающий результат от

процесса. Произошедшее отклонение вызывает вопрос – откуда оно появилось и что с этим прибавлением делать, для чего использовать? Рабочая сила была потреблена, но уже не для необходимости процесса воспроизводства, а для самого возрастающего в-себе-вычитания как утверждения того, что цикл был «не всем». Происходит отклоняющееся падение производства как целого процесса в дифференцирующиеся и частичные формы. Клинамен вводит минимальную аperiodичность в саму структуру природы. Мир перестает быть системой, полностью описываемой повторением одной и той же схемы движения; в его основании возникает элемент нерегулярности, определяемой по отношению к повторению, благодаря которому возможны сложные формы организации.

Можно подумать, что только в естествознании двадцатого столетия случился поворот к индетерминизму, связанный с включением неопределенности в процессы, описываемые квантовой механикой. Но на деле даже классические законы движения Ньютона, которые обычно связывают с апофеозом детерминированного описания мира в механицизме, допускают беспричинные события. В частности, мысленный эксперимент «купол Нортон» предлагает модель точечной частицы (упрощая представим ее как шар), помещенной на вершину радиально симметричного купола. Пока шар неопределенно долго находится на вершине в точке неустойчивого равновесия, на него не действует никакая сила, смещающая его в одну из сторон, чтобы сила начала действовать, он в какой-то момент «вдруг» должен начать соскальзывать в одном из направлений. Как можно догадаться, существует бесконечно много решений и углов, под которыми он может скатиться вниз, как и бесконечно много вариантов траектории, по которой его можно закатить на вершину, невозможно предсказать какая траектория предшествовала ситуации. Не существует первого момента, в который шар нарушает равновесие и начинает движение, и нет никакой причины, вызывающей это движение, действие которой мы могли бы обнаружить в этом моменте. Этот контринтуитивный ответ не может быть отвергнут, поскольку не нарушает законов движения Ньютона. Получается, причинность в научных теориях, которые описывали материальный мир, с самого начала скорее подразумевалась здравым смыслом их интерпретаторов, чем следовала из их аксиоматики. Это «вдруг» за пределами пространства-времени может быть объяснено как становление самого пространства-времени, имеющего аperiodическую структуру, его измерение – не целое число, как одномерная линия, или двумерная плоскость, но обозначаемая дробным числом фрактальная размерность, образующая лакуны и места наложения разных противоречивых определенностей.

В любой системе, претендующей на бесшовное описание природных и социальных индивидов как машин, присутствуют точки (обычно сводимые к минимуму) в которых укрыто не учтенное – криволинейность, отклоняющаяся на бесконечно малую величину от проведенной касательной, мгновенность, сжимаемую сокращающимися, но счетными интервалами. Эта непоследовательность рассуждения, прыжок мысли для преодоления пропасти, которую она не способна перейти, подверглась критике со стороны Дж. Беркли, обратившего внимание, что в исчислении бесконечно малых Ньютона-Лейбница используются «хитрости» и «уловки», ведь «ни одна геометрическая величина не может быть никакими делениями или делениями делений совершенно исчерпана или сведена к нулю» (Беркли, 1978: 409). В доказательстве присутствует противоречие: одновременно считается доказанным, что «нет никакого приращения» и бесконечно малыми величинами можно пренебречь, но «сохраняется величина, которую вообще нельзя было получить, если бы не предположили наличие приращения» (Беркли, 1978: 418),

Таким образом, «исчезающе малое» не устраняется из описания природы, но обнаруживает себя как его неустранимое условие: математика фиксирует разрыв там, где здравый смысл постулирует непрерывность. Этот разрыв – не артефакт несовершенного аппарата, но след структурной нехватки самого бытия. Событие получает отсюда свое

онтологическое обоснование: оно есть не нарушение природного порядка, но выражение того, что порядок никогда не был полным. Перейдем теперь к вопросу о том, как эта структурная неполнота проявляется в конкретных формах природного морфогенеза.

Событие, предельно конкретное и случайное, даже выраженное в решении субъекта, на деле не более произвольно, чем носящие *статистический* характер законы физики и химии; единичное событие выступает в то же время и выражением абсолютного содержания материи, ее всеобщего необходимого свойства. В процессе развития происходит накопление определенных необходимостью количественных изменений, но в точке события происходит скачкообразный переход к новой форме движения, имеющей собственные законы; не появление чего угодно из ничего, но реализация небытия, уже включенного в бытие, формально определенного его расколом. Разбитое (*fractus*), не-целое, может быть достроено до целого либо частью иного, которого не существует до бытия, как самого этого процесса восполнения (если мы не примыслим некоторую идеальную сущность), либо самоповторением, но повторение того, что уже содержит разрыв формы, приводит к бесконечному воспроизведению разрыва, что и наблюдается в природном морфогенезе (система кровообращения, популяционная динамика, деревья, кристаллизация и другие многочисленные примеры). Поскольку мы называем такое повторение возрастанием, или даже развитием, в ходе которого появляется новое – материя, приобретающая новые формы и иной порядок движения-трансляции – морфогенез должен носить аperiodический характер.

Обратимся к диалогу «Тимей»: в нем Платон сопоставил каждому из правильных многогранников (так называемых платоновых тел) определенную стихию, но из них остался один – додекаэдр, который «...бог определил для вселенной и прибегнул к нему в качестве образца» (Платон, 1994: 459). Что интересно, особенностью додекаэдра является то, что ни его фигурой, ни стороной нельзя замостить пространство без пустот. Если элементарные тела должны составлять *весь* континуум, то они должны представлять собой либо куб, либо пирамиду (Платон, 1994: 460), форма одного элемента должна определять положение и форму всех последующих, как когда мы складываем коробки в ящик. Если же мы попытаемся повернуть то же самое с додекаэдром, то у такой мозаики не окажется трансляционной симметрии. То есть, некоторое время мы можем просто ставить одну грань к другой, в предопределенном порядке комбинирования, но периодически будет с необходимостью возникать момент, ситуация, когда приходится решить, как продолжить процесс, куда ставить следующий элемент, который определит новый порядок трансляции.

В правильном пятиугольнике, как известно, диагональ и сторона образуют золотое отношение, иррациональную величину. Когда додекаэдр разворачивают в плоскость, каждое линейное пересечение границы раскладки поворачивает путь на 36° – одну десятую полного оборота, потому что пятиугольник имеет ось симметрии пятого порядка. Через десять таких поворотов раскладка возвращается к исходной ориентации, но уже сдвинутой, а не совпавшей с собой. Поэтому есть бесконечно много замкнутых геодезических, возвращающихся в исходную вершину додекаэдра (Athreya, Aulicino, 2019). Именно это и делает его поверхность аналогом тора с иррациональным наклоном: возврат в исходную точку невозможен в силу алгебраического свойства числа, задающего угол наклона, позволяя вместить в замкнутое, конечное двумерное пространство, бесконечную линию. Это могло бы остаться всего лишь интересным фактом из истории философии, если бы в природном морфогенезе твердая аperiodическая структура не лежала в основе ДНК и белков, как это предсказал Эрвин Шрёдингер (Шрёдингер, 2002: 66-71).

Конкретно-научным подтверждением наших спекулятивных выводов могут послужить недавние работы в теоретической физике (Boyle and Mygdalas, 2026). Представления Эйнштейна о континуальном пространстве-времени из бесконечного числа точек не получалось совместить с квантовыми теориями: если пространство-время дискретно, состоит

из конечного числа элементов, «атомов», то такая структура должна задавать привилегированные направления, как кристаллическая решетка задает оси симметрии. Но ОТО требует равноправия всех направлений и систем отсчета. Также, движение в такой структуре должно соответствовать линиям упорядоченности решетки, но таковые (в соответствии с ОТО) были бы нарушены искривлением пространства относительно движущегося объекта. Именно это и делает дискретные подходы к квантовой гравитации проблематичными. Исследование Spacetime Quasicrystals, на которое мы ссылаемся, распространило идею изучавшихся в 1970-х годах Р. Пенроузом аперриодических мозаик (Penrose, 1974) и мозаик Амманна – Бинкера на геометрию пространства-времени. В частности, показано, что пространство-время Минковского может допускать структуры, обладающие свойствами квазикристалла. Иррациональность наклона «физического» подпространства по отношению к лоренцевой решетке (оно не должно проходить ни через одну точку решетки, кроме начала координат) – сообщает проекции ее аперриодический характер. Группа симметрии квазикристалла бесконечна – не задает привилегированных направлений в том смысле, в котором это делает решетка. Л. Бойль и С. Мигдалас прямо упоминают это как мотивацию. «Окно» проекции здесь выполняет онтологически значимую функцию: оно задает не содержание структуры, а условие ее возможности – внутреннее пространство, которое не является частью физической реальности квазикристалла, но полностью определяет распределение ее элементов. Лакуна, которую мы описывали как пустое пространство, определяющее форму действительного, получает в этой модели точный математический коррелят. Это дает наглядный физический аналог онтологической роли ничто в становлении материального мира.

Отсутствие трансляционной симметрии делает возможным не только количественное (множественность, возникновение и уничтожение), но и качественное (развитие, генезис сложных форм) различие как следствие структурного разнообразия. Трансляция без периодичности лишь частично определена ее предшествующими этапами, она образует лакуны, форма которых определена в том числе пустым пространством. И если бы что-либо заполняло их в приступе *hologram vacui*, повторение оставляло бы наложение того-же разрыва с неполной реализацией возможностей (могло быть многое, реализовалось – одно), приводя к появлению отдельного навязчивого провала, дыры в реализации бытия (Кольшек, 2014: 29-36). Как траектория точечной частицы, попавшей на вершину купола Нортон, не может быть предсказана, только ретроспективно описана как «возможная», так и субъект, конституированный расположенностью в событии, получает свободу «отклонения от прямой линии» – интерпретации законов природы для овладения ситуацией и принятия решения со знанием дела. Он, благодаря интеллекту и восприимчивости к событию, создает новые способы существования себя и материи, становясь фактором, способным «диалектически уравновешивать потенциальную избыточность предшествующих ступеней развития материи, “снимать” или реализовывать не реализуемые ранее фонды конструктивных возможностей» (Орлов, 1974: 240). Противоречие случайности и необходимости снимается в свободном производстве их как моментов другого. Человек, наиболее универсальная форма материи, одновременно «вытекает из самой природы материи, противоречия ее бытия и небытия» (Там же), то есть возникает расколотый материей и подобный ей, выражая «нехватку бытия», и в то же время – он сам становится продуктом раскола, «бытием нехватки» (Кольшек, 2014) – сущим, влечение которого также направлено на не-сущее, поскольку он продукт собственного труда. Он не только появился в результате события, но и производит себя как оно само, перманентная неопределенность, удержание нестабильного положения. Автоматизмы и инстинктивная определенность стремления, хотя и сохраняются в человеческом поведении как подчиненный низший уровень биологической организации, но уже отклоняются желанием – данным в событии представлением о возможном лучшем, верность которому может

выразиться в волевом усилии по целенаправленному изменению мира. Выраженная классиками философской антропологии «недостаточность», «незавершенность» (Гелен, 1988: 175-177) человеческой организации – его необходимость в создании собственного места и средств существования, не данных ему в готовом виде, – есть отражение незавершенности самой субстанции, продолжение ее тенденции развития как момента утраты различия в выходе за свои пределы. Человеческий способ существования – творчески создавать себя и материальные условия своего бытия, еще не существует, но должен постоянно реализовываться, как относительное бытие небытия, не наличное, но постоянно производимое в напряжении, удержании своего положения при постоянно претупаемой границе. «Изменяя бесконечную последовательность предшествующих форм материи» (Орлов, 1974: 240), он способен к развитию неограниченно, открывая новую «ветвь» бесконечности «вверх». Совпадение расколов внешнего и внутреннего, субстанции и субъекта – делает возможным их тождество как конечного существа, способного познавать и преобразовать бесконечный мир, снимать внутренние противоречия, примиряя противоречия самой материи.

Заключение

Мы можем теперь вернуться к парадоксу развития в его орловской формулировке и дать на него ответ. Возникающее новое содержание не присутствует в низшем ни актуально, ни как скрытая потенция, ожидающая раскрытия. Оно задано структурно – как форма отсутствия, определенная повторением раскола бытия, возвращением случайной реализации отклонения до тех пор, пока оно не станет реализацией новой регулярности; атом есть не тело, но траектория, производящая тела (Долар, 2018: 16). При этом событие остается сингулярным и незадаанным в момент своего возникновения – и лишь ретроактивно конституирует предшествующее как свое необходимое условие. Именно в этом смысле ни нидерландская, ни английская революции не были событиями в строгом смысле: они не артикулировали себя как универсальный принцип. Лишь Великая французская революция впервые провозгласила буржуазную свободу как всеобщее требование (а не привилегию сословия или нации) – и только в ее свете предшествующие случаи приобрели характер неизбежности, стали «необходимыми ступенями» того, что оказалось возможным лишь однажды. Введение концепта события в диалектико-материалистическую онтологию восполняет конкретный пробел в ее аргументативной структуре: то, что прежде констатировалось как факт развития, раскрыто как его имманентный механизм. Событие может быть понято как выражение фундаментальной диалектики материального мира, в которой необходимость и случайность, различие и ничто выступают как моменты.

Литература

- Беркли, Д. (1978), «Аналитик, или Рассуждение, адресованное неверующему математику», *Беркли, Д. Сочинения*, сост. и общ. ред. Нарского, И. С., Мысль, Москва, 395-442.
- Гелен, А. (1988), «О систематике антропологии», *Проблема человека в западной философии*, пер. с немецкого Филиппова, А. Ф., общ. ред. Попов, Ю. Н., Прогресс, Москва, 152-201. EDN: SIOLPD
- Долар, М. (2018), *Голос и ничего больше*, перевод Красовец, А., Издательство Ивана Лимбаха, Москва. EDN: XOYVZZ
- Кассен, Б. (ред.) (2015), *Европейский словарь философий. Лексикон непереводимостей. Том 1*, пер. с франц., Дух і літера, Киев.
- Кольшек, К. (2014), «Повторение пустоты и материалистическая диалектика», *Новое литературное обозрение*, 6, 29–36. EDN: UUQGRF
- Лукреций Кар, Т. (1984), *О природе вещей*, пер. с латинского Петровского, Ф. А., Художественная литература, Москва.
- Маркс, К. (1956), «Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии», *Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений*, Политиздат, Москва, 99-215.
- Орлов, В. В. (1974), *Материя, развитие, человек*, Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького, Пермь.

Платон (1994), «Тимей», *Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3*, пер. с древнегреч. Аверинцева, С. С., Мысль, Москва, 421-500.

Платон (2017), *Парменид*, пер. с древнегреч. Шичалин, Ю. А., Издательство РХГА, Санкт-Петербург.

Сюткин, А. С. (2025), «Против двойного онтологического шантажа: материалистическая диалектика между деконструкцией и спекулятивным реализмом», *Еще один*, 4(1), 73–83. DOI: 10.62988/2949-5202-2024-3-2-73-83

Шрёдингер, Э. (2002), *Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки*, пер. с англ. Малиновского, А. А. и Порошенко, Г. Г., под ред. Данилова, Ю. А., изд. 3-е, доп. и испр., Регулярная и хаотическая динамика, Москва, Ижевск.

Athreya, J. S. and Aulicino, D. (2019), “A trajectory from a vertex to itself on the dodecahedron”, *The American Mathematical Monthly*, 126(2), 161–162.

Boyle, L. and Mygdalas, S. (2026) *Spacetime Quasicrystals*, arXiv preprint arXiv:2601.07769 [Online], available at: <https://arxiv.org/pdf/2601.07769> DOI: 10.48550/arXiv.2601.07769

Penrose, R. (1974), “The Role of Aesthetics in Pure and Applied Mathematical Research”, *Bulletin of the Institute of Mathematics and Its Applications*, 10, 266–271.

Žižek, S. (2012), *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*, Verso, London.

References

Athreya, J. S. and Aulicino, D. (2019), “A trajectory from a vertex to itself on the dodecahedron”, *The American Mathematical Monthly*, 126(2), 161–162.

Berkeley, G. (1978) “The Analyst, or A Discourse Addressed to an Infidel Mathematician”, in *Sochineniya* [Works], comp. and general ed. by Narsky, I. S., Mysl, Moscow, USSR, 395–442 (in Russ.).

Boyle, L. and Mygdalas, S. (2026), *Spacetime Quasicrystals*, arXiv preprint arXiv:2601.07769 [Online], available at: <https://arxiv.org/pdf/2601.07769> DOI: 10.48550/arXiv.2601.07769

Cassin, B. (2015), *Evropeyskiy slovar filozofiy. Leksikon neperevodimostey. Tom 1* [European Dictionary of Philosophies: Lexicon of Untranslatables. Vol. 1], translation from French, Dukh i Litera, Kyiv, Ukraine (in Russ.).

Dolar, M. (2018), *Golos i nichego bolshe* [A Voice and Nothing More], translation by Krasovets, A., Izdatelstvo Ivana Limbakha, Saint Petersburg, Russia (in Russ.). EDN: XOYVZZ

Gehlen, A. (1988), “On the Systematics of Anthropology”, in *Problema cheloveka v zapadnoy filozofii* [The Problem of Man in Western Philosophy], Translation from German by Filippova, A. F., general editor Popov, Yu. N., Progress, Moscow, USSR (in Russ.).

Kolshek, K. (2014), “Repetition of the Void and Materialist Dialectics”, *New Literary Observer*, 6, 29–36 (in Russ.). EDN: UUQGRF

Lucretius Carus, T. (1984), *O prirode veshchey* [On the Nature of Things], translation from Latin by Petrovsky, F. A., Khudozhestvennaya literature, Moscow, USSR (in Russ.).

Marx, K. (1956), “Notebooks on the History of Epicurean, Stoic and Sceptical Philosophy”, in *Marx, K. and Engels, F. Iz rannikh proizvedeniy* [From Early Works], Politizdat, Moscow, USSR, 99–215 (in Russ.).

Orlov, V. V. (1974), *Materiya, razvitie, chelovek* [Matter, Development, Man], Perm State University Publishing House, Perm, USSR (in Russ.).

Penrose, R. (1974), “The Role of Aesthetics in Pure and Applied Mathematical Research”, *Bulletin of the Institute of Mathematics and Its Applications*, 10, 266–271.

Plato (1994), “Timaeus”, in *Sobranie sochineniy v 4 t. T. 3* [Collected Works in 4 vols. Vol. 3], translation from ancient Greek by Averintsev, S. S., Mysl, Moscow, Russia, 421–500 (in Russ.).

Plato (2017), *Parmenid* [Parmenides], translation from ancient Greek by Shichalin, Yu. A., Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Schrödinger, E. (2002), *Chto takoe zhizn? Fizicheskiy aspekt zhivoy kletki* [What is Life? The Physical Aspect of the Living Cell], Translated from English by Malinovsky, A. A., Poroshenko, G. G., Danilov, Yu. A. (ed.), 3rd edition, supplemented and corrected, Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika, Moscow, Izhevsk, Russia (in Russ.).

Syutkin, A. S. (2025), “Against Double Ontological Blackmail: Materialist Dialectics between Deconstruction and Speculative Realism”, *Another One*, 4(1), 73–83. DOI: 10.62988/2949-5202-2024-3-2-73-83 (in Russ.).

UK. Žižek, S. (2012), *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*, Verso, London,

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Леготин Максим Сергеевич, аспирант кафедры философии, Философско-социологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, д. 15; г. Пермь, 614068, Российская Федерация; max.legotti@gmail.com
ORCID: 0009-0004-4466-1959

ABOUT THE AUTHOR:

Maksim S. Legotin, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University, 15 Bukirev St., Perm, 614068, Russian Federation; max.legotti@gmail.com
ORCID: 0009-0004-4466-1959

УДК 141.319.8

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-3

Зайков О. В.

**Об особенностях и границах ума: философский взгляд
на христианское мышление**

Гуманитарный университет,
ул. Железнодорожников, д. 3, г. Екатеринбург, 620041, Россия;
olegza@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей формирования христианского мышления. Актуальность работы во многом определяется научно-техническим цивилизационным контекстом, в котором сакральные основания мышления человека теряются за общим «шумом» вещей, механизированных отношений и эффективностью производственных процессов. Возникновение «нечеловеческого интеллекта» в разнообразных версиях в который раз ставит вопрос о характере самого человеческого мышления, сотворенного по образу и подобию божественного, а следовательно, несущего в себе творческий потенциал создателя. И хотя для десакрализованного человечества присутствие Бога в душе и мире не является очевидным, это не отменяет того, что божественное присутствует и поддерживает человека в его интеллектуальных поисках. Христианское мышление с необходимостью предполагает наличие верующей в Бога души. Именно спасение души является целью христианской жизни, где мышление носит инструментальный характер средства, помогающего достижению этой цели. Познание Бога зачастую расценивается как дар некоторых избранных, святых, и потому для обычного человеческого мышления бывает неведомо, однако это не означает, что таковое невозможно. Умно-сердечная молитва дает надежду на божественную благодать и понимание происходящего в мире, а душа позволяет верить и повторять в памяти этот опыт. Христианское мышление, исходящее из существования Бога, принципиально отличается от новопроизведенных искусственных интеллектов, находящихся в плоскости технологий и не предполагающих доступа к трансцендентному миру.

Ключевые слова: христианское мышление; душа; христианские ценности; вера; свобода воли; память; Максим Исповедник

Для цитирования: Зайков, О. В. (2026), «Об особенностях и границах ума: философский взгляд на христианское мышление», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 27-36. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-3

O. V. Zaykov

**The Peculiarities and Limits of the Mind: The Formation
of Christian Thinking**

Humanitarian University,
3 Zheleznodorozhnikov St., Yekaterinburg, 620041, Russia;
olegza@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the formation of Christian thinking. The relevance of this study is largely determined by the scientific and technical civilizational context, in which the sacred foundations of human thinking are lost behind the general “noise” of things, mechanized relations and the efficiency of production processes. The emergence of “non-human intelligence” in various versions once again raises the question of the nature of human thinking itself, created in the image and likeness of the divine, and, therefore, carrying the creative potential of the Creator. And although the presence of God in the soul and the world is not obvious for desacralized humanity, this does not negate the fact that the divine is present and supports people in their intellectual quest. Christian thinking necessarily presupposes the presence of a soul that believes in God. It is the salvation of the soul that is the goal of Christian life, where thinking is instrumental in nature as a means of helping to achieve this goal. Knowledge of God is largely a gift to some chosen ones, saints, and therefore is usually unknown to traditional human thinking, however, this does not mean that it is impossible. Intelligent-hearted prayer gives hope for divine grace and understanding of what is happening in the world, and the soul allows one to believe and repeat this experience in memory. Christian thinking, based on the existence of God, is fundamentally different from newly produced artificial intelligences, which are in the plane of technology and do not imply access to the transcendental world.

Keywords: Christian thinking; soul; Christian values; faith; free will; memory; Maximus the Confessor

For citation: Zaykov, O. V. (2026), “The Peculiarities and Limits of the Mind: The Formation of Christian Thinking”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 27-36. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-3

Введение

В современном мире новые нечеловеческие сущности претендуют на наличие мышления, аналогичного человеческому, и соревнуются с ним. Вопросы влияния ИИ (искусственного интеллекта) на жизнь являются актуальной проблемой для общественности и ученых. Современные исследования предлагают различного рода тесты на определение/выявление искусственного мышления или интеллекта (Канаев и Дряева, 2024: 43-44). Наличие и многообразие таких тестов свидетельствует о том, что процесс человеческого мышления по сей день остается, с одной стороны, загадочным феноменом, а с другой – образцом, неопределенным эталоном, с которым сравнивается реальность интеллекта искусственного. На наш взгляд, в христианском понимании мышления есть весомый потенциал для прояснения столь сложного вопроса. В данной работе мы не ставим своей целью разграничить естественное мышление и искусственный интеллект, мы хотим показать важные допущения, которые исчезают из фокуса рассмотрения интеллекта, если находиться только на территории естественно-научного понимания ума.

Мышление с позиции естествознания – комплексное психофизиологическое явление, основанное на функционировании нейронных связей мозга, отражающее внешний мир и себя самого в духовных, идеальных образах. «Нейронаука изучает биологические механизмы, лежащие в основе формирования мыслительного опыта, включая электрохимические процессы в нейронных сетях: сети внимательности, связи между различными областями мозга, а также влияние физиологических и психологических состояний на процессы мышления» (Зайков, 2024: 42). В философском понимании мышление также является

специфическим познавательным свойством сознания, которое, однако, не просто отражает мир, но во многом его творит. Творческие силы сознания, проявленные в работе деятельного ума, обнаруживают свои практически безграничные ресурсы.

Отсюда не удивительна постановка вопроса о характере этого дивного инструмента – мышления, о самодостаточности или зависимости его деятельности, о врожденных структурах, организующих познавательную деятельность, и, собственно, о его Творце. Особенностью деятельностного и творческого характера мышления является то, что результаты его феноменальной активности объективируются, то есть становятся видимыми извне, и во многом творят мир, который находится вокруг нас. Особенно это касается таких откровенно-мыслительных сфер объективации, как наука и техника, где рациональности больше, чем во многих иных сферах социального бытия, во многом иррационального и аффективного, но тем не менее поддающегося мыслительным рефлексиям, а значит, потенциально переводимого в ранг осознанных и понятных феноменов. Однако, исходя только из рациональности и прагматичности, никак нельзя определить специфику самого мышления, его чудесный творческий потенциал. И потому вполне логично возникают вопросы о трансцендентных сферах, питающих этот удивительный «инструмент».

Проводя исследование мышления человека, находящегося внутри христианской религии, в фокусе внимания оказывается человек веры, вследствие этого перед нами возникает сложнейший феномен христианского мышления и христианского сознания, который проявляется в человеке. В данном исследовании предполагается использование герменевтической методологии для осмысления такого феномена, как христианское мышление и христианское сознание. Метод библейской герменевтики является основным методом, используемым на протяжении веков для истолкования религиозных и философских текстов. Особенностью такого метода является глубокое изучение текстов и понимания смыслов и системы их написания.

Основа христианского мышления

Мышление является наиболее ярким критерием наличия сознания, это деятельная сторона сознания, «сознание в действии». Платон трактовал мышление как припоминание образов прошлого, того, что душа уже знала. Мышление человека в его понимании – это «внутренняя речь», а точнее, диалог души с самой собой. Но здесь возникает вопрос: кто же этот самый «я» и как «я» соотносено с телом. Платон писал: «Тело наполняет нас желаниями, страстями, страхами <...> из-за него нам и в самом деле совсем невозможно о чем бы то ни было поразмыслить!» (Платон, 1998: 387). По его учению, тело является оковами души, обладающей глубоким мышлением и способной к самостоятельному существованию без обременяющего ее тела. Платон рассуждал о том, как с помощью мышления проникнуть в самую суть вещей; в диалоге «Федон» он формулирует это так: «Кто из нас всего тщательнее и настойчивее приучит себя размышлять о каждой вещи, которую он исследует, тот всего ближе подойдет к ее истинному познанию» (Платон, 1998: 386).

Августин попытался найти не только «я», заключенное, по Платону, в оковах тела, но и Бога, так как без понимания связи Бога и души человека невозможно понять трансцендентную составляющую человека. Августин пишет: «Я только бы скрыл Тебя от себя, сам же от Тебя бы не скрылся» (Августин, 2024: 216). Августин указывает, что для Бога не только открыто наше сознание и мысли, но и то, что Бог находится внутри души. Но для того чтобы открыть себя Богу, необходимо осознание этого. *Без понимания духовности сознания для человека Бог в глубине души скрыт.* Не осознав своего внутреннего духовного мира, человек чаще всего склонен к размышлению исключительно о внешнем материальном мире. И в этом случае Бог скрыт для понимания. Но если человек приходит к вере осознанно, открывает себя Богу, то и Бог проявляет Себя в человеческом сознании – «Бог направляет на

правильный путь» и помогает в преодолении препятствий. Показывая Бога в душе, Августин пишет: «Я говорю людям только ту истину, которую Ты уже услышал от меня. Ты же услышал от меня только то, что Сам мне и внушил» (Августин, 2024: 217). Этими словами Августин показывает, что Бог находится в глубине души, и, раскрывая себя для Бога, человек осознает непередаваемое ощущение присутствия Бога и его проявления в сознании через Его действие.

Указав на факт присутствия Бога в душе человека, Августин постепенно начинает анализ, который заключается в методичном отбрасывании всего лишнего, подобно тому как Декарт, отбросив лишнее, указал на свое мыслящее сознание. «Большие и малые твари видят вселенную, но не могут вопрошать ее, ибо лишены разума» (Августин, 2024: 223). Августин придерживается точки зрения о превосходстве человека над другими сущностями, и это связано с христианской догмой о человеке, стоящем на вершине творения. По этой причине Августин четко формулирует мысль, что Вселенная может быть понята только человеком.

Важен для понимания сознательного опыта феномен человеческой памяти. Августин так же, как и Платон, видит *в памяти квинтэссенцию работы ума*. Но если для Платона процесс припоминания или активации памяти и есть чудо мышления, свидетельствующее о связи конкретной протекающей жизни с трансцендентным миром вечных идей, то для Августина память как хранилище индивидуального опыта и есть душа, ум. «И вот вхожу я в обширные владения памяти, сокровищницы бесчисленных представлений о всякого рода вещах, доступных чувствам» (Августин, 2024: 224-225). Таким образом, память сохраняет и все, о чем мыслил человек, что пережил. А человек размышляет не только об объектах материальных, но и о чувственном восприятии, и о воображаемом.

Кто же формулирует правильное понятное построение предложений внутри сознания, кто создает идеи и образы для развития на их основе поэм, романов и грамотной речи? Кем формулируется правильность поступков и выбора? Благодаря какой силе это возможно? В процессе разговора с кем-либо мы можем слышать звуки, оформленные в понятную языковую форму для нас, язык в этом случае является тем орудием, которое создает понятные для нас звуки, которые мы преобразуем в образы внутри ума. «Мысли же, обозначенные этими звуками, я не мог воспринять ни одним из телесных чувств и нигде не мог увидеть, кроме как в уме. В памяти хранились не образы этих мыслей, а сами мысли. Откуда они вошли в меня?» (Августин, 2024: 228). И здесь возникают следующие вопросы: кто выбирает, и кто ответственен за окончательный выбор в мышлении? Августин вводит понятие “*cogitare*” – «думать». «Ум овладел этим глаголом, поскольку именно в уме происходит собирание, сведение воедино, а это и называется обдумыванием» (Августин, 2024: 229). Таким образом, основой смыслообразования у Августина является память, которая есть душа и ум. Как наше мышление формирует смыслы, такие как свобода воли, понимание себя, ценности? Мышление их также формирует из памяти, но наша память не получала их извне, они не имеют ни запаха, ни звука, ни вкуса, и, более того, мы можем их ощутить только внутренним органом чувств – своеобразной формой волнения, которая в дальнейшем может оказывать отклик в физическом теле. Августин пишет: «Память – это как бы желудок души, а радость и печаль ее пища» (Августин, 2024: 231).

Память как способность человека постоянно возвращаться в мышлении к своему опыту, к себе самому позволяет, переосмысливая прошедшее, восстанавливать себя, оставаться собой. Хайдеггер, вторя Августину, пишет: «Человек остается тем самым существом, которое есть, поскольку оно мыслит, то есть является таким, к которому обращается осмысленное, ибо его существо покоится в памяти» (Хайдеггер, 2010: 50). Внутренний диалог с собой и с Богом, который в душе, не оставляет человека в одиночестве в его тяготах жизни. Обращаем внимание, что именно к памяти взывает разбойник, распятый на кресте рядом со Христом. «Помяни меня, Господи, когда прийдешь во Царствие Твое» (Лк. 23:42), – просит он Господа, и в ответ раздается: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:43).

Память, воспоминание восстанавливает в бытии, возвращает существование, поэтому истина всегда вспоминается, возвращается. «Память означает изначально вовсе не способность запоминать. Это слово именует целое духа в смысле постоянной внутренней собранности в том, что сущностно обращено ко всякому чувствованию. Память означает изначально то же самое, что и молитва, по-миновению» (Хайдеггер, 2010: 160), – пишет Хайдеггер. То есть память является как бы сосредоточенным мышлением, внутренней душевной чуткостью и ответственностью за «было», с которым надо как-то жить, восстанавливая его или прося прощения.

Одним из творцов ранней христианской философии является Тертуллиан. В книге «О душе» Тертуллиан замечает следующее: «Ум так сросся с душой, что он – не сущностно иной, но свойство сущности» (Тертуллиан, 2004: 61). Таким образом, автор определяет ум как свойство сущности души человека, без которого само ее существование невозможно, но в то же время он говорит, что ум не является главным определяющим свойством души. То есть мы можем сказать, что мышление как одно из основных свойств души человека является необходимым, но в то же время и зависимым инструментом, используемым по необходимости. В этом случае возникает вопрос о том, что сущности ума не существует, ум – лишь свойство души человека. Ум является орудием души для постижения и достижения определенных целей. Определяя, так ли это, можно обратиться к одному из основных вопросов христианства – *что человек хочет спасти, душу или ум?* Спасение души – это основная идея, а ум лишь неотъемлемое свойство для существования человека; ум влияет как на материальный мир, окружающий личность, так и на внутренний трансцендентальный мир человека.

Нужно заметить, что правильное мышление определяет правильное восприятие мира физического: одно и то же может быть воспринято по-разному, и от этого будет зависеть спасение души человека. Апостол Павел пишет в отношении пищи – главное – это то, как ты к ней относишься: «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем. Берегитесь, однако же, чтобы эта свобода не послужила соблазном для немощных <...> если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек» (1Кор. 8:8-13). То есть вкушать можно то, что в мышлении приобрело правильное полезное для тебя свойство. Ум человека является именно конечным инструментом, определяющим добро и зло, правильное и неправильное. Мышление в итоге является не только размышлением, но и индикатором, определяющим действие.

Таким образом, определив мышление как один из инструментов души, подобно тому, как рука является инструментом тела человека, необходимо понять – как определить правильность выбора в процессе мышления? Платон выделяет в душе две части: разумную и неразумную. «Но идей этих предметов только две <...> следовательно, то начало нашей души, которое судит вопреки (подлинным) размерам (предметов), не тождественно с тем ее началом, которое судит согласно этим размерам <...> то, что в нас доверяет измерению и рассуждению, было бы наилучшим началом души <...> А то, что всему этому противится, было бы одним из наших скверных начал» (Платон, 2022: 405-418). Тертуллиан определяет это следующим образом: «Платон природным называет только разумное, как пребывающее в душе Самого Бога <...> неразумное – от дьявола, от которого и грех, чуждый Богу, Которому чуждо все неразумное» (Тертуллиан, 2004: 66). Тертуллиан согласен с Платоном в разделении на разумное начало и неразумное, приобретенное впоследствии от различных источников. Все то, что направляет наше мышление на правильный выбор, подталкивает человека в мыслях к выбору в пользу добра и справедливости, это исходит из божественного начала души человека, из ее природных свойств. А все, что склоняет наши мысли в сторону отсутствия добра, является приобретенным свойством нашего мышления и не заложено в изначальной природе человеческой души.

В данных рассуждениях мы встречаемся с процессом выбора, осуществляемым *одновременно в мире трансцендентальном и метафизическом, а не в мире материальном*. Только уже сформированный выбранный путь переходит в мир материальный. Здесь мы сталкиваемся со свободой воли человека, где воздействие может оказать только некое влияние. Но заставить человека сформировать правильный или неправильный выбор в мышлении не способен никто. Сознание человека построено так, что человек по своей изначальной природе понимает, что есть добро, а что есть зло.

Рассуждая о душе, Тертуллиан останавливает свое внимание на интеллекте и его свойствах: «каким образом интеллект может быть могущественнее того, благодаря чему он существует, в чем нуждается, чему обязан всем, что познает?» (Тертуллиан, 2004: 73). Тертуллиан опровергает возможность существования интеллекта вне души человека. Такая позиция обосновывается тем, что душа, ум и интеллект является одним целым, где ум и интеллект – это инструменты. Но можем ли мы предположить, что ребенок в раннем возрасте не имеет интеллекта, а интеллект появляется в возрасте более позднем? «Я солгу, если скажу, что ребенок, как только поприветствовал жизнь криком, не свидетельствует, что он почувствовал и осознал тот факт, что родился, обнаруживая сразу все чувства... Откуда у него суждение о новом и о привычном, если он не обладает разумом? Откуда у него это ощущение раздражения и ласки, если он не мыслит?», – пишет Тертуллиан (Тертуллиан, 2004: 75). Итак, размышления и примеры Тертуллиана обнаруживают, что интеллект, разум и работа памяти у человека присутствуют с самого рождения. Таким образом, мышлением человек обладает с самого рождения и использует его, просто в мир человек приходит без знания того языка, на котором говорят его родители, и без понимания тех традиций, которые укоренились в обществе, где он родился. А на усвоение принципов построения внешнего мира необходимо какое-то время.

Особенности понимания мышления в святоотеческом богословии связаны с тем, что Восточная церковь впитала в себя традицию александрийских и антиохийских взглядов, для которой характерно внимание к мистической стороне мышления: «Мистические состояния, созерцательность выдвигались в ней на первый план... центр тяжести сосредотачивался на внутреннем подвиге борьбы с помыслами» (Епифанович, 1996: 20). Необходимо отметить, что такое «мистико-созерцательное» мышление отразилось в учениях Евагрия, св. Григория Нисского и впоследствии Григория Паламы. Это воззрение связано с представлениями об обожении человека, и в этом вопросе представители Восточной церкви расходятся во взглядах с представителями Западной церкви, опирающейся на философию Платона и Плотина.

Процесс обожения человека проходит в три основных этапа: (1) очищение от страстей и страстных помыслов в процессе мышления человека; (2) просвещение духовным ведением, созерцанием; (3) обожение. Все эти этапы достигаются аскетикой христианина как возможность созерцать Бога внутри своей души. «Таинственные просвещения носят чисто конкретный характер: они выражаются или в чувственных видениях, или в мысленных созерцаниях» (Епифанович, 1996: 29). Святой Макарий описывает эту аскетику как борьбу внутри души между двумя силами света и тьмы, и в результате победы светлой стороны на стадии обожения возникает безмерное чувство любви к Богу. «В стремлении к Богу человек должен отрешиться от всех видов множественности: от чувств и чувственного бытия, от разнообразия в мыслях и от самих мыслей, чтобы совершенно чистым умом слиться с Богом. Совершая этот путь, человек должен пройти три стадии развития: очищение от чувственного бытия, просвещение духовным ведением, мистическое богопознание» (Епифанович, 1996: 38). Эту троичную схему, которая может быть применима ко всем сторонам духовной жизни, создал Дионисий Ареопагит.

Максим Исповедник, опираясь на Ареопагита, говорит о несостоятельности человеческого разума в постижении сущности вещей и мирового бытия. В области

чувственного и мысленного познания ум человека достигает точки, где он осознает недостаточность для постижения истины. Когда человек начинает раскрывать под внешними формами бытия истинно духовную сущность, непостижимую для него, – возникает проблема высшей реальности. Дело в том, что любую проблему ум может познать только через понятия, суждения и умозаключения. Но проблема высшей реальности остается непостижимой, и человеческая мысль охватить ее не способна. Максим Исповедник в своих работах выразил эту непостижимость следующим образом: «ибо ум мой немощен и не в состоянии постичь [глубину] этих [словес], но постараюсь [объяснить их] настолько, насколько мысль моя способна вместить их» (Максим Исповедник, 1994: 124). Епифанович раскрывает смысл сказанного таким образом: «Тварный ум должен в принципе допустить нечто для себя недоступное и неприкосновенное, нечто иррациональное, вернее премысленное, чего нельзя понять и объяснить, но что необходимо принять верой» (Епифанович, 1996: 55). Такая необходимость ощущается больше у тех людей, кто возвысился в области аскетики и мистического опыта. Человек, обладающий христианским сознанием и достигший полной внутренней убежденности в необходимости поиска истины, ставит на первое место таинственное познание и определяет его как единственно правильное. Вера и откровение в этом случае занимают первое место, а знание и разум второстепенное.

Основным предметом исканий является Бог. В понимании Бога Максим Исповедник исходит из невозможности богопознания. Епифанович интерпретирует Максима Исповедника в этом вопросе таким образом: «Ум наш может познать только то, что некая Причина, а не то, что такое Она есть. Бог выше всего, что только мы можем о Нем помыслить. Поэтому самое истинное познание Бога по существу – есть незнание» (Епифанович, 1996: 56). В силу невозможности познания качеств и свойств, сущности и движения Бога, мышление человека не способно описать этого, но внутреннее ощущение Бога и его присутствия выражается в мистическом акте апофатического¹ над бытием. Познания Бога, по существу, согласно Максиму Исповеднику, могут достичь только святые в экстатическом состоянии.

Мышление божественное и человеческое

Говоря о мышлении, присущем человеческому уму, Максим Исповедник затрагивает также вопрос о мышлении Бога. Необходимо заметить, что к Богу не применимо человеческое традиционное представление о мышлении как о свойстве души. В Боге же свойства являются сущностями, так как в Боге мы не можем различать субстанцию и качества. По этой причине не в Боге находится мышление, а Он Сам является мышлением, по существу. Именно это совершенство было проявлено в акте творения мира. Но в то же время нужно понимать, что Бог един и, рассуждая о Нем, мы должны понимать, что речь идет о Существом личном.

Последователем взглядов Максима Исповедника в святоотеческой традиции стал Григорий Палама. Он пишет: «Бог выше не только знания, но и непознаваемости, как и Его проявление поистине тоже сокровенно <...> А что божественное предзнание, разве оно когда-то началось?.. Один явно помысел безначален, Божий, ибо он деяние Бога» (Палама, 1995: 62, 311). И. Мейендорф, интерпретируя Григория Паламу, пишет о мышлении: «Чья мысль уже есть действие? И если его мысль уже есть действие, нужны ли Ему предваряющие ее замыслы и образцы? Разве при этом не должны возникнуть идеи идей, и так до бесконечности» (Мейендорф, 1997: 182). С одной стороны, в этом высказывании автор пытается переосмыслить с христианской точки зрения утверждение Платона о мире идей. С другой стороны, осмысливается вопрос о мышлении Творца, который творит мир по слову: «И было

¹ Апофатическая теология (от греч. *apophatikos* – «отрицательный») – теология, разработанная Дионисием Ареопагитом и стремившаяся путем последовательного отрицания всех понятий, атрибутов и представлений, связанных с Богом, доказать его абсолютную трансцендентность (отрицание того что он есть, а затем того, что его нет, позволяло доказывать его существование по ту сторону бытия) (*Философский энциклопедический словарь* (1983), гл. ред. Ильичев, Л. Ф., Федосеев, П. Н., Ковалев, С. Н. и Панов, В. Г., Сов. энциклопедия, Москва, 32).

Слово». Мысль – это не только идея, которая может воплотиться, а может и не воплотиться. Мышление Бога – это энергия, которая созидает, преобразуясь в творение. То есть Богу не нужно заранее планировать, используя мышление таким образом, что это получится, а то нет. В «Книге пророка Исайи» говорится: «Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис. 55:9). Бог вне времени и пространства. Он творит, преобразуя мышление в прямой акт своего творения. При этом пространство и время, в которых ограничен человек, также сотворены. Человеческая мысль может преобразоваться в акт творения, а может уйти в небытие, забыться, показаться бессмысленной в процессе самого мышления. Человеческое мышление не является совершенным в отличие от божественного. Божественное мышление, в свою очередь, совершенно, и Бог творит не только мир, но и его законы. Но в то же время и человек наделен этой способностью: мыслить и творить. Мышление человека формирует проект/замысел, занимается огранкой идеи творения, и только после этого человек может создавать соответствующие замыслу материальные объекты. Мышление человека – это также арена борьбы за сверхчувственное или материальное благо для собственного «Я». Вследствие этой борьбы человек способен приблизиться или отдалиться от Бога.

Григорий Палама связь Бога с Человеком видит через молитву и таинства как основной инструмент действия ума и невещественного соприкосновения разума с Богом. Но душа и тело едины, так как одно без другого не может ни постигать молитву, ни, как следствие, творить молитвы. «Какая боль, какая радость, какое видение телесное не является деятельностью, общей душе и телу? <...> Существуют блаженные страсти, общие душе и телу действия, которые не привязывают дух к телу, но привлекают плоть к достоинству, близкому к достоинству духа, и заставляют ее так же обратиться к горнему <...> Так же ведь, как Божественность воплотившегося Слова Божия принадлежит и телу, и душе <...> так и благодать духа, передаваемая телу посредством души, придает и ему, у духовных людей, способность испытывать Божественное и позволяет ему разделять страсть души <...> Тогда тело не движется под влиянием телесных и материальных страстей <...> а обращается само в себя, отрешается от всякого обращения со злом и само по себе достигает своего освещения и обожения неотчуждаемого...» (Мейендорф, 1997: 201).

В то же время И. Мейендорф отмечает тот факт, что молитва, совершаемая внутри нас, – это деятельность ума: «ум является у него (у Григория Паламы. – О. З.) той частью человеческого состава, которая обладает способностью *превзойти себя* и стяжать благодать» (Мейендорф, 1997: 215). Именно ум обладает свойством быть способным к разговору с Богом, к приближению и непосредственному внутреннему переживанию этого сближения. Тактильные ощущения не могут дать того переживания, с которым сталкивается человек внутри своего ума. «...молитва совершенных есть, прежде всего, деятельность ума; ум таковых не обращается ни к телу, ни к тому, что к телу относится, ниже действует через чувство, ни через сопряженное с ним воображение, ниже предается рассуждению и созерцанию логосов сущего, но неустанно пребывает в одной лишь молитве... Ум есть и образ Божий в человеке, и он же знает Бога» (Мейендорф, 1997: 215).

Необходимо также понимать, что грех и смерть нарушили ту гармонию между Богом и человеком, которая существовала в изначальном творении. И для воссоздания этой связи необходимо крещение, евхаристия и постоянное стремление.

Такую мистику ума и отвлеченных созерцаний в процессе молитвы и аскетики можно описать как способность человека отрешиться от чувственного мира, упорядочивая деятельность рассудка. Центром борьбы в такой практике является процесс мышления и фактический контроль этого процесса. Таким образом, устанавливается генезис страстей, и созерцание является способностью ума в излечении от негативного мышления. В аскетической практике в значительной степени присутствует элемент рефлексии.

В созерцательной стадии человека усиливается интеллектуальный момент, в результате чего созерцания представляют собой отвлеченные мысленные интуиции о внутренней сущности. Высший мистический момент представляет собой соединение с Богом ума, а не тела и души. В этом случае ум находится в экстатическом состоянии в ожидании богопознания.

Основной чертой созерцательной аскетики является ее техническая обработанность, содержащая систему, планомерное построение, классификацию душевных состояний с определенной последовательностью. Мышление и возможность его контроля являются основными инструментами в этой практике. Значение мышления настолько велико, что с ним тесным образом связан не только феномен сознательности как таковой, но и человек в целом.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что мышление человека – это чувственная речь души. А мыслимое «Я» – это и есть душа человека, имеющая связь с Богом, проявляющуюся не во внешнем, а во внутреннем мире человека. Мышление в этом случае является внешней структурой сознания. Вследствие чего человек способен как заглушить, так и раскрыть внутреннюю часть посредством мышления. Без понимания и осознания духовности своего сознания человек не способен раскрыть Бога в глубинах своей души. Платон и учителя Церкви в один голос говорят, что Бог есть любовь. А раскрытие души происходит вследствие обожения человека и возникновения безмерного чувства любви к Богу. Соответственно, без любви, сформированной мышлением, невозможно раскрыть внутреннюю часть души. И мышление в раскрытии того самого христианского сознания играет огромную роль. Традиция исихазма учит контролю над мышлением, приведению его в порядок (так как внешний мир, телесные желания, страсти, страхи отвлекают человека от сосредоточения на Боге в процессе молитвы), и, как следствие, обнаружению внутренней части души. Мышление, в свою очередь, является инструментом постижения. Но необходимо понимать, что мышление – это зависимое орудие человека, посредством которого мы постигаем ценности нашего мира. Мышление играет огромную роль в главной идее христианства – спасении души, так как именно посредством мышления постигается мир и ведется борьба за ценности. В результате чего формируется личность, обладающая христианскими ценностями и христианским сознанием.

Мышление искусственное манифестирует черты технической онтологии, к которой оно принадлежит (Погорельская, 2020: 27). Особенностью этого рода онтологии является ее плоский искривленный характер, основанный на постоянном продлении технологических сетей без выхода в трансцендентные сферы. Поэтому ставить вопрос о мышлении машины можно лишь очень условно, метафорически.

Литература

- Августин Аврелий (2024), *Исповедь*, АСТ, Москва.
- Григорий Палама, свт. (1995), *Триады в защиту священно-безмолствующих*, пер., послесл. И коммент. Вениаминова, В., Канон, Москва.
- Епифанович, С. Л. (1996), *Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие*, Мартис, Москва.
- Зайков, О. В. (2024), «К вопросу о природе сознания: естественно-научное и христианское видение проблемы», *Новые голоса в науке: идеи и проекты – 2024: Сб. материалов XIX Межвузовского конкурса научно-практических работ студентов, магистрантов, аспирантов*, Гуманитарный университет, Екатеринбург, 41-47. EDN: GXWSAG
- Канаев, И. А. и Дряева, Э. Д. (2024), «Искусственный интеллект: перспективы возникновения сознания», *Вопросы философии*, 11, 38-50. EDN: CWEFRB
- Максим Исповедник (1994), *Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 2: Вопросы-ответы к Фалассию*, пер. и коммент. Епифановича, С. Л. и Сидорова, А. И., Мартис, Москва.

- Мейендорф, И. (1997), *Жизнь и труды святителя Григория Паламы: введение в изучение*, Византинороссика, Санкт-Петербург.
- Платон (1998), *Диалоги*, Феникс, Беляев Г. В., Ростов-на-Дону.
- Платон (2022), *Государство*, пер. с др.-греч. Егунова, А. Н., АСТ, Москва.
- Погорельская, Е. Ю. (2020), «Природа человека в эпоху технической революции», *Социум и власть*, 5(85), 20-31. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-20-31; EDN: XWGSUZ
- Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс (2004), *О душе*, пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель Братухина, А. Ю., Изд-во Олега Абышко, Санкт-Петербург.
- Хайдеггер, М. (2010), *Что зовется мышлением?*, пер. с нем. Сагетдинова, Э., Академический Проект, Москва. EDN: VRSIGT

References

- Augustine Aurelius (2024), *Ispoved* [Confessions], AST, Moscow, Russia (in Russ.).
- Epifanovich, S. L. (1996), *Prepodobny Maksim Ispovednik i vizantiyskoe bogoslovie* [St. Maxim the Confessor and Byzantine Theology], Martis, Moscow, Russia (in Russ.).
- Gregory Palama, Saint (1995), *Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolstvuyushchikh* [Triads in defense of the sacred and silent], Transl., afterword and comments by Veniaminov, V., Kanon, Moscow, Russia (in Russ.).
- Heidegger, M. (2010), *Chto zovetsya myshleniyem?* [What is called thinking?], Transl. by Sagetdinova, E., Akademicheskii Proekt, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: VRSIGT
- Kanaev, I. A. and Dryaeva, E. D. (2024), “Artificial intelligence: prospects for the emergence of consciousness”, *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 11, 38-50 (in Russ.). EDN: CWEFRB
- Maxim the Confessor (1994), *Tvoreniya prepodobnogo Maksima Ispovednika. Kn. 2: Voprosootvety k Falassiyu* [The works of St. Maximus the Confessor. B. 2: Answers to Falassius], Transl. and commented by Epifanovich, S. L. and Sidorova, A. I., Martis, Moscow, Russia (in Russ.).
- Meyendorff, I. (1997), *Zhizn i trudy svyatitelya Grigoriya Palamy: vvedenie v izuchenie* [The life and Works of St. Gregory Palamas: an introduction to the study], Vizantinorossika, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Plato (1998), *Dialogi* [Dialogues], Feniks; PH of Belyaev, G. V., Rostov-on-Don, Russia (in Russ.).
- Plato (2022), *Gosudarstvo* [State], Transl. by Egunov, A. N., AST, Moscow, Russia (in Russ.).
- Pogorelskaya, E. Yu. (2020), “Human nature in the era of the technical revolution”, *Society and Power*, 5(85), 20-31 (in Russ.). DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-20-31; EDN: XWGSUZ
- Tertullian, Quintus Septimius Florence (2004), *O dushe* [About the soul], Transl. from Latin, introductory art., comment. and the index by Bratukhin, A. Y., Oleg Abyshko Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Zaykov, O. V. (2024), “On the nature of consciousness: a natural scientific and Christian vision of the problem”, *Novyye golosa v nauke: idei i proyekty – 2024: Sb. materialov XIX Mezhhuzovskogo konkursa nauchno-prakticheskikh rabot studentov, magistrantov, aspirantov* [New Voices in Science: Ideas and Projects – 2024: Collection of materials from the 19th Interuniversity Competition of Scientific and Practical Works of Students, Master's Students, and Postgraduates], Publishing House of the Humanitarian University, Ekaterinburg, Russia, 41-47 (in Russ.). EDN: GXWSAG

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Зайков Олег Владимирович, аспирант, Гуманитарный университет, ул. Железнодорожников, д. 3, г. Екатеринбург, 620041, Россия; olegza@bk.ru
ORCID: 0009-0004-2941-102X

ABOUT THE AUTHOR:

Oleg V. Zaykov, Postgraduate Student, Humanitarian University, 3 Zheleznodorozhnikov St., Yekaterinburg, 620041, Russia; olegza@bk.ru
ORCID: 0009-0004-2941-102X

УДК: 215

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-4

Клементьева Т. Н.

**Особенности диалога христианских организаций
и научного сообщества в современной России**

Новосибирский государственный медицинский университет,
Красный пр-т, д. 52, г. Новосибирск, 630091, Российская Федерация;
tklementyeva@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, посвященного изучению мнения о взаимоотношениях с научным сообществом и о научных представлениях о мире современных российских христиан. Основой методологии исследования стала типологизация, выделяющая такие формы взаимоотношений религии и науки, как противостояние и конфликт, независимость, диалог, сближение и синтез. Участниками исследования, проведенного в 2023–2024 гг., стали как обычные прихожане, настоятели храмов, пасторы, так и священнослужители, являющиеся преподавателями христианских образовательных учреждений в разных регионах России. В выборку были включены священнослужители Русской православной церкви и основных протестантских деноминаций, зарегистрированных на территории РФ. В ходе исследования использовались методы стандартизированного интервью и онлайн-опроса. Анализ полученных результатов показал, что большинство опрошенных респондентов считают, что между христианством и наукой сегодня идет диалог. Однако большинству христиан не хватает необходимой компетенции в области научных знаний, особенно в области естественных наук, что существенно ограничивает число участников этого процесса. Вместе с тем, анализ ожиданий от науки показал, что лидерство позиции диалога не так очевидно. Гораздо большее число христиан в действительности ориентировано как на противостояние с наукой, так и на сближение и синтез. В связи с этим в ходе диалога с учеными христиане могут преследовать такие цели, как доказательство с помощью науки собственных представлений или создание принципиально новой картины мира.

Ключевые слова: религия; наука; христианство; конфликт; независимость; диалог; сближение; синтез

Для цитирования: Клементьева, Т. Н. (2026), «Особенности диалога христианских организаций и научного сообщества в современной России», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 37-52. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-4

T. N. Klementyeva

**Features of the dialogue between Christian organizations
and the scientific community in modern Russia**

Novosibirsk State Medical University,
52 Krasny Ave., Novosibirsk, 630091, Russian Federation;
tklementyeva@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study of modern Russian Christians' opinions about relations with the scientific community and their scientific ideas about the world. The research methodology is based on a typology that identifies such types of interrelationships between religion and science as confrontation and conflict, independence, dialogue, rapprochement and synthesis. The participants in the study conducted in 2023-2024 were both ordinary parishioners, church rectors, pastors, and clergymen who are teachers at Christian educational institutions in different regions of Russia. The sample included clergymen of the Russian Orthodox Church and the main Protestant denominations registered in the territory of the Russian Federation. The research used the methods of standardized interviews and online surveys. An analysis of the results showed that the majority of respondents believe that there is a dialogue between Christianity and science today. However, most Christians lack the necessary competence in the field of scientific knowledge, especially in the field of natural sciences, which significantly limits the number of participants in this process. At the same time, the analysis of expectations from science has shown that the leadership of the dialogue position is not so obvious. A much larger number of Christians are actually oriented towards both confrontation with science and rapprochement and synthesis. In this regard, during the dialogue with scientists, Christians can also pursue goals such as proving their own ideas through science or creating a fundamentally new picture of the world.

Keywords: religion; science; Christianity; conflict; independence; dialogue; rapprochement; synthesis

For citation: Klementyeva, T. N. (2026), "Features of the dialogue between Christian organizations and the scientific community in modern Russia", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 37-52. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-4

Введение

Проблема взаимоотношений религии и науки долгое время была одной из самых острых и дискуссионных. Мнение о том, что они являются противоположными и конфликтующими друг с другом системами представлений о мире и человеке, господствовало как среди верующих, так и среди ученых. Однако в XX в. начинается пересмотр традиционного отношения к этой проблеме. В западной культуре эта тенденция выразилась во множестве работ теологов, в которых они предлагали новое видение взаимоотношений науки и христианства. Не остались в стороне от дискуссии философы и ученые, мнение которых по этому вопросу было весьма различно. В результате к началу XXI в. Я. Барбуром и Д. Александером было сделано обобщение всех существующих позиций и возникла типология, предлагающая четыре взгляда на характер взаимоотношений религии и науки: противостояние и конфликт, независимость, диалог, сближение и синтез (Barbour, 2000; Alexander, 2004).

Первая позиция характеризует отношения религии и науки как продолжающееся противостояние и конфликт. Большинство теологов, обсуждающих эту тему, утверждает, что конфликт остался в прошлом и в современном мире все его причины преодолены. Однако на противостоянии религии и науки настаивают ученые (Dawkins, 2006; Coyne, 2015). Например, Р. Докинс и Дж. Койн считают, что религиозное и научное мировоззрения в принципе не могут быть совместимы друг с другом. Это фундаментально разные взгляды на мир, которые, даже при отсутствии открытого конфликта, всегда будут конкурентами в борьбе за решение основных метафизических вопросов.

Позиция независимости (Gould, 1999; Барт, 2005) утверждает, что между религией и наукой никогда не было и не может быть конфликта, так как они являются слишком разными сферами жизни общества. Они ориентированы на изучение разных уровней реальности (религия – на духовный, а наука – на материальный мир), используют для этого разные методы и языки, имеют принципиально иные цели. Вследствие этого религиозные и научные социальные институты занимаются совершенно разной деятельностью. Например, эта позиция характерна для движения неоортодоксии, возникшего в начале XX в. К. Барт считал, что между предметами богословия и научного исследования существует огромная пропасть, поскольку богословие пытается понять трансцендентного Бога через данное им откровение, а наука изучает мир наблюдаемых явлений.

Согласно позиции диалога (Хаммэль, 1998; Рос, 2001; Plantinga and Dennett, 2010; Plantinga, 2011), религия и наука являются разными, но взаимодополняющими способами изучения реальности и системами взглядов на мир. Каждая из них в отдельности ограничена. Наука не занимается смыслами, склонна к материализму и технократизму, а религия подвержена заблуждениям и предрассудкам. Однако при взаимодействии друг с другом они могут преодолевать эти ограничения, расширять наши представления и формировать более полную картину окружающей реальности. Например, А. Рос иллюстрирует этот подход в виде двух пересекающихся кругов, один из которых символизирует науку, а другой – Священное Писание.

Позиция сближения и синтеза (Barbour, 2000; Polkinghorne, 2009, 2011) допускает возможность более существенного взаимного влияния богословских доктрин и научных теорий. Об их сближении можно говорить в том случае, если под влиянием новых научных теорий происходит модернизация и переформулировка старых религиозных доктрин. В этом случае, несмотря на изменения содержания, они сохраняют свою самостоятельность. Синтез же предполагает такую интеграцию религиозных и научных представлений, что возникает новая картина мира, новая система общих категорий и универсальная концептуальная схема. Я. Барбур указывал на то, что эти процессы уже идут, но осуществить настоящий синтез может только философия, так как богословы и ученые не в состоянии выйти за границы своей системы понятий и представлений.

В связи с развитием этой темы, в том числе в отечественной литературе (Владимиров, 2008, 2017; Гоманьков, 2014; Мумриков, 2011, 2015; Отюцкий, 2015), был поставлен вопрос, действительно ли вышеобозначенные позиции характерны для современного российского общества. Для получения ответа с 2023 года проводится социологическое исследование, главной целью которого является изучение взаимоотношений научного сообщества и религиозных конфессий, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Оно предполагает исследование как отношения к науке и научному сообществу со стороны верующих различных конфессий, так и отношения к религиозным организациям и религии со стороны ученых. В данной статье изложены результаты той части данного исследования, которая посвящена мнению о взаимоотношениях науки и религии современных российских христиан.

Методологической основой исследования, помимо вышеописанной типологии, стало представление о том, что взаимоотношения религии и науки следует рассматривать как процесс, в котором участвуют сообщества субъектов, следующих «неписанным» правилам мышления, объяснения и коммуникации. Систему таких правил мышления, а также норм и ценностей, принятую научным сообществом, Р. Мертон назвал «этос науки». Целесообразно применять понятие «этос» и по отношению к религиозным сообществам, которые также обладают своей системой правил мышления и коммуникации (Антонов, 2015; Кырлежев,

Шишков и Шмалый, 2015). Таким образом, на восприятие научных представлений и оценку деятельности научного сообщества христианами первостепенное влияние оказывают особенности их рациональности и системы ценностей.

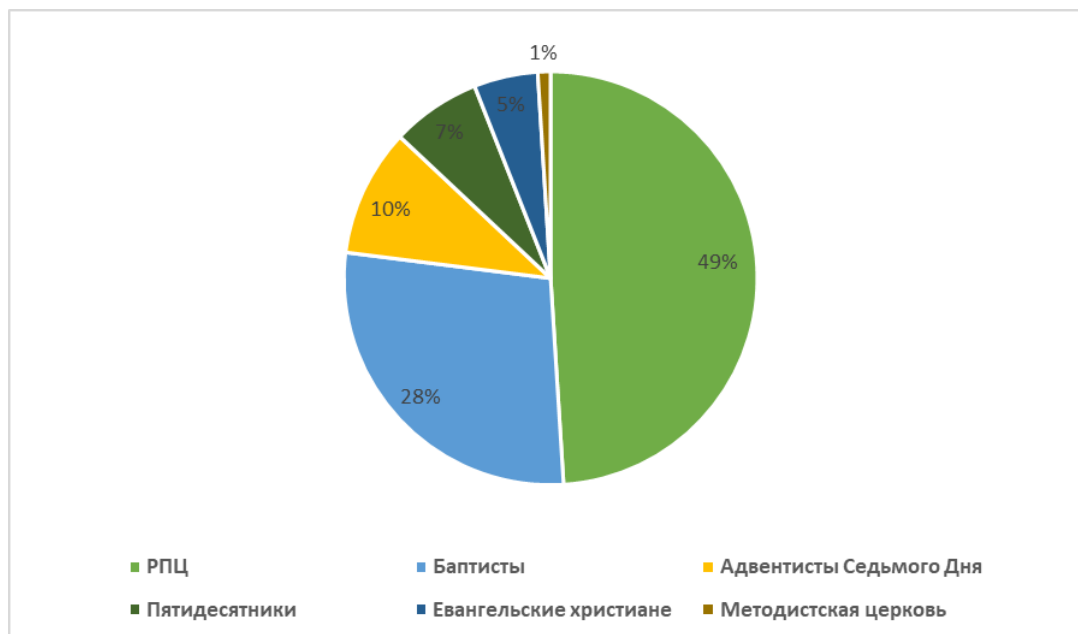
Основная гипотеза исследования заключалась в том, что наиболее распространенной позицией в отношении современных российских христиан к научному сообществу является диалог. Однако этот диалог носит достаточно ограниченный и поверхностный характер в связи, во-первых, с недостатком необходимых научных знаний у христиан, а также, во-вторых, с влиянием на этот процесс особенностей христианской системы ценностей.

Для проверки данной гипотезы предполагалось решение следующих задач: определение позиции респондентов в соответствии с вышеописанной типологией (противостояние и конфликт, независимость, диалог, сближение и синтез); изучение их отношения к научному объяснению реальности в целом; определение уровня компетентности в различных областях науки и степени согласия с научными представлениями в этих областях; изучение готовности к научному исследованию явлений, связанных с религиозной жизнью христианина.

Участниками исследования стали как обычные прихожане, так и настоятели храмов, пасторы, а также священнослужители, занимающиеся административной работой. В выборку были включены священнослужители Русской православной церкви и основных протестантских деноминаций, таких как баптисты, пятидесятники, адвентисты Седьмого дня и т. п. Существенную долю среди респондентов составили преподаватели христианских семинарий и академий, имеющие специальное образование, в том числе ученую степень в области богословия. Использование метода онлайн-опроса позволило расширить географию исследования. Так, если прихожане церковью были опрошены в г. Новосибирске, то настоятели храмов, пасторы и преподаватели учебных заведений представляли самые разные регионы Российской Федерации. Например, в исследовании приняли участие преподаватели Казанской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Тобольской, Ярославской православных духовных семинарий, а также Московской духовной академии. Протестантские деноминации представляли, в частности, преподаватели Санкт-Петербургского христианского университета (евангельских христиан-баптистов), а также Заокского университета Церкви христиан – адвентистов Седьмого дня.

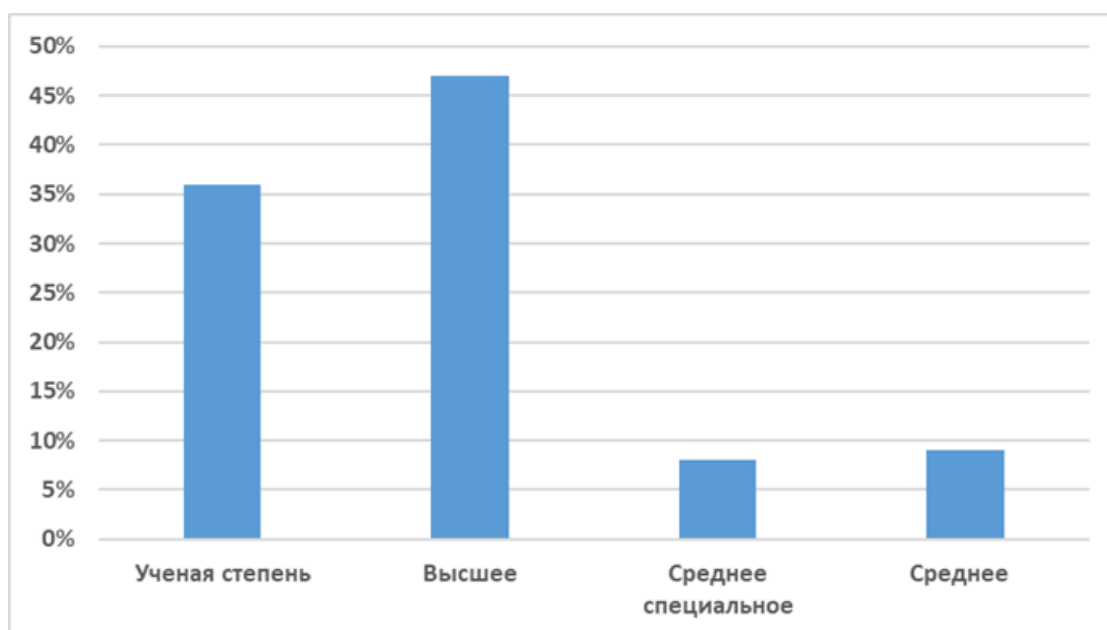
Результаты и обсуждение

В ходе исследования было опрошено 76 человек, являющихся представителями основных христианских конфессий, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Из них 49 % респондентов принадлежат к Русской православной церкви, а 51 % относится к протестантским деноминациям (рис. 1).

Рис. 1. Конфессиональный состав респондентов
Fig. 1. The religious composition of the respondents

Образовательный уровень участников исследования достаточно высокий (рис. 2). Большинство из них имеет высшее образование и ученую степень. Характер профессионального образования у опрошенных представителей христианских организаций преимущественно гуманитарный (61%). Техническое образование имеют 24%, естественнонаучное – 9%, медицинское – 5% респондентов. При этом 14% участников исследования имеют второе высшее образование в области теологии и богословия.

Рис. 2. Уровень образования респондентов
Fig. 2. The level of education of the respondents

Возрастные категории опрошенных представлены достаточно равномерно (рис. 3). Половина участников исследования в возрасте от 31 до 50 лет относится к наиболее социально активной группе населения.

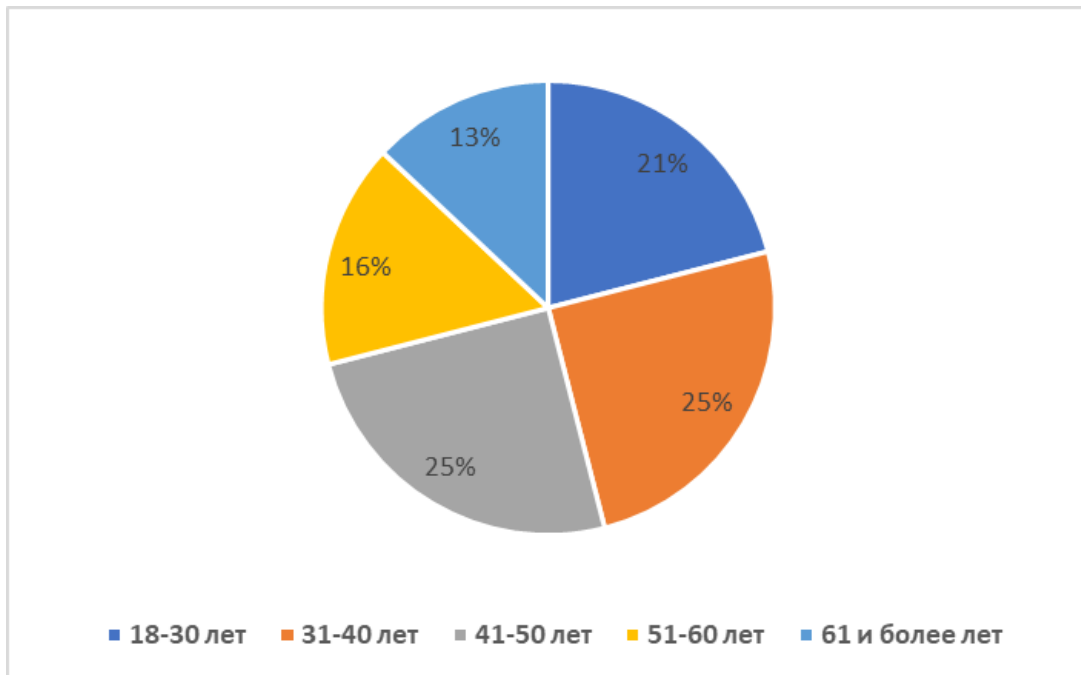

Рис. 3. Возраст респондентов

Fig. 3. Age of the respondents

Определение позиции участников исследования показало, что большинство из них (46 %) оценивают взаимоотношения христианских организаций и научного сообщества как диалог. Для этой группы респондентов характерен настоящий интерес к научной деятельности и стремление объяснить явления, известные в христианской традиции. Они лично знакомы с учеными, интересующимися религией, и активно общаются с ними, читают научную литературу, нередко сами занимаются наукой.

Второе место заняла позиция противостояния и конфликта, которую выбрали 22 % респондентов. Им свойственно рассматривать результаты научных исследований только с точки зрения их совпадения с основными положениями религиозного учения и их непосредственного доказательства. В целом эта группа респондентов редко общается с учеными, относится к их деятельности настороженно и часто негативно.

Позиции независимости религии и науки придерживаются 15 % участников исследования. Они склонны оценивать научные знания как не имеющие отношения к христианству, поэтому достаточно равнодушны к достижениям науки, не интересуются ими и тоже редко общаются с учеными. Однако отношение этих респондентов к деятельности научного сообщества более позитивно, так как достижения науки они считают полезными для обычной жизни людей.

Всего 4 % участников исследования выбрали позицию сближения и синтеза. Они считают, что между христианством и наукой можно найти некие точки соприкосновения и на этой основе создать новую картину мира. Эту позицию занимают христиане, сами являющиеся учеными и принимающие активное участие в дискуссиях на эту тему.

Анализ полученных результатов показал, что самым существенным фактором, оказывающим влияние на оценку взаимоотношений христианских организаций и научного сообщества, является характер образования опрошенных (рис. 4). От него зависит

компетентность респондента в той или иной области научного знания и, следовательно, возможность разбираться в современных исследованиях и видеть направления, в которых религиозные и научные представления пересекаются. Например, большинство среди опрошенных с естественнонаучным и гуманитарным образованием выбрали позицию диалога (86 % и 56 % соответственно). Это является показателем того, что компетенции этих респондентов в области естественных наук, философии и теологии позволяют им хорошо понимать, о чем может идти этот диалог. А респонденты с медицинским (40 %) и техническим образованием (38,5 %) более склонны к позиции противостояния и конфликта, так как вследствие низкой компетенции плохо ориентируются в этой непростой теме.

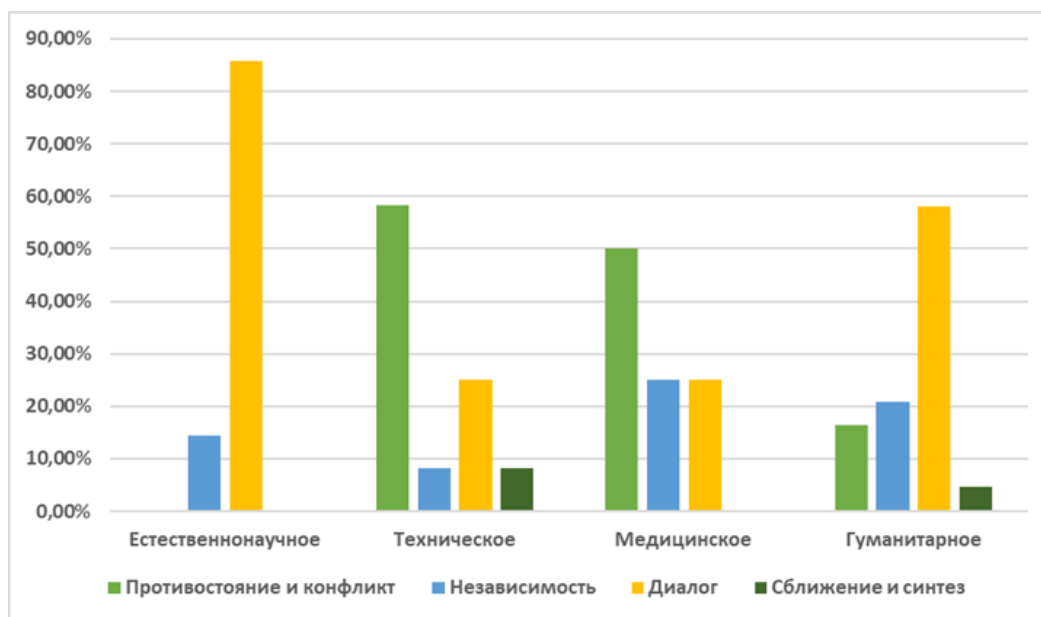

Рис. 4. Влияние характера образования на оценку взаимоотношений христианских организаций и научного сообщества (% от количества респондентов)

Fig. 4. The influence of the nature of education on the assessment of the relationship between Christian organizations and the scientific community (% of the number of respondents)

В целом исследование выявило достаточно лояльное отношение современных российских христиан к научным представлениям. Подавляющее большинство участников исследования (66 %) считают научное объяснение реальности частично истинным, а 9 % вообще с ним полностью согласны. Только 18 % респондентов категорично отвергают все научные представления о мире и человеке. Существенное влияние на эту оценку оказывает уровень образования опрошенных. Так, среди тех, кто полностью или частично согласен с научным объяснением реальности, существенно преобладают респонденты с высшим образованием или имеющие ученую степень (35 % и 30 % соответственно). При этом среди тех, кто считает его неистинным, велика доля опрошенных со средним и средним специальным образованием (Кроме того, как выяснилось, серьезное влияние на степень согласия с современными научными представлениями оказывает уровень компетенции респондентов в области естественных наук, который оказался достаточно низкий (рис. 5).

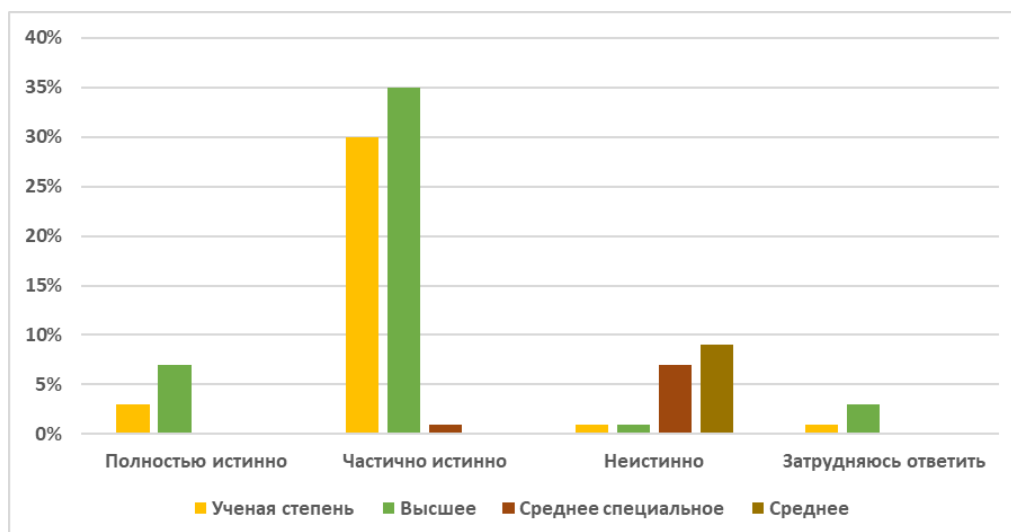

Рис. 5. Влияние уровня образования на отношение к научному объяснению реальности (% от количества респондентов)

Fig. 5. The influence of the level of education on the attitude towards scientific explanation of reality (% of the respondents)

Лишь 4–7 % опрошенных могут оценить достижения в области антропологии, биологии, медицины и химии. А с такими фундаментальными естественными науками, как квантовая физика, астрофизика, астрономия, геофизика, биохимия и генетика, знакомо 1–2 % респондентов. Большинство участников исследования хорошо ориентируются исключительно в гуманитарных науках, что непосредственно обуславливает их выбор научных представлений, с которыми они согласны. Так, если с представлениями о человеке опрошенные полностью (50 %) или частично согласны (44 %), то с представлениями о материи и Вселенной, о Земле и жизни на ней большинство из них не согласны (45 % и 48 % соответственно) (рис. 6).

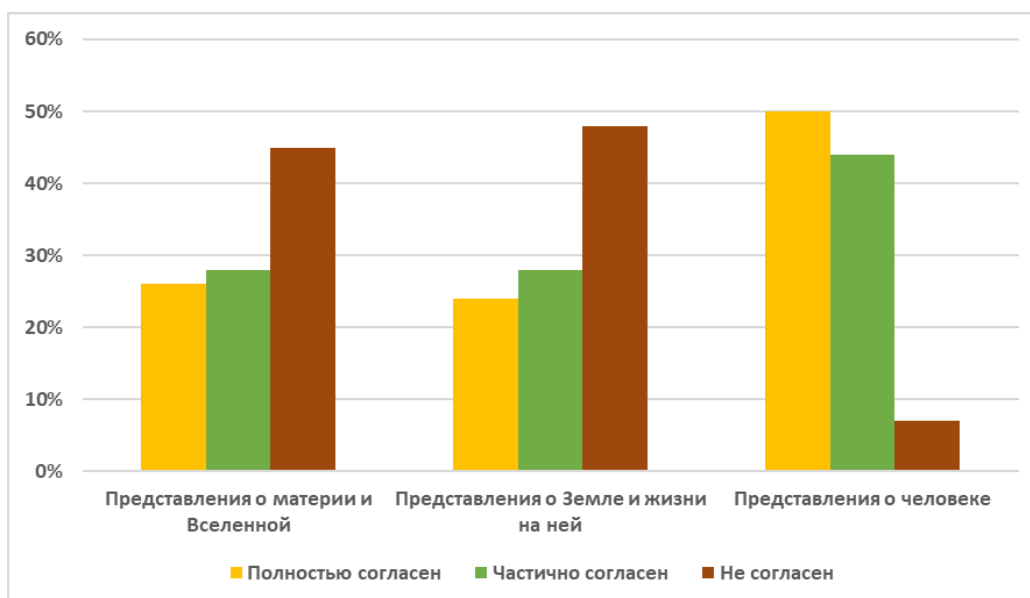

Рис. 6. Степень согласия с научными представлениями из разных областей (% от количества ответов)

Fig. 6. The degree of agreement with scientific ideas from different areas (% of the number of responses)

Особенно ярко влияние низкой компетенции в области естественных наук проявилось при оценке современных научных представлений о материи. Все респонденты с естественнонаучным образованием выразили либо полное, либо частичное согласие с ними, тогда как большинство гуманитариев оказались с ними полностью не согласны (рис. 7).

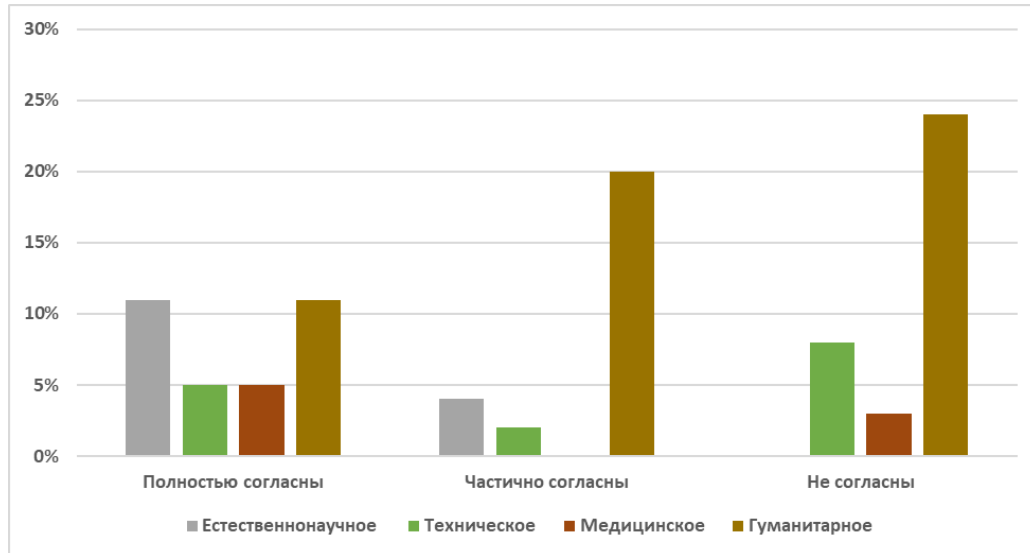

Рис. 7. Влияние характера образования на степень согласия с научными представлениями о материи (% от количества ответов)

Fig. 7. The influence of the nature of education on the degree of agreement with scientific ideas about matter (% of the number of responses)

Таким образом, выявленная закономерность показывает, что чем выше уровень компетенции верующего человека в области естественных наук, тем меньше он склонен отрицать научные представления в соответствующих областях. Имеющиеся знания позволяют ему замечать больше общего между научными теориями и религиозными учениями. При наличии даже явных противоречий между ними, такой человек будет скорее признавать частичную истину научного объяснения того или иного явления, чем категорично его отрицать.

Важной частью исследования стало выяснение взаимосвязи между оценкой респондентами отношений христианских организаций и научного сообщества – и их ожиданиями от науки. Для всех четырех позиций характерны определенные ожидания от научных исследований. Позиция противостояния и конфликта стимулирует ожидание доказательства основных или отдельных положений религиозного учения. Это самая категоричная позиция, нацеленная на достижение победы в споре, и научное доказательство правоты христианского учения рассматривается здесь как одно из главных средств преодоления конфликта. Соответственно, основной причиной отрицания тех или иных научных представлений становится их принципиальное противоречие с религиозным учением. Христиане, занимающие позицию независимости, как правило, ничего не ожидают от научных исследований и вообще мало ими интересуются. Они могут считать научные теории как истинными, так и ложными, но при этом все они рассматриваются как не имеющие отношения к христианству. Позиция диалога порождает ожидание объяснений явлений, известных в христианской традиции, которые могли бы стать предметом дискуссий и дальнейших совместных исследований. Отсутствие подобных объяснений становится причиной для несогласия с теми или иными научными теориями. Наконец, для позиции синтеза характерно ожидание процесса идейного сближения христианства и науки, а также

взаимного влияния результатов научных исследований и христианской теологии. Если научная теория не позволяет этого делать, то респондент с ней не соглашается.

Ожидания респондентов от науки ярко проявились в процессе объяснения ими своего согласия или несогласия с научными представлениями. Большинство опрошенных, выразивших свое полное согласие, сделали это, потому что данные научные теории позволяют объяснить и понять целый ряд явлений, описанных в христианстве (35 %). При этом 28 % заявили, что они создают основу для синтеза христианского учения и научного мировоззрения. Меньшая часть участников исследования (20 %) полагает, что эти научные представления истинны, но не имеют отношения к христианству, а 17 % – считает, что они доказывают основные положения христианского учения. Таким образом, полное согласие с научными теориями у большинства участников исследования выражает их ориентацию на диалог или сближение и синтез с наукой.

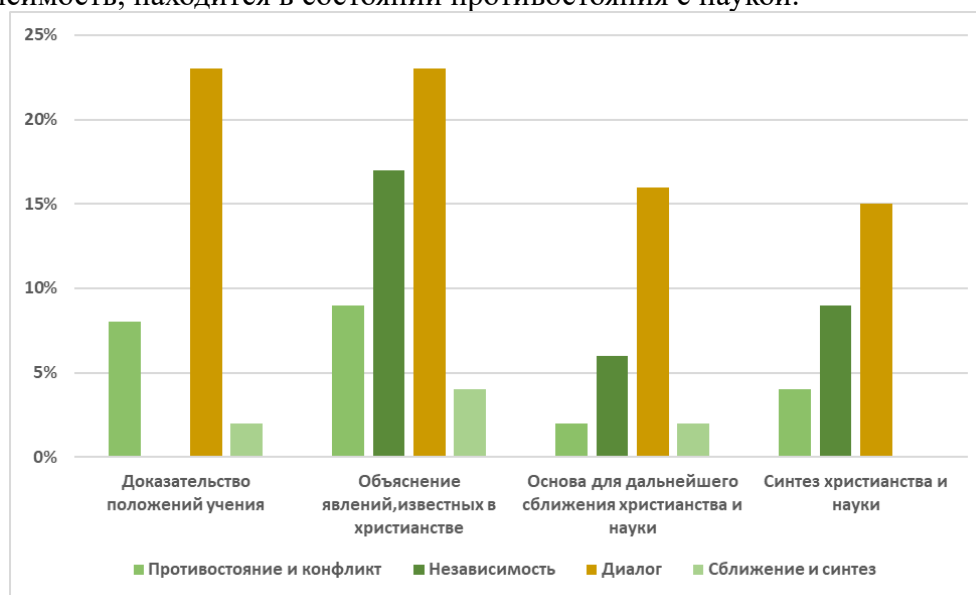
Среди объяснивших свое частичное согласие с научными представлениями большинство (39 %) считает, что эти теории истинны, но не имеют отношения к христианству. Однако 26 % из этой категории опрошенных заявили, что они создают основу для дальнейшего сближения христианского учения и научного мировоззрения. Также 18 % респондентов считают, что эти теории позволяют понять некоторые явления, описанные в христианстве, а 17 % – что они доказывают отдельные положения христианского учения. Эти результаты показывают, что частичное согласие чаще всего выражает позицию независимости, когда респондент рассматривает христианское учение и научные теории как непересекающиеся области. При этом примерно четверть опрошенных также ожидает от этих теорий сближения и синтеза с христианством.

Совсем иную картину показал анализ объяснений участников исследования своего несогласия с научными представлениями. Большинство (47 %) заявило, что они вступают в принципиальное противоречие с христианским учением. Для 31 % опрошенных важным фактором является неспособность этих теорий объяснить явления, описанные в христианстве. Считают, что данные представления не имеют отношения к христианству, 16 % респондентов, и только 6 % – не согласны с ними, потому что они препятствуют процессу сближения христианского учения и научного мировоззрения. Эти цифры красноречиво показывают, что для значительной части участников исследования важно именно подтверждение основ их вероучения со стороны науки, что характерно для позиции противостояния и конфликта.

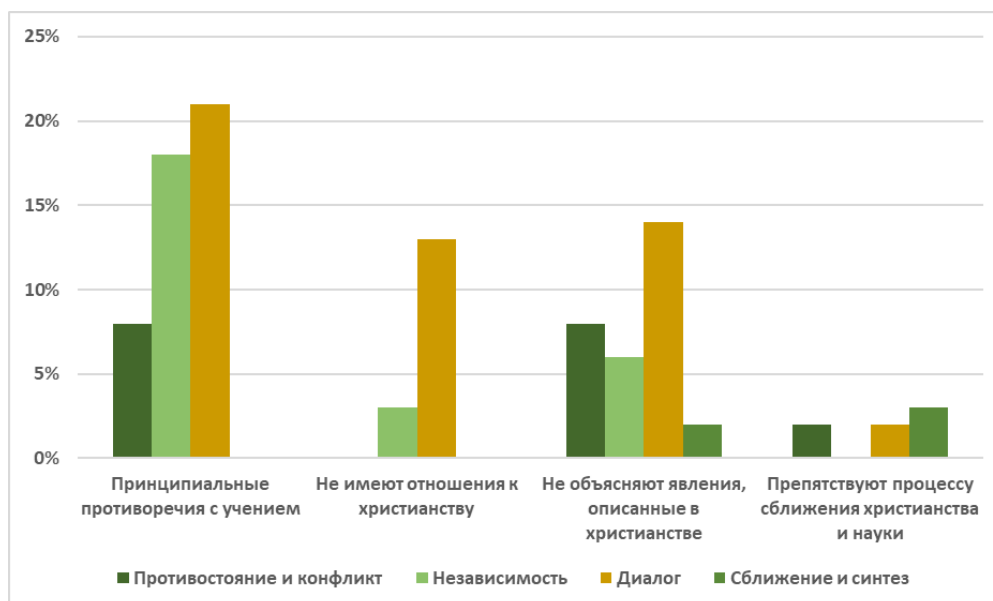
Более полную картину дает изучение взаимосвязи между ожиданиями от науки и оценкой взаимоотношений христианских организаций и научного сообщества (рис. 8). Оно показывает, что доминирование позиции диалога не так очевидно. Например, 23 % опрошенных, выбравших эту позицию, на самом деле ожидают от науки доказательства основных положений христианского учения. Они относятся к ней только как к инструменту подтверждения истинности собственных представлений, что существенно отличается от равноправного диалога.

Этот же вывод подтверждает взаимосвязь между причинами отрицания научных представлений и оценкой взаимоотношений христианских и научных сообществ (ис. 9). Большинство среди выбравших позицию диалога (21 %) отрицают те или иные научные представления, потому что они вступают в противоречия с основными положениями учения, что более характерно для позиции противостояния и конфликта. Также только 3 % респондентов, считающих религию и науку независимыми сферами жизни общества, заявили, что они не согласны с определенными научными представлениями, потому что те не имеют отношения к христианству. При этом 18 % опрошенных из этой группы не согласны с ними именно вследствие их принципиальных противоречий с христианским учением. Эти результаты указывают на то, что в действительности значительная часть респондентов,

оценившая взаимоотношения христианских организаций и научного сообщества как диалог или независимость, находится в состоянии противостояния с наукой.

Рис. 8. Ожидания от науки среди сторонников различных типов взаимоотношений между христианскими организациями и научным сообществом (% от количества ответов)
Fig. 8. Perceptions of science among proponents of various types of relationship between Christian organisations and the scientific community (% of the number of responses)

Рис. 9. Причины несогласия с научными представлениями среди сторонников различных типов взаимоотношений между христианскими организациями и научным сообществом (% от количества ответов).
Fig. 9. Reasons for disagreement with scientific concepts among proponents of various types of relationships between Christian organizations and the scientific community (% of the number of responses)

Также можно говорить о более существенной доле участников исследования, придерживающихся позиции сближения и синтеза религии и науки. Так, среди тех, кто оценил взаимоотношения христианства и науки как диалог, 16 % респондентов ожидают их

дальнейшего сближения, а 15 % – даже синтеза. Среди оценивших отношения христианских организаций и научного сообщества как независимость 6 % респондентов хотели бы сближения христианства и науки, а 9 % — их синтеза. Даже среди тех, кто ориентирован на противостояние и конфликт, 4 % респондентов хотели бы синтеза религиозных и научных представлений, а 2 % – формирования основы для их сближения. На основании этих данных можно сделать вывод о том, что позиция сближения и синтеза гораздо более популярна среди христианских священнослужителей, чем они об этом публично говорят.

Еще одним признаком, характеризующим реальное отношение участников исследования к науке, является их взгляд на целесообразность научного исследования религиозных явлений (рис. 10). Большинство опрошенных (61 %) считают такие исследования целесообразными. Самыми популярными объектами исследования стали психологические кризисы духовного роста, способности сознания человека, клиническая смерть, молитва и молитвенное состояние.

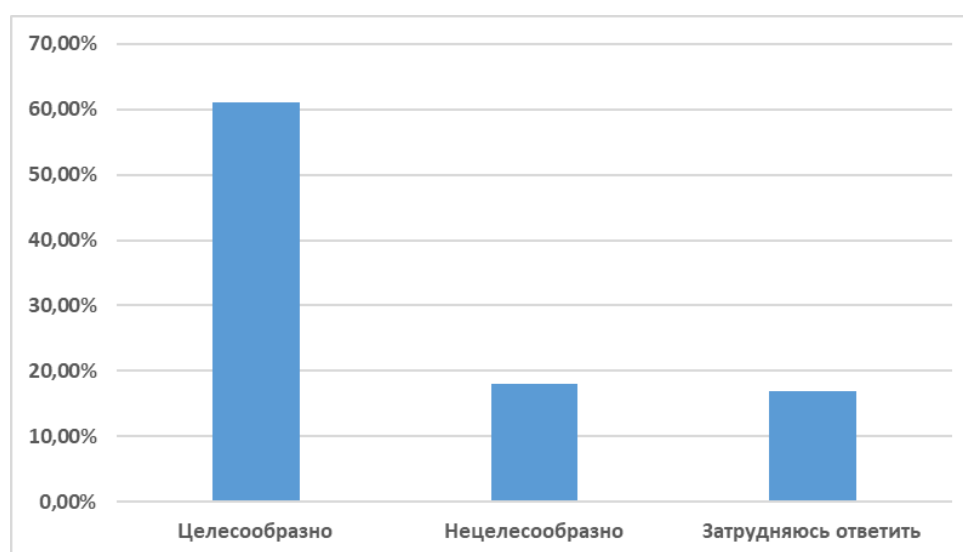

Рис. 10. Целесообразность научного изучения религиозных явлений
(% от количества респондентов)

Fig.10. The expediency of scientific study of religious phenomena
(% of the number of respondents)

Те, кто не согласился с этим мнением или затруднился ответить на вопрос, назвали причины нецелесообразности проведения подобных исследований. Среди них 37 % респондентов считают, что научное изучение ничего не прибавит к тому, что уже есть в учении, 30 % заявило, что научные методы слишком ограничены и с их помощью нельзя ничего объяснить, 21 % – полагают, что опасно вмешиваться в эти явления и 12 % – утверждают, что главное применять учение в жизни, а как оно «работает», не имеет значения. Интересно, что ни один респондент не считает, что эти исследования могут привести к ослаблению веры.

Ориентация участников исследования на разные типы взаимоотношений христианских организаций и научного сообщества влияет и на отношение их к научным исследованиям религиозных явлений. Очевидно, что позиции диалога, сближения и синтеза должны обуславливать позитивное отношение христианина к таким исследованиям, его заинтересованность в них. Соответственно, позиции независимости, противостояния и конфликта способствуют более осторожному отношению к вмешательству ученых в религиозную жизнь. Однако среди респондентов, выбравших позицию диалога, 10% не знают, нужны ли такие исследования, а 5 % считают их нецелесообразными (рис. 11).

И наоборот, 14 % опрошенных, считающих, что между христианством и наукой противостояние и конфликт, а также 11 % выбравших позицию независимости, заявили о целесообразности научных исследований религиозных явлений.

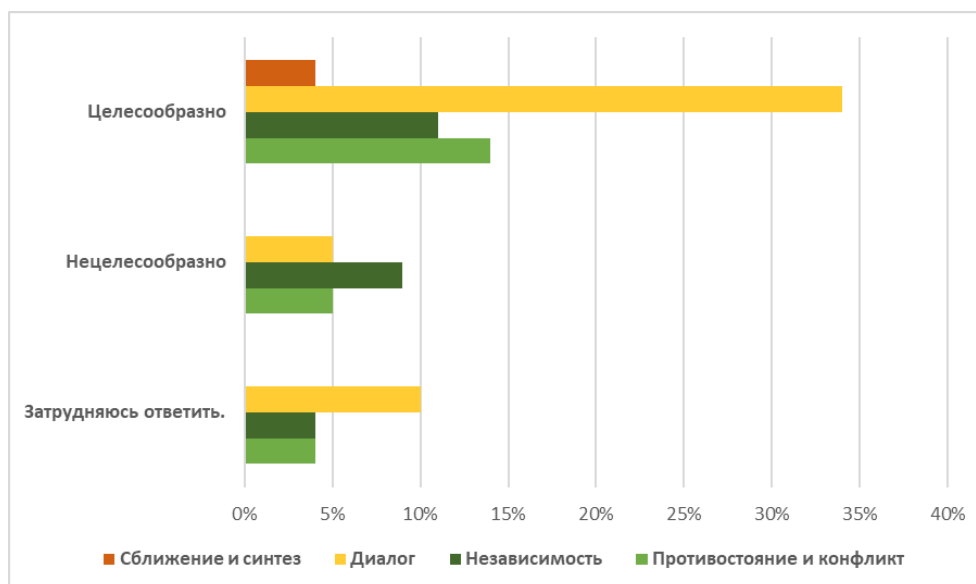

Рис. 11. Отношение к целесообразности научного изучения религиозных явлений среди сторонников разных типов взаимоотношений христианских организаций и научного сообщества (% от количества ответов)

Fig. 11. The attitude towards the expediency of scientific study of religious phenomena among proponents of different types of relationships between Christian organizations and the scientific community (% of the number of responses)

Заключение

На основе анализа полученных результатов исследования можно сделать следующие выводы. Большинство опрошенных христиан считают, что между христианскими организациями и научным сообществом в современной России идет диалог. Эта оптимистичная оценка обусловлена достаточно высокой степенью согласия с научным объяснением реальности в целом. Многие научные представления сегодня являются неотъемлемой частью мировоззрения христиан. Очевидно, что они не готовы принять их полностью, но и категорично отрицает их абсолютное меньшинство респондентов.

При этом стало ясно, что отношение христиан как к научным представлениям о мире и человеке, так и к взаимодействию с научным сообществом существенно зависит от уровня и характера их образования. Высокий уровень образованности, обширные и глубокие знания, особенно в области естественных наук, объективно способствуют как лучшему пониманию научных представлений, так и поиску точек соприкосновения религии и науки. Категоричное отрицание научных представлений, как правило, сопровождается низким уровнем образования в целом или знаний в какой-либо области. По этой причине тема диалога и тем более сближения религии и науки сегодня обсуждается в основном среди теологов и преподавателей христианских учебных заведений, имеющих ученую степень и, в отдельных случаях, естественнонаучное образование. Для обычных прихожан эта тема по-прежнему остается непонятной и чуждой.

Одной из важных причин, препятствующих полноценному диалогу христианских организаций и научного сообщества, является низкий уровень компетенции христиан в области естественных наук. Самую высокую степень несогласия респондентов вызывали

научные представления именно из этой области, с которой все они знакомы либо очень поверхностно, либо не знакомы совсем. И наоборот, с представлениями из области гуманитарных наук респонденты демонстрировали высокую степень согласия даже в тех случаях, когда они очевидно противоречат религиозным взглядам. Например, с научным объяснением сознания человека как функции головного мозга оказались согласны 23 % опрошенных. При этом большинство среди тех, кто не согласился с этим представлением (34 %), имеет естественнонаучное образование.

Вместе с тем, анализ результатов показал, что лидерство позиции диалога не так очевидно и другие позиции могут быть более распространены, чем об этом говорят сами христиане. На это указывают ожидания респондентов от науки вообще, и от взаимодействия с учеными в частности. Так, среди сторонников диалога религии и науки значительная доля респондентов ожидает от него только подтверждения собственных взглядов. Это свидетельствует о том, что эти христиане на самом деле находятся в состоянии идейного противостояния с наукой и хотели бы таким образом в нем победить. Также можно утверждать, что гораздо больше христиан думают, что религия и наука могут находиться в состоянии сближения и синтеза. Эту позицию выбрало абсолютное меньшинство участников исследования, однако многие из сторонников диалога, независимости и даже противостояния и конфликта ожидают от взаимодействия с научным сообществом именно этого. На это же указывает и высокая готовность респондентов к проведению научных исследований различных религиозных явлений.

На основании проведенного анализа можно утверждать, что христианские организации в современной России действительно настроены на диалог с научным сообществом. Однако большинству христиан не хватает необходимой компетенции в области научных знаний и представлений, что существенно ограничивает число участников этого процесса. Для тех же, кто готов принимать участие в диалоге с учеными, характерно очень разное понимание его целей. На многих из них по-прежнему оказывает влияние система традиционных христианских ценностей и представлений, в том числе отношение к истине, и они ожидают от этого диалога их простого подтверждения. Однако можно говорить и о том, что среди современных российских христиан появляется все больше людей, которые не опасаются сближения с наукой и надеются на модернизацию христианских представлений в ходе более тесного взаимодействия с научным сообществом.

Литература

- Антонов, К. (2015), «Этосы религии и формы рациональности», *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 33(1), 95-135. EDN: UIXFIP
- Барт, К. (2005), *Послание к Римлянам*, пер. с нем. Хулапа, В., Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, Москва.
- Владимиров, Ю. С. (2008), «О диалоге представителей науки и церкви», *Христианство и наука: сборник докладов конференции (Москва, 29-30 января 2007)*, РУДН, Москва, 3-11.
- Владимиров, Ю. С. (2017), *Метафизика и фундаментальная физика*, изд. 3-е, суц. перераб. и доп., URSS: Ленанд, Москва.
- Гоманьков, А. В. (2014), *Библия и природа: эволюция, креационизм и христианское вероучение*, ГЕОС, Москва.
- Кырлежев, А., Шишков, А. и Шмалый, В. (2015), «Диалог религии и науки: новые подходы (итоги дискуссии)», *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 33(1), 164-183. EDN: UIXFJJ
- Мумриков, О. А. (2011), «О допустимости “естественно-научного” прочтения Священного Писания и церковной рецепции научных картин мира», *«Вся премудростию сотворил еси...»: Семинары ПСТГУ «Наука и вера». Вып. 1*, ПСТГУ, Москва, 140-161.
- Мумриков, О. А. (2015), «К вопросу о принципах построения православной естественнонаучной апологетики XXI века», *Наука и религия: в поисках единой картины мира: Материалы международного «круглого стола» (Москва, 19 марта 2015 г.)*, РИТМ, Москва, 88-99.

Отюцкий, Г. П. (2015), «Религиозная и научная картина мира: точки соприкосновения и взаимодействия», *Наука и религия: в поисках единой картины мира: материалы международного «круглого стола» (Москва, 19 марта 2015 г.)*, РИТМ, Москва, 7-14.

Рос, А. (2001), *В начале ...: Взаимосвязь между наукой и Писанием*, пер. с англ. Корниенко, С. И., Источник жизни, Заокский.

Хаммэль, Ч. (1998), *Дело Галилея. Есть ли точки соприкосновения науки и богословия?*, пер. /с англ. Широоченской, А., Триада, Москва.

Alexander, D. and White, R. (2004), *Science and religion: friends or enemies? Christian view of the latest scientific achievements*, Lion Hudson, Oxford.

Barbour, I. G. (2000), *When Science Meets Religion: Enemies, Strangers, or Partners?* Harper Collins Publishers, San Francisco.

Coyne, J. A. (2015), *Faith Versus Fact: Why Science and Religion Are Incompatible*, Viking, New York.

Dawkins, R. (2006), *The God Delusion*, Bantam Press, London.

Gould, S. J. (1999), *Rocks of Ages. Science and Religion in the Fullness of Life*, Ballantine Publishing Group, New York.

Plantinga, A. and Dennett, D. (2010), *Science and Religion: Are They Compatible?* Oxford University Press, New York.

Plantinga, A. (2011), *Where the Conflict Really Lies: Science, Religion, and Naturalism*, Oxford University Press, New York.

Polkinghorne, J. C. (2009), *Theology in the Context of Science*, Yale University Press, New Haven.

Polkinghorne, J. C. (2011), *Science and Religion in Quest of Truth*, Yale University Press, New Haven.

References

Alexander, D. and White, R. (2004), *Science and religion: friends or enemies? Christian view of the latest scientific achievements*, Lion Hudson, Oxford, UK.

Antonov, K. (2015), "Ethos of religion and forms of rationality", *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 33(1), 95-135 (in Russ.). EDN: UIXFIP

Barbour, I. G. (2000), *When Science Meets Religion: Enemies, Strangers, or Partners?* Harper Collins Publishers, San Francisco, USA.

Bart, K. (2005), *Poslanie k rimlyanam* [The Epistle to the Romans], Transl. by Hulapa, V., Publishing House of the Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle, Moscow, Russia (in Russ.).

Coyne, J. A. (2015), *Faith Versus Fact: Why Science and Religion Are Incompatible*, Viking, New York, USA.

Dawkins, R. (2006), *The God Delusion*, Bantam Press, London, UK.

Gomankov, A. V. (2014), *Bibliya i priroda: evolutsiya, kreacionizm i khristianskoe uchenie* [The Bible and nature: Evolution, Creationism, and the Christian faith], GEOS, Moscow, Russia.

Gould, S. J. (1999), *Rocks of Ages. Science and Religion in the Fullness of Life*, Ballantine Publishing Group, New York, USA.

Hammel, Ch. (1998), *Delo Galileya. Est li tochki soprikosnoveniya nauki i bogosloviya?* [The Galileo Connection. Resolving Conflicts Between Science and Bible], Transl. by Shirochenskaya, A., Triada, Moscow, Russia (in Russ.).

Kyrlezhev, A., Shishkov, A. and Shmaliy, V. (2015), "The Dialogue of Religion and Science: New Approaches (The Overview of Discussions)", *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 33(1), 164-183. EDN: UIXFJJ

Mumrikov, O. A. (2011), "On the permissibility of the 'natural-scientific' reading of the Holy Scriptures and the Church's reception of scientific worldviews", "*Vsya premydrostiyu sotvoril esi...*": Seminary PSTGU "Nauka i vera", *Упр. I* ["In wisdom you have done all things...": Seminars of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University "Science and Faith". Iss. 1], Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, Moscow, Russia, 140-161 (in Russ.).

Mumrikov, O. A. (2015), "On the principles of construction of Orthodox natural science apologetics of the 21st century", *Nauka i religiya v poiskakh edinoy kartiny mira: Materialy mezhdunarodnogo "kruglogo stola"* [Science and Religion: in search of a unified worldview: proceedings of the international "round table"], RITM, Moscow, Russia, 88-99 (in Russ.).

Otyutskiy, G. P. (2015), “Religious and scientific picture of the world: points of contact and interaction”, *Nauka i religiya v poiskakh edinoj kartiny mira: materialy mezhdunarodnogo “kruglogo stola”* [Science and Religion in search of a unified worldview: proceedings of the international “round table”], RITM, Moscow, Russia, 7-14.

Plantinga, A. and Dennett, D. (2010), *Science and Religion: Are They Compatible?* Oxford University Press, New York, USA.

Plantinga, A. (2011), *Where the Conflict Really Lies: Science, Religion, and Naturalism*, Oxford University Press, New York, USA.

Polkinghorne, J. C. (2009), *Theology in the Context of Science*, Yale University Press, New Haven, USA.

Polkinghorne, J. C. (2011), *Science and Religion in Quest of Truth*, Yale University Press, New Haven, USA.

Ros, A. (2001), *V nachale...: Vzaimosvyaz mezhdu naukoy i Pisaniem* [At the beginning ...: The relationship between science and Scripture], Transl. by Kornienko, S. I., Istochnik zhizni, Zaokskiy, Russia (in Russ.).

Vladimirov, Yu. S. (2008), “On the dialogue between the representatives of science and the Church”, *Khristianstvo i nauka, XV Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie Obrazovatelnye Chteniya* [Christianity and Science, Proceedings of the 15th International Christmas Educational Readings], Moscow, Russia, 3-11 (in Russ.).

Vladimirov, Yu. S. (2017), *Metafizika i fundamentalnaya fizika* [Metaphysics and fundamental physics], 3rd ed., substantially revised and supplemented, URSS: Lenand, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Клементьева Татьяна Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Новосибирский государственный медицинский университет, Красный пр-т, д. 52, г. Новосибирск, 630091, Российская Федерация; tklementyeva@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana N. Klementyeva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, Novosibirsk State Medical University, 52 Krasny Ave., Novosibirsk, 630091, Russian Federation; tklementyeva@mail.ru

УДК 821.161.

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-5

Колесников С. А.

**Когнитивные перспективы теологической поэзии:
поэтическое познание и «живой» автор**

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
ул. Горького, д. 71, г. Белгород, 308024, Россия;
Skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. Предметом обсуждения в статье выступает теологическая поэтика в ее когнитивной значимости и результативности. Ключевой задачей является рассмотрение различных аспектов когнитивных стратегий теологической поэтики, определяющих особенности познавательного процесса в рамках религиозной поэтики. Целью выступает определение структурных компонентов теологической поэтики. Исходным постулатом статьи стало определение искренности как когнитивного ресурса, понимание искренности как условия познания. Теологическая поэтика выступает уникальной духовно-художественной формой внесения в познание глубинных оснований: осознания подлинности бытия, открытости бытию, принятия бытия как Божественного присутствия. Теологическая поэтика через преобразование взаимоотношений между разумом и верой, расширение познавательной субъектности, через фильтрацию познавательных стратегий в духе христианских ценностей становится результативным трансфером по ту сторону «слишком человеческой» когниции, открывает неповторимую возможность возвращения глубинных смыслов познанию. Теологическая поэтика демонстрирует чудо преобразования познавательной позиции автора: авторская идентичность в теологической поэтике становится живой и ответственной за спасение посредством художественного слова. Живая портретность авторства позволяет оставить поэтический текст «в живых», в отличие от постмодернистской трактовки поэтики. Результатом рассмотрения становится утверждение, что в теологической поэтике осуществляется единственная по своему результату миссия верности изначальному Слову, определяющему искренность и истинность познания.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; теологическая поэтика; поэзия и познание; историческая поэтика; авторская искренность

Для цитирования: Колесников, С. А. (2026), «Когнитивные перспективы теологической поэзии: поэтическое познание и “живой” автор», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 53-64. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-5

S. A. Kolesnikov

**Cognitive Perspectives on Theological Poetry:
Poetic Cognition and the "Living" Author**

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia;
Skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract. The article explores theological poetics in its cognitive significance and effectiveness. The key objective is to examine various aspects of the cognitive strategies of theological poetics, defining the characteristics of the cognitive process within religious poetics. The goal is to identify the structural components of theological poetics. The article's starting point is the definition of sincerity as a cognitive resource and the understanding of sincerity as a condition of cognition. Theological poetics represents a unique spiritual and artistic form for introducing profound foundations into cognition: awareness of the authenticity of being, openness to being, and acceptance of being as Divine presence. Through transforming the relationship between reason and faith, expanding cognitive subjectivity, and filtering cognitive strategies in the spirit of Christian values, theological poetics becomes a productive transfer beyond "all-too-human" cognition, opening up a unique opportunity to restore profound meanings to cognition. Theological poetics demonstrates the miraculous transformation of the author's cognitive position: the author's identity in theological poetics becomes alive and responsible for salvation through artistic expression. The living portraiture of authorship allows the poetic text to remain "alive," unlike the postmodernist interpretation of poetics. The result of this analysis is the assertion that theological poetics fulfills a unique mission – fidelity to the original Word, which determines the sincerity and truth of knowledge.

Keywords: cognitive linguistics; theological poetics; poetry and cognition; historical poetics; the author's sincerity

For citation: Kolesnikov, S. A. (2026), "Cognitive Prospects of Theological Poetry: Poetic Cognition and the 'Living' Author", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 53-64. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-5

Введение

Результативность когнитивных практик всегда может быть определяема через познавательную искренность, которая раскрывает ключевые основания подлинного бытия, конкретизирует смысл существования человека в мире, позволяет обрести всеохватывающую цель, определяющую место человечества в действительности. Через миропознающую искренность проявляется структурированность познания, и прежде всего это становится ясным на примере языка, когнитивно-лингвистических стратегий, в познавательном максимуме раскрывающих свой потенциал в художественно-поэтическом слове. Если принять концептуальное определение искренности: «Искренность можно рассматривать как форму нацеленности на мир, которая предполагает максимальное соответствие первичной "чистой" в себе идеи и реальности, связь между которыми полагается а priori в естественной нравственной установке» (Лазарев, Чернявская, 2016: 32), – и перенести его на специфику поэтического познания, то окажется, что максимально искренним, а следовательно, максимально результативным в познании следует полагать именно поэтический текст, ведь

искренность внутренне присущая поэзии: «Искусство признает своими откровения мира души человеческой... лишь бы они были искренни» (Григорьев, 1990: 109). Искренность в поэзии неизменно граничит, в свою очередь, с исповедальностью (но не рефлексией!), тем самым выстраивая неразрушимую связь между когнитивностью и исповедальностью как духовным «погружением в смысл» (Ибатуллина, 2020, web). Привнесение в познание духовности, выраженной в яркой художественной форме, и определяет когнитивную продуктивность теологической поэтики (тео-поэтики)¹, в которой гармонично соединяются и познавательное открытие истины, и духовное прозрение смыслов бытия.

Тео-поэтика, отличающаяся познавательной искренностью, обладает способностью выявлять неподлинность познания, а именно такая способность в современной познавательной ситуации становится максимально востребованной. Современный вариант когнитивности пронизан, структурирован симуляцией, в первую очередь, в силу омассовления познания и деградации познания в «информацию», презентуемую СМИ, а «псевдо-, или фиктивный, характер всегда понижывал средства коммуникации, и отнюдь не только те, которые появились недавно» (Маклюэн, 2003: 241). Фикциональность масс-медиа есть иллюстрация неподлинного познания, неискренность которого становится ясным при активации тео-поэтического ресурса, обращающегося к глубинным смыслам Божественного бытия. Через тео-поэтичность оказывается возможным возвращение к ценностному универсуму, определяющее подлинность бытия; стремление к искренности в поэтическом слове – а квинтэссенцией поэтической искренности как раз и выступает религиозная поэзия – оказывается продуктивной когницией, позволяющей сохранить искренность в познании.

Познавательная неискренность неизбежно оборачивается формализмом: «Столкнувшись с огромным количеством трудностей, европейская литература застыла и впервые за всю свою историю обнаружила себя импортирующей формальные новшества, которые она уже не в состоянии производить сама» (Моретти, 2016: 75); а тео-поэтика демонстрирует уникальную способность сохранения себя на протяжении тысячелетий – от ветхозаветной поэтики до современной религиозной поэзии. Рассмотрение потенциала когнитивной подлинности, ресурса познавательной искренности и стратегии самосохранения – все это и определяет актуальность обращения к тео-поэтике с позиции ее познавательной результативности.

Живительные тео-когниции поэзии

Результативность языкового познания будет достигать своего максимума только в том случае, если в его сущности заложена потенциальная возможность предельной открытости бытию, обращенность к самым разным онтологическим уровням. Подлинное познание бытия выступает ключевой характеристикой человеческого познания с помощью языка: «Все языковые явления рассматриваются как феномены, существующие на стыке трех онтологий – онтологии мира, онтологии человека и онтологии языка. Только сознание человека (онтология человека) связывает их воедино и наделяет общими и уникальными представлениями о вкусе, запахе, цвете» (Маслова, 2014: 8). Тео-поэтика полностью соответствует обозначенным параметрам: она включает онтологию мира, например, в поэтико-онтологических парадигмах Книги Бытия; она формирует онто-антропологическое единство – от человека первозданного до возгласа-описания «Ἰδοὺ ὁ ἄνθρωπος» («се Человек») – в частности, представленное в поэтике Григория Нисского; тео-поэтика уже в силу своей языковой сущности пронизана онто-лингвистическими смыслами, что представлено в поэтической экзегезе (Роман Сладкопевец). Но тео-поэтика обладает и тем, чего вне-религиозная поэзия лишена: способностью выйти на самый сложный уровень когнитивной «онтологии» Божественности,

¹ См. подробнее: (Колесников, 2025: 6-7).

предстать путем Богопознания. Тео-поэтика преобразует когнитивную ситуацию, характерную для вне-религиозного познания, в которой онтологические «модели не соотносятся с миром самим по себе, свободным от человеческого понимания, поскольку в мире нет четко определенных сущностей» (Лакофф, Джонсон, 2004: 207). Напротив, в тео-поэтике активируются именно сущности, точнее – Сущность, неизменно заявляющая о Себе в религиозном миропознании. Тео-поэтике отведена уникальная когнитивная роль по презентации Божественной сущности художественно-языковыми средствами, тео-поэтика демонстрирует способность находиться «между» миром человеческим и миром Божественным.

Таково же, по-видимому, духовно-интеллектуальное понимание С.С. Аверинцевым рубежности познания, которое «локализуется на некоей онтологической границе: между имманентным и трансцендентным, между природой и благодатью, между видимым и невидимым. Или, еще точнее: не просто на границе, но в той единственной точке, где эта непреодолимая граница преодолена событием Вочеловечения Бога. Возможность делать Божественное зримым всецело зависит от этого события» (Аверинцев, 2005: 213). Граница – и даже точка разделяющей линии! – переходя в религиозно-поэтическое творчество Аверинцева, преобразуется в своеобразный портал, в котором осуществляется когнитивная «процедура», формирующая отточенную каллиграфию прорисовки границы познания. В подобной каллиграфии познания даже когнитивная «микро-точка» разграничивающей линии преобразуется в величественную многомерность преодоления невозможного, несопоставимого, несоединимого.

Тео-поэтика через подобную точку переводит человеческое познание «по ту сторону», в область Богопознания, используя симфоничность, присущую поэтической речи: «В поэтической речи ассоциации группируются совсем по иному закону. Здесь они составляют некоторый в широком смысле музыкальный аккорд, причем в этом аккорде звуковые свойства иногда играют очень существенную роль. Самым существенным своеобразием является здесь то, что слова часто бывают лишены центрального смысла или этот смысл представляет нечто постороннее, иногда даже противоречащее сюжетной связи значений» (Аскольдов, 1997: 276). Симфоничность познания выступает как продолжение симфонии в религиозном смысле, ведь религиозное понимание *συμφωνία* имеет прямое отношение к познанию Бога. Аккорд познавательных смыслов, явленных тео-поэтикой, демонстрирует принципиальную возможность иного познания – через преодоление рубежей, пределов различных типов познания.

В основе тео-поэтической когнитивности лежит богословский опыт преодоления разделения, прежде всего разделения между верой и разумом, опыт духовно-когнитивного перехода: «Истоком проблемы соотношения когнитивных практик христианского религиозного комплекса и науки является решение вопроса о соотношении и примирении христианской веры Откровения и греческого рационалистического умозрения. Восточная патристика, впервые четко сформулировав этот вопрос, сформировала “сильную” холистическую версию соотношения веры и разума, заключающуюся в духовном преобразении разума верой, закрывая тем самым путь к его автономизации, что стало впоследствии основой формирования конвергентной версии соотношения христианской веры и рационального знания» (Воденко, 2012: 67). Переходность, когнитивная мобильность, свойственная тео-поэтике, восходит к библейскому опыту соединения ветхого и нового, в поэтической конкретике явленному в «параллелизме» (А. Десницкий) самых разных художественно-языковых форм.

Пройдя школу теологического преобразования познания, тео-поэтика предлагает свое решение ключевой проблемы познания – проблемы субъективности. Несомненно, картина мира, создаваемая в той или иной когнитивной ситуации, определяется субъективностью:

«Центральное понятие, отражающее суть картины мира – субъективность» (Маслова, 2014: 32). Но тео-поэтика, продуктивно используя принцип познавательного перехода, формирует особую субъективность – религиозную субъективность познания. Религиозность сущностно субъективна: «...человеческая религия по переживанию есть состояние субъективной души» (Ильин, 2002: 23), – но это субъективность возможности, потенциального перехода: «Человек не есть еще человек, ни для себя, ни для других, <...> а лишь *возможность* человека» (Флоренский, 1993: 62). Уникальность когнитивной субъективности тео-поэтики – в ее укорененности в литургическом мировосприятии, ведь человек есть «человек литургический» (П. Флоренский). Религиозный поэт выстраивает ситуацию познания по образу и подобию литургии; литургичность как общее дело, как совместное духовное делание, рождающееся в каждом субъекте веры (примером может служить литургико-гимнографическая поэзия Ефрема Сирина), накладывает свой отпечаток на процедуру познания. Бог, говорящий в каждом участнике литургии, в тео-поэтическом воплощении получает – через авторскую субъективность – возможность явиться, заговорить и расширить возможности познания.

Открытость тео-поэтики разным горизонтам познания заложена в глубинной структуре религиозной поэзии. Неслучайно монография У. Ванни (Vanni, 1980), посвященная литературным структурам Откровения, носит подзаголовок «Другие измерения литературной открытости Апокалипсиса». То, что обозначается У. Ванни как «интертекстуальность», «языковая широта» и «поле коммуникации», как раз и характеризует принципиальную когнитивную открытость, ино-измеряемость познания в тео-поэтике. Вместе с тем, когнитивная значимость тео-поэтического произведения усиливается тем, что тео-поэтика, опираясь на выверенный догматический богословский фундамент, не низвергается в пучину смысловых «пролифераций», характерных для радикального субъективизма современности. Для тео-поэтики всегда есть целеполагающая норма: «Библия была нормой для каждой христианской культуры, а значит, камертоном, по которому старалась себя настроить каждая христианская литература» (Аверинцев, 1996: 48), – и в соответствии с этой установленной нормативностью тео-поэтика и выстраивает свои алгоритмы познания. Наличие Библии как когнитивного камертона, сама возможность существования подобной нормативности отличает тео-поэтику от когнитивной анархичности современности. Манифестация анархичной когнитивности, в частности, представленная у Ф. Моретти: «Наш шанс – в радикальном разнообразии интеллектуальных позиций и в их откровенной, прямой конкуренции. Анархия» (Моретти, 2016: 137), не может быть соположена с познавательными задачами тео-поэтики. Познавательная пролиферация, деградирующая в анархичность, может быть уподоблена библейской характеристике «ни холоден, ни горяч» (Откр. 3:15), с которой у тео-поэтики не может быть ничего общего.

Когнитивная открытость тео-поэтики – это не познавательная всеядность, это соположение путей творчества и Богопознания. Когда архимандрит Ианнуарий (Иевлев), анализируя религиозную поэзию Откровения, утверждал, что «одно (литературное искусство) есть путь для другого (для богословия)» (Иевлев, 2020, web), – тем самым он манифестировал сущностную соположенность познавательных ресурсов литературы и богословия. Через «фильтр» христианских ценностей тео-поэтика кристаллизует свое миропонимание, активируя генетически заложенный принцип «культурного отбора» на основе присутствия в литературном познании Божественных смыслов. А широта этих смыслов и становится фундаментом для познавательной открытости и когнитивной мобильности тео-поэтики.

Литература призвана быть познанием, она являет уникальную художественную форму познания: «Когнитивная поэтика предполагает, что чтение может быть объяснено через обращение к общим человеческим принципам языковой и когнитивной обработки знания, которые объединяют в изучении литературы лингвистику, психологию и когнитивные науки. Действительно, одним из самых значительных результатов развития когнитивной поэтики

является растущее осознание особой природы литературы как формы когниции и коммуникации» (Gavins and Steen, 2003: 2). Еще Аристотель настаивал на том, что именно поэзия обладает результативно-прогностическими ресурсами познания: «задача поэта – говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости» (Аристотель, 1927: 51). Активируя подобную форму познания, тео-поэтика, в свою очередь, стремится осуществить когнитивное призвание через формирование особой тео-поэтической картины мира, вполне сопоставимой по своим параметрам с характеристиками «поэтической картины мира»: «Поэтическая картина мира выделяется в рамках художественной картины мира и определяется как континуальная система смыслов, эстетически воспринятых и структурирующих творческую деятельность индивида по созданию и интерпретации альтернативной поэтической реальности, характеризующаяся субъективностью, эмоциональной доминантой, я-центричностью, фрагментарностью» (Маслова, 2014: 47). У тео-поэтики есть своя религиозная субъективность познания, представленная, например, в поэтико-метафизических произведениях Дж. Донна; присутствует своя эмоциональная доминанта, выраженная, в качестве иллюстрации, в гимнографии радости в канонах Святой Седмицы; в тео-поэтике присутствует свое поэтическое «я», преобразуемое в литургическое «мы», что и представлено в литургической поэзии Иоанна Златоуста; есть и своя «фрагментарность», представленная поэтической классификацией фрагментов бытия по степени их соотнесенности с Божественным – Книга Бытия в своей сюжетно-фрагментарной структуре²...

Таким образом, тео-когниция поэзии осуществляется через проявление смыслов Богопознания в поэтических – человеческих! – словах. Именно поэзия, и прежде всего религиозная поэзия, способна на возвращение глубинных смыслов познанию, «оживляет» познание, ведь «поэзия есть та “живая вода”, которая вспрыскивает мертвые тела слов» (Аскольдов, 1997: 277). Живое – или воскрешающееся! – познание основано на религиозной витальности тео-поэтики, на возможности и праве тео-поэтики воплотить в художественно-когнитивный процесс евангельское наставление: «Ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: “Мы Его и род”» (Деян. 17: 28).

Религиозный автор как субъект познания

Тема жизненного – оживотворяющего! – познания тео-поэтики неминуемо выводит к теме когнитивных особенностей авторства во всем широком спектре дискуссий о «смерти» или «бессмертии» автора³. Авторство как особую форму познания можно представить как своеобразный духовно-«инженерный» проект построения когнитивной стратегии, развивающейся в направлении пустотности – смертности! – познания. Когда М. Бланшо говорил о преображении литературой познавательной пустоты через чудо («...литература, на мгновение совпадая с ничто, тут же становится всем, все начинает существовать: вот так чудо» (Бланшо, 1998: 34)), то тео-поэтика оказывается самым эффективным ресурсом авторства по качественному изменению познания, ведь чудо выступает ключевой тематикой каждого религиозно-поэтического произведения. Автор в познавательных перспективах тео-поэтики явлен как своеобразный конструктор взаимоотношений текстуальной реальности и реальности внешней, но вместе с тем автор – творец (этимологическая мудрость языка подчеркивает: «auctor» – это творец, создатель, тот, кто выступает первопричиной текста; первопричинность отличает автора от писателя (scriptor)).

Авторство, и в первую очередь религиозное авторство, выстраивает познавательный мост между сознанием творца текста и читательским сознанием, придает познанию

² См. подробнее: (Patterson, 2018).

³ Подробнее см.: (Колесников, 2016).

результативную коммуникативность («говорить что-то о чем-то кому-то – это акт коммуникации, в котором субъективность акта говорения является интерсубъективным общением» (Рикёр, 2008: 31)), а когда познавательная коммуникативность приобретает религиозную тональность, то когнитивная глубина резко возрастает. Через связь с читателем автор преодолевает свою потенциальную «смертность», о которой заявлял Р. Барт («рождение читателя приходится оплачивать смертью автора» (Барт, 1989: 391)), максимально ярко это обнаруживается в религиозном формате, где духовное бессмертие читателя обуславливает бессмертие автора. В случае религиозно-поэтического сообщения происходит органичное слияние объекта и субъекта в коммуникативном познании мира: «Объективность и субъективность в религиозном языке – это стороны одного и того же коммуникативного события» (Jungel, 1989: 62). В живой коммуникации между автором и читателем религиозной поэзии устанавливается открытый диалог, подобный диалогу с Божественным⁴, принимающий коммуникацию с Богом в качестве идеального образца.

Кроме того, авторство демонстрирует особый опыт построения собственной («авто-») идентичности, основанной на когнитивности авторской памяти. Авторская память выступает когнитивно-операционной моделью («память – не воспоминание, но общая экономия и управление прошлым в настоящем» (Нора, 1999: 84)), выстраивающей вектор познания от ушедшего к наступившему, связывающей в единый комплекс познавательной идентичности диахронию опыта и синхронию действия. И наконец, тео-поэтическое авторство подразумевает высшую степень когнитивной ответственности за результат, открываемый в ходе познания, ведь в религиозном познании неизбежно присутствуют сотериологические смыслы.

Тем самым, религиозное авторство обладает уникальным комплексным «инструментарием» познания: построение эффективной внешней связи между сознанием автора (коммуникатора) и читателя (реципиента) на основе общих религиозно-когнитивных доминант; построение внутреннего контура авторской мнимо-идентичности, без которого невозможна подлинная результативность познания; и – принятие высшего уровня когнитивной ответственности, связанного с грядущим личным спасением⁵. Из означенного комплекса и рождаются познавательные горизонты тео-поэтики, в которой автор получает возможность явить свой когнитивно-созидательный потенциал в максимально полной мере.

Открытость горизонтов поэтического познания Богопознанию становится ключевым моментом в преобразении самой сущности стихотворного авторства. Претензия оставить автора только в рамках «человеческой точности» («Традиционные представления... будут заменены представлениями, которые являются не только более точными, но и более человеческими» (Лакофф, 2004: 25)), стремление захлопнуть горизонты, связующие человеческое и Божественное ведет к разрастанию запретов-ограничений (казалось бы, именно против запретов ратуют вне-теистические концепции познания) на векторы познания: отбрасываются за «ненужностью» познание истинности, трансцендентности мышления, дуализма разумности и телесности и прочее (развернутый список когнитивных ограничений см. (Лакофф, 2004: 24)). Тео-поэтика в образно-художественной форме, голосом религиозного автора задает главный вопрос познания: способна ли «очеловеченная» (т. е. обезбоженная) категоризация дать (или хотя бы предложить) предпосылки для обретения спасения. И роль религиозного авторства здесь резко возрастает, ведь именно автор, активируя весь свой комплексный инструментарий познания, способен вывести познавательный уровень своего произведения на более высокие системно-когнитивные орбиты, внести в человеческое

⁴ См., например, у В.Н. Лосского о специфике Богообщения: «Святой Дух сообщает Себя личностям, отмечая каждого члена Церкви печатью личного и неповторимого отношения к Пресвятой Троице, становясь “присутствующим” в каждой личности» (Лосский, 2003: 241).

⁵ Подробнее см. (Колесников, 2017: 162-163).

познание масштаб сверх-системы Божественности. Примером подобных «вознесенных» траекторий познания может служить «портретность» авторов, объединенных, в частности, у С.С. Аверинцева общей моделью «поэты»: религиозные поэты дают возможность заговорить не только – и не столько! – о самом предмете поэзии (это и есть проявление ограничивающей «человеческой точности»), сколько об «атмосфере вокруг предмета» (Аверинцев, 1996: 9), то есть через духовную портретность религиозных авторов оказывается возможным переход на «воспаряющие» орбиты познания, с которых и открывается когнитивная значимость спасения.

С подобных когнитивных высот по-иному предстает сам образ автора, в котором на метафизических дистанциях растворяются-преображаются привычные контуры авторской субъективности. В религиозной поэзии перестает быть актуальным даже такой, казалось бы, незыблемый параметр авторства, как атрибутирование текста с конкретикой авторства: «В сакральной словесности средневековья немало таких “ничьих” текстов, живущих не индивидуальным вдохновением, а внушениями самого жанрового канона, энергией жанровой нормы как таковой» (Аверинцев, 1996: 109). Автор, вроде бы, исчезает – задолго до «нового письма» (Р. Барт) – но в свете тео-когниций это не исчезновение, и тем более не смерть, это преобразование способа познания мира через преобразование авторской позиции. Религиозный автор в полной мере презентует человека («се Человек» (Ин. 19:4)) как модус существования языка, человека как слово, выстраивающего через поэтическое слово стратегию познания мира. И в этом построении субъективно-индивидуальные параметры уже не являются приоритетными, текст может стать «ничьим», но он навсегда останется Божественным, открытым Богопознанию.

Алгоритм тео-поэтического познания вполне сопоставим с традиционным описанием когнитивных процессов: «Если рассмотреть традиционную цепочку автор – художественная реальность – читатель с учетом ментальных категорий, то в когнитивном аспекте она выглядит следующим образом: индивидуальная концептосфера – концептуальная структура текста – когнитивные механизмы восприятия» (Маслова, 2014: 17). Однако в тео-поэтическом своеобразии преобразуются обозначенные последовательности: авторская концептосфера начинает симфонически гармонировать с установками на творение, имеющее прообразом Творца; концептуальная реальность преобразуется в мир Божий; читательские механизмы восприятия перенастраиваются с учетом нормативного «камертона» Богопознания... Показательной иллюстрацией может служить евангельский текст, в котором «Откровение было Христом получено от Бога Отца и показано Христом Иоанну» (Иевлев, 2020, web). Здесь описана когнитивная траектория, включающая в себя и первоавторство, и текстуальную «структуру» в виде Откровения, и адресата-«читателя» в лице евангелиста. Но сама последовательность познания даже не изменена, а преобразена, выявляя в преобразенном направлении подлинный источник познания; здесь устанавливается подлинный Автор (Auctor), а не скрипторы. В таком случае можно говорить о сверх-авторстве, где в тео-поэтической концептосфере растворяется авторский индивидуализм; тогда становится возможным появление литургико-симфонического авторства, как, например, поли-авторство акафиста Богородице (Аверинцев, 1996: 244), в которое может быть включено не менее десятка имен. И каждый из этих авторов – от Апполинария Лаодикийского до патриарха Фотия – остается полноценным автором, где автор не отделим от текста.

Религиозно-поэтический текст с его смыслами величания, радования, спасения обуславливает жизненность автора, с максимальной искренностью продвигающегося по пути Богопознания. Там, где «текст исследуется как объективированный от автора результат переработки особого рода информации» (Маслова, 2014: 18), там закономерно автор обречен на умирание, так как «объективированный» текст неминуемо «завалит» автора своим дурно-бесконечным грузом интерпретаций. Жизненность авторства как специфическая когнитивная

стратегия, конечно, не может быть идеально-выверенной, в ней обязательно будут проявляться разнотональности и «разномыслия» (Кор. 11:19). Однако «шероховатости» и «корявости» – это условие выживания тео-поэтической позиции автора, ведь «многие авторы утверждают намеренный характер этих явлений, квалифицируя их как часть авторского замысла, приглашающего читателя к творческому прочтению текста» (Небольсин, 2019: 157). В стремлении сохранить жизненность познания и заключается когнитивное призвание тео-поэтического авторства, преодолевающего «жало смерти».

Заключение

Вопрос значимости и результативности познания в лингвистической сфере напрямую зависит от цены познающего и познаваемого слова, от тех процессов инфляция и дефляция слова, которые максимально ярко могут быть презентованы именно в теологической поэтике. Представляется, что возвращение глубины познаваемых смыслов становится возможным через наведение когнитивного фокуса на религиозно-поэтическое слово, где высвечиваются знаковые ресурсы, определяющие результативность познания. В тео-поэтике – может быть, в единственной области современной поэзии, – сохраняется традиция верности первослову, духовно-когнитивному гиперониму, в котором заключены изначальные смыслы, ожидающие своего познания. Тео-поэтика, в силу своего особого положения в лингво-поэтическом континууме, обладает уникальной возможностью и правом отозваться в полной мере на «призыв участвовать в эсхатологической битве... с целью достичь эсхатологической победы» (Иевлев, 2020, web). Никакая иная форма поэтического миропознания не ставит перед собой подобную мега-задачу, не формулирует для себя задание такого высокого уровня. Именно в преображении реальности в эсхатолого-сотериологической парадигме и необходимо рассматривать праксис тео-поэтики, ее духовно-когнитивную результативность по преобразению мира.

Для выполнения – или хотя бы приближения к выполнению – обозначенной метафизико-лингвистической задачи тео-поэтика обладает достаточным набором когнитивного «инструментария». Искренность, от которой тео-поэтическое произведение изначально отталкивается, заставляет автора видеть мир под углом духовного зрения, Боговидения, позволяющего сформировать оптику многоуровневого познания и видения познавательной траектории («лестницы»), ведущей на высшие ступени Богопознания. Тео-поэтика предлагает свой путь познания, состоящий из симфонического мироприятия, снятия разделенностей, в максимальной степени проявляющегося в литургической субъективности тео-поэтического текста. Через слияние соборной литургичности и личного познания, основанного на богословской нормативности когнитивной стратегии тео-поэтики, возникает ситуация проявления духовных смыслов в поэтических строках.

Особое место в тео-поэтической когниции занимает религиозный автор, презентующий авторство как уникальную форму познания посредством духовно-«инженерного» выстраивания когнитивных перспектив. Через возведение продуктивных коммуникативных «мостов» между сознанием творца текста и читательским сознанием поэтическая тео-когниция, опираясь на поэтико-богословский опыт построения авторской идентичности, обретает высший уровень когнитивной ответственности, переходит к сверх-авторству, связанному с личным спасением. И тогда тео-поэтическое познание обретает свое главное предназначение, о котором архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) писал: «Поэт “милостью Божьей” имеет власть превращать воду человеческих слов в вино, а это вино обращать в кровь Слова. Такое высшее назначение поэзии, ее смысл евхаристический» (Иоанн, 1992: 524).

Литература

- Аверинцев, С. С. (1996), *Поэты*, Языки русской культуры, Москва. EDN: YVDCSD
- Аверинцев, С. С. (2005), «У истоков поэтической образности византийского искусства», *Другой Рим*. Амфора, Санкт-Петербург, 197-255. EDN: QTSOGV
- Аристотель (1927), *Поэтика*, Академия, Ленинград.
- Аскольдов, С. А. (1997), «Концепт и слово», *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология*, Academia, Москва, 267-279.
- Барт, Р. (1989), «Смерть автора», *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*, перевод с французского Зенкина, С. Н., Косиков, Г. К. (ред.), Прогресс, Москва, 384-391.
- Бланшо, М. (1998), *От Кафки к Кафке*, перевод с французского Кротовой, Д., Логос, Москва.
- Воденко, К. В. (2012), *Религия и наука в европейской культуре: динамика соотношения когнитивных практик*, Лик, Новочеркасск. EDN: QWBSYN
- Григорьев, А. А. (1990), «О правде и искренности в искусстве», *Сочинения: в 2 т.*, сост. и коммент. Егоров, Б. Ф., Художественная литература, Москва, Том 1, 89-112.
- Ибатуллина, Г. М. (2020), «Исповедальность и рефлексия в структуре литературного текста: парадигма взаимоотношений и пути ее изучения», *Гуманитарные научные исследования*, 2 [Электронный ресурс], URL: <https://human.snauka.ru/2020/02/26397> (дата обращения: 11.09.2025) EDN: GOCCIX
- Иевлев, И., архим. (2020), *Литературные особенности Книги Откровения*, URL: <https://old.spbda.ru/publications/arhimandrit-iannuariy-ivliev-literaturnye-osobennosti-knigi-otkroveniia-sv-ioanna-bogoslova/> (дата обращения: 03.08.2025)
- Ильин, И. А. (2002), *Аксиомы религиозного опыта*, АСТ, Москва.
- Иоанн (Шаховской, Дмитрий Алексеевич, архиепископ) (1992), «Биография юности», *Избранное*, Святой остров, Петрозаводск, 485-534.
- Колесников, С. А. (2017), «Взгляни на дом свой, автор!», *Человек*, 4, 159-172.
- Колесников, С. А. (2025), «Когнитивная теологическая поэтика: Творение и стихотворение», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(1), 5-18. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-1
- Колесников, С. А. (2016), «Так похоронен ли автор?», *Человек*, 4, 132-145.
- Лазарев, Ф. В. и Чернявская, М. Н. (2015), «Метамоде́рнизм и синцеритивизм в современном культурном пространстве: взгляд по ту сторону эпохи», *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 1(67), (4), 29–39. EDN: YPJNZX
- Лакофф, Дж. (2011), *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*, пер с англ. Шатуновского, И. Б., Языки славянской культуры, Москва.
- Лакофф, Дж. и Джонсон, М. (2004), *Метафоры, которыми мы живем*. пер. с англ. Баранова, А. Н. (ред.) и Морозовой, А. В., Едиториал УРСС, Москва. EDN: QRAADX
- Лосский, В. Н. (2003), *Боговидение*, пер. с фр. Решиковой, В. А., сост. и вступ. ст. Филоненко, А. С., АСТ, Москва. EDN: QTGDFZ
- Маклюэн, Г. М. (2003), *Понимание медиа: Внешние расширения человека*, пер. с англ. Николаев, В. Г., КАНОН-пресс-Ц, Москва. EDN: QOCITF
- Маслова, Ж. Н. (2014), *Введение в когнитивную поэтику*, Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов. EDN: UJHSH
- Моретти, Ф. (2016), *Дальнее чтение*, перевод Вдовин, А., Собгун, О., Шем, А., Кушнарёва, И. (науч. ред.), Изд-во Института Гайдара, Москва.
- Небольсин, А. Г. (2019), «Композиция Откровения Иоанна Богослова как “открытого произведения”», *Философия религии: аналитические исследования*, 3(1), 153-163. DOI: 10.21146/2587-683X-2019-3-1-153-163; EDN: ZYKLDU
- Нора, П. (1999), «Как писать историю Франции», *Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж. де, Винок, М., Франция-память*, пер. с фр. Хапаевой, Д., Изд-во С.-Петерб. ун-та, Санкт-Петербург, 66-94.
- Рикёр, П. (2008), *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*, пер. с франц. Вдовиной, И. С., Академический Проект, Москва. EDN: QWSUIF
- Флоренский, П. А. (1993), *Имена*, Купина, Кострома.
- Jünger, E. (1989), *Theological essays*, T & T Clark, Edinburg.

Patterson, T. L. (2018), “The Plot-structure of Genesis: ‘Will the Righteous Seed Survive?’ in the Mythos-Logical Movement from Complication to Dénouement”. *The Journal of Theological Studies*, 71(2). DOI:10.1163/9789004362512

Steen, G. and Gavins, J. (2003), *Cognitive Poetics in Practice*, Routledge, London.

Vanni, U. (1980), *La struttura letteraria dell'Apocalisse*, Morcelliana, Brescia.

Reference

Aristotle (1927), *Poetika* [Poetics], Akademia, Leningrad, USSR (in Russ.).

Askoldov, S. A. (1997), “Concept and Word”, in *Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian Literature. From Literature Theory to Text Structure. Anthology], Akademia, Moscow, Russia, 267–279 (in Russ.).

Averintsev, S. S. (1996), *Poeti* [Poets], Yazyki russkoy kultury, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: YVDCSD

Averintsev, S. S. (2005), “At the origins of poetic imagery in Byzantine art”, in: *Drugoi Rim* [The Other Rome], Amfora, St. Petersburg, Russia, 197–255 (in Russ.). EDN: QTSOGV

Barth, R. (1989), “Death of the Author”, *Izbrannie raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics], translated from French by Zenkin, S. N., in Kosikov, G. K. (ed.), Progress, Moscow, USSR (in Russ.), 389-391 (in Russ.).

Blanchot, M. (1998), *Ot Kafki k Kafke* [From Kafka to Kafka], translated from French by Krotova, D., Logos, Moscow, Russia (in Russ.).

Florensky, P. A. (1993), *Imena* [Names], Kupina, Kostroma, Russia (in Russ.)

Grigoriev, A. A. (1990), “On truth and sincerity in art”, *Sochineniya* [Works: in 2 volumes], comp. and commented by Egorov, B. F., Khudozhestvennaya literature, Moscow, vol. 1, 89-112 (in Russ.)

Ibatullina, G. M. (2020), “Confession and Reflection in the Structure of the Literary Text: A Paradigm of Relationships and Ways of Studying It”, *Humanities scientific researches*, URL: <https://human.snauka.ru/2020/02/26397> (Accessed 11 September 2025) (in Russ.). EDN: GOCCIX

Ievlev, Iannuarius, Archimandrite (2020), *Literaturnie osobennosti Knigi Otkroveniya* [Literary Features of the Book of Revelation]. URL: <https://old.spbda.ru/publications/arhimandrit-iannuariy-ivliev-literaturnye-osobennosti-knigi-otkroveniya-sv-ioanna-bogoslova/> (Accessed 03 August 2025) (in Russ.)

Ilyin, I. A. (2002), *Aksiomi religioznogo opita* [Axioms of Religious Experience], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

John (Shakhovskoy, Dmitry Alekseevich, archbishop) (1992), “Biography of Youth”, *Izbrannoe* [Selected], Svyatoy ostrov, Petrozavodsk, 485-534 (in Russ.).

Jüngel, E. (1989), *Theological essays*, T & T Clark, Edinburg, UK.

Kolesnikov, S. A. (2025), “Cognitive Theological Poetics: Creation and Poetry”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(1), 5-18 (in Russ.).

Kolesnikov, S. A. (2017), “Look at Your Home, Author!”, *Chelovek*, 4, 159-172 (in Russ.).

Kolesnikov, S. A. (2016), “So Is the Author Buried?”, *Chelovek*, 4, 132-145 (in Russ.).

Lakoff, J. (2004), *Zhenshchiny, ogon i opasnie veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What the Categories of Language Tell Us About Thinking], translated from English by Shatunovsky, I. B., Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.)

Lakoff, J. and Johnson, M. (2004), *Metafori, kotorimi mi zhivem* [Metaphors We Live by], translated from English by Baranov, A. N. (ed.) and Morozova, A. V. Editorial URSS, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QRAADX

Lazarev, F. V. and Cherniavskaya, M. N. (2015), “Metamodernism and Sincerityvism in Contemporary Cultural Place: Looking Beyond the Epoch”, *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, vol. 1(67). no. 4, pp. 29-39 (in Russ.). EDN: YPJNZX

Lossky, V. N. (2003), *Bogovidenie* [The Vision of God], translated from French by Reshchikova, V. A., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Maslova, Zh. N. (2014), *Vvedenie v kognitivnyuyu poetiku* [Introduction to Cognitive Poetics], Publishing House of Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia (in Russ.). EDN: UJHIII

McLuhan, G. M. (2003), *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: Human External Extensions], translated from English by Nikolaev, V. G., CANON-press-Ts, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QOCITF

Moretti, F. (2016), *Dalnee chtenie* [Distant Reading], Translation from English by Vdovin, A., Sobgun, O., Shem, A. Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.)

Nyebolsin, A. G. (2019), "The Book of Revelation as an "Open Work" and Its Literary Structure", *Philosophy of Religion: Analytical Researches*, 3(1), 153-163 (in Russ.). DOI: 10.21146/2587-683X-2019-3-1-153-163; EDN: ZYKLDU

Nora, P. (1999), "How to Write the History of France", *Nora, P., Ozouf, M., Puimege, J. de, Vinok, M., France-memory*, trans. from French by Khapaeva, D., Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, 66-94 (in Russ.).

Patterson, T. L. (2018), "The Plot-structure of Genesis: 'Will the Righteous Seed Survive?' in the Mythos-Logical Movement from Complication to Dénouement". *The Journal of Theological Studies*, 71(2). DOI:10.1163/9789004362512

Ricoeur, P. (2008), *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics], translated from French by Vdovina, I. S., Academicheskyy Proekt, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QWSUIF

Steen, G. and Gavins, J. (2003), *Cognitive Poetics in Practice*, Routledge, London, UK.

Vanni, U. (1980), *La struttura letteraria dell'Apocalisse* [The literary structure of the Apocalypse], *Morcelliana*, Brescia, Italian Republic (in Italian).

Vodenko, K. V. (2012), *Religiya i nauka v yevropeiskoi kulture: dinamika sootnosheniya kognitivnykh praktik* [Religion and Science in European Culture: The Dynamics of the Relationship of Cognitive Practices], Lik, Novocheerkassk, Russia (in Russ.). EDN: QWBSYN

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-3829-6167

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor at the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-3829-6167

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-6

Чикаева Т. А.

К вопросу о взглядах В.С. Соловьёва на Родину, Отечество и патриотизм

Московский художественно-промышленный институт,
ул. Давыдковская, д. 6, стр. 1, г. Москва, 121352, Россия;
umoi@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования концепции патриотизма, предлагаемой В.С. Соловьёвым, определяется тем, что он, осмысляя свою переходную эпоху, ставил задачу формирования положительного образа грядущего человечества, и эта философская цель соответствует сегодняшней ситуации в мире, а его понимание сути категорий Родины, Отечества, патриотизма может способствовать современным преобразованиям. Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам. Родина – это духовный, сакральный субъект, ассоциирующийся с самым дорогим и близким для человека, опорой человеческого существования, создающая благоприятные условия для его физического и духовного бытия. Онтология Родины схожа с онтологией Бога, но между ними нет тождества. Бог – более значимая категория; полнота понимания Родины возможна, согласно точке зрения философа, только при условии любви к Богу. Отечество следует отличать от Родины. Оно обязательно связано с утверждением творческого потенциала народа по самоуправлению своим бытием, из чего следует историчность Отечества, его вторичность по отношению к Родине. Отечество закрепляет духовные идеалы и создает условия для духовного развития. Отечество отлично от государства, но государство способно сыграть положительную роль в жизни Отечества. Истинный патриотизм заключается в обоснованной любви к своему и другим народам, в умении поддерживать в родной культуре то, что является общезначимым и ведет к духовному совершенствованию. Национальный эгоизм и космополитизм отрицаются. Идеи В.С. Соловьёва могут быть положены в основу современной концепции преобразования мира на принципах любви, взаимного уважения и стремления к духовному идеалу.

Ключевые слова: В.С. Соловьёв; Родина; Отечество; патриотизм; духовность; космополитизм; национальный эгоизм

Для цитирования: Чикаева, Т. А. (2026), «К вопросу о взглядах В.С. Соловьёва на Родину, Отечество и патриотизм», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 65-73. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-6

T. A. Chikaeva

On the issue of V.S. Solovyov's views on the Motherland, Fatherland and patriotism

Moscow Art and Industrial Institute,
6/1 Davydkovskaya St., Moscow, 121352, Russia;
umoi@rambler.ru

Abstract. The relevance of researching V.S. Solovyov's concept of patriotism stems from the fact that, in understanding his era of transition, he posed the task of shaping a positive image of the future humanity. This philosophical goal is consistent with the current global situation, and his understanding of the essence of the categories of Motherland, Fatherland, and patriotism can contribute to contemporary transformations. The analysis allows us to reach the following conclusions. The Motherland is a spiritual, sacred entity, associated with what is most dear and closest to man, the support of human existence, creating favorable conditions for his physical and spiritual existence. The ontology of the Motherland is similar to the ontology of God, but there is no identity between them. God is a more significant category; a full understanding of the Motherland is possible, according to the philosopher, only through love for God. Fatherland should be distinguished from the Motherland. The former is necessarily associated with the affirmation of the creative potential of the people to self-govern their existence, which implies the historicity of the Fatherland and its secondary role in relation to the Motherland. The Fatherland enshrines spiritual ideals and creates conditions for spiritual development. The Fatherland is distinct from the state, but the state can play a positive role in the life of the Fatherland. True patriotism lies in a well-founded love for one's own and other peoples, in the ability to uphold in one's native culture that which is universally significant and leads to spiritual perfection. National egoism and cosmopolitanism are rejected. V.S. Solovyov's ideas can form the basis of a modern concept of world transformation based on the principles of love, mutual respect, and the pursuit of a spiritual ideal.

Keywords: Vladimir S. Solovyov; Homeland; Fatherland; patriotism; spirituality; cosmopolitanism; national egoism

For citation: Chikaeva, T. A. (2026), "On the issue of V.S. Solovyov's views on the Motherland, Fatherland and patriotism", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 65-73. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-6

В.С. Соловьёва справедливо называют философом глобального масштаба, который формулировал проблемы, затрагивающие человечество в целом. При этом решения, предлагаемые им, исходят из утверждения самобытности русской культуры и ее мировой значимости, всемирной миссии. Разработанная им идея всеединства предполагала преобразование мира на нравственных основах, близких по своему содержанию к системе ценностей русской культуры.

В настоящее время, когда многие привычные социальные структуры и механизмы перестали соответствовать своим задачам формировать условия и предпосылки для развития личности, социальной группы, совершенствования социального бытия, когда поэтому требуются принципиально новые подходы к построению взаимоотношений личность-группа-общество, обращение к мыслям В.С. Соловьёва представляется актуальным.

Особое место в наследии философа занимают рассуждения о Родине, Отечестве, патриотизме и патриотах. Эти понятия выстраиваются в систему приоритетных духовных ценностей, обладающих этической и эстетической значимостью и ведущих к единству человечества, без унификации национальных культур и моделей поведения личности.

Ключевой образ Родины у В.С. Соловьёва, как отмечает Е.Н. Трубецкой – это образ Софии Премудрости Божьей; таким образом, хотя Родина для философа отлична от Бога, ее содержание в первую очередь духовно, она обладает особой значимостью для человека. Другими образами Родины для мыслителя, по свидетельству Е.Н. Трубецкого, выступают

любимая женщина, воплощающая «земное всеединство», и родная земля, призванная стать посредницей в осуществлении всеединства в человеческом обществе (Трубецкой, 1995: 504-505).

В этих дефинициях, на наш взгляд, выражаются ключевые характеристики Родины – духовность, сакральность, аксиологичность. Родина рассматривается философом в связи с понятиями высшей нравственной любви и духовного восхождения к высшему идеалу.

Таким идеалом для философа является Бог, и он часто подчеркивает отличие Родины от Бога, проводя между ними разграничение, одновременно указывая на схожесть их онтологии. Родина, следовательно, для мыслителя является духовной сущностью, которую можно ассоциировать с самыми значимыми и дорогими объектами реальной жизни.

При этом, заметим, содержание Родины раскрывается каждым человеком для себя индивидуально, так как ее образы носят общий, но не унифицированный характер. Любимая женщина, конечно же, всегда обладает такими качествами, как быть «желанной», «значимой», «наделенной положительными характеристиками» и другими, которые позволяют определить ее в качестве таковой, но у каждого мужчины любимая женщина своя, единственная и неповторимая. Так и Родина человека проявляет свои характеристики по-особенному, раскрывает свою суть только тем, для кого она является таковой. В этой части рассуждения философа перекликаются с нашим выводом о том, что Родина является основанием особенного, (Чикаева, 2022: 129) его утверждением в качестве необходимого компонента бытия.

Мыслитель, по наблюдению исследователей его творчества, коснулся в своих работах вопроса о «функциях» Родины. Он обратил внимание на мало изученный и сейчас феномен благотворного влияния пребывания на Родине для физического и духовного здоровья человека. Родина, утверждал В.С. Соловьёв, обладает способностями восстанавливать духовные и иные силы человека, оказывать благотворное влияние на его состояние. Когда человеку трудно, связь с Родиной дает ему необходимую энергию и удаляет следы воздействия тех или иных факторов, которые ограничили его возможности, а восприятие сделали негативным. В книге И.Н. Сиземской и Л.И. Новиковой приводится сказка, которую философ использовал для подтверждения своей гипотезы. Суть сюжета состоит в том, что сторбленная древняя немощная старуха становится молодой красавицей, царь-девицей, тотчас после того, как была перенесена на Родину (Сиземская, Новикова, 2004: 7-8). Таким образом, Родина является предпосылкой и фактором сохранения здоровья, энергии, способствует движению человека по пути духовного совершенства, достижения самых высоких и значимых целей.

Отечество В.С. Соловьёв рассматривает как категорию, отличную от категории «Родина», избегая их смешения и употребляя совместно, где это обусловлено логикой рассуждения. Отечество возникает, согласно его точке зрения, когда естественное устройство совместного бытия уступает место сознательно организованному. Этот процесс разворачивается в истории, а не совершается в моменте; ключевым признаком его завершения является формирование нации, то есть большой совокупности людей, связанных между собой единством культуры и организацией совместного бытия (Соловьёв, 2012: 656).

Из данного рассуждения можно сделать следующие выводы. Во-первых, Отечество следует за Родиной, появляется после нее. Во-вторых, содержание понятия Отечества включает самоуправление группы людей, объединенных одной культурой и единством пространства, где они реализуют свой творческий потенциал, нацеленный на достижение состояния успешного управления совместным бытием. Отечество, следовательно, для мыслителя является культурно-историческим объектом. У него отсутствует субстанциональность, но его значимость очевидна.

Особо следует подчеркнуть, что В.С. Соловьёв акцентирует внимание на том, что в основе Отечества лежит духовная компонента. Главное в процессе формирования

и существования Отечества – установление и закрепление духовных идеалов, их трансляция из поколения в поколение без искажений и с повышением понимания сущности.

Вопреки распространенной как во времена В.С. Соловьёва, так и в наши дни точке зрения о том, что Отечество – это государство, чьим гражданином является человек, он предлагает иное толкование данной категории, делая это с использованием образов, что позволяет мыслителю донести свою точку зрения до большого количества людей, находящихся на разных уровнях интеллектуального и нравственного развития. Делает он это через обращение к вопросу о том, кто является истинным представителем Отечества. Таковым он называет первосвященника, отказывая в этой функции главе высшей политической власти, государю. Отечество, поэтому, является для В.С. Соловьёва понятием духовным, нравственным, отнюдь не политическим. В этом смысле Отечество отличается от государства. Нам представляется такой подход философа актуальным в настоящее время и указывающим на необходимость дискуссии и обновления дефиниций категорий «Родина» и «Отечество» в философских, культурологических и иных словарях.

Патриотизм можно назвать предметом, которому В.С. Соловьёв уделял особое внимание. Учитывая, что в конце XIX века в мировой философской и общественно-политической мысли сформировались концепции приоритета социальных целей перед национально-культурными, идеи отрицания наличия Родины и Отечества у категорий социальных субъектов, лишенных доступа к общественному управлению, а значит, отрицания их сакральности, это был остро актуальный вопрос. Значимо обращение к данной проблематике и сейчас, когда возможности социальной и географической мобильности, напротив, существенно выросли.

Рассуждения о патриотизме философ ведет вокруг тезиса о том, что существуют два подхода, определяющих отношение человека к своей народности, а следовательно, к Родине и Отечеству: националистический и космополитический (Соловьёв, 2012: 413). Формула первого: мы должны любить свой народ и служить его благу, а к прочим народам имеем право быть равнодушными, а в случае столкновения интересов, враждебными. Космополитический подход заключается в том, что народность не имеет никакого нравственного значения: у нас нет обязанностей к народу, только к отдельным людям без всякого различия национальностей. В.С. Соловьёв не становится ни на одну из точек зрения, признавая справедливость упреков в адрес националистов в том, что они позволяют и даже приветствуют ненависть и презрение к чужеземцам, а космополитов в том, что они равнодушны к своему народу (Соловьёв, 2012: 413).

Настоящая любовь к Родине и Отечеству, по мнению философа, должна заключаться в другом. Она связана с обеспечением блага, формированием особого состояния любимого объекта. В.С. Соловьёв исходит из тезиса о том, что патриотизм должен быть настоящей любовью, а не ее имитацией или взаимовыгодным договором. Настоящая любовь, по его мнению, «выражается в том, что мы желаем и стараемся доставить любимому существу все блага, не только нравственные, но и материальные, однако последние непременно под условием первых» (Соловьёв, 2012: 415).

Патриотизм рассматривается философом как натуральное, природное чувство, то есть естественное для человека (Соловьёв, 1991: 497). Однако, по его мнению, это факт нельзя рассматривать в качестве аргумента в пользу того, что патриотизм или то, что совершается под патриотическими лозунгами, всегда хорошо. Положительный смысл патриотизма раскрывается только тогда, когда он подчинен высшему духовному идеалу, Богу. В.С. Соловьёв указывает на двойственность патриотизма, на то, что следование ему может привести как ко благу, добру, так и ко злу. Философ утверждает, что известная ему история «свидетельствует, что государства и народы как спасались патриотами, так от “патриотов” же и погибали» (Соловьёв, 1991: 498).

Для разграничения этих двух видов патриотизма мыслитель вводит категорию «истинный патриотизм». Его ключевая характеристика состоит в том, что нравственные устои, священность высшего идеала, божественного, являются приоритетными. Стремление своего народа к преобладанию любой ценой, отрицание ценностей иных народов противоречит принципам и сущности истинного патриотизма.

В.С. Соловьёв характеризует истинного патриота как человека, который желает своему народу не только наибольшего могущества, но, главное, «наибольшего достоинства, наибольшего приближения к правде и совершенству, т. е. к подлинному, безусловному благу» (Соловьёв, 1991: 498-499). В.Н. Финогентов приходит к выводу, что идея патриотизма, то есть любви к Родине и Отечеству, у философа подчинена идее любви к Богу (Финогентов, 2025: 93), с чем можно согласиться.

Помимо истинного патриотизма, мыслитель указывает на наличие патриотизма «неразумного, пустого, лживого» (Соловьёв, 2012: 415). В категориях современной отечественной общественной мысли его можно, скорее всего, отождествить с шовинизмом.

Истинный патриотизм, согласно рассуждениям философа, чужд тому, чтобы противопоставлять народы, он, напротив, служит единению человечества, отмечает и предъявляет миру те качества и достижения народа, которые имеют всеобщее значение и могут служить отправной точкой для совершенствования каждого социального субъекта.

В.С. Соловьёв находит образное выражение того, когда патриотизм не нуждается в оправдании, указывая, что в этом случае он сам «оправдывает себя на деле, проявляясь как творческая сила, а не как бесплодная рефлексия, или “праздной мысли раздражение”» (Соловьёв, 2012: 426). Так творения итальянцев эпохи Возрождения «не были хороши тем, что прославляли Италию, напротив, они прославляли Италию тем, что были сами по себе хороши – хороши для всех» (Там же). Мыслитель доказывает, что, как и другие народы, русский народ, его «национальный дух осуществляет свое достоинство лишь в открытом общении со всем человечеством, а не в отчуждении от него (Соловьёв, 2012: 435).

Мыслитель доказывает «логическую» невозможность совмещения патриотизма с ненавистью и пренебрежением к другим народам. Ключевой аргумент формулируется им следующим образом: поскольку «народ всемирный и своим истинным творчеством и самосознанием утверждает себя во всемирном – в том, что имеет значение для всех, то истинный патриот не может ради предполагаемой “пользы” своего народа разрывать солидарность с другими, ненавидеть и презирать чужеземцев» (Соловьёв, 2012: 436). По мнению философа, это означает, что противопоставление своего народа всем прочим, отрицание их значимости, означает фактическую духовную, а также иную изоляцию и невозможность достигнуть глубинной цели самоутверждения, следовательно, любое действие, направленное во вред существованию и культурному развитию иных народов, вредит своему народу и отрицается истинными патриотами.

Нравственные ценности, по мнению В.С. Соловьёва, являются приоритетными и общезначимыми. Именно на них должна быть направлена патриотическая любовь. Помня о том, что патриотизм направлен как на Родину, так и на Отечество, а следовательно, на систему организации и управления общественным бытием, мыслитель утверждает важность отграничения нравственных ценностей культуры от политических и материальных выгод. Соглашаясь с тезисом философа, В.В. Владимиров указывает, что «лучше отказаться от патриотизма, чем от совести», и делает вывод, что поддерживать надо только то государство, которое будет благим не только для своего народа, но и для человечества в целом (Владимиров, 2006: 226).

Отвергая презрение или ненависть к иным народам в качестве неотъемлемого качества патриота, В.С. Соловьёв одновременно отрицает и возможность для нравственного, духовно развитого человека отрицать значимость своего народа, свою связь с Родиной и Отечеством.

Космополитизм получает у философа крайне негативную оценку. В нем он находит пренебрежение к лицу, к индивидуальности, стремление унифицировать социальные субъекты, лишить их особенности, а следовательно, и значимости. Мыслитель обращает внимание на то, что если средства патриотизма применяют вне критического анализа, то интересы народа сводятся к благам материальным, безнравственным, духовное развитие народа и его отдельных представителей прекращается (Соловьёв, 2012: 437-438).

Как отмечает С.В. Пашков, В.С. Соловьёв глубоко отличает национальный эгоизм и шовинизм от истинного патриотизма. Мыслитель не приемлет восхваления своего народа любой ценой, так называемый «квасной патриотизм» им полностью и решительно отвергается. Исследователь творчества философа замечает, что согласно позиции В.С. Соловьёва, концепция «цель оправдывает средства» или для блага своего народа приемлемы любые методы, должна быть полностью отвергнута как противоречащая нравственности и унижающая народ, поскольку отрицает его способность к духовному совершенствованию и гармонии без насилия и причинения вреда другим. Одновременно С.В. Пашков указывает на то, что мыслитель поднимает патриотизм над узкокорыстными интересами личности и связывает с ним возможность духовного самосовершенствования. Исследователь отмечает, что, согласно точке зрения В.С. Соловьёва, «человек, не любящий и не ценящий свою Родину, свое Отечество, а заботящийся лишь о личных интересах, не способен к совершенствованию и нравственному преображению» (Пашков, 2020: 98).

Истинный патриот, по мысли философа, должен исходить в своих действиях из следующего принципа. Поскольку высший нравственный идеал заключен в пребывании в состоянии любви ко всем людям, а люди не бывают сами по себе, вне народностей, то логика приводит нас к выводу о том, что «мы должны любить все народности, как свою собственную» (Соловьёв, 2012, 437-438). Патриотизм нацелен на торжество духовного идеала, сопровождается верой в свой народ, готовностью помочь ему в бедах, при этом понимая, что свой народ – это часть человечества, и самообожение, как и пренебрежение другими, может исказить патриотизм. Патриотизм противостоит как ненависти, так и равнодушию, это глубокое положительное нравственное чувство. Данный вывод поддерживает как актуальный наша современница М.Л. Бурова (Бурова: 2017: 29), и нам он также представляется имеющим высокую теоретическую и практическую значимость.

Актуальность в наши дни приобретает суждение В.С. Соловьёва относительно того, как должны сочетаться священные ценности жизни и патриотизма. Философ рассматривает эти ценности в совокупности, отмечая, что в ряде случаев позиция отказа от решительных действий, от вывода социального субъекта из зоны комфорта способна привести к пагубным последствиям как для Отечества, так и для человека (Соловьёв, 1990: 658).

А.В. Пепеляев, указывая на двойственную позицию в обществе по отношению к мобилизованным, жалость к ним и оправдание попыток уклониться от воинской службы, приводит в противовес позицию В.С. Соловьёва, которая показывает негативный потенциал такой позиции. Мыслитель вспоминает слова Владимира Мономаха, который когда-то ответил князьям, из ложной жалости отвергающим собрание рати для отпора половцам. Князья заявляли, что воинское дело чуждо крестьянину, что нельзя забирать его от семьи. На это Мономах обрисовал им картину последствий такого отношения. Он указал, что половцы творят много бед, и если попустительствовать и не принимать серьезных мер – проблема только усугубится. Если нет надежной защиты, то великая вероятность самых тяжких последствий. Не решить вопрос сейчас – значит подвергать крестьянина и его семью риску быть убитыми, ограбленными, уведёнными в рабство (Пепеляев, 2024: 15).

Таким образом, можно заключить, что патриотическая любовь к Родине, Отечеству, своему народу, каждому человеку состоит в том, чтобы обеспечить благосостояние объекта любви на долгое время, быть рядом в минуты испытаний и помогать преодолевать трудности.

Цель патриотической любви – достижение духовного идеала и всеединства человечества на основе духовной идеи, которую В.С. Соловьёв связывает с любовью к Богу.

Анализируя взгляды мыслителя, М.Л. Булова приходит к выводу о том, что под словом «патриотизм» могут скрываться разные смыслы, и поэтому следует различать четыре вида патриотизма, о которых он упоминает: неразумный (вредный) народу; пустой, голословный; лживый, скрывающий своекорыстные побуждения; истинный (Булова, 2017: 29). На наш взгляд, можно спорить о правомерности использования понятия «патриотизм» во всех случаях, кроме последнего. Вместе с тем, данная классификация подтверждает мнение В.С. Соловьёва о том, что активизация национального самосознания может привести как к положительным, так и к отрицательным последствиям, такие же возможны в том случае, если человек будет воспитан в представлении о высокой ценности своего народа и своей культуры.

Опираясь на представление о патриотизме и его роли в жизни общества, которая заключается в обеспечении движения к духовному идеалу, В.С. Соловьёв делает вывод о том, что одной из ключевых задач государства является патриотическое воспитание, которое должно сопровождаться созданием благоприятных условий для духовно-нравственного совершенствования (Пашков, 2020: 96). В патриотическом воспитании философ видит залог добрососедских отношений, отсутствие межнациональных конфликтов и злобы. В основе же формирования патриотического сознания лежит, по мнению В.С. Соловьёва, усилие нравственной воли (Пашков, 2020: 98).

Таким образом, мы можем заключить, что концепция В.С. Соловьёва, в которой он излагает свою позицию относительно сущности Родины, Отечества и патриотизма, утверждает духовную онтологию соответствующих понятий и их высшую, сакральную ценность. Родину и Отечество, согласно точке зрения мыслителя, нельзя отождествить с отдельным политическим или материальным объектом, но образы Родины воспринимаемы и могут быть сравнимы с самым дорогим и привлекательным в жизни каждого человека.

Естественное отношение человека к Родине и Отечеству – патриотизм, без него нет постановки и движения к высшей духовной цели, следовательно, нет нравственного самосовершенствования. Отсутствие патриотизма приводит к тому, что трудности и проблемы на пути организованного бытия народа усиливаются и начинают угрожать существованию национальной культуры и самого народа.

Одновременно гиперболизация любви к своему, отсутствие разумных ограничений, противопоставление своего и чужого, отрицание ценностей иных народов и государств также приводит к отрицательным следствиям. В.С. Соловьёв, разрабатывая концепцию всеединства, подчеркивает важность любви к людям как к представителям конкретных национальных культур, умения видеть в своем народе то, что значимо для всего человечества, развивать и усиливать это. На наш взгляд, концепция В.С. Соловьёва может быть признана актуальной в наши дни и быть положена в основу разработки образа грядущего для России и мира.

Литература

Булова, М. Л. (2017), «Диалектика национального и патриотического в философии истории В.С. Соловьёва», *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 3-2(77), 25-31. EDN: YGSTWZ

Владимиров, В. В. (2006), *Смысл русской жизни*, Алгоритм, Эксмо, Москва. EDN: QOFWBV

Пашков, С. В. (2020), «Патриотизм как национальная духовная идея: нравственное содержание патриотизма в трактовке В.С. Соловьёва», *Психология и педагогика социального воспитания: Мат-лы III Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием, посвящ. 85-летию со дня рождения А.Н. Лутошкина, Кострома, 03–05 марта 2020 года*, Кирпичник, А. Г. и Самохвалова, А. Г. (ред.), Костромской государственной университет, Кострома, 95-101.

Пепеляев, А. В. (2024), «Русский философ В.С. Соловьёв об отношении к войне, армии и военной службе», *Гуманитарные проблемы военного дела*, 1, 14-16. EDN: ЕРКХЕА

- Сиземская, И. Н., Новикова, Л. И. (2004), *Идеи воспитания в русской философии. XIX – начало XX века*, РОССПЭН, Москва.
- Соловьёв, В. С. (2012), *Оправдание добра*, Институт русской цивилизации, Алгоритм, Москва.
- Соловьёв, В. С. (1991), «Поэзия А. К. Толстого», *Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика*, Искусство, Москва, 483-506.
- Соловьёв, В. С. (1990), «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями», *Соловьёв В. С. Сочинения в 2-х томах. Том 2*, Мысль, Москва, 635-761.
- Трубецкой, Е. Н. (1995), *Мирозерцание В. С. Соловьёва. Том 1*, Медиум, Москва.
- Финогентов, В. Н. (2025), «П. Я. Чаадаев и В. С. Соловьёв о любви к Родине», *Философские и методологические проблемы исследования российского общества: Сб. трудов IX Междунар. науч. конференции, Москва, 21 ноября 2025 года*, ООО "Сам Полиграфист", Москва, 87-95.
- Чикаева, Т. А. (2022), «О понятии Родины (некоторые методологические размышления)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 8(1), 127-133. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-12; EDN: XZMKEA

References

- Burova, M. L. (2017), "Dialectics of the national and the patriotic in V. S. Solovyov's philosophy of history", *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, 3-2, 25-31 (in Russ.). EDN: YGSTWZ
- Chikaeva, T. A. (2022), "On the concept of homeland (some methodological reflections)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8(1), 127-133 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-12; EDN: XZMKEA
- Finogentov, V. N. (2025), "P.Ya. Chaadaev and V.S. Solovyov on love for the Motherland", *Philosophical and methodological problems of Russian society research: Proceedings of the IX International Scientific Conference, Moscow, November 21, 2025*, ООО "Sam Polygraphist", Moscow, 87-95 (in Russ.).
- Pashkov, S. V. (2020), "Patriotism as a national spiritual idea: the moral content of patriotism as interpreted by V.S. Solovyov", *Psychology and pedagogy of social education: Proceedings of the III Scientific and Practical conference dedicated to the 85th anniversary of A.N. Lutoshkin, Kostroma, March 03-05, 2020*, Kirpichnik, A. G. & Samokhvalova, A. G. (eds.), Kostroma State University, Kostroma, 95-101 (in Russ.).
- Pepelyaev, A. V. (2024), "The Russian philosopher V.S. Solovyov on the attitude towards war, the army and military service", *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela [Humanitarian problems of military affairs]*, 1, 14-16 (in Russ.). EDN: EPKXEA
- Sizemskaya, I. N. & Novikova, L. I. (2004), *Idey vospitaniya v russkoy filosofii. XIX – nachalo XX veka* [Ideas of education in Russian philosophy. 19th – early 20th centuries], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).
- Solovyov, V. S. (2012), *Opravdaniye dobra* [Justification of goodness], Institute of Russian Civilization, Algorithm, Moscow, Russia (in Russ.).
- Solovyov, V. S. (1991), "Poetry of A. K. Tolstoy", in: *Solovyov V. S. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism], Iskusstvo, Moscow, USSR, 483-506 (in Russ.).
- Solovyov, V. S. (1990), "Three conversations about war, progress and the end of world history, with the inclusion of a short story about the Antichrist and with appendices," in: *Solovyov V. S. Sochineniya v 2-h tomah. Tom 2* [Essays in 2 volumes. Volume 2], Mysl, Moscow, USSR, 635-761 (in Russ.).
- Trubetskoy, E. N. (1995), *Mirosozertsaniye V. S. Solovyeva. Tom 1* [The Worldview of V. S. Solovyov. Vol. 1], Medium, Moscow, Russia (in Russ.).
- Vladimirov, V. V. (2006), *Smysl russkoy zhizni* [The meaning of Russian life], Algorithm, Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QOFWBV

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Татьяна Александровна Чикаева, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, проректор по научной работе, Московский художественно-промышленный институт, ул. Давыдовская, д. 6, стр. 1, г. Москва, 121352, Россия; umoi@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana A. Chikaeva, Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Vice-Rector for Research, Moscow Art and Industrial Institute, 6/1 Davydkovskaya St., Moscow, 121352, Russia; umoi@rambler.ru

УДК: 008:94(47).084.8

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-7

Невзоров С. Г.

**Героика Курской битвы: культурологическая интерпретация
коллективного подвига**

Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко,
пр-т Победы, д. 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация;
sg-nevzorov@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята культурологическая интерпретация героики Курской битвы как особого типа коллективного подвига, вписанного в символическую, ценностную и мемориальную структуру отечественной культуры. Актуальность работы определяется усилением информационного противоборства вокруг событий Великой Отечественной войны, попытками десакрализации советского воинского подвига и потребностью в концептуальной рамке, соединяющей военно-историческую фактологию с культурологическим анализом. Новизна подхода заключается в рассмотрении героики не как суммы индивидуальных актов, а как целостного культурного феномена в единстве четырех плоскостей, а именно: ценностно-символической, агитационно-коммуникативной, эго-документальной и коммеморативной. На материале научных публикаций (монографий, статей, авторефератов диссертаций) выявлены механизмы перевода военного события в знаково-символическую систему национальной идентичности. Показано, что в 1943 г. коллективный подвиг на Курской дуге встраивался в ряд «ратных полей России» вместе с Куликовым и Бородинским, а фигуры артиллериста, летчика, пехотинца, медика и рабочего приобретали черты культурных архетипов. Героика Курской битвы сохраняет статус стержневой духовной ценности российской культуры и требует комплексной реконструкции средствами военной истории, семиотики и символической политики.

Ключевые слова: Курская битва; героика; коллективный подвиг; культурология; историческая память; символическая политика; коммеморативные практики

Для цитирования: Невзоров, С. Г. (2026), «Героика Курской битвы: культурологическая интерпретация коллективного подвига», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 74-84. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-7

S. G. Nevzorov

**The Heroism of the Battle of Kursk: A Cultural Interpretation
of Collective Feat**

Bondarenko Orenburg State University,
13 Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation;
sg-nevzorov@mail.ru

Abstract. The article provides a cultural interpretation of the heroism of the Battle of Kursk as a special type of collective feat that is embedded in the symbolic, value-based,

and memorial structure of Russian culture. The relevance of the article is determined by the intensification of information warfare surrounding the events of the Great Patriotic War, attempts to de-sacralize Soviet military heroism, and the need for a conceptual framework that combines military-historical factual information with cultural analysis. The novelty of the approach lies in considering heroism not as a sum of individual acts, but as a holistic cultural phenomenon in the unity of four planes, namely: value-symbolic, agitation-communicative, ego-documentary, and commemorative. Based on the material of scientific publications (monographs, articles, and dissertation abstracts), the mechanisms of translating a military event into a symbolic system of national identity have been identified. It is shown that in 1943, the collective feat of the Battle of Kursk was placed in the ranks of Russia's "third battlefield" along with the Battle of Kulikovo and the Battle of Borodino, and the figures of the artilleryman, pilot, infantryman, medic, and worker acquired the characteristics of cultural archetypes. The heroism of the Battle of Kursk retains its status as a core spiritual value of Russian culture and requires a comprehensive reconstruction through the use of military history, semiotics, and symbolic politics.

Keywords: Battle of Kursk; heroic narrative; collective feat of arms; cultural studies; historical memory; symbolic politics; commemorative practices

For citation: Nevzorov, S. G. (2026), "The Heroism of the Battle of Kursk: A Cultural Interpretation of Collective Feat", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 74-84. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-7

Введение

Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 г.) занимает в отечественной и мировой истории и культуре особое место. С военной точки зрения она обозначила завершение коренного перелома в ходе всей войны с фашистско-милитаристским блоком на европейском театре Второй мировой войны (Шамрай, 2017: 3); в политическом отношении Курская битва стала символом непобедимой мощи нашего государства и его Вооруженных сил и одновременно памятником передовой советской военной науке, превзошедшей военную науку фашистской Германии (Казьмин и Кузнецов, 2008: 112); в культурно-символическом плане она оформила зрелый образ советской героики, в котором индивидуальный акт мужества становится элементом коллективной смысловой конструкции.

Библиографический указатель «Огненная дуга» фиксирует 727 книг и статей за период с 2009 г. по август 2018 г. (Коровин, 2018: 142), однако доминирующая часть литературы выполнена традиционно в военно-исторической парадигме; культурологическая интерпретация коллективного подвига остается фрагментарной. Отдельные сюжеты – символическая политика вокруг Прохоровского поля (Никифоров, 2018: 88-94), ценностно-коммуникативная составляющая военной повседневности (Небродовская-Мазур и Матвеева, 2024: 337-345), монументальная пропаганда (Кизилова, 2021: 21-23) были разработаны порознь и не объединены общей концептуальной рамкой.

В условиях современной информационной войны Курская битва часто становится объектом ревизионистских нарративов, пытающихся дезавуировать героический канон (Старостенков, 2024: 9-19; Стариков, 2023: 33), и культурологическое осмысление героики приобретает характер не только академической, но и мировоззренческой задачи.

Сложившиеся в отечественной науке описания подвига под Курском тяготеют к двум полюсам: либо к военно-операциональной реконструкции боевых действий, либо к этико-патриотическому дискурсу, апеллирующему к долгу и памяти. Между этими полюсами

образуется зона, в которой остается недостаточно раскрытым вопрос о механизмах культурного производства героики, о том, как и посредством каких знаковых систем индивидуальный воинский акт превращается в элемент коллективного культурного опыта.

Цель работы видится в том, чтобы на основании корпуса современных научных исследований дать культурологическую интерпретацию героики Курской битвы как феномена коллективного подвига, выявив его ценностно-символические, агитационно-коммуникативные, эго-документальные и коммеморативные основания.

Общенаучную основу составляют принципы историзма, системности и социально-аксиологического подхода. Культурологический уровень анализа реализован через: семиотический подход, трактующий события Курской битвы как знаковую систему, в которой топонимы (Поныри, Прохоровка), фигуры героев и предметный ряд (танк, оружие, самолет, знамя) функционируют как культурные символы; изучение памяти, служащее анализу коллективных представлений о битве и их коммеморативной кристаллизации. Также в исследовании используются: концепт «символической политики»; структурно-функциональный метод реконструкции агитационной работы; историографический анализ для различения факта, мифа и идеологически ангажированной версии.

Основная часть

Понятие «героика» в культурологической оптике не сводится к сумме индивидуальных актов мужества; оно обозначает смысловую конфигурацию, в которой военное событие превращается в культурный текст с устойчивыми ценностно-нормативными значениями. Применительно к Курской битве такая конфигурация включает четыре компонента: экзистенциальный выбор участника, коллективную сопричастность, символическое переозначивание и коммеморацию. П.В. Петрий подчеркивает, что «историческая память о подвигах нашего народа есть сегодня та самая духовная ценность, без которой невозможно поступательное движение России вперед» (Петрий, 2013: 7): подвиг интерпретируется как форма ответа культуры на исторические вызовы, формирующие национальный характер.

Героика Курской битвы обнаруживает цивилизационную природу. А.М. Соколов и Д.Н. Филипповых квалифицируют Вторую мировую войну как «жестокое столкновение различных цивилизационных проектов», исход которого определял «судьбы всего человечества» (Соколов и Филипповых, 2018: 96). Е.М. Малышева фиксирует: в Курской битве «рельефно себя проявила внутренняя духовная сила советского общества, его консолидация, мобилизационные ресурсы властных структур» (Малышева, 2018: 87). Ю.А. Никифоров указывает на устойчивую связь «эмоционально-чувственного образа Прохоровского сражения» с инструментарием символической политики, культурной памяти и художественной репрезентации (Никифоров, 2018: 89-90).

Культурологически значимо превращение военно-географических точек в определенные культурные символы. Наиболее отчетливо работа культурного кода видна на примере Прохоровки: «в массовом восприятии Прохоровка стала символом не только собственно Курской битвы, но и встала в один ряд с важнейшими национальными символами Великой Отечественной войны в целом: Брестской крепостью, разъездом Дубосеково, Мамаевым курганом и другими» (Никифоров, 2018: 88). Боестолкновение превращается в знак, «третье ратное поле России», наряду с Куликовым и Бородинским (Никифоров, 2018: 89); формирование такого канона становится механизмом национальной самоидентификации. При этом Ю.А. Никифоров предостерегает от смешения научно-исторического и символического регистров, так как критика «глянцевого мифа» нередко основана на некорректной процедуре, когда единичным эпизодам придается статус опровержения всего комплекса представлений (Никифоров, 2018: 90-91).

Сам ход битвы насыщен топонимами, получившими символический статус: Поныри, Ольховатка, где «в первые дни Курской битвы шли тяжелые и изнурительные бои» (Друговская, 2018: 301), Обоянь, Белгородско-Харьковское направление. «Курская дуга» стала культурной метафорой негибкой обороны: в апреле–июне 1943 г. была выстроена эшелонированная оборона глубиной до 300 км с восемью рубежами (Широбоков, 2018: 53).

Культурологический аспект Курской битвы неотделим от идейно-ценностного сдвига в советской официальной культуре 1943 г. Е.Ю. Небродовская-Мазур и И.П. Матвеева фиксируют пересмотр агитационно-пропагандистской стратегии и потребность в возврате к «корням культуры и традициям» (Небродовская-Мазур и Матвеева, 2024: 344). Авторы указывают несколько направлений поворота: «смягчение классово-идеологии» (с 23 февраля 1943 г. красноармеец отвечает «Служу Советскому Союзу!» вместо «Служу трудовому народу»); возвращение церковных институтов и государственные награды священнослужителям; учреждение орденов Суворова и Славы, причем с орденом Славы возвращается и георгиевская лента, восходящая к Императорскому Военному ордену Святого Георгия (1769); возвращение отмененных в 1917 г. погон и массовые издания книг о походах А.В. Суворова, той фигуры, которую «даже представить героем послереволюционной России было практически невозможно» (Небродовская-Мазур и Матвеева, 2024: 343). Эти трансформации означают осознанную реактивацию «исторического культурного капитала» и выстраивание преемственности между Советской армией и дореволюционной воинской культурой; советский солдат 1943 г. предстает наследником суворовских чудо-богатырей и георгиевских кавалеров.

Одновременно меняется и внутренняя организация агитационной работы: переход от лекционных форм к установке на «беседу на равных», с привязкой содержания «к положению и ситуации на фронте и жизни людей» (Небродовская-Мазур и Матвеева, 2024: 344). Ю.Н. Широбоков демонстрирует эту же логику в плоскости психологической подготовки войск: в 13-й армии, принявшей главный удар на северном фланге Курского выступа, с апреля по июнь 1943 г. реализовывались программы с жестким распорядком: «8 часов – учеба, 8 – оборонительные работы, 8 – отдых»; главной задачей определялось «сформировать морально-психологическую устойчивость личного состава» в условиях, «максимально приближенных к боевой обстановке», включая обязательную «обкатку танками» (Широбоков, 2018: 53). Тем самым героика Курской битвы становится результатом систематической культурной работы, соединяющей идеологическое, мировоззренческое и телесно-психологическое измерения.

Культурологическая интерпретация коллективного подвига обязана удерживать диалектику индивидуального и массового. С одной стороны, в ходе Курской битвы, по данным разных авторов, звание Героя Советского Союза было удостоено свыше 230 воинов (Колякина, 2016: 46). С другой стороны, сами эти «именные» подвиги возможны только как элементы большого целого.

Конкретные акты мужества воспроизводят узнаваемые архетипические сюжеты, здесь работает архетип «последнего рубежа», восходящий к эпосу и житиям, фиксирует базовую культурологическую операцию: воинский подвиг переводится в педагогически-культурный текст.

Частным, но показательным сюжетом является судьба братьев-артиллеристов Терезовых, реконструированная О.А. Колякиной на материале фондов мемориала «Курская дуга» (Колякина, 2016: 47-49). Судьбы семейных династий образуют в культуре Курской битвы особый архетип «братского подвига», в котором индивидуальный выбор укоренен в родственных связях.

В героике Курской битвы встраивается и проблематика дисциплины и покаяния. А.В. Мороз показывает, что в сражении участвовали фронтовые и армейские штрафные формирования, использовавшиеся «на наиболее трудных участках фронтов и армий» (Мороз,

2024: 120-121). Культурологически это означает присутствие сюжета «искупления», восходящего к архетипическому слою отечественной культуры: возможность восстановления чести через воинский подвиг.

Наконец, героика Курской дуги сопряжена с этической оценкой потерь. О.А. Андрусъ и А.П. Шатилов демонстрируют, что реальные потери вермахта были больше утвердившихся в зарубежной историографии цифр, и объясняют это стремлением немецкой послевоенной мемуаристики занизить масштаб поражения (Андрусъ и Шатилов, 2024: 80).

Важнейшим культурологическим механизмом трансляции героики являются эго-документы. Е.А. Шендриков реконструирует картину сражений «на основе дневников, писем и воспоминаний современников», показывая, что такие источники передают «настроения солдат, их боевой дух и уверенность в Победе»; используются свидетельства как советских штабистов (С.М. Штеменко), так и немецких офицеров (Ф.В. фон Меллентин, К.Ф. Бранд) (Шендриков, 2018: 144-152). Эго-документ выполняет тройную функцию: фиксирует непосредственный опыт как «живое свидетельство»; служит способом самоконструирования субъекта подвига; становится основой последующей литературно-художественной переработки.

Особую ценность представляют воспоминания военных медиков. А.Ю. Друговская раскрывает судьбы выпускников Курского медицинского института – участников Курской битвы; в годы Великой Отечественной войны около 700 тыс. медиков обеспечивали возвращение в строй 70 % раненых (Друговская, 2018: 300-303). Выпускница 1940 г. А.И. Каплинская описывает возвращение в освобожденный Курск: «И вот я в Курске – городе моей юности, – вот он – медицинский институт, безмолвный, тихий, с зияющими глазницами выбитых окон и дверей» (цит. по: Друговская, 2018: 300). Поруганный город и воскресающий строй бойцов образуют смысловую ось «разрушение – исцеление», в которой медик оказывается не менее значимым героем, чем артиллерист или летчик.

Функционально близки к эго-документу тексты фронтовых корреспондентов. Г.А. Чурилова рассматривает «боевые строки фронтовых корреспондентов» применительно к Курской битве (Чурилова, 2019: 307-310); ее тезис – «время бессильно перед исторической памятью людей. Из поколения в поколение передаются свидетельства мужества и стойкости советских воинов» (Чурилова, 2019: 307) – точно фиксирует культурологическую функцию журналистики как института передачи памяти.

Культурологическая оптика позволяет прочитывать «профессиональные» образы родов войск как культурные феномены. П.В. Казьмин и Д.А. Кузнецов подчеркивают, что Курская битва останется «памятником передовой советской военной науке»; советская авиация превосходила противника в истребителях в 1,8 и в штурмовиках в 9 раз (Казьмин и Кузнецов, 2010: 112). Автореферат В.А. Шамрая, посвященный 2-й воздушной армии Воронежского фронта, обосновывает необходимость «аргументированного отпора фальсификаторам» (Шамрай, 2017: 11). Фигура летчика воплощает новый тип героя, соединяющего мужество и высокую квалификацию. Тяжесть борьбы с танками вермахта, включая новые «Тигры» и «Пантеры», приняла на себя артиллерия, сыгравшая «важную и решающую роль» (Колякина, 2016: 47); культурная семантика артиллерийского подвига выстраивается вокруг образа «щита». Образ пехотинца получил хрестоматийное выражение в мемуарах маршала Г.К. Жукова: «Я много раз видел, как солдаты поднимались в атаку... А ведь многие из них едва узнали вкус жизни: 19–20 лет – лучший возраст для человека» (цит. по: Петрий, 2013: 5). Героика превращается в обязательство культуры помнить, что подвиг совершали совсем молодые люди.

Коллективный подвиг на Курской дуге не отделим от трудового подвига тыла. Н.Г. Кононов фиксирует работу предприятий пищевой промышленности Курской области в прифронтовых условиях: «54 000 человек» работающих, «продукции на 320 млн. рублей

в год» (Кононов, 2018: 177), явное свидетельство массовости усилий рабочих, в котором тыл не уступал фронту. Сюда же относится колоссальный объем оборонительных работ: в строительстве рубежей участие «принимало практически все местное население»; в полосе обороны Центрального фронта «трудился более 10 тысяч уроженцев Орловской области» (Петрий, 2013: 5). Партизанское и подпольное движение П.В. Петрий характеризует как «самое яркое проявление патриотизма»: в ответ на оккупацию, длившуюся 22 месяца, «народ оказывал захватчикам яростное сопротивление» (Петрий, 2013: 4). Героикой становится не только бой, но и эвакуация, труд на заводе, рытье траншей, подпольная работа; фронт и тыл фактически совпадают географически, что придает коллективному подвигу характер тотального культурного усилия.

Четвертым несущим блоком анализа героики является работа коллективной памяти. Наиболее систематически она реконструирована в диссертационном исследовании Е.В. Кизиловой о деятельности органов власти и общественных объединений по монументальной пропаганде событий и героев Курской битвы в 1940–1990-е годы. Автор анализирует «взаимодействие властных структур и общественных организаций в вопросах увековечения подвига советских воинов на Курской дуге», реконструирует проектирование главного монумента в честь Победы коллективом под руководством академика Е.В. Вучетича и проекты П.И. Бондаренко и М.Л. Теплицкого (Кизилова, 2021: 127-129). Этот комплекс материалов существенен в нескольких отношениях. Во-первых, он демонстрирует институциональный характер коммеморации: память о Курской битве поддерживается системой взаимодействий между государственными органами и общественными инициативами. Во-вторых, даже в условиях «мемориальных долгостроев» позднесоветского времени (Кизилова, 2021: 130) идея монументального увековечения сохраняет статус обязательной культурной задачи. В-третьих, мемориальные комплексы от «Курской дуги» до Прохоровского поля становятся «точками кристаллизации» коллективного подвига в пространстве современной России.

Ю.А. Никифоров напоминает, что в 1995 г. Указом Президента России на Прохоровском поле был создан музей-заповедник «в целях увековечения памяти погибших при защите Отечества в битве на Курской дуге», а в 2010 г. открылся Музей боевой славы Третьего ратного поля России (Никифоров, 2018: 88). Именно этот символический ряд, «три ратных поля» – Куликово, Бородино, Прохоровка – превращает Курскую битву в культурологически «длинную память», в которой эпохи Дмитрия Донского, Кутузова и советских маршалов соединяются в единый смысловой континуум.

О.В. Пенкина и И.В. Серявин показывают, что «целостное видение войны и ее образов помогает нам представить художественные образы коммеморативной практики которые воплощены через художественную культуру» (Пенкина и Серявин, 2023: 23). Коллективный подвиг закрепляется не только в монументальной пластике и топонимике, но и в кинематографе, изобразительном искусстве, театральных и музыкальных формах. Упомянутая Ю.А. Никифоровым киноэпопея Ю. Озерова «Освобождение» и обширная мемуарная традиция (Никифоров, 2018: 88) формируют «культурную экологию» героики, среду, в которой последующие поколения встречаются с событием еще до того, как начинают его изучать.

Культурологическая интерпретация коллективного подвига требует трезвой оценки текущих процессов вокруг памяти о Курской битве. С.В. Стариков указывает, что «идет ожесточенная борьба за историческую память», а фальсификаторы «стремятся разрушить историческую память, навязать молодому поколению некие “новые стандарты”» (Стариков, 2023: 33); автор разбирает характерные мифы, а именно: о решающей роли высадки союзников в Сицилии, преувеличении немецких и занижении советских достижений (Стариков, 2023: 35-36). Н.В. Старостенков подчеркивает, что «наши противники стремятся использовать

в качестве объекта своего информационного воздействия российскую молодежь» (Старостенков, 2024: 19), отсюда следует необходимость укрепления системы трансляции исторических знаний обществу и повышение эффективности патриотического воспитания.

Научное сообщество отвечает на эти вызовы. В.Н. Замулин фиксирует, что «первое десятилетие наступившего XXI века можно считать наиболее плодотворным для историографии Курской битвы за последние сорок лет» (Замулин, 2017: 26). В.В. Коровин отмечает, что отечественные ученые стремятся «уточнить и конкретизировать общий ход боевых операций... восстановить имена и оценить личный вклад отличившихся участников событий» (Коровин, 2018: 142).

М.С. Полянский в сравнительном анализе немецкого 10-томника и российского 12-томника показывает, что даже немецкие авторы признают необходимость устранения «несправедливой, по их мнению, роли Восточного фронта» (Полянский, 2018: 228). А.А. Падерин прослеживает связь оценок западных историков с немецкой послевоенной мемуаристикой и стремление представить Восточный фронт как «забытую войну» (Падерин, 2013: 94-95); В.С. Иванов, Д.В. Корнев и Н.В. Князева показывают, как расхождения в оценках потерь у Ф. де Ланнуа, В. Хаупта, В. Гёрлица используются для ревизионистских трактовок (Иванов, Корнев и Князева, 2023: 80). Героика Курской битвы сегодня – это не только предмет академического интереса, но и поле символического противостояния.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд обобщений.

Героика Курской битвы адекватно описывается как целостный культурный феномен, структурированный по четырем взаимосвязанным осям: ценностно-символической, агитационно-коммуникативной, эго-документальной и коммеморативной. Все они замкнуты на единую задачу: перевод военного события в ценностный ресурс национальной культуры.

Семиотически героика Курской битвы организована вокруг ключевых символических центров, прежде всего Прохоровского поля как «третьего ратного поля России», закрепленного в массовом сознании в одном ряду с Куликовым и Бородинским. Это превращает Курскую битву в один из знаковых элементов «длинной памяти» отечественной культуры.

В 1943 г. государственная символическая политика совершает культурный поворот, реабилитируя дореволюционное воинское наследие (ордена Суворова и Славы, георгиевская лента, погоны), смягчая классовую риторику и корректируя отношения с Церковью. Этот сдвиг формирует символический горизонт, в котором коллективный подвиг приобретает полный культурный объем.

Коллективный подвиг реализуется через конкретные судьбы, закрепляется в эго-документах, переходя в литературно-художественный и педагогический канон. Культура Курской битвы интернациональна и охватывает все рода войск, медиков и труженников тыла, включая и сюжет участия штрафных формирований.

Коммеморативные практики (монументальные комплексы, музеи-заповедники, мемориальные ландшафты) обеспечивают институциональное воспроизводство героики. Работы Е.В. Кизиловой показывают, что монументальная пропаганда Курской битвы в 1940–1990-е годы была результатом взаимодействия государственных структур и общественных инициатив.

В ситуации информационной войны героика Курской битвы приобретает функцию культурного ресурса национальной безопасности. Научное опровержение фальсификаций и поддержание живого культурного канона оказываются двумя сторонами одной задачи.

Дальнейшее развитие темы предполагает объединение усилий историков, культурологов, музееведов, педагогов и специалистов в области медиа. Междисциплинарный

подход позволит удержать героину Курской битвы не как предмет юбилейной риторики, а как живую культурную форму, способную отвечать на современные мировоззренческие вызовы.

Литература

Андрусъ, О. А. и Шатилов, А. П. (2024), «Потери личного состава вермахта в Курской битве», *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки*, 6(1), 80-93. DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-1-80-93

Друговская, А. Ю. (2018), «Курская битва в воспоминаниях военных медиков», *История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти: Сб. науч. ст. участников Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию победы в Курской битве, Курск, 14–15 мая 2018 г.*, Университетская книга., Курск, 300-303.

Замулин, В. Н. (2017), «К вопросу изучения истории Курской битвы отечественными учеными начала XXI века (опыт историографического обзора)», *Курский военно-исторический сборник. Вып. 18*, Университетская книга, Курск, 26-42.

Иванов, В. С., Корнев, Д. В. и Князева, Н. В. (2023), «В тени Курской битвы: некоторые аспекты истории», *Вестник Екатеринбургского института*, 2, 80-83.

Казьмин, П. В. и Кузнецов, Д. А. (2010), «Боевая авиация в битве на Курской дуге», *Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций: Материалы I международной научно-практической интернет-конференции, посвященной 20-летию образования МЧС России и 65-летию Победы в Великой Отечественной войне*, ВИ ГПС МЧС России, Воронеж, 112-114.

Кизилова, Е. В. (2021), *Деятельность органов власти и общественных объединений по монументальной пропаганде событий и героев Курской битвы (1940-1990-е годы)*, Дис. ... канд. ист. наук, Курск.

Колякина, О. А. (2016), «Герои-артиллеристы Курской битвы – бессмертная фронтовая дорога братьев Терезовых», *Тенденции развития науки и образования*, 12(3), 46-51. DOI: 10.18411/lj2016-3-59; EDN: VWRQFD

Кононов, Н. Г. (2018), «О трудовом подвиге рабочих пищевой промышленности Курской области накануне и в период Курской битвы», *История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти: Сб. науч. ст. участников Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию победы в Курской битве, Курск, 14–15 мая 2018 г.*, Университетская книга., Курск, 176-184.

Коровин, В. В. (2018), «Особенности современной отечественной историографии Курской битвы», *Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны: проблемы исследования и сохранения исторической памяти: Международная научно-практическая конференция, Оренбург, 30 ноября 2018 г.*, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, 142-147.

Мальшева, Е. М. (2018), «На пути к Победе: оценка Курской битвы через 75 лет», *История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти: Сб. науч. ст. участников Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию победы в Курской битве, Курск, 14–15 мая 2018 г.*, Университетская книга., Курск, 87-92.

Мороз, А. В. (2024), «Участие фронтовых и армейских штрафных формирований в Курской битве», *Вестник Екатеринбургского института*, 1(65), 120-124. EDN: QZMNKV

Небродовская-Мазур, Е. Ю. и Матвеева, И. П. (2024), «Историческое наследие Курской битвы как социально-ценностное основание формирования неискаженной картины мира современной молодежи», *Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства: В 3 т. Т. 3*, РАН – Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, 337-345.

Никифоров, Ю. А. (2018), «Прохоровское сражение в исторической памяти и историографии: (к 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве)», *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, 4, 88-94. EDN: VSBSPU

Падерин, А. А. (2013), «Курская битва в оценках западных историков: к 70-летию великого сражения», *Вестник МГИМО*, 5, 90-100. EDN: RFXJAP

Пенкина, О. В. и Серявин, И. В. (2023), «Память о Курской битве в коммеморативных практиках», *Reports Scientific Society*, 11, 21-24.

Петрий, П. В. (2013), «Битва на Курской Дуге как веха великой Победы и духовная ценность современной России», *Армия и общество*, 2, 6-11. EDN: RUSXZV

Полянский, М. С. (2018), «Освещение Курской битвы в современных фундаментальных отечественных и зарубежных трудах», *1943 год. От Курска до Днепра*, Нестор-История, Москва, 228-236.

Соколов, А. М. и Филипповых, Д. Н. (2018), «Огнем горела Курская дуга» (к 75-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве), *Военный академический журнал*, 2, 96-102. EDN: OWGUQV

Стариков, С. В. (2023), «К 80-летию Курской битвы Великой Отечественной войны: фальсификации, мифы и правда истории», *Регионы России в военной истории страны: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 15–16 ноября 2023 г.*, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола, 32-44.

Старостенков, Н. В. (2024), «Курская битва и ее значение для патриотического воспитания российской молодежи», *Этносоциум и межнациональная культура*, 3, 9-19.

Чурилова, Г. А. (2019), «Курская битва: Боевые строки фронтовых корреспондентов», *Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: Материалы XXV юбилейной ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 22 марта 2019 г. Т. 2*, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, 307-310.

Шамрай, В. А. (2017), *История боевых действий 2-й воздушной армии на Курской дуге в апреле-августе 1943 г.*, Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.

Шендриков, Е. А. (2018), «Курская битва в дневниках, письмах и воспоминаниях современников», *История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти: Сб. науч. ст. участников Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию победы в Курской битве, Курск, 14-15 мая 2018 г.*, гл. ред. Коровин, В. В., Университетская книга, Курск, 144-152.

Широбоков, Ю. Н. (2018), «Формирование морально-психологической устойчивости войсками 13 армии в Курской битве», *Броня крепка...: Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 75-й годовщине разгрома фашистских войск в Курской битве, Дню танкиста и танкостроителей, Омск, 21 сентября 2018 г.*, Омский государственный технический университет, Омск, 52-57.

References

Andrus, O. A. and Shatilov, A. P. (2024), "Personnel losses of the Wehrmacht in the Battle of Kursk", *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, 6(1), 80-93. DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-1-80-93 (in Russ.).

Churilova, G. A. (2019), "The Battle of Kursk: battle lines of front-line correspondents", *Rossiia i mir v novoye i noveyshee vremya – iz proshlogo v budushchee: Materialy XXV yubileynoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Sankt-Peterburg, 22 marta 2019 g. T. 2 [Russia and the World in Modern and Contemporary Times – From the Past to the Future: Proc. of the XXV Anniversary Annual International Scientific Conference, St. Petersburg, March 22, 2019. Vol. 2], Publishing House of the Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia, 307-310 (in Russ.).

Drugovskaya, A. Yu. (2018), "The Battle of Kursk in memoirs of military medics", *Istoriya Kurskoy bitvy: problemy i perspektivy issledovaniya i sokhraneniya pamyati: Sb. nauch. st. uchastnikov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu pobedy v Kurskoy bitve, Kursk, 14-15 maya 2018 g.* [The History of the Battle of Kursk: Problems and Prospects of Research and Preservation of Memory: Collection of scientific articles by participants of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th anniversary of the victory in the Battle of Kursk, Kursk, May 14–15, 2018], Universitetskaya kniga, Kursk, Russia, 300-303 (in Russ.).

Ivanov, V. S., Kornev, D. V. and Knyazeva, N. V. (2023), "In the shadow of the Battle of Kursk: some aspects of history", *Bulletin of Catherine the Great National Institute*, 2, 80-83 (in Russ.).

Kazmin, P. V. and Kuznetsov, D. A. (2008), “Combat aviation in the Battle of Kursk”, *Sovremennyye tekhnologii obespecheniya grazhdanskoj oborony i likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsiy: Materialy I mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu obrazovaniya MCHS Rossii i 65-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Modern Technologies for Civil Defense and Elimination of Consequences of Emergencies: Proc. of the 1st International Scientific and Practical Internet Conference Dedicated to the 20th Anniversary of the Emergencies Ministry of Russia and the 65th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War], Publishing House of the Voronezh Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Voronezh, Russia, 112-114 (in Russ.).

Kizilova, E. V. (2021), “Activity of Authorities and Public Associations on the Monumental Propaganda of Events and Heroes of the Battle of Kursk (1940s-1990s)”, Ph.D. Thesis, Publishing House of Kursk State University, Kursk, Russia (in Russ.).

Kolyakina, O. A. (2016), “Hero artillerymen of the Battle of Kursk – the immortal front-line road of the Terezov brothers”, *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education], 12(3), 46-51 (in Russ.). DOI: 10.18411/ij2016-3-59; EDN: VWRQFD

Kononov, N. G. (2018), “On the labor feat of workers of the food industry of the Kursk region on the eve and during the Battle of Kursk”, *Istoriya Kurskoy bitvy: problemy i perspektivy issledovaniya I sokhraneniya pamyati: Sb. nauch. st. uchastnikov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu pobedy v Kurskoy bitve, Kursk, 14–15 maya 2018 g.* [The History of the Battle of Kursk: Problems and Prospects of Research and Preservation of Memory: Collection of scientific articles by participants of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th anniversary of the victory in the Battle of Kursk, Kursk, May 14–15, 2018], Universitetskaya kniga, Kursk, Russia, 176-184 (in Russ.).

Korovin, V. V. (2018), “Features of modern Russian historiography of the Battle of Kursk”, *Zaversheniye korennoy pereloma v khode Velikoy Otechestvennoy voyny: problemy issledovaniya I sokhraneniya istoricheskoy pamyati: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Orenburg, 30 noyabrya 2018 g.* [Completion of the Radical Turning Point during the Great Patriotic War: Problems of Research and Preservation of Historical Memory: International Scientific and Practical Conference, Orenburg, November 30, 2018], Publishing House of the Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, 142-147 (in Russ.).

Malysheva, E. M. (2018), “On the way to Victory: assessment of the Battle of Kursk 75 years later”, *Istoriya Kurskoy bitvy: problemy i perspektivy issledovaniya i sokhraneniya pamyati: Sb. nauch. st. uchastnikov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu pobedy v Kurskoy bitve, Kursk, 14-15 maya 2018 g.* [The History of the Battle of Kursk: Problems and Prospects of Research and Preservation of Memory: Collection of scientific articles by participants of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th anniversary of the victory in the Battle of Kursk, Kursk, May 14-15, 2018], Universitetskaya kniga, Kursk, Russia, 87-92 (in Russ.).

Moroz, A. V. (2024), “Participation of frontline and army penal formations in the Battle of Kursk”, *Bulletin of Catherine the Great National Institute*, 1, 120-124 (in Russ.). EDN: QZMNKV

Nebrodovskaya-Mazur, E. Yu. and Matveeva, I. P. (2024), “The historical legacy of the Battle of Kursk as a socio-value basis for the formation of an undistorted picture of the world of modern youth”, *Vtoraya mirovaya voyna i sovremennyye tendentsii po iskazheniyu yeye itogov i poslevoynnogo miroustroystva: V 3 t. T. 3* [The Second World War and Current Tendencies to Distort Its Results and the Post-War World Order: In 3 vols. Vol. 3], RAS Publishing House – Witte Moscow University, Moscow, 337-345 (in Russ.).

Nikiforov, Yu. A. (2018), “Prokhorovka Battle in historical memory and historiography (to the 75th anniversary of the defeat of the Nazi troops in the Battle of Kursk)”, *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*, 4, 88-94 (in Russ.). EDN: VSBSPU

Paderin, A. A. (2013), “The Battle of Kursk: How the Western Historians Appreciate It”, *MGIMO Review of International Relations*, 5, 90-100 (in Russ.). EDN: RFXJAP

Penkina, O. V. and Seryavin, I. V. (2023), “The Memory of the Battle of Kursk in Commemorative Practices”, *Reports Scientific Society*, 11, 21-24 (in Russ.). EDN: GYRUJK

Petry, P. V. (2013), “The Battle of Kursk as a milestone of the Great Victory and a spiritual value of modern Russia”, *Armiya i obshchestvo* [Army and society], 2, 6-11 (in Russ.). EDN: RUSXZV

Polyanskiy, M. S. (2018), "Coverage of the Battle of Kursk in modern fundamental domestic and foreign works", *1943 god. Ot Kurska do Dnepra* [1943. From Kursk to the Dnieper], Nestor-Istoriya, Moscow, Russia, 228-236 (in Russ.).

Shamray, V. A. (2017), "The History of Combat Operations of the 2nd Air Army on the Kursk Bulge in April-August 1943", Abstract of Ph.D. dissertation, Voronezh State University Publishing House, Voronezh, Russia (in Russ.).

Shendrikov, E. A. (2018), "The Battle of Kursk in diaries, letters and memoirs of contemporaries", *Istoriya Kurskoy bitvy: problemy i perspektivy issledovaniya i sokhraneniya pamyati: Sb. nauch. st. uchastnikov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchenoy 75-letiyu pobedy v Kurskoy bitve, Kursk, 14-15 maya 2018 g.* [The History of the Battle of Kursk: Problems and Prospects of Research and Preservation of Memory: Collection of scientific articles by participants of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th anniversary of the victory in the Battle of Kursk, Kursk, May 14-15, 2018], Universitetskaya kniga, Kursk, Russia, 144-152 (in Russ.).

Shirobokov, Yu. N. (2018), "Formation of moral and psychological stability of the troops of the 13th Army in the Battle of Kursk", *Bronya krepka...: Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchenoy 75-y godovshchine razgroma fashistskikh voysk v Kurskoy bitve, Dnyu tankista i tankostroiteley, Omsk, 21 sentyabrya 2018 g.* [Armor is strong...: Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the defeat of the fascist troops in the Battle of Kursk, Tanker and Tank Builders Day, Omsk, September 21, 2018], Publishing House of Omsk State Technical University, Omsk, Russia, 52-57 (in Russ.).

Sokolov, A. M. and Filippovych, D. N. (2018), "'The Kursk Bulge was engulfed in flames' (to the 75th anniversary of the Nazi's defeat by the Soviet troops in the Battle of Kursk)", *Military Academic Journal*, 2, 96-102 (in Russ.). EDN: OWGUQV

Starikov, S. V. (2023), "To the 80th anniversary of the Battle of Kursk of the Great Patriotic War: falsifications, myths and the truth of history", *Regiony Rossii v voyennoy istorii strany: Materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yoshkar-Ola, 15-16 noyabrya 2023 g.* [Regions of Russia in the Military History of the Country: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Yoshkar-Ola, November 15-16, 2023], Publishing House of the Vasiliev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russia, 32-44 (in Russ.).

Starostenkov, N. V. (2024), "The Battle of Kursk and its significance for the patriotic education of Russian youth", *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura* [Ethnosocium and international culture], 3, 9-19 (in Russ.).

Zamulin, V. N. (2017), "On the issue of studying the history of the Battle of Kursk by Russian scholars at the beginning of the 21st century (an experience of a historiographic review)", *Kurskiy voenno-istoricheskiy sbornik. Vyp. 18* [Kursk Military-Historical Collection. Iss. 18], Universitetskaya kniga Kursk, Russia, 26-42 (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Невзоров Сергей Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, начальник цикла военного учебного центра, Оренбургский государственный университет, пр-т Победы, д. 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация; sg-nevzorov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9974-2773>

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey G. Nevzorov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the cycle of the Military Training Center, Orenburg State University, 13 Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation; sg-nevzorov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9974-2773>

УДК 9.94

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-8

Бабич И.Л.

Патриотизм в поликультурном контексте провинциального города¹

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Ленинский просп., д. 32 а, г. Москва, 119334, Российская Федерация; *Babi7chi@yandex.ru*

Аннотация. В работе рассматривается проблема формирования патриотизма в поликультурном населении провинциального города. Цель статьи – охарактеризовать инструменты формирования патриотизма на примере малого города Владимирской области – Гусь-Хрустального. В ходе исследования были проведены этнографические опросы горожан. Результаты изучения свидетельствуют о наличии патриотизма у большинства горожан Гусь-Хрустального. Слабее всего патриотическое сознание характеризует молодое поколение (10-25 лет). Выявлена корреляция между религиозной принадлежностью (протестантизм) и отчасти ослабленными патриотическими чувствами. Представлены результаты изучения формирования патриотизма через отношение к историческим, культурным и природным объектам. Этнографические опросы показали, что примерно 60–70 % жителей любят свой край, под которым понимается город и природа вокруг города. Любовь к местной природе, к образу и ритму жизни в значительной степени расширяет и укрепляет чувство патриотизма горожан. Культурная составляющая жизни горожан играет большую роль, но патриотизм развивает мало. Как и современное «историческое поле» не является серьезным фундаментом в формировании патриотизма. В Гусь-Хрустальном сформировалось поколение, мало знающее об истории города и мало интересующееся его историей. Своеобразная роль принадлежит местным писателям и поэтам, которые создают произведения о местной природе. Отдельно рассмотрено формирование военного и политического патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм; Владимирская область; Гусь-Хрустальный; культурная среда; местная природа; локальная история; Мещёра; протестанты

Для цитирования: Бабич, И. Л. (2026), «Патриотизм в поликультурном контексте провинциального города», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 85-99. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-8

I. L. Babich

Patriotism in the multicultural context of a provincial town¹

N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS,
32 A Leninsky Ave., Moscow, 119334, Russian Federation;
Babi7chi@yandex.ru

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

The article is published in accordance with the research plan of the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Abstract. This paper examines the development of patriotism in the multicultural population of a provincial town. The purpose of the article is to characterize the tools for fostering patriotism using the example of Gus-Khrustalny, a small town in the Vladimir region. Ethnographic surveys of townspeople were conducted during the study. The results indicate that the majority of Gus-Khrustalny residents are patriotic. Younger people (10-25 years old) exhibit the weakest patriotic consciousness. A correlation was found between religious affiliation (Protestantism) and somewhat weakened patriotic feelings. The article presents the results of a study on the development of patriotism through attitudes toward historical, cultural, and natural sites. Ethnographic surveys revealed that approximately 60-70% of residents love their region, which refers to the city and the surrounding nature. Love for the local nature, way of life, and rhythm of life significantly expands and strengthens the sense of patriotism of townspeople. The cultural component of townspeople's lives plays a significant role, but it has little effect on the development of patriotism. Just as the modern "historical field" does not provide a serious foundation for the development of patriotism, a generation has emerged in Gus-Khrustalny that knows little about the city's history and has little interest in its history. A unique role is played by local writers and poets, who create works about the local environment. The development of military and political patriotism is examined separately.

Keywords: patriotism; Vladimir region; Gus-Khrustalny; cultural environment; local nature; local history; Meshchera; Protestants

For citation: Babich, I. L. (2026), "Patriotism in the multicultural context of a provincial town", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2). 85-99. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-8

Введение

Формирование и развитие патриотических чувств в российском обществе является одним из актуальных направлений современной идеологии. Этот процесс не так прост, поскольку в течение последних тридцати лет задача воспитания гражданина и патриота как существенный фактор в фундаменте сознания россиянина практически отсутствовала.

Что такое сегодня патриотизм? Обобщая современные исследования, можно выделить главное содержание сознания патриота: преданность и любовь к своему краю, знание истории и культуры края (Кипреев, 2024) (Петрова, 2018) (Чоговадзе, 2019). Гражданско-патриотическое воспитание населения России базируется на трех «китах»: любви к краю, знании истории и культуры края. Другое, более практикоориентированное направление исследователей полагает, что основными проявлениями патриотизма респонденты считают службу в армии, патриотическое воспитание детей, законопослушность и добросовестный труд на благо общества (Ивченков, 2019). Цель статьи – охарактеризовать инструменты формирования локального патриотизма (патриотических чувств к малой Родине) в регионе на примере малого города Владимирской области – Гусь-Хрустального. В соответствии с целью исследования рассмотрим следующие вопросы:

- есть ли у горожан любовь к своему краю? Что они понимают под «своим краем»?
- есть ли у горожан знания по истории и культуры края? есть ли у населения убеждения в необходимости знать и поддерживать историю и культуру своего края?

Методика. Для этнографического изучения выделенных проблем мы обратились к жизни одного из малых городов Владимирской области – Гусь-Хрустальный. Углубленные этнографические интервью с информантами проводились в течение 2020–2026 гг. Материал

дополнялся данными включенного наблюдения, участием автора в различных мероприятиях города (открытии выставок, концертов в культурных учреждениях и т. д.), а также при необходимости повторными встречами с информантами. Всего было опрошено 160 чел., мужчины и женщины (поровну), дети, лица пожилого возраста и старики. Возраст респондентов: до 20 лет – 20 чел., 20-40 – 25 чел., 40-50 – 35 чел., 50-60 – 25 чел., 60-70 – 20 чел., 70-80 – 15 чел. 80-90 – 20 чел. Основная масса опрошенных – это работники предприятий, которые в настоящее время работают в городе, а также работники школ, представители самозанятых, работники музеев, депутаты, чиновники, главные редактора местных СМИ («Афиша» и «Гусевские вести»). Личные наблюдения и этнографические интервью дополняются опубликованными материалами, в частности, материалами литературного объединения «Мещёра», краеведов и т. д.

Обзор литературы. Большинство нынешних этнографических исследований по теме патриотизма посвящены изучению молодежных настроений в этом направлении (Кульбачевская, 2023 и др.). Лишь отдельные работы представляют собой комплексные исследования (Черненко, 2024). В предлагаемом исследовании мы объединили возрастные и социальные группы населения города Гусь-Хрустальный. До сих пор подобной работы на примере этого города не было. Каждый малый город России представляет собой комплекс разнообразных факторов социально-культурного и историко-экономического характера, которые оказывают на общественные настроения разное влияние, в зависимости от характерных черт данного населенного пункта.

Наличие патриотических чувств в обществе

Наши этнографические опросы свидетельствуют о наличии патриотизма среди горожан Гусь-Хрустального (72 %). Как отмечала О.Х., «для меня патриотизм – это моя семья, мои корни, моя территория, природа и т. д.»². О преданности краю говорить можно лишь применительно к среднему и старшему поколению. Слабее всего патриотизм характерен для младшего поколения 10-25 лет. Молодежь охотно покидает свой дом, чтобы обосноваться в других городах России или даже в других странах мира.

В городе функционирует Детская школа искусств им. М.А. Балакирева, где дети обучаются различным творческим профессиям. Мы провели дискуссию о патриотизме с участниками театральной студии (руководитель О.Х.). Результат дискуссии таков: беседовать о патриотизме, любви к своему краю с подростками 13–14 лет бесполезно. В этом возрасте дети считают, что «все это – ерунда». Такие ребята имеют отрицательное отношение не только к городу Гусь-Хрустальный, но и к России как к Родине и государству, они все ориентируются на Америку. Дети 7–11 лет готовы воспринимать разговоры о патриотизме, но в этом случае противостоять патриотической пропаганде могут приоритеты внутри семей³. В педагогике школ Гусь-Хрустального за последние 30 лет исчезло внимание к патриотизму, акцент на его воспитании у молодого поколения⁴.

О слабом патриотизме среди молодежи пишут многие исследователи. О.В. Кульбачевская отмечает, что «несмотря на то, что большая часть молодых людей активно выражает свою поддержку и любовь к России, рассматривает патриотизм как важное национальное качество, существенна доля и тех молодых людей, кто не обладает безусловной любовью к своей родине. Непатриотично настроенная часть молодежи, как правило, ориентирована на западные либеральные ценности, не поддерживает внутри- и внешнеполитический курс России и имеет негативный образ своей страны» (Кульбачевская, 2023: 22).

² Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информант: О., жен., 31 год, 5 сентября 2023 г.

³ Там же.

⁴ ПМА. Информант: Н.И. С., муж., 65 лет, 18 января 2024 г.

Тем не менее, как нам представляется, изучать следует патриотические настроения всех поколений. В 2018 г. социологи провели подобное исследование в областном центре Саратове. Учеными было отмечено, что чаще всего «Родина» интерпретируется жителями как Россия, «малая родина» – как свой город, семья (реже – родной двор). Содержательная интерпретация этого понятия ассоциируется с социально значимой деятельностью, активизмом, социальной ответственностью. Большинство саратовцев считают себя патриотами в той или иной степени» (Ивченков, 2019: 105). При этом социологи указали, что треть саратовцев (особенно среди молодежи), отрицают в своем восприятии Родины чувств патриотизма (Там же).

В Гусь-Хрустальном с 1990-х гг. распространились протестантские общины (баптисты, пятидесятники, харизматы и др.), члены которых в большинстве случаев приехали из различных мест Центральной Азии. В целом, эти общины объединяют не более 500–700 чел., и, казалось бы, их взгляды, образ жизни не сильно влияют на общее настроение горожан; тем не менее, по нашему мнению, они являются одним из инструментов ослабления локальных патриотических чувств. Такие люди слабо включены в общекультурное и идеологическое поле. Они не посещают городских праздников, не поддерживают местные традиции, не интересуются историей края (даже в Суздале не бывают), считают себя русскими и россиянами⁵. Они так говорят: «Для нас Бог важнее национальности и территориальной общности». Своих детей они воспитывают «в Боге», но патриотического воспитания, чтобы их дети любили Гусь-Хрустальный, – нет. Локального патриотизма в их жизни мы не наблюдали. Тем не менее отметим, что протестанты, как правило, являются активными сторонниками сильного российского государства. Мы можем говорить о наличии в их среде общероссийских гражданских чувств⁶.

Любопытен факт: гусевчане обижаются, если приезжие мало интересуются их городом, они считают, что им есть чем гордиться, что показать. Например, 13 декабря 2025 г. в усадьбе «Мещёрская» состоялся спектакль «Эмигранты» с участием московских артистов. После спектакля проходило его обсуждение, и в ходе дискуссии выяснилось, что московские артисты не осмотрели город, а приехали только с выступлением и даже перепутали Гусь-Хрустальный и Гороховец. Гусевчан это обидело⁷.

Формирование локального патриотизма через исторические, культурные и природные объекты

Как нам представляется, в настоящее время для формирования местного патриотизма большое значение имеют *особенности окружающей город природы*. Гусь-Хрустальный располагается внутри крупнейшего природного соснового массива. Собственно, поселение было основано в 1756 г. как место для стекольной фабрики, поскольку вокруг был необходимый для работы предприятия песок в сосновом лесу. Лесной массив располагается вокруг всех районов города, доступен круглый год, в нем нет характерных для подмосковных лесов непроходимых мест⁸. Как мы уже писали, «по этим тропам летом можно совершать походы пешком или на велосипедах, а зимой кататься на лыжах. В центре города, около лесного массива располагается гусевское водохранилище (озеро), которое образовалось после создания в середине XIX в. плотины на реке Гусь, протекающей по всему городу. Берег озера песчаный, с полезным кварцевым песком, сделаны купальни. На озере летом разрешено купаться. Работает спасательная станция. Озеро удобно располагается, на берегу озера тихо,

⁵ ПМА. Информанты: К., жен., 45 лет; М., жен., 66 лет; М., муж., 67 лет; А., муж., 55 лет, церковь Евангельские христиане (евангелисты), 21, 28 июня 2021 г.

⁶ ПМА. Информант: И., муж., 40 лет, пастор евангелистов-баптистов, 11 июля 2021 г.; Г., муж., 30 лет; И., муж., 35 лет, 11 июля 2021 г.

⁷ ПМА. Включенное наблюдение. Гусь-Хрустальный, 13 декабря 2025 г.

⁸ ПМА. Информант: Д.О., муж., 53 года, Г-Х., владелец усадьбы «Мещёрская», 17 июня 2024 г.

нет ощущения города. Место очень популярно летом среди подростков и семей с детьми» (Бабич, 2025: 37).

Большинство из опрошенных нами горожан всех возрастов охотно посещают лес; это касается и пенсионеров, и молодых супругов с детьми, и даже работающих людей. Напротив леса «Барина роща» располагается одно из предприятий города – Опытный Стекольный Завод (крупнейший в России производитель посуды из стекла), на котором трудятся около тысячи сотрудников. В обеденное время сотрудники завода совершают прогулки по экологическим тропам. Мы отмечали, что «молодые мужчины 30–40 лет занимаются охотой и рыбалкой на реках Польша, Бужа, Пра (располагаются за пределами города, но в пределах 20 минут езды на машине). Кроме того, часть местных жителей устраивают летом для себя “подработку”: занимаются собирательством грибов, ягод, которых много в этих сосновых лесах. В тот же день они продают дары природы на местном рынке» (Бабич, 2025: 40). Гусевчане активно пользуются этими возможностями природы⁹.

Каждая возрастная группа в Гусь-Хрустальном находит в особенностях природы свою нишу¹⁰. Дети с родителями проводят летнее время на озере, пенсионеры совершают пешие прогулки по лесу¹¹. В течение года в основном лесу проводится полтора десятка соревнований общероссийского уровня (велосипед, бег, лыжи). В основном лесу идут соревнования по спортивному ориентированию. В одной из школ работает молодой преподаватель физкультуры, который летом водит своих учеников в походы по Гусь-Хрустальному району, прививая детям любовь к местной природе¹².

Этнографические опросы показали, что примерно 60-70 % жителей любят свой край, под которым понимают город и природу вокруг города¹³. Среди них много и тех, кто приехал в город из других городов СССР или из деревень Гусь-Хрустального района во взрослом состоянии в советские годы для работы на предприятиях города или по программе переселения из северных городов.

Приведем некоторые ответы информантов.

«Я изначально не местная, корейка, но корейского языка не знаю. Лишь отдельные слова. Моя сестра, которая сбежала из Мариуполя и живет сейчас в Ростове на Дону, хочет эмигрировать в Южную Корею. Я – гусевская, люблю свой регион, природу. Все нравится. Я общаюсь с соседями. Мой муж 20 лет прожил в Германии (работал), мог там купить квартиру, но не захотел, ему нравится жить в Гусь-Хрустальном. Хотел вернуться на родину»¹⁴.

«Наша протестантская семья любит лес, но к истории региона относимся равнодушно»¹⁵.

«Я две недели работаю вахтой в Шереметьево, там нахожусь. А потом возвращаюсь в свой Гусь. Мне очень нравится здесь жить. Воздух, лес, возможность заниматься спортом. Катаюсь на лыжах, пешком летом гуляю и т. д. Я очень ценю свой лес. Мои знакомые москвичи приехали ко мне в гости, почувствовали воздух и лес, купили дачу в Александровке (недалеко здесь), и московскую квартиру стали сдавать»¹⁶.

«Я – родом из Гуся, люблю свой город и с удовольствием в нем живу»¹⁷.

⁹ ПМА. Информанты: Т.Ф., 40 лет, жен., 16 июля 2024 г.; В., муж., 60 лет, 11 февраля 2023 г.

¹⁰ ПМА. Информант: О., жен., 30 лет, школа искусств, 5 сентября 2023 г.

¹¹ ПМА. Информант: М., муж., 60 лет, владелец кафе; Е., муж., 60 лет, друг владельца кафе, 13 марта 2024 г.

¹² ПМА. Информант: Т., жен., 27 лет, 26 сентября.2023 г.

¹³ ПМА. Информант: М.Х., муж., 62 года, 14 августа 2024 г.

¹⁴ ПМА. Информант: Н.П., жен., 55 лет, научный сотрудник Музея хрусталя Г-Х., 9 февраля 2023 г.

¹⁵ ПМА. Информант: пастор В., муж., 45 лет, 1 августа 2021 г.,

¹⁶ ПМА. Информант: В., 50 лет, муж., 22 февраля 2023 г.

¹⁷ ПМА. Информант: О.И. Я., жен., 40 лет, директор Центра занятости, 29 августа 2024 г.

«Мой бывший муж уехал работать в Москву, но часто приезжает в Гусь, любит природу, и на пенсии вновь сюда вернется, я не сомневаюсь»¹⁸.

Члены спортивного клуба «Барина роща», конечно, патриоты. Они так говорят: *«те, кто пользуются нашей природой, безусловно, ее любят и любят место. И мы делаем все хорошо в заказнике, чтобы это было для себя хорошо. Тогда и другим будет хорошо. Есть такие, кто уехал в Москву зарабатывать, потом приезжает в Гусь на отдых. Есть такие, кто живет уже там 30 лет, и оттуда нам шлют деньги на организацию зимней трассы и приезжают раз в год покататься на коньковых лыжах».*

Как горожане называют свой край? Приведем данные опроса, проведенного нами в 2025 г. (опрошено 20 чел.)¹⁹:

Мещёра: 1 чел.

Мещёрский край: – 1 чел.

Мещёрский заповедник: – 0.

«Барина роща»: 15 чел.

Гусевской заказник: – 0

Другие ответы:

«наш лес» – 2 чел.

Можно сказать и *Барина роща*, и *Мещёра* – 1 чел.

У разных входов в основной массив леса, где часто проводят время горожане города, размещены две таблички в 300 метрах друг от друга «Мещёра» и «Гусевской заказник». Между этими табличками располагается визитный центр «Национального Мещёрского заповедника», хотя заповедник начинается далеко за городом, в сторону поселка Уршель.

Тем не менее, как показывают наши опросы, лишь один человек назвал лес Мещёрой, один человек – Мещёрским краем (девушка 25 лет, Мещёрский край – это лес вокруг города Гусь-Хрустальный), а все остальные – «Барина роща». Кусок леса «Барина роща» находится между озером и первой просекой (лесной парк там организовал управляющий стекольного завода еще до революции), за которыми начинается собственно лес. Однако горожане распространили это название на весь остальной лес. В советские годы горожане пользовались лишь куском леса «Барина роща», где было много развлечений для детей и взрослых. В 1990-е годы аттракционы пришли в упадок и были убраны. Дальше в лес в то время ходили только группы туристов, которые жили на турбазе около этого леса (в настоящее время турбаза не функционирует). А теперь весь лес стал одним большим регионом, в котором горожане гуляют, бегают, катаются на велосипедах и лыжах.

Опрошенными считается, что этот лесной ареал не имеет отношения ни к Мещёре (несмотря на название у входа), ни тем более к Мещёрскому заповеднику; все знают, что заповедник начинается за городом в другой стороне. Таким образом, горожане свой любимый лесной массив Мещёрой, Мещёрским краем не называют. Есть еще два сосновых участка местного леса, которые называют «Сказка» (это официальное название у входа, в лесу расставлены деревянные скульптуры персонажей сказок, советских мультфильмов) и «Лисья гора».

Любопытно, что в городе появились уличные рисунки, реклама, обыгрывающие название города.

Есть и такие горожане, которые не любят город, окружающую его природу и считают, что просто вынуждены жить в Гусь-Хрустальном. Такие люди не интересуются историей города, часто ранее они пытались жить в Москве, но у них не получилось закрепиться там и они вернулись обратно²⁰.

¹⁸ ПМА. Информант: С.А., жен., 54 года, 9 декабря 2022 г.

¹⁹ ПМА. Опрос проводился в лесу 2-4 ноября 2025 г. в г. Гусь-Хрустальный.

²⁰ ПМА. Информант: С.А., жен., 54 года, 9 декабря 2022 г.

Рис. 1-2. Городская реклама. Гусь-Хрустальный. 2026. Фото Ирины Бабич.
Fig. 1-2. City advertising. Gus-Khrustalny. 2026. Photo by Irina Babich.

Любовь к местной природе, безусловно, в значительной степени расширяет и укрепляет чувство локального патриотизма горожан.

Формирование патриотизма через образ жизни, через любовь к проживанию в своем городе. Ритм жизни. Баланс. Местным жителям доставляет удовольствие жить в своем городе медленно, совершать пешие прогулки и ездить на велосипеде, поскольку в городе всё близко²¹. В последние годы в Гусь-Хрустальном значительно увеличилось количество концертов, спектаклей. Гусевчане охотно посещают эти культурные мероприятия, наведываются для удовлетворения своих культурных потребностей и в другие города – Владимир, Нижний Новгород, Москву. Местным жителям удалось найти гармонию, баланс между проживанием в своем небольшом городе и возможностью использования других городов для создания комфортного образа жизни²², что оказывает влияние на формирование локального патриотизма. Тем не менее его потенциал, как нам представляется, еще полностью не использован в этом направлении.

Культурная жизнь и патриотизм. Гусь-Хрустальный имеет небольшую историю, которая ведется с 1756 г., когда среди лесов было решено построить стекольный завод, поскольку в округе был необходимый песок. Таким образом, «стекольная история» города – основная, стеклопроизводство – стержень истории и экономики города. В городе есть несколько музеев и памятников, связанных с историей стекла, например, стеклянный гусь, который светится вечером. Стекольные музеи напрямую формируют представление у горожан о своей связи с краем. Но насколько широко распространен в настоящее время «стекольный» патриотизм? Говорят ли горожане: «мы любим наш край, потому что в городе делается стекло»? Наши исследования свидетельствуют, что нет. В основном, стекольная история поддерживается и развивается за счет внутрироссийского туризма.

Культурная жизнь города мало воссоздает стекольную историю, она развивает населения в целом и формирует культуру нового поколения в русле общечеловеческих и традиционных ценностей²³. В советские годы в городе праздновался день стеклодува (в июле). Показательно, что в настоящее время праздник настолько забыт, что даже многие представители местной интеллигенции не знают про него. Празднуется день города, но есть ли в его программе мероприятия, связанные со стекольным производством? Нет.

В городе появился новый объект культуры, туристический парк-отель «Усадьба Мещёрская», в котором ее владелец Дмитрий Орлов открыл театр. Полторы тысячи человек являются постоянными зрителями и поклонниками спектаклей Народного театра при Доме молодежи. Основные темы спектаклей – общечеловеческие проблемы. Спектаклей на основе

²¹ ПМА. Информант: Е., жен., 60 лет, работник «Трайтека», 21 февраля 2024 г.

²² ПМА. Информант: О.И. Я., жен., 40 лет, директор Центра занятости, 29 августа 2024 г.

²³ ПМА. Информант: Н.И. С., муж., 70 лет, 18 января 2024 г.

местной истории, местного колорита нет. По мнению режиссера О.А. Тарлаковой, такие спектакли значительно тяжелее поставить силами непрофессионального театра²⁴. Поэтому Народный театр г. Гусь-Хрустального, который пользуется заслуженной популярностью в городе, не задумывается над проблемами формирования местного патриотизма. Руководитель театральной студии в школе искусств им. М.А. Балакирева пыталась ставить спектакли на «местной основе», с использованием мотивов истории стекольного производства, на основе «хрустального фона», но эта деятельность практически не поддерживалась местной администрацией²⁵.

Когда местные жители-интеллигенты показывают свой город гостям, то они, как правило, рассказывают об истории города, о Ю. Нечаеве-Мальцове, который построил одинаковые дома во второй половине XIX в. (так называемые «мальцовские» дома), о Музее хрусталя, сосновом массиве «Барина роща», городском озере (гусевском водохранилище)²⁶. В местных газетах публикуются статьи о художниках-стеклодувах, об истории стекольных заводов, печатаются произведения местных литераторов о Мещёре, о культурных событиях²⁷. Определенную работу в деле формирования местного патриотизма ведет городская библиотека: дважды в неделю сотрудники библиотеки ходят в детские сады города, где представляют программу «Библионяня». В ней они рассказывают малышам о родном крае. Библиотека работает и со школьниками начальных и старших классов (1-2 раза в месяц). Библиотека же периодически проводит конкурс по краеведению среди школьников. Так, в 2025 г. он был посвящен «семейным династиям»²⁸.

В поздние советские годы в части соснового массива города был организован парк «Сказка», в котором были поставлены первые деревянные скульптуры. В 2018 г. эту традицию продолжил скульптор И. Володин. Летом он проводит фестиваль, на который съезжаются скульпторы из разных городов России и Беларуси для создания новых произведений деревянного зодчества. Какие образы используются для деревянных скульптур? Образы героев русских сказок, персонажей советских мультфильмов. Местных образов, которые бы опирались на местную историю – нет²⁹. Парк деревянных скульптур (в настоящее время их около ста) очень любим гусевскими детьми, тем не менее на формирование местного патриотизма он «не работает».

Таким образом, как нам представляется, культурная составляющая, которая во многом формирует жизнь горожан, патриотизм развивает мало (Бабич, 2025).

Местные писатели и поэты. Большая роль принадлежит местным писателям и поэтам, которые создают произведения о местной природе. На формировании местного патриотизма этот факт отражается очень плодотворно³⁰.

Началось это еще в советские годы. В 1971 г. в книге «Гусь-Хрустальный», изданной в Ярославле, А.В. Гиляревский упоминает Гусь-Хрустальный как часть Мещёры. В 2006 г. была издана книга местного писателя С.А. Фролкина (1950 г. рождения) «Есть в Мещёрской глубинке район». Фролкин окончил МВТУ им. Баумана и, получив диплом, уехал по распределению на крупный завод в г. Кимры на Волге. Вернувшись в Гусь-Хрустальный, работал в городском комитете КПСС, в начале 1990-х – в администрации города (заместитель главы). В разные периоды жизни он был редактором газеты «Гусевские вести», городского радио, советником главы Гусь-Хрустального района, редактором и телеведущим медиа-

²⁴ ПМА. Информант: К., жен., 66 лет, 15 февраля 2025 г.

²⁵ ПМА. Информант: О., жен., 31 год, 5 сентября 2023 г.

²⁶ ПМА. Информант: В., муж., 63 года, 11 февраля 2023 г.

²⁷ ПМА. Информант: О.В. Д., главный редактор газеты «Гусевские вести», 19 сентября 2024 г.

²⁸ ПМА. Информант: А.А.Б., жен., 40 лет, директор городской библиотеки, 2 июля 2024 г.

²⁹ ПМА. Информатор: И.В. В., муж., 40 лет, 11 октября 2024 г.

³⁰ ПМА. Информант: Ю.И. Л., муж., 62 года, 7 августа 2024 г.

компании «Центральный регион», собственным корреспондентом газеты «Владимирские ведомости», корреспондентом газеты «Гусевские вести», с которой и до сих пор продолжает сотрудничать. Член Союза журналистов России и председатель правления литобъединения «Мещёра». Книга С.А. Фролкина была посвящена 80-летию Гусь-Хрустального района и его людям – творцам истории Мещёрского края. Книга рассказывает о времени перемен на постсоветском пространстве, о событиях, происходивших в Гусь-Хрустальном районе в период с 1991 по 2006 год. Она содержит обширный архивный, документальный и публицистический материал о более ранних исторических эпизодах района, в ней упомянуты имена сотен уроженцев Гусь-Хрустального района, оставивших заметный след в истории нашей малой родины.

Современная поэтесса И. Седова в стихотворении «Звезда хрусталя» писала:

«На мещёрских просторах,
У реки, среди раки,т,
Удивительный город –
Гусь-Хрустальный стоит» (Страна Мещёра, 2007: 182).

Поэт Р. Кудрявцев так увязывал город и Мещёру:

«Иду к болотам и озерам,
К прохладе серебристых рек,
И мне становится Мещёра
Родной и близкою навек...
И думаешь под старой елью,
Что вся мещёрская земля
Явилась в жизни колыбелью
Для гусевского хрусталя».
... «Широки у нас просторы,
Хороша земля,
Встал среди лесной Мещёры
Город хрусталя» (Страна Мещёра, 2007: 3, 7).

Молодое поколение продолжает поэтизировать Мещёру. Так, Алина Михайлова в стихотворении «Мой дивный край» пишет:

«Мой дивный край святой Мещёры,
Пленяют нас твои просторы
Неповторимостью своей
И разнотравием полей.

Люблю смотреть, как за рекою,
Цветущей майскою весной,
Садится солнце в должный час,
Оставив до рассвета нас.
Как оседает небосвод...
Ночь у дверей уже... Вот-вот
И звезды станут много ближе!...
И я воочию увижу
Как над Мещёрою, вольно,
Повиснет звездное руно!» (Страна Мещёра, 2009: 302).

М. Майорова пишет о городе как о русской части земли Российской:
«Чудо-град земли Российской
Как гордимся мы тобой!
Сказка с человеком близко,
Где народ мастеровой.
Гусь-Хрустальный был построен,
Чтобы чудо подарить.
Каждый в этом граде волен
Жить, мечтать, любить, творить.
Пусть во веки процветает
Наша русская земля,
Славу прошлого венчая
Красотой из хрусталя» (Страна Мещёра, 2009: 67).

Марина Майорова работает преподавателем в местном стекольном техникуме, руководит в этом техникуме литературным объединением под названием «Родничок».

Писатель Н.И. Скулов издал несколько книг, в которых прославляется Мещёра: «Феномен Мещёры» (2021), «Заповедными тропами Мещёры» (2004), «Гусь-Хрустальный. Очерки истории Мещёрского края» (2006), в которых представлена смесь мифов и легенд по истории Мещёры (Вакуловы, 2017).

11 декабря 2025 г. литературное объединение «Мещёра» праздновало 80-летний юбилей, на котором много раз упоминались слова Мещёра, Мещёрский край. Говорилось об известном местном охотоведе и краеведе Р. Кочнев, который опубликовал книги «Моя Мещёра». И лишь один раз в фильме о 80-летнем юбилее прозвучало название «гусевская земля» (одновременно с упоминанием «Мещёры»). Отметим, что на этом вечере присутствовали почти только пожилые люди. Было два молодых человека – студента стекольного техникума. Их попросили прийти, чтобы прочесть стихотворение и спеть песню³¹.

Тем не менее и в советские годы, и в 1990–2010-е гг. краеведы и историки издавали и издают книги по истории стекольных заводов в Гусь-Хрустальном. Одну книгу хотелось бы особо отметить. Она была издана в 2011 г. по инициативе местной администрации и тогдашнего мэра города Ю.В. Гришкина: «Гусь-Хрустальный. Столица Мещёрского края». Книга была рекомендована Управлением образования администрации муниципального образования г. Гусь-Хрустальный для детей-гусевчан как интегрированное учебное пособие по природе, географии и истории города Гусь-Хрустальный. Использовалось ли это учебное пособие в гусевских школах и используется ли в настоящее время? Нет. Школы проигнорировали ее издание. Краеведение в местных школах рассматривается как дополнительный модуль, на который не хватает времени³². Книги по стекольной истории Гусь-Хрустального практически не используются ни в школе, ни в культурном пространстве города в целом.

Местные писатели создают свой корпус «мифов и легенд», придумывая на основе «устных легенд», как они указывают, новых героев: *Митяя-казака Мещёрского, казака Коловрата* (Вакуловы, 2019; Белоусов, 2019). Несмотря на спорную реальность этих героев, свою положительную роль в формировании локального патриотизма они играют.

Патриотизм и история. В 2025 г. по инициативе владельца «Усадьбы Мещёрская» Д. Орлова историк музея хрусталя имени Мальцовых Н.Т. Пак провела цикл исторических лекций. Тема лекций – история Гусь-Хрустального как города стеклодувов. Присутствовало

³¹ ПМА. Включенное наблюдение. Гусь-Хрустальный, 11 декабря 2025 г.

³² ПМА. Информант: Н., муж., преподаватель школы, 22 апреля 2025 г.

не более 20 человек, что очень мало для города с населением 50 тысяч. Любопытно, что на эти лекции приходили и учителя из местных школ, в которых не преподается краеведение. Был на лекции и местный житель, студент исторического факультета Владимирского государственного университета, который после окончания вуза планирует работать учителем истории в школе³³.

Как уже сказано, местные писатели и поэты, члены литературного объединения «Мещёра» стремятся и к краеведческим изысканиям, пытаясь в литературной форме представить историю города. Например, 27 марта 2025 г. в Школе искусств им. М.А. Балакирева состоялась презентация книги местного поэта Е. Елоховой³⁴. 23 октября 2024 г. литературное объединение «Мещёра» впервые провело мероприятие, связанное с историей города. Оно было приурочено к юбилею одного из основателей города – Ю.С. Нечаева-Мальцова и было названо так: «Мы – часть истории твоей, любимый город»³⁵.

Рис. 3-4. Художественные произведения гусевчан-детей. Конкурс рисунков на исторические темы. 2026 г. Фото Ирины Бабич.

Fig. 3–4. Artwork by children from Gus-Khrustalny. Historical drawing competition. 2026. Photo by Irina Babich.

Можно отметить и деятельность местного предпринимателя, уредителя и руководителя стекольного завода «Мегастек» М.Ю. Максюкова, который был активным патриотом своего города (погиб 07.08.2025). Несмотря на значительные доходы, он продолжал жить в своем родном городе, любил местную природу (увлекался марафонским бегом по сосновым лесам), мечтал, чтобы его дети остались жить в Гусь-Хрустальном. Он организовал и спонсировал много конкурсов, в которых пропагандировалась местная история (например, конкурс, посвященный 260-летию города Гусь-Хрустальный «Любимая земля Владимирская»³⁶). Он же осуществил реставрацию городских торговых рядов XIX в., в которых он открыл пользующийся большой популярностью ресторан «Мальцов».

³³ ПМА. Включенное наблюдение. Усадьба «Мещёрская», Гусь-Хрустальный, 22, 29 марта 2025 г.

³⁴ ПМА. Включенное наблюдение. Школа искусств им. Балакирева, Гусь-Хрустальный, 27 марта 2025 г.

³⁵ «Мы часть истории твоей – любимый город» // Гусевские вести. № 52. 31 октября 2024 г. ПМА. Информант: Н.В. У. муж, 60 лет, общество «Мещёра», 31 октября 2024 г.

³⁶ ПМА. Информант: М.Ю. Максюков, предприниматель, 24 мая 2024 г.

Рис. 5-7. Благодарности М.Ю. Максьюкову за поддержку исторического развития Гусь-Хрустального. 2026 г. Фото Ирины Бабич.

Fig. 5-7. Letters of gratitude to M.Yu. Maksyukov for his support of the historical development of Gus-Khrustalny. 2026. Photo by Irina Babich.

Формирование военного и политического патриотизма. В последние годы местная власть начала обращать внимание на формирование идеологии патриотизма в регионе. Так, в рамках празднования 95-летия образования Гусь-Хрустального района проводился конкурс детского рисунка «Я люблю свою малую Родину!». Для учащихся, посещающих лагерь «Солнечный городок» при Курловской школе, в «Точке роста» прошел устный журнал «Мой край родной – моя история живая!». Пока это единичные случаи со стороны власти, они не оказывают значительного влияние на формирование патриотизма. Власти г. Гусь-Хрустальный в 2022 г. создали «Дом Юнармии», в котором готовят юных патриотов защищать Родину. Такие центры – это тоже движение в сторону формирования патриотизма (<https://vedom.ru/news/2025/12/10/76880-v-gus-hrustalnom-proshlo-torzhestvennoe-otkrytie-doma>). В 2025 г. состоялся конкурс патриотических проектов муниципальных библиотек Владимирской области. От Гусь-Хрустального района было представлено девять проектов (из общего числа 53)³⁷. С 21 по 26 июля 2025 г. в поселке Уршельский прошел межрегиональный детско-юношеский патриотический слет «Мещёрские зори – 2025» (проводятся с 2020 г.), где состоялись практические занятия по начальной военной подготовке, спортивные турниры и состязания, командные игры и эстафеты, интеллектуально-развивающие игры и тематические викторины, встречи с интересными людьми³⁸.

СВО влияет на рост чувства локального и общероссийского патриотизма в регионах России. Писателями было замечено, что те, кто участвовал в СВО, даже возвращаясь инвалидами, становятся патриотами: «я заставлю тебя Родину любить» – так они говорят. Важно и другое обстоятельство: усиление патриотизма идет из российской деревни, так как на СВО берут много деревенских парней³⁹. Отметим также, что местная власть практически полностью соединена с партией «Единая Россия», поэтому современный упор на политико-военный патриотизм идет сразу с двух сторон: со стороны местной власти и со стороны партии⁴⁰.

³⁷ Лучшие патриотические проекты муниципальных библиотек // Афиша. № 101. 24 декабря 2025 г.

³⁸ <https://www.vladimir.kp.ru/online/news/6478056/>

³⁹ ПМА. Информант: Н.И. С., муж., 70 лет, 18 января 2024 г.

⁴⁰ ПМА. Включенное наблюдение. Конференция партии «Единой России» в Гусь-Хрустальном, 4 декабря 2025 г.

Заключение

В 1990–2000-е годы в Гусь-Хрустальном местной администрацией проводилась молодежная политика, связанная главным образом со спортом, тогда как о формировании чувства патриотизма среди молодежи вообще никто не говорил. Росли клубы, направленные на развитие занятий туризмом, спортом. Была снята воспитательная функция со школ. Спорт в этом городе развивался всегда, и в советские годы (за счет местных заводов), и в 2000–2020-е гг.⁴¹, а акцент на местный патриотизм, который имел место в советские годы, в постсоветское время стал уходить из местной идеологии. Как нам представляется по итогам исследования, у нынешних горожан мало интереса к истории города, они владеют незначительными знаниями о ней. Среди причин – отсутствие специальных мероприятий и целостной программы по пропаганде истории города. Современное «историческое поле» не является серьезным фундаментом в формировании патриотизма: в Гусь-Хрустальном выросло поколение, мало знающее об истории города и мало ею интересующееся. Это хорошо видно из наших опросов о местных героях и исторических достопримечательностях – молодежь не считает «мальцовские дома» конца XIX в. историческими достопримечательностями. Если в конце 1980-х гг. в городе было много молодежи, то позднее горожане стали активно уезжать в большие города на заработки. Среди уехавших немало тех, кто любит город, и кто возвратились при первой возможности, оставаясь его патриотами⁴². Наличие чувства местного патриотизма в целом не мешает отъезду горожан для заработков⁴³. После февраля 2022 г. местные и областные власти обратились к развитию чувства местного и российского патриотизма, но пока единичные мероприятия не сильно влияют на общие настроения горожан. Госзаказ на формирование местного патриотизма только набирает силу⁴⁴.

Источники

Полевые материалы автора. Гусь-Хрустальный. 2020-2026 гг.

Литература

Бабич, И. Л. (2025), «Историческая память и малая родина (на примере г. Гусь-Хрустального)», *Вестник Российской науки*, 3, 78-89.

Бабич, И. Л. (2025), «Мир повседневности жителей малых городов или искусство жить в провинциальном городе (на примере Гусь-Хрустального)», *Общество. Среда. Развитие*, 2, 34–46. DOI: 10.53115/19975996_2025_02_034_046

Белюсов, Ю. А. (2019), *Легенда о Коловрате: меццёрский сказ*, 2-е изд., Ремарко, Рошаль, Сергиев Посад.

Вакулов, Н. И. и Вакулов, С. Ю. (2017), *Меццёрский сказ. Пра и Бужа*, Ремарко, Гусь-Хрустальный.

Вакулов, Н. И. и Вакулов, С. Ю. (2019), *Про Митяя – казака меццёрского: меццёрский сказ*, Ремарко, Сергиев Посад.

Ивченков, С. Г. и Сайганова, Е. В. (2019), «Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения», *Вестник Института социологии*, 10(1), 104-119. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.558; EDN: ZC1LPF

Кипреев, С. Н. (2024), *Опросник по определению уровня сформированности чувства патриотизма «Мой патриотизм»*, Новация, Краснодар.

Кульбачевская, О. В. (2023), «Патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития России: потенциал, вызовы, риски», *Вестник антропологии*, 4, 20-36. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/20-36; EDN: PUKQAL

⁴¹ ПМА. Информант: С.А., жен., 54 года, 9 декабря 2022 г.

⁴² ПМА. Информант: С.А., жен., 54 года, 9 декабря 2022 г.

⁴³ ПМА. Информант: В., муж., 60 лет, бывший зам. директора национального парка «Мещёра», Г.-Х., 11 февраля 2023 г.

⁴⁴ ПМА. Информант: С.А., жен., 54 года, 9 декабря 2022 г.

Петрова, И. В. (2018), «Патриотизм начинается с любви к своему городу», *Педагогическая наука и практика*, 4, 127-129. EDN: YVDKIP

Страна Мещёра (2007), литературный альманах, сост. Сафронов, В. А. и др., Ремарко, Сергиев Посад – Гусь-Хрустальный.

Страна Мещёра (2009), литературный альманах, выпуск 4., сост. Цокуренок, В. и др., Калейдоскоп, Владимир.

Черненькая, С. В. (отв. ред.) (2024), *Патриотизм как проект (методология и опыт эмпирического исследования)*, Изд-во Московского городского педагогического университета, Москва. EDN: XVEDYM

Чоговадзе, К. (2019), «К вопросу о происхождении понятия «патриотизм» и формах его проявления» *Вестник ПГУ. Гуманитарная серия*, 4, 77-87. EDN: HLBYPY

Sources

Author's field materials. Gus-Khrustalny. 2020-2026.

References

Babich, I. L. (2025), “Historical Memory and Small Homeland (Based on the Example of Gus-Khrustalny)”, *Bulletin of the Russian Nation*, 3, 78–89 (in Russ.).

Babich, I. L. (2025), “The Everyday World of Residents of Small Towns, or the Art of Living in a Provincial Town (Based on the Example of Gus-Khrustalny)”, *Society. Environment. Development*, 2, 34–46 (in Russ.).

Belousov, Yu. A. (2019), *Legenda o Kolovrate: meshchorskiy skaz* [The Legend of Kolovrat. Meshchersky Tale], 2nd ed., Remarco, Roshal, Sergiev Posad, Russia (in Russ.).

Chernenkaya, S. V. (ed.) (2024), *Patriotizm kak proyekt (metodologiya i opyt empiricheskogo issledovaniya)* [Patriotism as a Project (methodology and experience of empirical research)], Publishing House of Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: XVEDYM

Chogovadze, K. (2019), “To the question of the origin of the concept "patriotism" and forms of its manifestation”, *Vestnik PGU. Gumanitarnaya seriya* [Bulletin of PSU. Humanitarian series], 4, 77-87 (in Russ.). EDN: HLBYPY

Ivchenkov, S. G. and Sayganova, E. V. (2019), “Patriotism as a component of public consciousness: a generational measurement perspective”, *Bulletin of the Institute of Sociology*, 10(1), 104-119 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.558; EDN: ZCILPF

Kipreev, S. N. (2024), “‘My Patriotism’, a questionnaire for determining the level of development of feelings of patriotism”, *Novatsiya, Krasnodar, Russia* (in Russ.).

Kulbachevskaya, O. V. (2023), “Youth Patriotism as a Strategic Resource for Russia's Development: Potential, Challenges, Risks”, *Herald of Anthropology*, 4, 20-36 (in Russ.). DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/20-36; EDN: PUKQAL

Petrova, I. V. (2018), “Patriotism begins with the love to the town”, *Pedagogicheskaya nauka i praktika* [Pedagogical Science and Practice], 4, 127-129 (in Russ.). EDN: YVDKIP

Strana Meshchora (2007), A Literary Almanac, comp. by Safronov, V. A. et al., Remarco, Sergiev Posad – Gus-Khrustalny, Russia (in Russ.).

Strana Meshchora (2009), Literary almanac, issue 4, comp. by Tsokurenko, V. et al., Kaleidoscope, Vladimir, Russia (in Russ.).

Vakulov, N. I. and Vakulov, S. Yu. (2017), *Meshchorskiy skaz. Pra i Buzha* [Pra and Buzha. Meshchersky Tale], Remarco, Gus-Khrustalny, Russia (in Russ.).

Vakulov, N. I. and Vakulov, S. Yu. (2019), *Pro Mityaya – kazaka meshchorskogo: meshchorskiy skaz* [About Mityai – the Meshchersky Cossack. Meshchersky Tale], Remarco, Sergiev Posad, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Бабич Ирина Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский проспект, д. 32 а, г. Москва, 119334, Российская Федерация; *Babi7chi@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Irina L. Babich, Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32 A Leninsky Ave., Moscow, 119334, Russian Federation; *Babi7chi@yandex.ru*

УДК 130.2: 316.77

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-9

Долиненко А. А.

**Медиальность: конвенциональные смыслы
алгоритмического субъекта**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
Adolinenko@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается актуальность анализа ключевых этапов и механизмов влияния технологий на конструирование или декомпозицию личности в устойчивой среде медиакоммуникаций. Новизна подхода заключается в сочетании теоретико-методологических оснований: современной медиафилософии, эволюционного анализа кумулятивно-трансформационного характера медиа и концепции алгоритмической субъектности. В результате уточнены возможности медиафилософии в осмыслении проблемы личности в эпоху цифровых медиа, обоснован подход к медиа как субъектно-конституирующей реальности; выявлены эволюционные характеристики медиа, их кумулятивно-трансформационный характер, последовательно изменяющий ценностные основания человеческого «Я». Введено понятие алгоритмического субъекта и охарактеризован специфический тип алгоритмической субъектности, порождаемый гибридной цифровой средой. Выводы: сочетание примененных подходов позволяет раскрыть конституирующую роль медиа в трансформации человеческого «Я» и обосновать алгоритмическую субъектность как значимый феномен современной медиареальности.

Ключевые слова: медиальность; медиальность; алгоритмический субъект; цифровая среда; сетевая идентичность

Для цитирования: Долиненко, А. А. (2026), «Медиальность: конвенциональные смыслы алгоритмического субъекта», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 100-106. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-9

A. A. Dolinenko

Media personality: conventional meanings of the algorithmic subject

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
Adolinenko@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the relevance of analyzing the key stages and mechanisms of technological influence on the construction or decomposition of personality in a stable media communication environment. The novelty of the approach lies in combining such theoretical and methodological foundations as modern media philosophy, evolutionary analysis of the cumulative-transformative nature of media, and the concept of algorithmic subjectivity. The results clarify the potential of modern media philosophy in understanding the problem of personality in the digital media era, substantiate the approach to media as a subject-constituting reality; reveal the

evolutionary characteristics of media, their cumulative-transformative nature, which consistently alters the value foundations of the human “Self”. The concept of the algorithmic subject is introduced, and a specific type of algorithmic subjectivity generated by the hybrid digital environment is characterized. The conclusions state that the combination of the applied approaches reveals the constituting role of media in the transformation of the human “Self” and substantiates algorithmic subjectivity as a significant phenomenon of contemporary media reality.

Keywords: mediality; media personality; algorithmic subject; digital environment; network identity

For citation: Dolinenko, A. A. (2026), “Media personality: conventional meanings of the algorithmic subject”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 100-106. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-9

Введение

Рассматривая человека эпохи гаджетов, активно пульсирующей сетевой идентичности¹, как будто нетрудно задаться вопросом о его единстве: вторичен ли он относительно алгоритмов цифрового поведения, им же создаваемых, или, напротив, подтверждает свое право творческого первородства и власти над новой медиареальностью? Или, иначе: не является ли сама личность человека цифровой эпохи разрушающей саму себя – традиционный баланс нравственных сил, своей неповторимости и неединственности? Не ускользает ли в таком случае императивный момент самоконтроля – не становится ли он дискретным и малозначительным для человека нашей современности? В таких постановках вопроса о генезисе и неявно предполагаемой личностной смерти современного человека немало эмпирической наблюдательности, но и немало риторической горячности, готовности изменить привычные универсалии, превращая их «в то же самое» в рамках одного. Стоит замедлить над настоящим: существование человека эпохи гаджетов верифицируется нестрогим, конвенционально предвзятым. *Ключевыми* здесь являются, на мой взгляд, когнитивные оксюмороны «*медиаличность*» и «*цифровой субъект*».

Границы определимости

Представляется значимым выявить и зафиксировать как приоритетное категориальное различие между понятиями медиаличности и алгоритмического субъекта. Эти понятия нередко функционируют в одних дискурсивных рамках, но это скорее предварительное эпистемологическое самоощущение в медиасреде. Медиаличность предстает как нечто второстепенное по сравнению с алгоритмическим субъектом, но при этом более зримое – такое впечатление, будто именно он управляет процессом. Однако, вероятнее всего, речь идет о рекурсивной зависимости субъекта от самой медиаальной структуры.

Важным и интересным в контексте осмысления понятия медиаличности предстает интерпретация Фр. Киттлера – одного из основоположников европейской медиатеории. Киттлер разбивает иллюзию автономности индивида: с появлением новых медиа XX в. (граммофон, кино, пишущая машинка) глаз, ухо и голос человека оказываются технически воспроизводимы. Уникальность «души» растворяется в наборе сенсорных каналов средств коммуникации (Киттлер, 2026: 229-231). Однако у человека все еще есть способность контролировать потребление информации. В своих работах Киттлер больше пишет

¹ Согласно М. Кастельсу, под идентичностью мы понимаем процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе данного культурного свойства или совокупности свойств, исключая более широкую соотнесенность с другими социальными структурами (Кастельс, 2020: 17-18).

о медиальности, свойстве технических медиа, которые не просто передают информацию, а активно формируют реальность. «Медиальность» здесь – потребитель этой реальности, он уже не автономен, но еще не «алгоритмический субъект».

В семантическом ореоле понятия алгоритмического (или, эпистемологически менее точно, цифрового) субъекта – не тень классического субъекта, выраженная в цифровых данных и переработанная моделями машинного обучения, а новая форма абстракции, в работу которой включены как старые механизмы производства субъекта, так и новые. Основываясь на классической статистике и искусственном интеллекте, апеллируют к категориям культуры (Горюнова, 2021); впрочем, для характеристики истинной природы личности эпохи медиальной опосредований, где человек во многом утрачивает способность самостоятельно принимать решения, уместно применять понятие алгоритмического субъекта, описывая пользователя, чьи мысли и действия являются проявлением некоей алгоритмической конвенциональной постоянной.

Речевые инициативы и/или информационные конвенции?

Системная теория классика социологии XX века Никласа Лумана стала важным стимулом для размышления о медиальности современной социальной ткани, где простейшим элементом выступает коммуникация. Внедренная немецким философом теория коммуникации позволяет по-новому посмотреть не только на функционирование общества, но и на положение человека, его сущность и место в системе отношений. Он описывает массмедийную реальность как сконструированную возможностями массмедиа, которая хоть и ориентируется на адресата, однако роль человека в обратной коммуникации слабо выражена.

Теоретик и практик пропаганды Эдвард Бернейс еще в начале XX столетия определяет в своих работах медиаэпоху и ее влияние на развитие личности и общества в целом как «самую важную революцию нашего времени в искусстве добиваться согласия тех, кем управляешь» (Бернейс, 2025: 18). Подчеркивая важность всеобщей грамотности, с некоторым разочарованием приходит к выводу, что она «дала человеку не разум, а набор штампов, смазанных краской из рекламных слоганов, передовиц, опубликованных научных данных, жвачки, желтых листков и избитых исторических сведений – из всего, чего угодно, но только не из оригинальности мышления» (Там же).

Путь от пещерных рисунков к современности необратимо трансформировал сами принципы человеческого существования, перекроив такие фундаментальные категории, как идентичность, память, ощущение пространства и времени. В контексте этой трансформации особое значение приобретает концепция Г.М. Маклюэна, согласно которой исторические эпохи сменяются именно в моменты революционных поворотов в развитии культуры, когда на первый план выходят новые средства коммуникации. Выступая в качестве «технологического продолжения» человека, эти средства, по мысли Маклюэна, оказывают обратное воздействие не только на индивида, но и на общество в целом, чем и объясняется столь глубокая эволюция человеческого восприятия от первобытных образов до цифровой современности (Маклюэн, 2023: 5-7, 56).

В поиске пути к алгоритмическому субъекту видится важным акцентировать внимание на тех средствах коммуникации, которые породили перманентное присутствие медиа в организации человеческого пространства и времени. Французский философ, урбанист и архитектурный критик, основатель дромологии² Поль Вирильо указывает на медиальность как на особого рода коммуникативную данность, где физическое место теряет свое значение –

² Теория скорости. Концепция дромологии впервые рассматривается в труде «Скорость и политика» (1977) Поля Вирильо, а далее теория развивается в сочинении «Информационная бомба» (1998).

при появлении телеграфа, проведении первых электрических экспериментов и др. (Вирильо, 2004: 14-17). Именно телеграф, по рассуждению П. Вирильо, стал той точкой отсчета, после которой коммуникация перестает быть продолжением транспорта и становится маклюэнским «социальным гормоном», переросшим в самостоятельную силу истории.

Внедрение в массовое пользование в начале XIX века электрического телеграфа произвело величайшую коммуникационную революцию со времен изобретения печатного станка. Информация стала доходить до адресата за секунды, что изменило и характер сообщения, и отношение человека к передаче информации. С медиакультурологической точки зрения телеграф трансформировал социальную ткань, формируя единое общемировое хозяйство, выстраивая прочную, ранее немислимую связь между странами разных континентов. Совершил телеграф фундаментальный сдвиг и в природе дипломатического взаимодействия. Один из ярких представителей Торонтской школы коммуникативистики Гарольд Адамс Иннис рассматривал развитие средств коммуникации как важнейший фактор, влияющий на структуру политических отношений; телеграф и радио для него – это воплощение «предвзятости в сторону пространства», средство контроля на больших расстояниях (Иннис, 2024: 278).

Интересна с позиции развития социальной культуры и роль телеграфа в повседневной реальности. Помимо передачи правительственных телеграмм, телеграф начали активно использовать для брони гостиниц, общения с лечащими врачами. «Незаменим он стал в торговле, метеорологии, борьбе со стихией, борьбе полиции с преступностью. Был случай даже венчания с помощью телеграфа между молодыми из Бостона и Нью-Йорка. Наконец, телеграфу принадлежит чрезвычайно важная роль в деле обеспечения безопасности движения поездов» (Семенюта, 2017: 153). Человек стал осознавать себя частью стремительного информационного потока: время ускорило, факт получил преимущество над мнением, задачей новых профессий стало не осмыслить, а передать. «В наступившей эпохе “нового племенного человека” царствует миф, а с помощью средств массовой информации, согласно предсказаниям Маклюэна, вскоре можно будет держать под контролем эмоциональный климат целых культур» (Маклюэн, 2023: 35) (см. также (Архангельская, 2007)).

Появление печатной машинки не только потребовало новых профессий, но и изменило письменную культуру, которую так тщательно формировало изобретение И. Гутенберга. Теперь сам процесс письма стал отчужденным, превратился в рабочий процесс, где в приоритет воздвиглись скорость и четкость, независимо от физических расстояний. Печатная машинка подготовила почву для информационных профессий, а сам автор текста научился мыслить «исправляемыми черновиками» и взял в соавторство печатную машинку. Объем текста стал зависеть от технических конфигураций и навыков оператора. М. Хайдеггер критикует пишущую машинку, называя ее «главной причиной уничтожения слова». У Хайдеггера с печатной машинкой слово перестает быть продолжением уникальной мысли и «жестом» характера человека, превращаясь в стандартный типографский знак. «В печати» все люди выглядят одинаково», – пишет философ, подчеркивая начало онтологической катастрофы, потерю «сущностного достоинства человека» и главной сути связи природы слова и мышления (Хайдеггер, 2009: 185-188). Примечательное обстоятельство: печатная машинка стала не только соавтором мысли, но и одной из причин революции в индустрии одежды. «То, что носили секретари-машинистки, хотела носить каждая крестьянская девушка, ведь машинистка была популярным образом предприимчивости и мастерства. Она была диктатором стиля, к тому же страстно стремящимся не отставать от моды» (Маклюэн, 2003: 295). Революционное изобретение ускорило делопроизводство, превратив слово в код, автора в оператора. Все уникальные мысли стали тиражируемыми, пожалуй, именно печатная машинка стала инструментом, предвосхитившим цифровую логику.

Если телеграф и печатная машинка изменили инфраструктуру пространства и мысли, то появление телевидения отделило визуальный образ от физического места события. Фр. Киттлер уже настаивает на том, что «медиа определяют нашу ситуацию». В контексте телевидения это означает, что не содержание, а сама технология (включая алгоритмы сжатия, кодирования и рекомендаций) формирует то, как мы воспринимаем и конструируем реальность (Киттлер, 2009: 256-257). Электрический импульс телеэкрана обрел движущееся изображение, голос и звук, разрушив последовательную модель мышления, которой обладал «книжный человек». Люди стали меньше мыслить понятиями, а больше экранными образами и стереотипами. «Вы больше не смотрите телевидение, – это телевидение смотрит вас», – писал Ж. Бодрийяр, имея в виду, что телевидение как система медиа производит реальность, более реальную, чем сама реальность, формируя личность, живущую в мире симулякров (Бодрийяр, 2015: 45, 48). Вместе с телевидением в дома вошли глобальные новости, телевизионные персонажи, стирая границу между публичным и частным. Личность начала измерять себя через медийные образы красоты и успеха. Герои с экранов стали учить человека, что и в какой момент чувствовать. Телевизионная реальность часто становилась интереснее повседневной, предлагая человеку идентичность, основанную на потреблении. Нил Постман, американский медиаэколог и критик, считает, что телевидение представляет собой не просто дополнение к нашей культуре, а ее полную трансформацию, перестраивая коммуникацию. «Адаптация нашей культуры к эпистемологии телевидения к настоящему времени почти полностью завершена; мы настолько глубоко приняли его определения за истины, знания и реальности, что несущественное кажется нам исполненным важности, а бессвязность – совершенно разумной» (Postman, 2005: 80). С приходом эпохи визуальных медиа любая грамотность стала закрепляться в сознании набором картинок вместо словесных конструкций.

***

Погружение человечества в мир интернета в конце XX – начале XXI века совершило принципиально обратный поворот: если телевидение и радио сделали из человека молчаливого потребителя, то сеть дала возможность каждому стать автором, режиссером, сценаристом, распространителем информации. Интерактивная природа сети построила целую экосистему, в которую оказались погружены все принципы человеческого существования. «Я» отделилось от личности и стало жить отдельным цифровым профилем. Одним из наиболее радикальных и одновременно недостаточно осмысленных последствий цифровизации является трансформация субъектности, самого способа существования человека как «Я». Виртуальные аватары, профили в социальных сетях, потребность постоянной самопрезентации в виртуальном мире сформировало цифровое «Я», значительно отличающееся от классического представления об индивидуальности как цельной, внутренне непротиворечивой сущности (Римский, Римский, Сорокопуд, 2025: 67). Согласно Бодрийяру, мы находимся во вселенной, в которой становится все больше информации и все меньше смысла. «Там, где, как мы полагаем, информация производит смысл, происходит обратное. Информация пожирает свои собственные содержания. Она пожирает коммуникацию» (Бодрийяр, 2015: 111). М. Кастельс, анализируя трансформацию мышления, встраиваемого в сети современных информационно-коммуникационных технологий, пишет: «Мы сами суть сети, соединенные с миром сетей» (Кастельс, 2020: 192). Подчеркнем, что не только соединенные, но и выстраивающие свою реальность по законам и принципам сетевых алгоритмов, – то самое «Я», которое функционирует как «алгоритмический субъект», часть сети цифровых медиа, мира алгоритмической генерации контента. Того самого, где связь между сообщением и субъектом ответственности необратимо утрачивается (Вафин, 2026: 159).

Как полагают В.В. Савчук и К.А. Очеретяный, современные люди от этого все больше обособлены и разобщены, потому что главную роль в выборе объекта восприятия, в получении

экзистенциального опыта, роль инстанции, принимающей решения, стал играть цифровой разум. «Итогом предшествующего поворота стало не только пристальное внимание к средствам коммуникации и интеракции, то есть ко всем медиа, которыми мы пользуемся, но и осознание того, что в действительности медиа используют нас» (Савчук, Очеретяный, 2021: 8).

Новая реальность требует осмысления и построения сценариев для сохранения идентичности «алгоритмических субъектов». В контексте формирования новой цифровой социальной ткани это требует от человека мыслящего не просто встраиваться в среду, а обладать уникальным навыком адаптации к постоянным переменам в условиях конвенциональной алгоритмической субъективности.

Литература

Архангельская, И. Б. (2007), «Теория коммуникации в трудах Х.-А. Инниса и Г.-М. Маклюэна», *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 3, 148-152, EDN: IWQWZB.

Бернейс, Э. (2025), *Пропаганда*, пер. с англ. Парахневич, Е., АСТ, Москва.

Бодрийяр, Ж. (2015), *Симулякры и симуляции*, пер. с фр. Качалов, А. ПОСТУМ, Москва.

Вафин, А. М. (2026), «Алгоритмическая дискредитация субъекта политики - одиннадцатая технология “черного” PR», *Социально-гуманитарные знания*, 1, 158-160. EDN HAXOZG

Вирильо, П. (2004), *Машина зрения*, пер. с фр. Шестаков, А. В., Быстров, В. Ю. (ред.), Наука, Санкт-Петербург. EDN: QXICCN

Горюнова, О. (2021), *Цифровой субъект: абстракции данных, поэтика идеализации и эстетика признания: доклад на теорет. семинаре сектора аналитической антропологии, Ин-т философии РАН* [Электронный ресурс], URL: https://iphras.ru/20_05_2021.htm (дата обращения: 16.04.2026).

Иннис, Г. А. (2024), «Бумага и печатный станок», *Империя и коммуникации и другие работы*, пер. с англ. Эдельман, Н., предисл. Маклюэн, М., Fortis Press, Ереван, 233-278.

Кастельс, М. (2020), *Власть коммуникации*, пер. с англ. Тылевич, Н. М. и Архипова, А. А., Черных, А. И. (науч. ред.), 2-е изд., дополн., ГУ ВШЭ, Москва.

Киттлер, Ф. (2009), *Оптические медиа: Берлинские лекции 1999 г.*, пер. с нем. Никифоров, О. и Скуратов, Б., Логос, Москва.

Киттлер, Ф. (2026), *Системы записи. 1800/1900*, пер. с нем. Никифоров, О. и Скуратов, Б., Логос, Москва.

Луман, Н. (2005), *Реальность массмедиа*, пер. с нем. Антоновский, А. Ю., Кильдюшов, О. В. (ред.), Праксис, Москва. EDN: PWYQPR

Маклюэн, Г. М. (2003), *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*, пер. с англ. Николаев, В. КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, Москва, Жуковский. EDN: QOCITF

Римский, В. П., Римский, А. В. и Сорокопуд, М. С. (2025), «Культурная адаптация человека в конструировании цифровой реальности: вызовы и перспективы», *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 4, 60-69. DOI: 10.24412/1997-0803-2025-4126-60-69

Савчук, В. В., Очеретяный, К. А. (2021), «Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики», *Вопросы философии*, 4, 5-16. DOI 10.21146/0042-8744-2021-4-5-16; EDN KFHBFI

Семенюта, Н. Ф. (2017), *История цифровой телекоммуникации – от телеграфа до Интернета*, Колорград, Минск.

Хайдеггер, М. (2009), *Парменид*, пер. с нем. Шурбелев, А. П., Владимир Даль, Санкт-Петербург.

Postman, N. (2005), *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*, Penguin Books, New York.

References

Arkhangelskaya, I. B. (2007), “Communication theory in the works of H. A. Innis and G. M. McLuhan”, *Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 3, 148-152 (in Russ.), EDN: IWQWZB.

Baudrillard, J. (2015), *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations (Simulacres et simulation)], translated from French by Kachalov, A., POSTUM, Moscow, Russia (in Russ.).

Bernays, E. (2025), *Propaganda*, translated from English by Parakhnevich, E., AST, Moscow (in Russ.).

Castells, M. (2020), *Vlast kommunikatsii* [The Power of Communication], translated from English by Tylevich, N. M. and Arkhipova, A. A. scientific ed. by Chernykh, A. I. 2nd expanded ed., Moscow: HSE University, (in Russ.).

Goryunova, O. (2021), “Digital subject: data abstractions, poetics of idealization and aesthetics of recognition” [Online], available at: https://iphras.ru/20_05_2021.htm (Accessed 10 April 2026).

Heidegger, M. (2009), *Parmenid* [Parmenides], translated from German by Shurbelyov, A. P., Vladimir Dal', St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Innis, H. A. (2024), “Paper and the Printing Press”, in *Imperiya i kommunikatsii i drugie raboty* [Empire and Communications and other works], translated from English by Edelman, N., Fortis Press, Yerevan, Republic of Armenia, 233–278 (in Russ.).

Kittler, F. (2009), *Opticheskie media: Berlinskie leksii 1999 g.* [Optical Media: Berlin Lectures 1999] (O. Nikiforov & B. Skuratov, Trans.). Logos. (In Russ.).

Kittler, F. (2026), *Sistemy zapisi. 1800/1900* [Discourse Networks 1800/1900], translated from German by Nikiforov, O. and Skuratov, B., Logos, Moscow, Russia (in Russ.).

Luhmann, N. (2005), *Realnost massmedia* [The Reality of the Mass Media], translated from German by Antonovsky, A. Yu., Kildyushov, O. V. (ed.), Praksis, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: PWYQPR

McLuhan, M. (2003), *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man], translated from English by Nikolaev, V., KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, Moscow, Zhukovsky, Russia (in Russ.). EDN: QOCITF

Postman, N. (2005), *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*, Penguin Books, New York, US.

Rimsky, V. P., Rimsky, A. V. and Sorokopud, M. S. (2015), “Cultural adaptation of man in the construction of digital reality: challenges and prospects”, *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 4, 60–69 (in Russ.). DOI: 10.24412/1997-0803-2025-4126-60-69

Savchuk, V. V. and Ocheretyanyy, K. A. (2021), “Digital turn: global trends and local specificities”, *Voprosy filosofii*, 4, 5-16 (in Russ.). DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-5-16

Semenyuta, N. F. (2017), *Istoriya tsifrovoy telekommunikatsii – ot telegrafa do Interneta* [History of digital telecommunications – from telegraph to Internet], Kolorgrad, Minsk, Belarus (in Russ.).

Vafin, A. M. (2026), “Algorithmic discrediting of the political subject as the eleventh technology of black PR”, *Social and Humanitarian Knowledge*, 1, 158-160 (in Russ.). EDN HAXOZG

Virilio, P. (2004), *Mashina zreniya* [The Vision Machine], translated from French by Shestakov, A. V., ed. by V. Yu. Bystrov, Nauka, St. Petersburg. EDN: QXICCN

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Долinenko Анастасия Александровна, ассистент кафедры журналистики, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; Adolinenko@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Anastasia A. Dolinenko, Assistant Lecturer, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; Adolinenko@yandex.ru

УДК 130.2:7.011.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-0

Рязанов А. В.¹,
Цельковский А. А.²

**Между модернизацией и архаизацией:
медиа как агент мифотворчества и формирования
политической культуры в современной России**

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия;
alexandr.ryazanov@gmail.com

²Липецкий государственный технический университет,
ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398055, Россия;
alts1085@mail.ru

Аннотация. Динамика политической культуры современной России характеризуется противоречием между стремлением к модернизации и тенденциями архаизации. В этом процессе ключевую роль играют различные медиа средства, превратившиеся в один из главных инструментов конструирования социальной реальности. Актуальность исследования, таким образом, обусловлена необходимостью осмысления амбивалентной природы медиа, которые выступают не просто каналом передачи информации, но агентом современного мифотворчества. Цель исследования – проанализировать, как мифотворческие практики медиа влияют на формирование политической культуры в России, колеблющейся между необходимостью модернизации и тяготением к архаизации. Основная гипотеза заключается в том, что медиа выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они могут выступать проводником архаизации, консервируя традиционные, иррациональные модели поведения через создание упрощенных политических мифов. С другой стороны, они же предоставляют платформы для новых солидарностей и критического дискурса, работая на модернизацию политического сознания. Таким образом, исследование раскрывает диалектическую роль медиа как фактора, одновременно способного и затруднять, и стимулировать переход к более сложным формам политической культуры.

Ключевые слова: модернизация; архаизация; миф; мифологизация; политическая культура; медиа; медиаобраз; ностальгия

Для цитирования: Рязанов, А. В. и Цельковский, А. А. (2026), «Между модернизацией и архаизацией: медиа как агент мифотворчества и формирования политической культуры в современной России», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 107-118. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-0

A. V. Ryazanov¹
A. A. Tselykovsky²

**Between modernization and archaization: media as an agent
of myth-making and political culture formation in modern Russia**

¹N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University,
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia;
alexandr.ryazanov@gmail.com

²Lipetsk State Technical University,
30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398055, Russia;
alts1085@mail.ru

Annotation. The dynamics of the political culture of modern Russia is characterized by a contradiction between the desire for modernization and the trends of archaization. Various media tools play a key role in this process, which have become one of the main tools for constructing social reality. The relevance of the research, therefore, is due to the need to understand the ambivalent nature of media, which act not just as a channel for transmitting information, but as an agent of modern myth-making. The purpose of the study is to analyze how myth-making media practices influence the formation of political culture in Russia, fluctuating between the need for modernization and the tendency towards archaization. The main hypothesis is that the media perform a dual function: on the one hand, they can act as a vehicle for archaization, preserving traditional, irrational patterns of behavior through the creation of simplified political myths. On the other hand, they also provide platforms for new solidarity and critical discourse, working to modernize political consciousness. Thus, the study reveals the dialectical role of the media as a factor that can both complicate and stimulate the transition to more complex forms of political culture.

Keywords: modernization; archaization; myth; mythologization; political culture; media; media image; nostalgia

For citation: Ryazanov, A. V. and Tselykovsky, A. A. (2025), "Between modernization and archaization: media as an agent of myth-making and political culture formation in modern Russia", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 107-118. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-0

Введение

Политическая культура современной России характеризуется сосуществованием двух ключевых векторов: декларативного курса на технологическую и институциональную модернизацию и доминирующих в реальной практике процессов социокультурной архаизации. В этих процессах медиа предстают ключевым элементом, который не просто отражает, а активно формирует политическую реальность, задавая рамки ее восприятия. При этом в цифровую эпоху мифотворчество, составляющее важнейшую компоненту политической культуры, приобретает принципиально новые системные характеристики, трансформируясь из стихийного культурно-исторического процесса в технологически опосредованную и целенаправленную практику конструирования реальности.

Современные медиа, и в особенности цифровые платформы, становятся ключевым агентом этого процесса в силу своей тотальной проницаемости, высокой скорости циркуляции символов и способности к алгоритмической персонализации контента. Они не ограничиваются пассивной ретрансляцией существующих мифологем, а активно продуцируют новые, используя механизмы вирусного распространения, создания информационных пузырей и непрерывного потока упрощенных нарративов. Визуальные форматы и клиповое восприятие способствуют не критическому осмыслению, а мгновенному эмоциональному усвоению мифологических конструктов, которые начинают восприниматься как неотъемлемая и объективная часть информационной среды. Еще М. Маклюэн в середине прошлого века обратил внимание на мифологизацию социально-политической реальности посредством медиа. Он отмечал, что «миф есть мгновенное целостное видение сложного

процесса, который обычно растягивается на большой промежуток времени. Миф представляет собой сжатие, или импловзивное свертывание всякого процесса, и сегодня мгновенная скорость электричества сообщает мифическое измерение даже самому простому промышленному исоциальному действию. Мы живем мифически» (Маклюэн, 2014: 31). Об этом же писал Н. Луман, исследуя процессы коммуникации в структуре информационного общества: «“Новая мифология”, о появлении которой тщетно ностальгировали романтики, была сотворена развлекательными формами массмедиа» (Луман, 2005: 94).

Таким образом, медиа эволюционируют из канала коммуникации в активного создателя новой мифологии, где архетипические образы обретают актуальное цифровое воплощение. В этом контексте политическая культура все в большей степени формируется под влиянием конкуренции и смены коллективных образов и символов, а не на основе рационального публичного дискурса. Современный миф утрачивает функцию исключительно сакрального повествования о прошлом, превращаясь в эффективный инструмент оперативного управления общественным сознанием в настоящем и проектирования желаемых социальных и политических сценариев будущего. Его воспроизводство становится конвейерным, а укоренение – максимально быстрым благодаря интегрированности медиа во все сферы повседневности, что придает всей социокультурной динамике ярко выраженный мифологический характер.

От мифа к медиаобразу

В современном обществе мифы выполняют важнейшую функцию инструмента коллективной идентификации, обеспечивая устойчивость социокультурного пространства и выступая фундаментом политической культуры. Цифровые медиа коренным образом трансформировали механизмы мифотворчества: если традиционные мифы складывались на протяжении жизни многих поколений, то сегодня мифологические нарративы конструируются и тиражируются практически мгновенно. Подобная динамика порождает двойственный эффект: с одной стороны, открываются беспрецедентные возможности для общественной консолидации, а с другой – возрастают риски фрагментации идентичности под воздействием множества конкурирующих дискурсов.

Современная мифология, в частности, разрабатывалась Р. Бартом еще в середине двадцатого века. Исследователь трактовал современный миф как семиотическую систему, функционирующую в массовой культуре. По Барту, мифом может стать любой дискурс. Он отмечал: «Поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом» (Барт, 2008: 352). Сходных воззрений придерживается К. Флад, рассматривающий современные мифы как идеологические конструкты, посредством которых решаются различные политические задачи. По его мнению, «мифологическим можно назвать любой политический текст в той степени, в какой он идеологически окрашен» (Флад, 2004: 41). То есть современные мифы можно определить как рационализированные и выраженные в символической форме архаические мифы, конструируемые и транслируемые в рамках какого-либо идеологического дискурса.

Стереотипизация и архетипизация, присущие современному мифу, упрощают сложную, многомерную реальность до набора универсальных символов-архетипов («герой», «враг», «предатель», «осажденная крепость»). Это упрощение, в свою очередь, провоцирует архаизацию, так как вытесняет рациональный, дискурсивный поиск компромисса и заменяет его иррациональными, основанными на эмоциях моделями поведения. Современные медиа, как главный фактор мифотворчества в цифровую эпоху, катализируют этот процесс, обеспечивая мгновенное и повсеместное тиражирование таких упрощенных образов. В результате политическая культура отходит от сложных модернизационных практик, основанных на рациональности, и скатывается к архаичным иррациональным формам консолидации через противопоставление «своих» и «чужих», где доминируют поиск «врага»

и сиюминутная мобилизация, а не стратегическое планирование. Таким образом, медиамифотворчество, программируя определенное социальное поведение через устойчивые стереотипы, не просто отражает, а активно конструирует архаизированную политическую реальность, подменяя рациональный дискурс.

Современная медиасреда, в силу своей интерактивности, визуальной насыщенности и способности к мгновенному тиражированию, стала идеальным пространством для производства медиаобразов, которые функционируют по законам современного мифотворчества. В этой связи необходимо подробнее остановиться на понятии медиаобраза.

В современной научной литературе понятие «медиаобраз» появилось приблизительно в то же время, что и исследования схожего с ним понятия «имидж», заимствованного из английского языка. Попытки четкого разведения этих понятий можно наблюдать вплоть до настоящего времени, и прийти к согласию в их трактовках окончательно не удалось. Тем более, что они по-разному используются среди представителей различных социальных и гуманитарных дисциплин. Так, Е.Г. Малышева и Ю.Е. Русакова полагают, что, «в отличие от образа, который складывается преимущественно стихийно, имидж – это целенаправленно созданный образ, соответствующий эталону, принятому в социуме, поэтому имидж воспринимается в контексте социума. Понятия “медиаобраз” и “имидж”, несомненно, коррелируют друг с другом. Медиаобраз как некий медиаконструкт, объект в преломлении медиа влияет на создание имиджа субъекта или объекта. Вместе с тем именно медиаобраз, созданный в медиапространстве, во многом определяет имидж той или иной публичной персоны, территории и т. п.» (Малышева, Русакова, 2024: 85).

В постмодернистской теории Ж. Бодрийера имидж и реальность (будь то реальность социальных отношений или эмпирического пространства) не имеют различного онтологического статуса, иначе говоря, не существует различия между имиджем и реальностью (Назаров, 2003). Правда, следует помнить, что речь идет лишь о теории. На практике разница все же есть. Любой предмет или субъект онтологически нагружен, он изначально самоценен и встроен в систему реальности, независимой о нас. Имидж объекта, предмета, явления одновременно и виртуален, и симулятивен. Он виртуален, поскольку не онтологичен, а симулятивен, так как пытается продемонстрировать то, чего нет. А если что-то и есть, то он присутствует в реальном объекте в меньшем количестве (качестве), нежели демонстрируется за счет сформированного специалистами имиджа (медиаобраза).

Л.В. Хочунская трактует медиаобраз как «закодированное в медийном тексте ценностное представление автора о медиаобъекте, имеющее диалогический (полилогический) характер и вызывающее ценностную реакцию адресата» (Хочунская, 2013: 93). То есть в представлении исследователя медиаобраз является информационным посланием, кодирующим какие-либо ценности. Медиаобраз в этом отношении представляет собой субъективную и ангажированную интерпретацию, несущую определенную идеологическую или эмоциональную оценку. По мысли А.В. Морущак, медиаобраз представляет собой «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ» (Морущак, 2012: 95). То есть медиаобраз предстает как комплексное ментальное образование, которое формируется в сознании потребителя медиа. Указание на «эмоциональные и рациональные представления» подчеркивает, что этот образ апеллирует не только к логике, но и, в большей степени, к эмоциям, что объясняет его эффективность в формировании устойчивых ассоциаций. Таким образом, акцент смещается с производства образа на его усвоение.

Стоит обратить внимание, что медиаобразы, согласно приведенным определениям, содержат как рациональные компоненты, так и эмоционально-аффективные. Эта особенность делает их одним из значимых компонентов мифотворческой практики и политического дискурса. К примеру, А.Н. Гуреева и П.А. Киреева, анализируя процесс конструирования

медиаобраза государства, отмечают, что «медиа не только перестали ограничиваться информационным посредничеством воздействия государства на общество, но и стали преобразовывать всю политическую коммуникацию и принципиальным образом менять роли и значения всех акторов» (Гуреева, Киреева, 2022: 29). Исследователи, таким образом, фиксируют переход медиа из пассивного канала передачи информации в активного творца политической реальности. Медиа больше не просто трансляторы готовых сообщений от государства к обществу, а самостоятельный актер, который активно формирует само пространство политической коммуникации. Это кардинально меняет роли всех участников процесса. Государство вынуждено не просто информировать, а «продавать» образы и мифы, подстраиваясь под логику медиа. Общество, в свою очередь, становится не потребителем фактов, а аудиторией, вовлеченной в символический обмен и интерпретацию постоянно конструируемых смыслов.

Исходя из сказанного, медиаобраз можно определить как эмоционально окрашенный и сложный семиотический конструкт, формируемый средствами массовой коммуникации для репрезентации того или иного объекта, явления или исторического периода. В отличие от исторического понятия, медиаобраз не столько отражает реальность, сколько конструирует ее, опираясь на систему символов, стереотипов и культурных кодов, актуальных для текущей ситуации. Его ключевой функцией является воздействие на аудиторию, формирование определенного эмоционального отношения и ценностных установок. В современном информационном обществе медиаобразы становятся ключевым инструментом мифотворчества, влияющим на специфику политической культуры.

Между архаизацией и модернизацией

Россия в цивилизационном отношении представляет собой уникальный тип общества и, по мнению ряда отечественных исследователей, может быть отнесена к периферийным цивилизациям. Как отмечает И.Г. Яковенко, для подобных обществ характерен устойчивый дефицит собственных цивилизационных ресурсов, который невозможно быстро компенсировать ни за счет заимствований, ни посредством внутренней мобилизации в ограниченные исторические сроки. Вследствие этого формируется относительно нестабильная социальная система, в структуре которой сохраняются значительные слои архаических элементов, подвергшихся слабой или неполной переработке (Яковенко, 2008). В таком случае можно предположить, что процессы модернизации, происходящие в российских реалиях, имеют собственные специфические особенности: за ними всегда скрываются те или иные архаические черты. И в досоветский, и в советский периоды, и в период после существования СССР определенные архаические черты в государственной структуре, в ее экономике, в управлении народным хозяйством, тем более, если речь идет об областях и национальных республиках, безусловно могут быть обнаружены. Политическая культура современной России в этом отношении не является исключением. Хотя архаизирующие характеристики, несомненно, присутствующее в современной России, официальными медиа отмечаются редко. Даже само слово «архаизация», имеющее явно отрицательные коннотации, почти не упоминается, особенно в сравнении с «модернизацией».

Так, А.П. Ситников, Г.С. Пшегусова и И.П. Чернобровкин, анализируя трансформационные процессы российского общества, трактуют архаизацию как процесс воспроизводства элементов социальных и политических отношений прошлого в целях консервации существующего порядка и удержания власти. В условиях ценностной ломки и кризиса, вызванного постсоветскими трансформациями, по мысли исследователей, происходит объективация архаизации на ценностно-смысловом уровне. Способность воспринимать сложную реальность утрачивается, и она подменяется упрощенными мифологическими схемами. Исследователи отмечают, что в условиях архаизации «отличительными особенностями политической культуры и политического поведения

российских граждан становятся наиболее простые и эмоционально выразительные действия, связанные с проявлением преувеличенного восторга в адрес политических лидеров и неадекватной ненависти к “чужим”, в которых видятся враги нации и государства» (Ситников, Пшегусова, Чернобровкин, 2019: 4). В этом процессе медиа становятся основным актором формирования архаичных политических практик через упрощенные и эмоционально насыщенные образы.

М.М. Лебедева совместно с рядом других исследователей определяют политическую архаику как возврат к неформальным институтам и практикам, основанным на потестарности, криминале, религии, родственности и клановости, что происходит в условиях слабости формальных государственных институтов. Как замечают исследователи: «Информационные технологии, особенно Web 2.0, действительно стимулируют демократизацию, но при слабости государственных институтов могут не просто отбросить государство назад в авторитаризм, а “информализировать” или архаизировать его, провоцируя гражданские войны и разрушение всех государственных институтов» (Лебедева, Харкевич, Зиновьева, Копосова, 2016: 32). Подобная точка зрения позволяет говорить об амбивалентной роли медиа: будучи инструментом модернизации коммуникации, в определенных социокультурных условиях они становятся катализатором архаизации, разрушая модернизационный потенциал политической культуры и замещая формальные институты неформальными (или формальными) мифологизированными практиками.

Важно обратить внимание на то, что в ситуациях нестабильности архаизация может обретать адаптивный характер, выступая механизмом выживания системы. В действие вступают старые, подчас считавшиеся уже утраченными способы регуляции человеческих отношений и социальные практики, доказавшие свою эффективность в прошлом. В новых условиях они способны обеспечить если не процветание социума, то хотя бы поддержание жизнедеятельности на необходимом уровне. Следовательно, архаизация представляет собой способ реорганизации социальной системы, направленный на обеспечение выживаемости социума и воспроизводство апробированных историческим опытом практик.

Парадокс современной российской политической культуры заключается в том, что процессы архаизации, активно подпитываемые медийным ностальгическим дискурсом, разворачиваются параллельно с декларируемым курсом на модернизацию. При этом модернизационные процессы в российской политической культуре также имеют свою специфику. В частности, О.Ю. Керимов по этому поводу замечает, что политическая модернизация в российской политической культуре не может быть сведена к единой линейной модели, ориентированной исключительно на западные образцы, а должна учитывать цивилизационную специфику и исторически сложившиеся особенности политической системы. Для России, с ее многонациональным укладом и традиционно сильной ролью государства в управлении общественными процессами, наиболее адекватной автор признает многолинейную модель модернизации, допускающую самостоятельное развитие с сохранением цивилизационной идентичности. К примеру, автор замечает: «власть тяготеет к административным методам управления, но и общество сохранило определенный уровень патернализма» (Керимов, 2021: 271). Подобные особенности создают благоприятную почву для медиамифотворчества, поскольку патерналистские ожидания общества легко реализуются через соответствующие медиаобразы, а архаичные модели восприятия политики закрепляются в массовом сознании.

Ностальгический дискурс: медиаобразы и политические практики

Медиасреда, продуцируя эмоционально насыщенные и упрощенные медиаобразы, активно замещает сложную, многомерную политическую реальность набором архетипических символов и стереотипов. Эти образы, функционируя как элементарные единицы современных политических мифов, апеллируют не к рациональному анализу,

а к коллективным эмоциям и бессознательным паттернам, таким как поиск «героя» или идентификация «врага». В результате политическая культура отходит от дискурсивных практик, основанных на критическом осмыслении, и скатывается к архаичным формам консолидации. Таким образом, медиа, превращая политику в борьбу мифологизированных образов, способствуют вытеснению рационального диалога и утверждению иррациональных, эмоционально-мобилизационных моделей политического поведения, что и является архаизацией политической культуры.

Российский официальный дискурс использует модернизационную риторику, апеллируя к технологическому прорыву, инновациям и суверенному развитию, что создает образ устремленности в будущее. Однако на практике медиа, будучи главными проводниками этого дискурса, наполняют его архаичными мифологемами – культом традиционных ценностей, образом «осажденной крепости», сакрализацией власти и поиском внешних врагов. В результате модернизационный проект парадоксальным образом реализуется через архаизирующие социальные практики и мифологическое сознание, где коллективная идентичность строится не на образах будущего, а на идеализации и мифологизации образов прошлого, что и консервирует архаичные основания политической культуры. Архаизация политической культуры происходит посредством мифологизации и идеализации образов прошлого, транслируемых медиадискурсом. Мифологизированное прошлое становится основой для конструирования политической практики.

В этой связи уместно обратиться к феномену ностальгии, представляющей собой, фактически, разновидность современного мифотворчества. Ностальгия является не просто эмоциональной тоской по прошлому, а мощным инструментом конструирования настоящего. Ностальгия как форма мифотворчества, при которой историческая реальность подвергается селекции и идеализации, превращается в лишенный противоречий сакральный образ «золотого века». Этот искусственно созданный медиадискурсом идеал, будь то имперское или советское величие, становится нормативным ориентиром и оправданием для современных политических практик. Таким образом, происходит подмена рационального проектирования будущего стремлением реконструировать мифологизированное прошлое, что и является сутью архаизации, блокирующей подлинную модернизацию.

Отметим, что российскими исследователями ностальгия характеризуется как «эмоционально-психологический и социально обусловленный феномен, одна из форм исторической памяти, проявляющаяся в эмоциональной, психологической, культурной актуализации прошлого личного и социального опыта в его соотношении с наличествующим настоящим» (Ностальгия по советскому, 2011: 18). При этом необходимо различать несколько видов социального феномена ностальгии. К примеру, С. Бойм выделяла рефлексирующую (критическую) и реставрирующую ностальгию. Рефлексирующая ностальгия преимущественно локализована в медиасреде и отличается способностью к критическому осмыслению прошлого, которое предстает в ней в качестве сложного и незавершенного опыта, открытого для рефлексии. Реставрирующая ностальгия, напротив, нацелена на символическое и институциональное воспроизводство идеализированного образа прошлого в современной общественно-политической реальности, при этом его противоречия и историческая неоднозначность сознательно выносятся за скобки. Данный тип ностальгии чаще всего проявляется в официальных государственных нарративах, где элементы ушедших эпох используются как инструмент символической мобилизации (к примеру, политическая риторика о «возрождении СССР»). С. Бойм в этой связи отмечает: «Реставрирующая ностальгия проявляет себя в тотальной реконструкции монументов прошлого, в то время как рефлексирующая ностальгия тяготеет к руинам, патине времени, мечтам об иных местах и других эпохах» (Бойм, 2021: 120).

Именно рефлексующая ностальгия позволяет создавать более сложные и эмоционально достоверные медиаобразы, которые участвуют в мифологизации, предлагая аудитории бегство от настоящего в идеализированное, лишенное конфликтов прошлое. Конструируя мифологизированные образы прошлого, дезориентированное коллективное сознание обретает ценностную и смысловую опору в настоящем.

Медиа, культивируя рефлексующую ностальгию, создают эмоционально привлекательный фон, идеализирующий прошлое через личные истории и эстетику «утраченного времени». Эта почва, лишенная критического осмысления системных противоречий, становится чрезвычайно восприимчивой для последующего внедрения реставрирующей ностальгии, которая трансформирует общую тоску в конкретный политический проект «возвращения к истокам».

Таким образом, медийный ностальгический дискурс формирует у аудитории запрос на восстановление мифологизированного прошлого, который затем удовлетворяется через архаизирующие политические практики – сакрализацию традиционных институтов и поиск утраченного «величия». В результате происходит легитимация архаизации, которая преподносится не как разрыв с современностью, а как «естественное» возвращение к подлинной, идеализированной идентичности, что и блокирует модернизационный потенциал политической культуры.

Ярким примером, демонстрирующим архаизацию политической культуры и активную роль медиа в этом процессе, служит феномен ностальгии по советскому прошлому. Как уже было показано, для современной российской медиапрактики характерен преимущественно рефлексующий тип ностальгии. Его формирование началось еще в 1990-е годы с появлением первых медиапроектов, посвященных СССР, когда ностальгические настроения были еще тесно сопряжены с коммуникативной памятью (по Я. Ассману). С течением времени количество и разнообразие таких проектов возрастало, охватывая как легкие развлекательные жанры, так и серьезные аналитические форматы.

Телевизионный контент, такой как передачи «Старая квартира», «Какие наши годы», «Лучшие годы нашей жизни» и им подобные, целенаправленно конструирует идеализированный медиаобраз СССР, выступая мощным катализатором реставрирующей ностальгии. Данный процесс получает тотальное распространение в цифровой среде, где многочисленные сообщества в социальных сетях тиражируют и закрепляют этот мифологизированный образ. Таким образом формируется единый медиадискурс, который подготавливает почву для актуализации мифологизированного образа советского прошлого в современной политической практике.

К советской эпохе активно обращается российский кинематограф. Темы Великой Отечественной войны, спортивных побед и освоения космоса служат основой для конструирования героического нарратива о «великом прошлом», который становится новым мифом происхождения для современной России. Несмотря на возможность критического изображения отдельных аспектов советской системы, общий посыл этих фильмов сводится к безусловному прославлению достижений советской эпохи, что обеспечивает эмоциональную легитимацию текущей политики через апелляцию к историческому величию. Данный кинематографический дискурс, транслируя идеализированный образ мобилизационного общества, ориентированного на прорыв и противостояние с внешним миром, формирует запрос на воспроизводство аналогичных моделей в настоящем. Массовый кинематограф выступает важнейшим инструментом медиамифотворчества, который, эксплуатируя ностальгию, подменяет сложный исторический анализ эмоционально заряженными символами, способствуя архаизации политической культуры. Эта коллективная тоска, сформированная на уровне массового сознания, затем инструментализируется

властными структурами, которые переводят ее в плоскость конкретных политических практик.

Рефлексирующая ностальгия, культивируемая медиа, служит питательной средой для реставрирующей, находящей свое воплощение в риторике о «возрождении величия», воссоздании исторических институтов и легитимации текущего курса через апелляцию к мифологизированным образцам прошлого. Этот переход от эмоциональной памяти к политической программе и является ключевым механизмом архаизации, подменяющим проектирование будущего реконструкцией утраченного идеала.

Активизация реставрирующей ностальгии приходится на 2000-е годы. Одним из первых знаковых шагов в этом направлении стало утверждение нового государственного гимна. В его основе была оставлена музыка советского гимна, созданная А.В. Александровым, тогда как новый текст подготовил С.В. Михалков – соавтор прежней версии гимна СССР. В официальном дискурсе подобное решение интерпретировалось как стремление символически связать различные этапы российской истории в единую и непрерывную историческую траекторию.

В последующие годы наблюдается институционализация отдельных советских практик в системе наград и званий. В качестве примера можно привести звание «Герой Труда Российской Федерации» (2013 год) – аналог звания «Герой Социалистического Труда», существовавшего в 1938-1991 годах и присуждавшегося за выдающиеся достижения в сфере труда. В 2021 году был введен почетный знак «За успехи в труде», отсылающий к одноименной награде позднесоветского периода (1986-1991 гг.). Кроме того, в общественно-политический оборот было возвращено звание «Мать-героиня», также имеющее прямой исторический прецедент в советской наградной системе.

В 2022 году в России была создана новая общенациональная детско-подростковая структура – «Движение первых». Среди ее ключевых задач декларируется формирование патриотических установок у молодого поколения. Хотя в постсоветский период в России уже предпринимались попытки институционализации молодежной активности (движения «Наши», «Идущие вместе» и т. д.), символическое значение даты основания (столетие Всесоюзной пионерской организации), программные ориентиры и само наименование новой организации позволяют интерпретировать ее как своего рода преемницу советской пионерской традиции.

Власть, легитимируя свой курс через апелляцию к историческим образцам, не просто заимствует советскую символику, но и реанимирует присущую ей мобилизационную логику, ориентированную на коллективные, а не индивидуальные достижения. Таким образом, происходит буквальное воплощение мифологизированного прошлого в институциональной практике, где архаичные знаки отличия становятся инструментом конструирования несоветской идентичности. Этот процесс наглядно демонстрирует, как ностальгический медиамиф трансформируется в конкретные политические решения, ведущие к архаизации социально-политических отношений.

Обращение к советскому мифологическому наследию проявляется не только в осмыслении текущей политической и социальной реальности, но и в формировании представлений о стратегических перспективах страны. Иными словами, советский опыт начинает выступать в качестве одного из возможных ориентиров при моделировании будущего устройства России. Подобная тенденция получила выражение, в частности, в аналитическом докладе «Образы будущего для России: сценарии, развилки и оценки», подготовленном «Фондом прогрессивной политики» в 2022 году. В документе были предложены несколько вариантов дальнейшей социально-политической эволюции государства, отражающих различные направления потенциального развития. В качестве одного из базовых сценариев авторы обозначили проект «СССР 2.0». Данный вариант

предполагает формирование автономной политической системы с доминирующей ролью государства в экономике, наличием официальной идеологии и механизмов цензуры.

Проект «СССР 2.0», предлагающий воссоздание закрытой политической системы, государственной идеологии и плановой экономики, является чистым выражением реставрирующей ностальгии, перешедшей из области медиадискурса в сферу конкретных политических программ. Само появление такого сценария, легитимированного экспертным сообществом, сигнализирует о том, что архаизирующий тренд, подпитываемый медиамифотворчеством, достиг уровня стратегического планирования, где будущее видится не как инновационный прорыв, а как возвращение к мифологизированным основам.

Фактически образ будущего подменяется мифологизированным и идеализированным образом прошлого. Данная подмена блокирует способность политической культуры к адаптации и инновациям, поскольку будущее конструируется не через проектирование новых моделей, а через рекомбинацию старых, заведомо ограниченных шаблонов. Это приводит к нарастанию когнитивного диссонанса, когда реальные вызовы глобализированного мира игнорируются в пользу мифологизированных представлений о социально-политическом идеале. Таким образом, политическая культура, ориентированная на реставрацию мифологизированного прошлого, утрачивает потенциал для развития и оказывается неспособной адекватно реагировать на вызовы современности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что медиа в современной России выступают ключевым агентом мифотворчества, которое парадоксальным образом сочетает модернизационную риторику с архаизирующими практиками. Транслируемые медиа эмоционально насыщенные образы и упрощенные мифологические конструкции подменяют сложную политическую реальность набором архетипических символов, апеллирующих к коллективным эмоциям. Особую роль в этом процессе играет ностальгический дискурс: культивируемая медиа рефлексующая ностальгия создает эмоционально привлекательный образ идеализированного прошлого, который затем инструментализируется властью в формате реставрирующей ностальгии, воплощающейся в конкретных политических практиках и институтах. Возвращение советских символов, наградных систем и организационных форм наглядно демонстрирует, как мифологизированное прошлое становится нормативной моделью для настоящего. Кульминацией этой тенденции становится проекция советского мифа на будущее, где образ желаемого социально-политического устройства конструируется через рекомбинацию архаичных элементов. В результате политическая культура, ориентированная на реставрацию мифологизированного прошлого, утрачивает модернизационный потенциал, блокируя способность общества адекватно реагировать на вызовы современности.

Литература

Бойм, С. (2021), *Будущее ностальгии*, пер. с англ. Стругач, А., Новое литературное обозрение, Москва.

Гурева, А. Н. и Киреева, П. А. (2022), Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации, *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 6, 28–56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856; EDN: YHNWGV

Ильин, В. В. и Ахиезер, А. С. (2000), *Российская цивилизация: содержание, границы, возможности*, Изд-во Московского университета, Москва. EDN: WNTNLB

Керимов, О. Ю. (2021), «Модернизация политической системы и модели политической модернизации: российские особенности», *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 3, 267–271. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-267-271; EDN: JCXTZU

- Лебедева, М. М., Харкевич, М. В., Зиновьева, Е. С. и Копосова, Е. Н. (2016), «Архаизация государства: роль современных информационных технологий», *Полис. Политические исследования*, 6, 22–36. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.03; EDN: WYJPUJ
- Луман, Н. (2005), *Реальность массмедиа*, перевод с немецкого Антоновский, А. Ю., Кильдюшов, О. В. (ред.), Праксис, Москва. EDN: PWYQPR
- Маклюэн, М. (2014), *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*, пер. с англ. Николаев, В. Г., 4-е изд., Кучково поле, Москва.
- Мальшева, Е. Г. и Русакова, Ю. Е. (2024), «Образ, медиаобраз, медиаобраз региона vs имидж, медиаимидж, имидж региона: понятийно-терминологический аппарат современных российских исследований», *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2, 76–94. DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.06; EDN: SIDZJD
- Марущак, А. В. (2012), «Политико-социальный образ России в американском медиапространстве», *Журналистский ежегодник*, 1, 94–96. EDN: PJBAPJ
- Назаров, М. М. (2003), *Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследование*, Аванти плюс, Москва. EDN: YDPNXR
- Ностальгия по советскому* (2011), Резанова, З. И. (отв. ред.), Изд-во Томского университета, Томск. EDN: TYAFPL
- Пелипенко, А. А. и Яковенко, И. Г. (1998), *Культура как система: Структурная морфология культуры, Единство онто- и филогенеза. Изоморфизм мышления и историко-культурной феноменологии*, Языки русской культуры, Кошелев, Москва. ISBN 5-7859-0047-5
- Ситников, А. П., Пшегусова, Г. С. и Чернобровкин, И. П. (2019), «Архаизация российского общества в динамике ценностной трансформации», *Социально-гуманитарные знания*, 7, 45–52. EDN: QTRRFP
- Флад, К. (2004), *Политический миф. Теоретическое исследование*, перевод с английского Георгиев, А. Г., Прогресс-Традиция, Москва. EDN: SDTFSL
- Хочунская, Л. В. (2013), «Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 2, 91–95. EDN: QBWSYD
- Яковенко, И. Г. (2008), *Познание России: цивилизационный анализ*, Наука, Москва. EDN: TMOWJN

References

- Boym, S. (2021), *Budushcheye nostalgii* [The Future of Nostalgia], translated from English by Strugach, A., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).
- Flood, C. (2004), *Politicheskii mif. Teoreticheskoye issledovaniye* [Political Myth. A Theoretical Study], Translation from English by Georgiev, A. G., Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: SDTFSL
- Gureeva, A. N. and Kireeva, P. A. (2022), “Formation of the media image of the state in the context of mediatization of political communication”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistsika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 6, 28–56 (in Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856; EDN: YHNWGV
- Hochunskaya, L. V. (2013), “Media Image Phenomenon: Socio-Psychological Aspect”, *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2, 91–95 (in Russ.). EDN: QBWSYD
- Plyin, V. V. and Akhiezer, A. S. (2000), *Rossiyskaya tsivilizatsiya: soderzhaniye, granitsy, vozmozhnosti* [Russian civilization: content, boundaries, possibilities], Moscow University Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: WNTNLB
- Kerimov, O. Yu. (2021), “Modernization of the political system and models of political modernization: Russian features”, *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 3, 267–271 (in Russ.). DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-267-271; EDN: JCXTZU
- Lebedeva, M. M., Kharkevich, M. V., Zinovieva, E. S. and Kopusova, E. N. (2016), “State Archaization: The Role of Information Technologies”, *Polis. Political Studies*, 6, 22–36 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2016.06.03; EDN: WYJPUJ
- Luhmann, N. (2005), *Realnost massmedia* [The Reality of the Mass Media], Translated from German by Antonovsky, A. Yu., in Kildyushov, O. V. (eds.), Praksis, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: PWYQPR

Malysheva, E. G. and Rusakova, Yu. E. (2024), “Representation, Media Representation, Media Representation of the Region Vs Image, Media Image, Image of The Region: Conceptual and Terminological Metatext in Modern Russian Research”, *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2, 76–94 (in Russ.). DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.06; EDN: SIDZJD.

Marushchak, A. V. (2012), “Political and social image of Russia in the American media space”, *Journalistic Yearbook*, 1, 94–96 (in Russ.). EDN: PJBAPJ

McLuhan, M. (2014), *Ponimaniye Media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man], translated from English by Nikolaev, V. G., 4th ed., Kuchkovo pole, Moscow, Russia (in Russ.).

Nazarov, M. M. (2003), *Massovaya kommunikatsiya i obshchestvo. Vvedeniye v teoriyu i issledovaniye* [Mass Communication and Society. Introduction to Theory and Research], Avanti plus, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: YDPNXR

Pelipenko, A. A. and Yakovenko, I. G. (1998), *Kultura kak sistema: Strukturnaya morfologiya kultury, Yedinstvo onto- i filogeneza. Izomorfizm myshleniya i istoriko-kulturnoy fenomenologii* [Culture as a System: Structural Morphology of Culture, Unity of Ontogenesis and Phylogenesis. Isomorphism of Thought and Historical-Cultural Phenomenology], *Yazyki russkoy kul'tury*, Koshelev, Moscow, Russia (in Russ.). ISBN 5-7859-0047-5

Rezanova, Z. I. (ed.) (2011), *Nostalgia po sovetkomu* [Nostalgia for the Soviet Union], Tomsk University Press, Tomsk, Russia (in Russ.). EDN: TYAFPL

Sitnikov, A. P., Pshegusova, G. S. and Chernobrovkin, I. P. (2019), “Archaization of Russian society in the dynamics of value transformation”, *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 7, 45–52 (in Russ.). EDN: QTRRFP

Yakovenko, I. G. (2008), *Poznaniye Rossii: tsivilizatsionnyy analiz* [Understanding Russia: A Civilizational Analysis], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: TMOWJN

*Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРАХ:

Рязанов Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; alexandr.ryazanov@gmail.com

Цельковский Алексей Андреевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398055, Россия; alts1085@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Alexander V. Ryazanov, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; alexandr.ryazanov@gmail.com

Alexey A. Tselykovsky, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Communications, Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398055, Russia; alts1085@mail.ru

УДК 81'37

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-1

Галюченко Д. И.

**Лингвокогнитивный анализ пользовательских интенций
в коммуникации с LLM (на основе таксономии Блума)**

Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
ул. Новоспортивная, д. 3, г. Одинцово, Московская область, 143007, Россия;
Danil_galyuchenk@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты автоматической классификации 999 естественных запросов пользователей к ИИ-ассистенту Google Bard с использованием локальной языковой модели в соответствии с пересмотренной таксономией Блума. Анализ охватывает два измерения: категории когнитивных процессов и уровни знаний. Цель исследования – определить когнитивные процессы и типы знаний, применяемых при формулировании запросов к генеративным ИИ-системам, а также оценить надежность применения пересмотренной таксономии Блума для автоматической классификации таких запросов. Для классификации использовалась локальная языковая модель GPT OSS. Модель возвращала три параметра: категорию когнитивного процесса, уровень знания и оценку уверенности. Результаты показывают доминирование низших когнитивных процессов: REMEMBER (39,5 %) и CREATE (21,8 %), тогда как ANALYZE составляет лишь 2,9 %. По уровням знаний преобладают запросы фактического (FACTUAL – 44,4 %) и процедурного (PROCEDURAL – 29,9 %) характера. Метакогнитивные запросы составляют лишь 1,7 % от общего числа, что свидетельствует о практически неразвитой нише взаимодействия «Человек–ИИ» в области рефлексии и самопознания. Проведенное исследование демонстрирует успешную применимость пересмотренной таксономии Блума для систематической классификации промптов к LLM, выявляя четкие закономерности: современный пользователь использует большие языковые модели как гибридный инструмент – одновременно как справочник для извлечения фактов и как процедурный генератор решений, но практически не задействует их для метакогнитивного анализа. Дополнительно полученные распределения когнитивных процессов и уровней знаний интерпретируются как эмпирическая модель типичных задач, решаемых пользователями при работе с языковыми моделями, что позволяет сформулировать требования к архитектуре и функционалу системы управления терминологией в условиях генеративного ИИ.

Ключевые слова: таксономия Блума; когнитивные процессы; когнитивная лингвистика; классификация промптов; генеративные ИИ-ассистенты; LLM; BIDD-1k

Для цитирования: Галюченко, Д. И. (2026), «Лингвокогнитивный анализ пользовательских интенций в коммуникации с LLM (на основе таксономии Блума)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 119-129. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-1

D. I. Galyuchenko

**A linguo-cognitive analysis of user intentions in interaction
with LLMs: a Bloom's taxonomy approach**

Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 3 Novo-Sportivnaya St., Odintsovo, Moscow region, 143007, Russia;
Danil_galyuchenk@mail.ru

Abstract. The article presents the results of automatic classification of 999 natural user requests to the Google Bard AI assistant using the local language model GPT-OSS-20B in accordance with the revised Bloom's taxonomy. The analysis covers two dimensions: categories of cognitive processes and levels of knowledge. The aim of the study is to identify cognitive processes and knowledge types employed in formulating requests to generative AI systems, as well as to evaluate the reliability of the revised Bloom's taxonomy for the automatic classification of such requests. A local open-source language model (GPT-OSS, 20 billion parameters) was used for classification, iteratively processing each prompt with a detailed system prompt containing taxonomy category descriptions, typical action verbs, confidence criteria, and classification examples. The model returned three parameters: cognitive process category, knowledge level, and confidence score (0–100 %). The results reveal the dominance of lower-order cognitive processes: REMEMBER (39.5 %) and CREATE (21.8 %), while ANALYZE accounts for only 2.9 %. In terms of knowledge levels, factual (FACTUAL – 44.4 %) and procedural (PROCEDURAL – 29.9 %) requests prevail. Metacognitive requests represent only 1.7% of the total, indicating a virtually undeveloped niche of human-AI interaction in the domain of reflection and self-knowledge. The study demonstrates the successful applicability of the revised Bloom's taxonomy for the systematic classification of LLM prompts, revealing clear patterns: contemporary users employ large language models as a hybrid tool – simultaneously as a reference source for fact retrieval and as a procedural solution generator – while virtually never using them for metacognitive analysis. Furthermore, the obtained distributions of cognitive processes and knowledge levels are interpreted as an empirical model of typical user tasks when interacting with language models, which enables the formulation of requirements for the architecture and functionality of terminology management systems in the context of generative AI.

Key words: Bloom's taxonomy; cognitive processes; cognitive linguistics; prompt classification; generative AI assistants; LLM; BIDD-1k

For citation: Galyuchenko, D. I. (2026), “A linguo-cognitive analysis of user intentions in interaction with LLMs: a Bloom's taxonomy approach”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 119-129. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-1

Введение (Introduction)

Глубокое понимание когнитивных процессов, инициируемых пользователями при взаимодействии с генеративными ИИ-системами, имеет ключевое значение для исследований в области когнитивной лингвистики и компьютерной лингвистики (Zhang Y. et al., 2025). Пересмотренная таксономия Блума (Anderson, Krathwohl, 2001), разработанная более двух десятилетий назад для классификации когнитивных процессов в образовательных целях, предоставляет надежный инструмент для структурированного анализа когнитивных процессов, отражаемых в языке. Данная таксономия активно применяется в отечественных

и зарубежных исследованиях: Е.Н. Дятлова использует ее как теоретическую основу при разработке уровней сформированности социально-гуманитарных знаний школьников (Дятлова, 2022), Е.С. Коваленко и Н.М. Кузуб показывают ее эффективность для повышения качества профессиональной педагогической подготовки в вузе (Коваленко, Кузуб, 2020), Р. Rivera-Reyes с соавторами применяют ее для оценки когнитивной нагрузки задач в университетском курсе электротехники (Rivera-Reyes et al., 2018), L. Bootu с соавторами демонстрируют применение современных методов ИИ для автоматического распределения экзаменационных вопросов по когнитивным категориям таксономии (Bootu et al., 2025). Однако применение данной таксономии в анализе естественных запросов пользователей к современным ИИ-системам остается недостаточно активным.

Пересмотренная таксономия Блума, предложенная Андерсоном и Кратволом, имеет ряд отличий от оригинальной версии 1956 года. Во-первых, категории когнитивных процессов переосмыслены как динамические действия: вместо имен существительных (Knowledge, Comprehension, Application, Analysis, Synthesis, Evaluation) используются глагольные формы (Remember, Understand, Apply, Analyze, Evaluate, Create), что подчеркивает операционный характер когнитивной активности и облегчает формулирование наблюдаемых образовательных задач. Во-вторых, переупорядочены высшие уровни: «Synthesis» переименован в «Create» и помещен над уровнем «Evaluate», что отражает представление о творчестве как о наиболее сложном типе когнитивной активности. В-третьих, был добавлен новый уровень знаний – метакогнитивный. Наконец, ключевым отличием стала двухмерная архитектура модели, в которой ось когнитивных процессов систематически пересекается с измерением уровней знаний (фактического, концептуального, процедурного и метакогнитивного), что позволяет более точно описывать выполняемые субъектом задачи. Появление пересмотренной таксономии обусловлено как накопившейся критикой первоначальной модели (в частности, неразличением «знания» как запаса информации и операций над ним), так и развитием когнитивной психологии и педагогических исследований, требующих более гибкого инструмента для проектирования, обучения и оценки образовательных результатов.

Таксономия Блума первоначально была разработана в рамках педагогики для описания и упорядочения целей обучения. Пересмотренная таксономия организована в виде иерархии когнитивных процессов, возрастающей по сложности: REMEMBER (извлечение информации из памяти), UNDERSTAND (объяснение смысла идей или понятий), APPLY (применение процедур в знакомых или новых ситуациях), ANALYZE (разложение материала на составные части и выявление связей), EVALUATE (оценка на основе критериев и стандартов) и CREATE (создание нового путем комбинирования элементов). Параллельно таксономия классифицирует и уровни знаний, требуемые для решения когнитивной задачи: FACTUAL (знание фактов и терминов), CONCEPTUAL (знание классификаций, принципов и структур), PROCEDURAL (знание способов делания и специфических техник) и METACOGNITIVE (знание стратегий обучения и саморегуляции) (Anderson, Krathwohl 2001; Корованец 2025, Дятлова, 2022; Коваленко, Кузуб, 2020; Rivera-Reyes et al., 2018; Bootu et al., 2025).

Современное применение таксономии Блума к анализу естественных запросов пользователей к генеративным ИИ-системам раскрывает новое измерение когнитивной лингвистики: промпт (естественный запрос) интерпретируется как вербализованная форма определенного типа когнитивной задачи. Это означает, что лингвистические маркеры запроса (глаголы действия, синтаксис, модальность) могут быть систематически сопоставлены с категориями таксономии Блума и, таким образом, предоставляют окно в когнитивную архитектуру пользовательского поведения.

Настоящее исследование призвано расширить прикладной аспект когнитивных исследований, предлагая структурную классификацию 999 реальных запросов пользователей из датасета BIDD-1k (Bard Intelligence and Dialogue Dataset) (Trippas J. BIDD-1k).

Целью работы, с одной стороны, является определение когнитивных процессов и уровней знаний, применяемых при формулировании запросов к генеративным ИИ-системам, а также оценка надежности применения пересмотренной таксономии Блума для автоматической классификации таких запросов, а с другой стороны – выявление на этой основе типовых когнитивных сценариев, которые должны поддерживаться перспективной системой управления терминологией в среде LLM.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

- описать распределение запросов по категориям когнитивных процессов и уровням знаний в датасете BIDD-1k;
- выявить устойчивые сочетания когнитивных процессов и типов знаний, репрезентирующие типичные пользовательские сценарии;
- интерпретировать обнаруженные сценарии как требования к функциональным модулям и интерфейсным решениям системы управления терминологией, интегрируемой с генеративными ИИ-системами.

Основная часть (The main content)

Исследование проводилось с использованием следующего инструментария и методов. Датасет BIDD-1k содержит 999 анонимных запросов пользователей, собранных из сеансов взаимодействия с Google Bard. Запросы охватывают разнообразные тематики: технические вопросы, рецепты, вопросы на эрудицию, психологические запросы, математические задачи, творческие заказы, опросы и спонтанные диалоги.

Для классификации используется локальная версия открытой языковой модели GPT OSS (Open Source) размером 20 млрд параметров, что обеспечивает:

- конфиденциальность пользовательских данных (обработка выполнялась локально, без передачи в облако);
- воспроизводимость результатов (возможность повторного запуска с идентичными параметрами);
- независимость от платных API;
- возможность детального анализа внутренних состояний модели (OpenAI. gpt-oss) (<https://github.com/openai/gpt-oss>).

В качестве основы для осуществления автоматизированной классификации когнитивных процессов применяется пересмотренная таксономия Блума в редакции Андерсона и Кратволя (Anderson, Krathwohl, 2001) с двумя основными измерениями, а сама классификация проводится в два этапа.

Первый этап предполагает формирование системного промпта с детализированным описанием шести категорий когнитивных процессов (REMEMBER, UNDERSTAND, APPLY, ANALYZE, EVALUATE, CREATE), четырех уровней знаний (FACTUAL, CONCEPTUAL, PROCEDURAL, METACOGNITIVE), типичных глаголов-индикаторов, критериев принятия решения и примеров для каждой категории (Anderson, Krathwohl, 2001).

Второй этап включает процесс итеративного выполнения: разработка программы на языке Python, которая итеративно отправляет каждый промпт к языковой модели с детальным системным промптом. Модель возвращает три параметра: категория когнитивного процесса; уровень знания; численная оценка уверенности в диапазоне 0–100 %.

Далее приведен системный промпт в полном объеме, который был передан языковой модели:

«КОНТЕКСТ: Ты должен классифицировать текст промптов из запроса пользователя, используя пересмотренную таксономию Блума (Anderson & Krathwohl, 2001). Выполняй классификацию, используя свои встроенные методы языковой модели без скриптов.

КАТЕГОРИИ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ:

1. REMEMBER (Знать, помнить)

Суть: извлечение фактов или информации из памяти.

Типичные глаголы: recall, recognize, list, define, identify, name, repeat.

2. UNDERSTAND (Понимать)

Суть: объяснение смысла, интерпретация, перефразирование.

Типичные глаголы: explain, summarize, describe, interpret, classify, compare, paraphrase.

3. APPLY (Применять)

Суть: выполнять и использовать изученную процедуру при реализации в иной ситуации.

Типичные глаголы: apply, use, execute, implement, solve, demonstrate.

4. ANALYZE (Анализировать)

Суть: разложение на части, выявление связей, описание соотношения части с целым.

Типичные глаголы: analyze, differentiate, compare, contrast, organize, attribute, examine.

5. EVALUATE (Оценивать)

Суть: делать суждения, основанные на критериях и стандартах.

Типичные глаголы: evaluate, judge, critique, justify, decide, argue, prioritize.

6. CREATE (Создавать)

Суть: соединять части, чтобы появилось что-то новое, определять компоненты и характеристики созданного.

Типичные глаголы: create, design, generate, plan, compose, invent, develop.

УРОВНИ ЗНАНИЙ:

A. FACTUAL (Фактическое знание – базовая информация)

Знание терминологии. Знание специфических деталей и элементов.

B. CONCEPTUAL (Концептуальное знание – отношения между частями большой структуры, позволяющие им действовать как единое целое (рассмотрение изучаемого объекта как системы: структурных элементов и связей между ними; соотношение изучаемого объекта с другими объектами))

Знание классификаций и категорий. Знание принципов и общих правил. Знание теорий, моделей и структур.

C. PROCEDURAL (Процедурное знание – знание о действиях познания, об основах их выбора/отбора и последовательности осуществления (что, как и в какой последовательности делать со знанием: фактическим, концептуальным))

Владение специфическими навыками и алгоритмами. Знание критериев для определения, когда следует применять соответствующие процедуры.

D. METACOGNITIVE (Метакогнитивное знание – знание о познании в целом и о собственной специфике познания)

Знание стратегий. Знание о когнитивных задачах, включая соответствующее знание контекста и условий. Самопознание.

ФОРМАТ ОТВЕТА:

Строго объект из трех атрибутов типа JSON.

ЗАГОЛОВКИ: cpl, kl, conf

cpl (КАТЕГОРИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ) = {REMEMBER | UNDERSTAND | APPLY | ANALYZE | EVALUATE | CREATE}

kl (УРОВЕНЬ ЗНАНИЙ) = {FACTUAL | CONCEPTUAL | PROCEDURAL | METACOGNITIVE}

conf (УВЕРЕННОСТЬ КЛАССИФИКАЦИИ) = 0-100 %

КРИТЕРИЙ УВЕРЕННОСТИ:

- 95-100 %: глагол явный (e.g., “create”, “analyze”), контекст ясен.

- 80-94 %: глагол основной, но контекст частично неоднозначен.

- 60-79 %: глагол отсутствует или подразумевается, возможны множественные интерпретации, выбери вероятнейшую.

- <60 %: не классифицируй, напиши ""*AMBIGUOUS, AMBIGUOUS, 0*".

FEW-SHOT ПРИМЕРЫ:

""*Explain how the autonomic nervous system works in the human body.*". Ответ: [UNDERSTAND, CONCEPTUAL, 90]

""*Determine the best way to...*". Ответ: [APPLY, PROCEDURAL, 95]

""*Create a cover image for a film.*". Ответ: [CREATE, PROCEDURAL, 95]

""*Compare the pros and cons of remote work vs office work.*". Ответ: [ANALYZE, CONCEPTUAL, 92]

Выведи строго три атрибута, например: [APPLY, PROCEDURAL, 100].

ИНСТРУКЦИЯ: Классифицируй промпты ниже.»

В связи с частью системной инструкции «...используя свои встроенные методы языковой модели без скриптов» представляется необходимым дополнительно обосновать данное исследовательское решение. Ограничения больших языковых моделей по размеру контекстного окна и максимальному числу генерируемых токенов в сочетании с наличием инструментов исполнения кода приводят к тому, что модель нередко выбирает генерацию программ на языке Python и статистическое решение задачи как более «ресурсно экономный» способ обработки данных. При этом в условиях автоматической классификации по таксономии Блума такое инструментальное поведение может приводить к переоценке формальных признаков (в первую очередь наибольшее внимание уделяется типичным глаголам действия), что повышает риск нерелевантных решений и программных ошибок, особенно когда в одном высказывании присутствуют несколько глаголов, относящихся к различным категориям когнитивных процессов, а к уровням знаний подобная методика вообще неприменима. В указанной конфигурации системного промпта модель, напротив, вынуждена опираться на базовые механизмы работы LLM – векторное представление текста, выявление семантических связей посредством механизма внимания и трансформерную обработку последовательностей, – что соответствует современным представлениям о принципах функционирования моделей данного класса.

Первый запуск обработал 996 промптов успешно. Три промпта с ошибками в структуре JSON-вывода были переклассифицированы во втором запуске, достигнув полноты 999/999 (100 %). Высокая полнота указывает на хорошую применимость таксономии Блума к естественным запросам пользователей и надежность используемой модели для подобных задач.

Эмпирический анализ 999 запросов пользователей к LLM позволяет выявить и количественно зафиксировать преобладающие типы когнитивных задач в реальных сценариях использования и описать те классы операций с терминологическими единицами, которые должна поддерживать система управления терминологией в реальных сценариях использования.

Классификация запросов по пересмотренной таксономии Блума выявила следующее распределение когнитивных процессов:

• **REMEMBER** (39,5 %; 374 запроса): Простые запросы на фактическую информацию, определения, перечисления. Пример: "Is there a service or even github repository for a project that allows you to take a voice from a video clip and turn it into an AI voice?".

• **CREATE** (21,8 %; 206 запросов): Запросы на генерацию нового контента, дизайн, планирование. Пример: " I want to create the ultimate beginners guide to overdrafts for people learning about personal finance. Please create a title and subtitles as the outline".

• **UNDERSTAND** (14,7 %; 139 запросов): Просьбы об объяснении и интерпретации. Пример: " Can you take a look at this database diagram for me and make sense of it?".

• **APPLY** (12,7 %; 120 запросов): Запросы на решение практических задач и выполнение процедур. Пример: " How do you remove dust from the top of decorative candles".

• **EVALUATE** (8,4%; 79 запросов): Запросы на оценку, сравнение и обоснование. Пример: " Yaris Cross vs Kodiaq. Which is better?".

• **ANALYZE** (2,9%; 27 запросов): Запросы на разложение на части и анализ отношений. Пример: "[0,9,9,9,9] what is the pattern?".

• **AMBIGUOUS** (5,3%; 53 запроса): Запросы, не укладывающиеся четко в одну категорию. Пример: "I love you, Bard." (см. табл. 1).

Таблица 1

Категории когнитивных процессов

Table 1

Categories of Cognitive Processes

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО КОГНИТИВНЫМ ПРОЦЕССАМ			
Тип когнитивного процесса	Количество	Процент от всего	Средняя уверенность
REMEMBER	374	39,5	94,9
UNDERSTAND	139	14,7	91,4
APPLY	120	12,7	94,0
ANALYZE	27	2,9	90,4
EVALUATE	79	8,4	89,6
CREATE	206	21,8	95,6

Доминирование REMEMBER (39,5 %) и CREATE (21,8 %), составляющих в сумме 61,3 %, отражает двойственную функцию современных LLM как справочного ресурса и генератора контента. Система воспринимается пользователем прежде всего как расширенный поисковик и инструмент для генерации ресурсов.

Наоборот, низкие доли у процессов ANALYZE (2,9 %) и EVALUATE (8,4 %), совместно составляющие менее 11 %, указывают на то, что пользователи не рассматривают LLM как инструмент для критического анализа. С точки зрения проектирования системы управления терминологией, полученные пропорции указывают на недоиспользованный потенциал аналитических операций с терминами. Это представляет собой зону потенциального роста для системы управления терминологией: аналитические функции (проверка единообразия терминов, выявление синонимии, анализ концептуальной иерархии) могут быть явно предложены и интегрированы в интерфейс.

Таблица 2

Уровни знаний

Table 2

Knowledge Levels

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО УРОВНЯМ ЗНАНИЙ			
Уровень знания	Количество	Процент от всего	Средняя уверенность
FACTUAL	420	44,4	94,4
CONCEPTUAL	226	23,9	91,7
PROCEDURAL	283	29,9	95,1
METACOGNITIVE	16	1,7	86,3

Параллельный анализ по уровням знаний показывает (см. табл. 2):

• **FACTUAL** (44,4 %; 420 запросов): Запросы на факты, специфические детали. Пользователь ищет готовый ответ, встроенный в память модели. Пример: “Has there been an amazing race finale in Boston?”.

• **PROCEDURAL** (29,9 %; 283 запроса): Запросы на способы решения задач и алгоритмы действия. Пользователь делегирует системе выполнение процедуры (написание кода, составление документа, создание шаблона). Пример: “Can you write an ending to George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire series?”.

• **CONCEPTUAL** (23,9 %; 226 запросов): Запросы на понимание отношений, структур и принципов. Пользователь стремится к системному видению проблемы. Пример: “What is the song "fire escape" by foster the people about?”.

• **METACOGNITIVE** (1,7 %; 16 запросов): Запросы на стратегии обучения и саморефлексию. Пользователь просит помощь в организации собственного процесса познания, хотя такого рода запросов не было найдено. Однако, что самое интересное, пользователь просит языковую модель изменить собственный подход к генерации ответа и решению задачи, а также запросы лично к модели, как к личности. Пример: “use less verbosity”.

Практически нулевое присутствие метакогнитивных запросов (1,7 %) свидетельствует о том, что пользователи либо не осознают возможности LLM в поддержке рефлексии и планирования собственного обучения, либо культурно не готовы делегировать эти функции машине. Это представляет собой значительный потенциал для будущих версий системы: модуль поддержки метакогнитивных компетенций (например, помощь в планировании обучения специализированной лексике, автоматическое выявление пробелов в знаниях пользователя) может существенно повысить ценность инструмента.

Анализ двумерной корреляции категорий когнитивных процессов и уровней знания выявляет следующие критически важные закономерности (см. табл. 3).

Таблица 3

Корреляция категорий когнитивных процессов и уровней знания

Table 3

Correlation of Cognitive Process Categories and Knowledge Levels

КОМБИНАЦИИ (Когнитивный процесс + Уровень знания)				
Когнитивный процесс \ Уровень знания	FACTUAL	CONCEPTUAL	PROCEDURAL	METACOGNITIVE
REMEMBER	366	5	3	0
UNDERSTAND	25	103	7	4
APPLY	5	2	112	1
ANALYZE	3	22	2	0
EVALUATE	8	54	11	6
CREATE	13	40	148	5
AMBIGUOUS	0	0	0	0

Три наиболее выраженные связи раскрывают структуру пользовательского поведения:

- **REMEMBER + FACTUAL** (366 случаев). Это ядро "энциклопедической" функции LLM. Пользователь ищет быстрый и точный ответ на вопрос о факте, определении или терминологии. Для системы управления терминологией это означает приоритетное внимание к качеству и полноте поискового индекса, скорости поиска и релевантности выдачи.

- **APPLY + PROCEDURAL** (112 случаев). Вторая по силе пара указывает на функцию "умного исполнителя". Пользователь не просто ищет информацию, но делегирует системе выполнение конкретной процедуры: написание договора, генерацию шаблона, форматирование документа. Это требует интеграции терминологической базы с генеративными модулями и поддержки шаблонизации.

- **UNDERSTAND + CONCEPTUAL** (103 случая). Эта пара отражает "аналитическую" потребность пользователя. Запрос не сводится к простому поиску факта; пользователь хочет понять структуру понятия, его место в системе, отношение к смежным концептам. Это требует наличия в системе формализованной концептуальной модели (онтологии), позволяющей предоставлять не просто определение, но и контекст понятия в рамках всего терминологического пространства.

В совокупности эти три кластера задают каркас требований к системе управления терминологией: модуль высокоточного фактического поиска, модуль процедурной генерации терминологически согласованных текстов и модуль концептуальной навигации по онтологии предметной области.

Заключение (Conclusions)

Проведенное исследование демонстрирует возможность успешного применения пересмотренной таксономии Блума для систематической классификации запросов пользователей к генеративным ИИ-системам. Автоматический анализ 999 промптов с использованием локальной языковой модели выявил четкие закономерности в распределении когнитивных процессов и типов требуемого знания. Современный пользователь использует большие языковые модели как гибридный инструмент: это одновременно и справочник для извлечения фактов, и процедурный генератор решений, но практически никогда не используется для метакогнитивного анализа.

Перспективы дальнейшего исследования включают: расширение анализа на другие датасеты и языки; сравнение классификации, полученной локальной моделью, с классификацией по более мощным моделям и с ручной классификацией экспертов; анализ динамики изменения когнитивных уровней запросов во времени; исследование корреляций более детального уровня между типами знания и когнитивными процессами. С практической точки зрения полученные результаты могут быть использованы как эмпирическая спецификация требований к системе управления терминологией, интегрированной с LLM. Доминирование кластеров REMEMBER + FACTUAL и APPLY + PROCEDURAL указывает на необходимость приоритизации модулей высокоточного фактического поиска и процедурной генерации текстов на основе согласованной терминологической базы, тогда как относительно низкая представленность ANALYZE и EVALUATE задает вектор развития в сторону поддерживающих аналитических и оценочных функций (контроль терминологической согласованности, выявление концептуальных пробелов и коллизий).

Литература References

Дятлова, Е. Н. (2022), «Теоретическое обоснование и разработка уровней сформированности социально-гуманитарных знаний обучающихся общеобразовательной школы», *Человек. Наука. Социум*, 4-2, 8-32. EDN: RQELLZ

Dyatlova, E. N. (2022), “Theoretical justification and development of levels of attainment in social sciences and humanities knowledge among pupils in general education schools”, *Human. Science. Socium*, 4-2, 8-32 (in Russ.). EDN: RQELLZ

Коваленко, Е. С. и Кузуб, Н. М. (2020), «Использование таксономии Блума для повышения качества профессиональной подготовки студентов педагогического вуза», *Казанский педагогический журнал*, 1, 90-96. EDN: GYCAWX

Kovalenko, E. S. and Kuzub, N. M. (2020), “Using Bloom's Taxonomy to Improve the Quality of Professional Training of Pedagogical University Students”, *Kazan Pedagogical Journal*, 1, 90-96 (in Russ.). EDN: GYCAWX

Кораванец, Н. В. (2025), *Потенциал аспектов таксономии Блума–Андерсона как ресурс преобразования образовательной деятельности каждого учителя и Гимназии в целом: методическое пособие*, Красноярская Мариинская женская гимназия-интернат, Красноярск.

Koravanets, N. V. (2025), *The Potential of Bloom-Anderson Taxonomy Aspects as a Resource for Transforming the Educational Activities of Each Teacher and the Grammar School as a Whole: A Methodological Manual*, Krasnoyarsk Mariinsky Women's Boarding School, Krasnoyarsk

Anderson, L. W. and Krathwohl, D. R. (eds.) (2001), *A Taxonomy for Learning, Teaching, and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives*. Longman, New York, USA.

Bootu, L., Mahato, A., Sriwastav, S. K., Miriyala, R. and Bali, D. (2025), “Automated analysis of exam questions based on Bloom's Taxonomy”, *Proc. 2nd Int. Conf. on Intelligent Systems for Cybersecurity (ISCS)*, Gurugram, India, 1–5. DOI: 10.1109/ISCS69371.2025.11385935

Rivera-Reyes, P., Pérez, L. C. and Delahunty, T. (2018), “Assessing the demand of problems in an undergraduate electrical engineering course”, *Proc. IEEE Frontiers in Education Conference (FIE)*, San Jose, CA, USA, 1–8. DOI: 10.1109/FIE.2018.8659058

Trippas, J. (2026), *BIDD-1k: Bard Intelligence and Dialogue Dataset* [Online], GitHub, available at: <https://github.com/JTrippas/BIDD-1k> (Accessed 17.01.2026).

Zhang, Y., Lin, Y., Khan, A. and Wan, H. (2025), “Large Language Model Prompt Datasets: An In-depth Analysis and Insights”, *arXiv:2510.09316 [cs.LG]* [Online], available at: <https://arxiv.org/abs/2510.09316> (Accessed 17.01.2026).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Галюченко Данил Игоревич, аспирант, преподаватель кафедры английского языка в сфере юриспруденции, Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, ул. Новоспортивная, д. 3, г. Одинцово, Московская область, 143007, Россия; *Danil_galyuchenk@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Danil I. Galyuchenko, Postgraduate Student, Lecturer, Department of English Language in Jurisprudence, Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 3 Novo-Sportivnaya St., Odintsovo, Moscow region, 143007, Russia; *Danil_galyuchenk@mail.ru*

УДК: 165.622:37.012

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-2

Ольхова Н. А.

«Друзья lento»: к установкам медленного чтения в немецкой образовательной культуре

Благовещенский государственный педагогический университет,
ул. Ленина, д. 104, г. Благовещенск, 675004, Россия;
constanz05@mail.ru

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования исторической событийности медленного чтения применительно к немецкой философско-филологической образовательной культуре XVIII-XIX вв., в общем дидактико-методологическом контексте 1990-2000-х гг. Отмечается, что историзм «langsames Lesen» актуален в ситуации гуманитарного возрождения чтения как современной базовой образовательной и жизненной практики. В целом, статья имеет междисциплинарный характер и ориентирована на выявление смысловых ресурсов медленного чтения применительно к отечественной и немецкой герменевтическим традициям. В русскоязычный научный оборот аналитически обзорно вводятся тексты немецких филологов и педагогов М. Бикенбаха, Х. Гфереис, М. Вольф, в которых медленное чтение обосновывается как гуманитарно необходимое; отмечаются некоторые пункты исторического единства немецких и отечественных установок медленного чтения.

Ключевые слова: медленное чтение; close reading; langsames Lesen; историчность; «друзья lento»; диалог

Для цитирования: Ольхова, Н. А. (2026), «Друзья lento»: к установкам медленного чтения в немецкой образовательной культуре, *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 130-138. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-2

N. A. Olkhova

"Friends of Lento": On Slow Reading Attitudes
in German Educational Culture

Blagoveshchensk State Pedagogical University,
104 Lenina St., Blagoveshchensk, Amur region, 675004, Russia;
constanz05@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a study of the historical significance of slow reading in relation to German philosophical and philological educational culture of the 18th and 19th centuries, within the general didactic and methodological context of the 1990s and 2000s. It is noted that the historicism of "langsames Lesen" is relevant in the context of a certain humanitarian revival of reading as a modern fundamental educational and life practice. Overall, the article has an interdisciplinary nature and aims to identify the semantic resources of slow reading in relation to Russian and German hermeneutic traditions. Texts by German philologists and educators M. Bickenbach, H. Gfereis, and M. Wolf are analytically reviewed and introduced into Russian-language scholarly

circulation. In these texts, slow reading is substantiated as a humanitarian necessity; certain points of historical unity between German and Russian approaches to slow reading are noted.

Keywords: slow reading; close reading; langsames Lesen; historicity; "friends lento"; dialogue

For citation: Olkhova, N.A. (2026). "“Friends of Lento”: On Slow Reading Attitudes in German Educational Culture”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 130-138. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-2

Медленное чтение, интерес к которому устойчивым образом развивается в российской и зарубежной образовательной культуре (Андреева, 2025; Гачева, 2025; Зорина, 2021; Маркова, 2023; Ольхов, 2025; Смирнова, 2020; Соколова, 2018; Черный, 2025; Щелокова, 2017; Bickenbach, 1999; Birkerts, 1994; Boyles, 2013: 36–41; Fletcher, 2007; Gfrereis, 2013; Kingsley, 2010; Malcolm, 2010; Miedema, 2009; Mikiks, 2013; Wiggins, 2015; Wolf, 2019 и др.), на общий педагогический взгляд – вполне традиционное явление. Это чтение, проясняющее смыслы, «смысловое», – и без него не обходится ни одна система обучения языку и филологического анализа текстов (Болотнова, 2025). Между тем, новый, живой интерес к тому, что практикуется обыкновенно в учебных аудиториях, имеет особую междисциплинарную открытость, герменевтико-диалогическую связность (Лихачев, 2001: 32-33) (Махлин, 2022) и, вероятно, позволяет уточнить перспективы присутствия традиционной дидактики чтения в современном филологическом образовании, как в связи с традицией, так и новыми «гипертекстовыми», «иммерсивными», или нейроконструктивными, цифровыми дидактическими возможностями, форматами «различания» (Ж. Деррида), и другими феноменами (Ивашина, 2014) (Соколова, 2018).

Проявляясь в полярных читательских средах – академических, массовых ли – этот интерес имеет особенную историческую складку. Дальними его предшественниками в Германии, надо полагать, стали «романтические аксиомы» (Антоновский, 2018: 6) немецкой философско-филологической мысли, развившиеся в атмосфере речевого энтузиазма второй половины XVIII – начала XIX в., различных стремлений к ясности немецкого литературного языка как сферы разговора, основные тоны в котором задавали Г.Э. Лессинг и Хр. Вольф, И.-В. Гёте, Ф. Шиллер, Ф. Шлейермахер, И.-Г. Гердер и др. (см. (Ольхова, 2023)). Предельную, «заревую» яркость медленному чтению придал Ф. Ницше, предложивший понимать его как неспешное дружеское общение, в котором дидактическое начало развивалось эстетически и телеологически – в сторону жизненной любви к слову, наслаждения словом в «духе музыки», прояснивший само это наслаждение музыкальным термином *lento*¹. Складывавшийся таким

¹ Императив *lento* пришел из итальянского языка в музыкальные тексты в XIX в. и, очевидно, был хорошо знаком читателям «Утренней зари» (в слитном немецком именовании – «Morgenröte») Ф. Ницше. Технически, *lento* отмечало темп (примерно 40-60 ударов в минуту по метроному); эстетически *lento* указывал на историчность особого «духовно-душевного струения» (Мищенко: 2011: 40), возникающий в связи с этим эффект наслаждения чистотой, подобный тому, который возникает при созерцании ручья или встрече с ветром, развевающим женские волосы, огня, который легче воздуха и т. п. Ф. Ницше припоминает *lento* как некий автор-читатель (Nietzsche, 1886), обращаясь к «друзьям *lento*» и всякому «учителю медленного чтения» («ein Lehrer des langsamen Lesens»). «В эпоху “работы”, то есть спешки, непристойной и потной спешки, стремящейся “закончить” всё немедленно, включая каждую книгу, старую и новую... хорошо читать, то есть читать медленно, вдумчиво, с оглядкой и внимательно, не упуская из виду того, что позади, открыто и бережно» («tief, rück- und vorsichtmit Hintergedanken, mit offen gelassenen Türen, mit zarten Fingern und Augen lesen»). Предназначая книгу «идеальным читателям», сам он, «идеальный филолог», ищет во встрече с книгами взаимно учительной дружбы: «Мои терпеливые друзья,... научите меня хорошо читать!» (подстрочный перевод здесь – из статьи П.А. Ольхова,

образом диалогичный историзм замедления над словом определенным образом проявляется в современной немецкой культуре – как образовательное движение *langsamen lesen*, нетождественное в своем целеполагании той деятельной заинтересованности в медленном чтении, которая дает себя знать в дидактических парадигмах *close readings*, *slow* или даже *deep readings*. Различия эти вполне отчетливо намечаются кратким *lento*; ближе всего, на мой взгляд, этот мерный, духовно-музыкальный немецкий историзм медленного чтения российскому, имевшему свое развитие в эпохи М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, во всей той дружеской читательской и дидактической эмпатии, которая предстает в опыте Н.Г. Курганова, Н.И. Надеждина, В.Ф. Одоевского, С.А. Рачинского, М.М. Бахтина и др.² Для дружеского вдохновенного чтения замедление является не только вследствие деятельной установки на глубину понимания – полезного или улаждающего, но и как «пристального», «вдумчивого», притягивающего не только на эстетико-функциональную отчетливость или трансцендентальную предельность, но и чувственно-смысловую открытость, диалогическую глубину.

Показательна в этом отношении смысловая экспрессия Р.М. Рильке, немецкого и по духу близкого русским поэта, чуткого и глубокомысленного собеседника Б.Л. Пастернака и М.И. Цветаевой, – замедлявшего над книгой до некоторой символической «безграничности» и связности смыслового видения («*wenn meine Blicke an die Dinge passen / und an die ernste Einfachheit der Massen*»), речевой встречи прямой и обратной перспектив, в символическом отождествлении «первой звезды» и «последнего дома», улаждающей самопотере и трезвящем самообретении «читающего» («*der Lesende*»), риторике эмфазы и антиэмфазы и т. д.

<p>«Und wenn ich jetzt vom Buch die Augen hebe, wird nichts befremdlich sein und alles groß.</p> <p>Dort draußen ist, was ich hier drinnen lebe, und hier und dort ist alles grenzenlos; nur dass ich mich noch mehr damit verwebe, wenn meine Blicke an die Dinge passen und an die ernste Einfachheit der Massen, - da wächst die Erde über sich hinaus. Den ganzen Himmel scheint sie zu umfassen: der erste Stern ist wie das letzte Haus»³.</p>	<p>Подстрочно: «И когда я теперь оторву глаза от книги, ничто не покажется странным, и всё будет необъятным.</p> <p>Там, снаружи, я познаю то, что вижу здесь, а здесь и там всё безгранично; только я ещё больше переплетаюсь с этим, когда мой взгляд падает на вещи, и на искреннюю простоту масс, – тогда земля выходит за пределы самой себя. Кажется, она охватывает все небо: первая звезда подобна последнему дому».</p>
---	--

Известный перевод Б.Л. Пастернака принципиально, диалогически неточен, ответен немецкому оригиналу, весьма личен⁴; у Рильке же – некоторое личностно длящееся событие

предложившего краткую герменевтическую реконструкцию *lento* в тексте Ф. Ницше (Ольхов, 2025: 4)). Характерна переключка с рассуждениями «о духе немецких университетов» Фр. Шлейермахера, которую в теперешнем российском контексте образовательного переустройства гуманитарных начал университетского образования, в разгар практик искусственного образования и государственной озадаченности негативными последствиями обращения к ИИ-наставникам, легко прочитывать именно в пользу естественных, личностно-исторических аксиом медленного чтения (Шлейермахер, 2018: 10-13 и др.).

² Ближайшим нашему времени, отчетливо дидактичным и ориентирующим в отношении медленного чтения, является, пожалуй, методическая тетрадь М.М. Бахтина (Бахтин, 1996).

³ Rilke, R.M. “Der Lesende” (1906), in *Rilke, R.M. Das Buch der Bilder. 2. Buch. Teil 2*, Axel Junker Verlag, Berlin / Leipzig, Stuttgart, 149–150.

⁴ «И если я от книги подниму
глаза и за окно уставлюсь взглядом,
как будет близко всё, как станет рядом,

встречи с «безграничностью», возрожденческая радость читательской «искренней простоты», звездный, бесшумный танец «первых» и «последних» книжных смыслов, гармоническое преобразование мелодий наслаждения в неспешную, дружественную музыку читательской эмпатии и встречи со своим другим (сходным образом в «Похвале филологии» С.С. Аверинцев указывает на музейное всматривание Рильке в торс Аполлона и его высказывание тому, кто рядом: «Здесь нет ни единого места, которое бы тебя не видело. – Ты должен изменить свою жизнь» (Аверинцев, 1969: 98); метафора торса углубляется Рильке до некоторой событийно-смысловой заметности).

Нетрудно подыскать и обратные, вполне исторические примеры встречи перспектив пристально-медленного, вдумчиво-диалогического чтения – уже у Н.М. Карамзина, уточняющего «до Блейка» поэтику цветка, die Blume, на который указал в прямой, прозаической смысловой перспективе И.-Г. Гердер (в трактате «Бог: несколько диалогов»). У читателя-переводчика цветок-Blume преобразуется в «лилию» – символ, который прочитывается в двойной обратной перспективе, процессуальной (лилия цветет, является именно «цветением», колористически эффектным и ароматическим; Гердер не указал на это ясно, воспользовавшись абстрактным die Blume, а не конкретным der Bluete) и собственно событийной, читательски-символичной, в которой лилия имеет интенсивно библейский, притчевый смысловой ореол памяти о слезах расставания с Эдемом, проливаемыми Евой, чистоты Девы Марии и благовестия архангела Гавриила накануне Успения Богородицы, троического, «трехлепесткового» единства добродетелей веры, надежды и любви (Лукин, 2021: 220 и след.).

***

Технологическая цепочка медленного чтения, успешно переживая «формальный метод в литературоведении», невзгоды деконструкции, «смерть автора», «новую литературную критику» и т. д., останется цепочкой Франкенштейна – без усилий диалогической эмпатии, вживания и встречного понимания медленно читаемых текстов. Читать понемногу – структурировать читаемое выделением ключевых фраз, лексических неясностей – пометать и перечитывать трудные, неясные места – не забывать о сосредоточении на собственных вопросах и сравнении с вопросами других – совершенствовать навык обращения с культурно-историческими контекстами и учитывать иные экстралингвистические факторы, следуя новейшим основоположникам метода медленного чтения А.А. Ричардсу и Г. Лансону (Зорина, 2021),... и все же медленное чтение, возросшее в эпоху после «смерти автора», в мире новой, едва ли не всеобщей прагматики медиакоммуникаций, не может вернуться в прежнее состояние философско-филологического уединения, единства чтения и методологических переключек XVIII–XX вв., золотых времен российской и мировой словесности! После «послесовременности», постмодернистского забвения диалогических, запечатлеваемых

сродни и впору сердцу моему!

Но надо глубже вжиться в полутьму
и глаз приноровить к ночным громадам,

и я увижу, что земле мала

околица, она переросла

себя и стала больше небосвода,

и крайняя звезда в конце села –

как свет в последнем домике прихода» (*Зарубежная поэзия в переводах Б. Л. Пастернака*, (1990), Радуга, Москва, 418-421). Между оригиналом и переводом – полувековой разрыв (1902–1957), переводит «поздний» Пастернак, не сугубо читающий и далекий от поэтической «жути»; оставаясь, впрочем, собою в своей жизненной серьезности и диалогической угловатости «сердечного» читателя и собеседника до «крайности», каким он был и в 1918-1922 гг., которому хочется «И звезду донести до садка / На трепещущих мокрых ладонях» («Определение поэзии») – можно добавить трехстопного анапеста, совсем как будто не принадлежащего Рильке, – другой, пастернаковской метрикой и звукописью сердца.

в тексте глубин речевого мышления требуется некоторая дидактическая изначальность медленного чтения, которую, как представляется, основательно возобновляют именно современные немецкие филологи и педагоги.

Внимания, на мой взгляд, особенно заслуживают образовательные и исследовательские усилия Марианны Вольф, собранные в объемистой (свыше 300 страниц) монографии «Быстрое чтение, медленное чтение. Почему нам нельзя научиться читать книги» (Wolf, 2019), работе Хайке Гфрерайс «Не читать: Разочарование от старой идеи» (Gfrereis, 2013: 5-14) и предваряющего их труда Маттиаса Бикенбаха «О возможностях “внутренней” истории чтения» (Bickenbach, 1999). Последовательно сдержанные в методологическом отношении, эти труды содержат первичные, практические ценностные ориентиры, максимы и жизненно-методологические настройки, необходимые для организации медленного чтения.

Прежде всего в них – не абстрактные упражнения в медленном чтении, а понимание того, что лишь чтение полноценных книг делает нас жизненно цельными (согласно М. Вольф, «*Erst das Lesen gedruckter Buecher macht uns zu ganzen Menschen*» (Wolf, 2019: 5). Стоит отказаться от чтения книг в юности, «малолетстве» и предпочесть цифровое скорочтение, как следуют невосполнимые потери – мышление, «мозг» остается в функциональном одиночестве, без своего естественного для книжного, медленного чтения «другого» («*Unser Gehirn reagiert anders, verarbeitet anders und bildet andere Strukturen aus als beim digitalen Lesen*» (Wolf, 2019: 4). Впрочем, дело и не в том, чтобы предпочесть снижение скорости буквалистически: мозг начинает скучать, если мы читаем слишком медленно, колеблется концентрация; получая слишком мало информации, мозг начинает заниматься другими темами. Буквализму, согласно Х. Гфрерайс, вполне можно противопоставить сетевое, целенаправленное замедление над текстом, при котором не всегда лучшим будет чтение с первой страницы, в некоторой хронологической последовательности и т. п. Целесообразен и первичный вдумчивый обзор, чтение «сначала седьмой главы», прежде чем читать «вторую», – если «седьмая глава» обеспечивает «предзнание» (Vorwissen) и закладывает некоторый фундамент для того, что будет в дальнейшем проработано. Целесообразно натолкнуться на то, что разбудит читательское любопытство или будет способствовать проникновению в структуру текста, ее смысловой сути, как это бывает в текстах специальных, технических (Gfrereis, 2013: 5-14).

Но, пожалуй, наиболее дидактически обнадеживает эстетико-историческое опознание установок медленного чтения как всматривания, понимание его как формы всесторонне-смыслового наблюдения («*Lesen als Form der Beobachtung*» (Bickenbach, 1999: 248), которое предпринято М. Бикенбахом. Ключевая, так или иначе повторяемая максима здесь – «Чтение должно читаться» («*Das Lesen muss gelesen werden*»). Громкое и тихое, медленное и быстрое, чтение исторически верифицируется в пользу именно медленного – при различении техник, концептов и практик чтения («*Lektueretechniken–konzepte–praktiken*» (Bickenbach, 1999: 9-21) и в единстве их понимания, контуры которого были очерчены еще Х.М. Виландом, современником Лессинга, Гёте и Шиллера, в своей «Поэтологии чтения», «*Lesepoetologie*» (Bickenbach, 1999: 29). Метод чтения Ф. Ницше – это чтение вслух («*Methode lauten Lesens*»); moreover, это вполне соответствует техникам чтения в античности и средневековье (Bickenbach, 1999: 55) и древнему идеалу чтения («*antikes Lektuereideal*»), в котором едины «*audire, legere und itelligere*» (Bickenbach, 1999: 56) и не исключено философское «бормотание» («*Murmeln*»), как это у Сенеки, или речевая гимнастика (Bickenbach, 1999: 62). Исторически, имеет смысл уделить внимание герменевтике чтения Блаженного Августина (Bickenbach, 1999: 76), а в общей исторической событийности чтения, основательного, вдумчиво-медленного, можно найти место и признать ценность быстрого чтения, как это делал И.Г. Гердер (Bickenbach, 1999: 152).

***

Медленное чтение, заинтересованность в котором все интенсивнее дает себя знать в российском гуманитарном пространстве (историко-филологическом и философском прежде всего), имеет, стало быть, свою немецкую историю с перспективными, на мой взгляд, проблемными исследовательскими и образовательными пунктами, вполне историчными и актуальными в научно-образовательной обстановке нашего времени.

Медленное чтение психологически лучше было бы называть «пристальным», «вдумчивым» – стилистически и эвфонически это куда более лестные прилагательные, указывающие на особенную настройку воли читателя. Но такая этико-психологическая настройка, как бы ни была она важна, не исчерпывает историчность медленного чтения, его событийную предназначенность. Имея в виду целостность медленного чтения, точнее было бы назвать его смысловым – если бы это не означало некоторое посягательство на дидактически иную, уже освоенную территорию, или постановку под вопрос стройной и далеко не изжившей себя системы обучающего чтения, объективирующего, по преимуществу, авторский замысел и текст как завершенное в главном творение автора. Что же, в исторической тектонике понятий пока место едва ли не самому концептуально неточному, богатому познавательными перспективами термину – «медленное чтение», «langsamen lesen», с его общей гуманитарной точностью, светлым, непременно поэтически намечаемым горизонтом познавательно-речевой совместности, возвратным образовательным движением к тому речевому единству, «дому языка», вне которого медленное чтение невозможно:

«Перегородок тонкорёбрость

Пройду насквозь, пройду как свет.

Пройду, как образ входит в образ

И как предмет сечёт предмет»

(Б. Пастернак, «Мне хочется домой...»; ср.: Аверинцев, 1976: 58-61).

Литература

Аверинцев, С. С. (1976), «Личность и талант ученого», *Литературное обозрение*, 10, 58–61.

Аверинцев, С. С. (1969), «Похвальное слово филологии», *Юность*, 1, 98-102.

Андреева, Ю. Ф. (2025), «Медленное чтение как метод обучения и воспитания студентов библиотечно-информационного факультета», *Библиотечное дело*, 19, 17-18. EDN: ORTZBL

Антоновский, А. В. (2018), «Фридрих Шлейермахер и социальная философия науки», в кн.: Шлейермахер, Ф., *Нечаянные мысли о духе немецких университетов*, пер. с нем. Антоновского, А. Ю., Канон+ РООИ «Реабилитация», Москва, 3-42.

Бахтин, М. М. (1996), «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе», *Собрание сочинений, Том 5*, Русские словари, Москва, 141-156.

Болотнова, Н. С. (2025), *Филологический анализ текста*, Флинта, Москва. ISBN: 978-5-9765-0053-2

Гачева, А. Г. (2025), «Приблизиться к “тайне человека”. Аксиология медленного чтения», *Библиотечное дело*, 19, 19-23. EDN: SMOSRN

Данилевский, И. Н. (2024), *Историческая текстология*, 2-е изд, пересмотр., Изд. дом Высшей школы экономики, Москва.

Зорина, Н. В. (2021), «Метод внимательного (медленного) чтения: теория и опыт практического применения», *Язык и культура*, 55, 220–233. DOI: 10.17223/19996195/55/14; EDN: BHPQXF

Ивашина, М. В. (2014), «“Эффект бабочки”: как повысить эффективность чтения в гипертекстовой среде», *Чтение в XXI веке: традиции и тенденции: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 29–30 мая 2014 г.*, сост. и общ. ред. Моревой, О. В., Изд-во Уральского ун-та, Екатеринбург, 61-70.

Лихачев, Д. С. (2001), *Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.)*, при участии Алексеева, А. А. и Боброва, А. Г., 3-е изд., перераб. и доп., Алетейя, Санкт-Петербург.

- Лукин, Е. В. (2021), «Гердер и Карамзин: явление лилии. Феномен одного цветка в русской культуре», *Нева*, 6, 219-222.
- Маркова, Т. Б. (2023), «Чтение как междисциплинарное явление (методы изучения текстов)», *Книга и чтение в зеркале социологии: XXI век: сб. статей*, Изд-во РНБ, Санкт-Петербург, 38-46.
- Махлин, В. Л. (2022), «Филология как опыт чтения (вспоминая С.Г. Бочарова)», *Звучащие смыслы: диалог с миром. Культурологический альманах*, отв. ред. и сост. Левит, С. Я., Центр гуманитарных инициатив, Москва, Санкт-Петербург, 148-167.
- Мищенко, М. П. (2011), «Характер или скорость? (Об одном историческом недоразумении)», *Opera musicologica*, 3-4, 33-60. EDN: OXHAVJ
- Ольхов, П. А. (2025), «Онтология медленного чтения (к опыту мастерской “Слова и смыслы”)», *Библиотечное дело*, 19, 2-11. EDN: MJAQRT
- Ольхова, Н. А. (2023), «Жанр, стиль, синтаксис: к диалогическим особенностям немецких эстетико-философских текстов XVIII в.», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 9(4), 65-71. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-0-6; EDN: HGQGF
- Смирнова, Н. Н. (отв. ред.) (2020), *Искусство медленного чтения. История, традиция, современность*, колл. монография, Канон+, Москва. EDN: OSYXZM
- Смирнова, Н. Н. (отв. ред.) (2021), *Опыты медленного чтения: коллективная монография*, Канон+ РООИ «Реабилитация», Москва.
- Соколова, Е. В. (2018), «Истолковать и/или исчислить: о возможности комбинированного метода на стыке герменевтики и digital humanities», *Современная наука о литературе: основные тенденции и проблемы*, сб. науч. трудов. Сер. «Теория и история литературоведения», Цурганова, Е. А. (отв. ред.), Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, 142-155. EDN: VNQEKA
- Черный, Ю. Ю. (2025), «Медленное чтение как исследовательский инструмент», *Библиотечное дело*, 19, 12-16. EDN: IAWGKG
- Шлейермахер, Ф. (2018), *Нечаянные мысли о духе немецких университетов*, пер. с нем. и вступ. статья Антоновского, А. Ю., Канон+ РООИ «Реабилитация», Москва.
- Щелокова, И. Д. и Сапук, Т. В. (2017), «Применение метода “Close reading” в интегрированном обучении английскому языку и литературе студентов вуза», *Вестник Оренбургского государственного университета*, 4, 33-38. EDN: ZDWQQR
- Bickenbach, M. (1999), *Von den Moeglichkeiten einer “inneren” Geschichte des Lesens*, Niemeyer, Tuebingen.
- Birkerts, S. (1994), *The Gutenberg Elegies: The Fate of Reading in an Electronic Age*, Faber and Faber, Boston, Mass.
- Boyles, N. (2013), “Closing in on Close Reading”, *Educational Leadership. Common Core: Now What?* 70(4), 36-41.
- Fletcher, L. (no date), “Slow reading: the affirmation of authorial intent”, available at: https://www.academia.edu/3568436/Slow_Reading_the_affirmation_of_authorial_intent (Accessed 4 April 2026).
- Gfrereis, H. (2013), “Not Reading: The Disenchantment of an Old Idea”, in Günter Figal (Hrsg.), *Internationales Jahrbuch fuer Hermeneutik*, Tuebingen, 5-14.
- Kingsley, P. (2010), “The art of slow reading”, *The Guardian*, 15.07.2010, available at: <https://www.theguardian.com/books/2010/jul/15/slow-reading> (Accessed 4 April 2026).
- Malcolm, J. (2010), “Slow reading: an antidote for fast world”, *Newsweek*, 22.06.2010. available at: <https://www.newsweek.com/slow-reading-antidote-fast-world-73395> (Accessed 4 April 2026).
- Miedema, J. (2009), *Slow Reading*. Litwin Books, Los Angeles, CA.
- Mikiks, D. (2013), *Slow Reading in a Hurried Age*, The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts & London, England.
- Nell, V. (1988), “The Psychology of Reading for Pleasure: Needs and Gratifications”, *Reading Research Quarterly*, 23(1), (Winter, 1988), 6-50. DOI: 10.2307/747903
- Nietzsche, Fr. (1886), *Morgenröte: Vorrede*, available at: <https://www.textlog.de/nietzsche/schriften/morgenroete/vorrede> (Accessed 1 December 2025).
- Wiggins, G. (2015), *What Close Reading Actually Means*, available at: <https://www.teachthought.com/literacy-posts/what-close-reading-actually-means/> (Accessed 4 April 2026).

Wolf, M. (2019), *Schnelles Lesen, langsames Lesen. Warum wir das Buecherlesen nicht verlernen duerfen*, Penguin Verlag, München, Germany.

References

- Andreeva, Yu. F. (2025), "Slow reading as a method of teaching and educating students of the library and information science faculty", *Bibliotechnoye delo* [Library Science], 19, 17-18 (in Russ.). EDN: ORTZBL
- Antonovsky, A. Yu. (2018), "Friedrich Schleiermacher and the Social Philosophy of Science", in: Schleiermacher, F. (2018), *Nechayannyye mysli o dukhe nemetskikh universitetov* [Accidental Thoughts on the Spirit of German Universities], trans. from German by Antonovsky, A. Yu., Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia 3-42 (in Russ.).
- Averintsev, S. S. (1969), "A Praise of Philology", *Junost*, 1, 98-102 (in Russ.).
- Averintsev, S. S. (1976), "Personality and talent of the scientist", *Literaturnoye obozreniye* [Literary Review], 10, 58-61 (in Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1996), "Stylistics Issues in Russian Language Lessons in Secondary School", *Sobraniye sochineniy, Tom 5* [Collected Works, Vol. 5], Russkie slovari, Moscow, Russia, 141-156 (in Russ.).
- Bolotnova, N. S. (2025), *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text], Flinta, Moscow, Russia (in Russ.). ISBN: 978-5-9765-0053-2
- Boyles, N. (2013), "Closing in on Close Reading", *Educational Leadership. Common Core: Now What?* 70(4), 36-41.
- Bickenbach, M. (1999), *Von den Moeglichkeiten einer "inneren" Geschichte des Lesens* [On the possibilities of an "inner" history of reading], Niemeyer, Tuebingen, Germany.
- Birkerts, S. (1994), *The Gutenberg Elegies: The Fate of Reading in an Electronic Age*, Faber and Faber, Boston, Mass., USA.
- Cherny, Yu. Yu. (2025), "Slow reading as a research tool", *Bibliotechnoye delo* [Library Science], 19, 12-16 (in Russ.). EDN: IAWGKG
- Danilevsky, I. N. (2024), *Istoricheskaya tekstologiya* [Historical Textology], 2nd edition, revision., Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia (in Russ.).
- Fletcher, L. (no date), "Slow reading: the affirmation of authorial intent", available at: https://www.academia.edu/3568436/Slow_Reading_the_affirmation_of_authorial_intent (Accessed 4 April 2026).
- Gacheva, A. G. (2025), "Approaching the 'Mystery of Man': The Axiology of Slow Reading," *Bibliotechnoye delo* [Library Science], 19, 19-23 (in Russ.). EDN: SMOSRN
- Gfrereis, H. (2013), "Not Reading: The Disenchantment of an Old Idea", in Günter Figal (Hrsg.), *Internationales Jahrbuch fuer Hermeneutik* [International Yearbook for Hermeneutics], Tuebingen, 5-14 (in German).
- Ivashina, M. V. (2014), "The Butterfly Effect: How to Increase Reading Efficiency in a Hypertext Environment", *Chteniye v XXI veke: traditsii i tendentsii* [Reading in the 21st Century: Traditions and Trends], Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conf., Ekaterinburg, May 29-30, 2014, by Moreva, O. V. (comp. and ed.), Ural University Publishing House, Ekaterinburg, Russia, 61-70 (in Russ.).
- Kingsley, P. (2010), "The art of slow reading", *The Guardian*, 15.07.2010, available at: <https://www.theguardian.com/books/2010/jul/15/slow-reading> (Accessed 4 April 2026).
- Likhachev, D. S. (2001), *Tekstologiya (na materiale russkoy literatury X-XVII vv.)* [Textology (based on Russian literature of the 10-17th centuries)], with the participation of Alekseev, A. A. and Bobrov, A. G., 3rd ed., revised. and additional, Aletheia, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Lukin, E. V. (2021), "Herder and Karamzin: The Phenomenon of the Lily. The Phenomenon of One Flower in Russian Culture," *Neva*, 6, 219-222 (in Russ.).
- Makhlin, V. L. (2022), "Philology as a Reading Experience (Remembering S. G. Bocharov)", *Zvuchashchiye smysly: dialog s mirom. Kul'turologicheskii al'manakh* [Sounding Meanings: Dialogue with the World. Cultural Almanac], by Levit, S. Ya. (ed. and comp.), Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia, 148-167 (in Russ.).
- Malcolm, J. (2010), "Slow reading: an antidote for fast world", *Newsweek*, 22.06.2010. available at: <https://www.newsweek.com/slow-reading-antidote-fast-world-73395> (Accessed 4 April 2026).

Markova, T. B. (2023), "Reading as an Interdisciplinary Phenomenon (Methods of Studying Texts)", *Kniga i chteniye v zerkale sotsiologii: XXI vek* [Book and Reading in the Mirror of Sociology: 21st Century]: Collection of Articles, Publishing House of the Russian National Library, St. Petersburg, 38-46 (in Russ.).

Miedema, J. (2009), *Slow Reading*. Litwin Books, Los Angeles, CA, USA.

Mikiks, D. (2013), *Slow Reading in a Hurried Age*, The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts & London, England.

Mishchenko, M. P. (2011), "Character or Pace? (About A Certain Historical Misunderstanding)", *Opera musicologica*, 3-4, 33-60 (in Russ.). EDN: OXHAVJ

Nell, V. (1988), "The Psychology of Reading for Pleasure: Needs and Gratifications", *Reading Research Quarterly*, 23(1), (Winter, 1988), 6-50. DOI: 10.2307/747903

Nietzsche, Fr. (1886), *Morgenröte: Vorrede* [Dawn: Preface], available at: <https://www.textlog.de/nietzsche/schriften/morgenroete/vorrede> (Accessed 1 December 2025).

Olkhov, P. A. (2025), "The Ontology of Slow Reading (to the Experience of the Workshop 'Words and Meanings')", *Bibliotechnoye delo* [Library Science], 19, 2-11 (in Russ.). EDN: MJAQRT

Olkhova, N. A. (2023), "Genre, style, syntax: towards the dialogical features of German aesthetic and philosophical texts of the 18th century", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9(4), 65-71. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-0-6; EDN: HGQGFJ

Schleiermacher, F. (2018), *Nechayannyye mysli o dukhe nemetskikh universitetov* [Accidental Thoughts on the Spirit of German Universities], trans. from German by Antonovsky, A. Yu., Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia (in Russ.).

Shchelokova, I. D. and Sapukh, T. V. (2017), "Implementation of Close Reading Method in Integrated Teaching of English Language and Literature", *Vestnik of the Orenburg State University* [Bulletin of Orenburg State University], 4, 33-38. EDN: ZDWQQR

Smirnova, N. N. (ed.) (2021), *Opyty medlennogo chteniya* [Experiences in slow reading]: collective monograph, Kanon+ ROOI "Rehabilitation", Moscow, Russia (in Russ.).

Smirnova, N. N. (ed.) (2020), *Iskusstvo medlennogo chteniya. Istoriya, traditsiya, sovremennost'* [The Art of Slow Reading. History, Tradition, Modernity], Kanon+, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: OSYXZM

Sokolova, E. V. (2018), "To Interpret and/or to Calculate: On the Possibility of a Combined Method at the Intersection of Hermeneutics and Digital Humanities," in *Sovremennaya nauka o literature: osnovnyye tendentsii i problemy* [Modern Literary Science: Main Trends and Problems], by Tsurganova, E. A. (ed.), Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 142-155. EDN: VNQEKA

Wiggins, G. (2015), *What Close Reading Actually Means*, available at: <https://www.teachthought.com/literacy-posts/what-close-reading-actually-means/> (Accessed 4 April 2026)

Wolf, M. (2019), *Schnelles Lesen, langsames Lesen. Warum wir das Bucherlesen nicht verlernen dürfen* [Fast reading, slow reading. Why we mustn't forget how to read books], Penguin Verlag, München, Germany.

Zorina, N. V. (2021), "Close (slow) reading: Theoretical background and practical application experience", *Language and Culture*, 55, 220-233 (in Russ.). DOI: 10.17223/19996195/55/14; EDN: BHPQXF

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Ольхова Нина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских и восточных языков, Благовещенский государственный педагогический университет, ул. Ленина, д. 104, г. Благовещенск, Амурская обл., 675004, Российская Федерация; constanz05@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Nina A. Olkhova, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Romano-Germanic and Oriental Languages, Blagoveshchensk State Pedagogical University, 104 Lenina St., Blagoveshchensk, Amur region, 675004, Russian Federation; constanz05@mail.ru

УДК 008:82-31:504

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-3

Билибин А. М.

Экологический кризис как источник новых мифологем научной фантастики

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
bilibinskyanton@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются экологические мифологемы в научной фантастике XX – начала XXI века как формы современного мифотворчества, возникающие в контексте глобального экологического кризиса. Актуальность исследования связана с ростом доли экологической проблематики в научной фантастике и ролью жанра в культурном осмыслении кризиса антропоцентрической модели мира и трансформации представлений о месте человека в природе. Цель статьи – выявить и типологизировать экологические мифологемы, функционирующие в научно-фантастическом дискурсе. Рассматриваются подходы к понятию мифологемы и специфика его работы в научной фантастике как художественном поле, соотносящем мифологические модели интерпретации мира с научными представлениями о реальности. Особое внимание уделяется мифологемам экологического апокалипсиса, мстящей/автономной природы, утраченного рая и постчеловеческого мира, а также смещению образа человека от антропоцентрического субъекта к постчеловеческой перспективе. Методологическую основу составляют мифокритический, культурно-исторический и сравнительно-типологический методы с привлечением элементов экокритики.

Ключевые слова: научная фантастика; экологический кризис; мифологемы; мифологическое мышление; экокритика; экологический апокалипсис; постчеловеческий мир; образ человека

Для цитирования: Билибин, А. М. (2026), «Экологический кризис как источник новых мифологем научной фантастики», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 139-148. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-3

A. M. Bilibin

Environmental crisis as a source of new science fiction mythologies

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
bilibinskyanton@gmail.com

Abstract. The article examines the ecological crisis as a cultural and mythological phenomenon and as a major source of myth-making in science fiction of the late twentieth and early twenty-first centuries. The study is relevant due to the growing prominence of environmental issues in contemporary science fiction and their role in articulating collective fears and hopes related to global threats. The paper aims to identify and classify

ecological mythologemes that emerge amid the crisis of the anthropocentric worldview. It outlines theoretical approaches to the concept of the mythologeme and argues for its specific functioning in science fiction, where mythological models of world perception are correlated with scientific conceptions of reality. Particular attention is paid to the mythologemes of ecological apocalypse, vengeful/autonomous nature, the lost paradise, and the posthuman world, as well as to the transformation of the image of humanity from an agent of catastrophe to a possible savior. The study employs myth-critical, cultural-historical, and comparative-typological methods, incorporating elements of ecocriticism.

Keywords: science fiction; ecological crisis; mythologemes; mythological thinking; ecocriticism; ecological apocalypse; posthuman world; the image of humanity

For citation: Bilibin, A. M. (2026), “Environmental crisis as a source of new science fiction mythologies”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 139-148. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-3

Введение

Глобальный экологический кризис (изменение климата, утрата биоразнообразия, истощение ресурсов, техногенные риски) в XXI веке выступает не только объектом науки и политики, но и фактором культурного самосознания. Экологическая тема выходит за пределы специализированного дискурса и формирует символическое пространство, где научные представления о природе сосуществуют с мифологическими сюжетами.

Научная фантастика, ориентированная на моделирование предельных сценариев, особенно чувствительна к этой динамике. Экологические страхи и ожидания в ней закрепляются как устойчивые мифологемы: природа – жертва или субъект возмездия, человек – разрушитель или носитель ответственности, планета – уязвимая целостность.

Несмотря на развитие экокритических исследований и интерес к мифологическому измерению современной культуры, анализ научной фантастики в данном контексте нередко ограничивается тематическим описанием или социально-философской интерпретацией отдельных произведений. При этом целенаправленное рассмотрение экологических мифологем как устойчивых художественных конструкций, формирующих целостные модели восприятия мира именно в традиции научной фантастики, по-прежнему остается недостаточно систематизированным.

Объектом настоящего исследования является научная фантастика середины XX – начала XXI века, отражающая ключевые тенденции современного экологического сознания, а предметом – экологические мифологемы, функционирующие в данных произведениях как особые художественные конструкции. Цель – выявить и типологизировать мифологемы, порожденные экологическим кризисом. Методология включает мифокритический анализ, культурно-исторический и сравнительно-типологический методы с привлечением элементов экокритики.

Экологический кризис как фактор мифологизации в культуре второй половины XX – начала XXI века

Экологический кризис в современном гуманитарном знании все чаще осмысливается не как частная экологическая или технократическая проблема, а как комплексная экзистенциальная угроза, затрагивающая фундаментальные условия продолжения человеческой истории и ставящая под вопрос традиционные представления о безопасности, прогрессе и контроле человека над природой (Веск, 2009). Такое понимание соотносится с концепцией экологической безопасности, сформировавшейся в научном дискурсе конца XX века, когда взаимодействие общества и природы стало предметом острой дискуссии

и было связано с угрозами выживанию, свободе и развитию человечества, а экологическое движение 1960–1980-х годов выявило глобальные проблемы перенаселения, деградации почв, истощения ресурсов, загрязнения среды и повышения уровня моря, обозначив экологическую безопасность как проблему глобального масштаба (Скрынникова, Астафурова, 2024).

Осмысление экологического кризиса как глобальной угрозы формирует в общественном и культурном сознании специфический апокалиптический модус восприятия, связанный с переживанием конца привычных форм бытия и возможного «мира без человека». Важно, что эсхатологизация экологической проблематики питается не только научными прогнозами, но и режимами публичной чувствительности. Ю.В. Хен фиксирует, что ощущение «надвигающейся катастрофы... и всеобщего апокалипсиса... последние пятьдесят лет усиленно внедряются в общественное сознание эоактивистами» и во многом связаны со спецификой человеческой «оптики», то есть стремлением контролировать процессы, которые «очевидным образом человечеству неподвластны» (Хен, 2025: 189). В гуманитарном и художественном дискурсе такие представления приобретают вид эсхатологического нарратива, в котором кризис современности интерпретируется как симптом катастрофичности антропоцена и предельности человеческого существования. При этом апокалиптические образы и метафоры функционируют не только как научные прогнозы, но и как культурные стратегии интерпретации будущего, структурируя коллективное воображение и способы переживания глобальной нестабильности (Суворова, 2024).

Парадоксальность современной экологической ситуации заключается в том, что рост научной рациональности – развитие измерительных практик, моделирования и прогнозирования – не приводит к демифологизации экологического опыта. Напротив, как показывают исследования процессов ремифологизации в культуре XX-XXI вв., общественное сознание в условиях кризисов и неопределенности демонстрирует устойчивую потребность в мифологических формах интерпретации реальности (Кулигина, 2023). Необходимость интерпретации трудно локализуемых и распределенных во времени экологических угроз стимулирует обращение к мифологическим схемам осмысления. Экологические риски требуют не только научного объяснения, но и смыслового оформления, отвечающего на вопросы причинности, ответственности и вины. В результате экологическая проблематика оформляется в виде устойчивых нарративов о нарушенном порядке мира, возмездии и возможности нового начала, воспроизводящих логику мифологического мышления в условиях позднего модернизма (Beck, 2009).

Экологический кризис в этом смысле может быть описан как феномен, выходящий за пределы частных проблем и «собирающий» культуру в целое. Ю.В. Хен подчеркивает, что экология «разрослась... до “гиперобъекта” ... и становится определяющим фактором картины мира», причем человечество «буквально живет внутри него» (Хен, 2025: 190). В этой ситуации мифологическое мышление выступает не как искажение реальности, а как культурный механизм интеграции фрагментированных тревожных сигналов в целостную картину мира, позволяющий коллективному сознанию артикулировать переживания страха и ответственности (Garrard, 2012; Кулигина, 2023).

Следствием этого процесса становится переоформление базовых культурных фигур, активно циркулирующих в художественной культуре, в том числе в научной фантастике. Закрепляются образы природы как жертвы или действующей силы, человека как разрушителя и нарушителя равновесия, а также мотив утраты – исчезновения «прежнего мира», переживаемого как современная версия изгнания из рая. Эти фигуры функционируют не только как элементы художественного воображения, но и как формы самоописания общества, отражающие кризис антропоцентрической модели мира.

Особое место в этом символическом поле занимает образ Земли как целостного организма, восходящий к фигуре древнегреческой богини Геи. Как отмечает И. Наумов,

анализируя подход антрополога Б. Латура, гипотеза Геи в современном дискурсе «не является общим миром», но задает тот контекст, «в котором становится возможным его построение» (Наумов, 2024). Гея понимается здесь не как заранее данная гармония, а как динамичное пространство взаимодействия множества сил. В культуре этот образ функционирует как метафорическая модель, позволяющая увидеть «критическую зону» Земли – ту тонкую оболочку, где возможна жизнь – «продукт непрекращающегося взаимодействия множества актантов». Отношения между этими актантами (будь то люди, микроорганизмы, климатические процессы или технологии) оказываются принципиально политическими: они вступают в союзы, конфликтуют, влияют и зависят друг от друга. В такой оптике экологический кризис предстает не как внешняя «поломка природы», которую можно исправить извне, а как внутренний конфликт самой системы, в которую мы включены. Это ведет к пересмотру представлений о человеческой ответственности: мы больше не можем мыслить себя ни внешними наблюдателями, ни полновластными хозяевами планеты. Тем самым фигура Геи позволяет концептуализировать то самое пространство, в котором становится возможной пересборка утраченных связей и поиск нового, пригодного для жизни общего мира.

Экологические мифологемы в научной фантастике: понятие, типология, художественная специфика

Для анализа экологического кризиса как культурного опыта продуктивна категория мифологемы – устойчивой смысловой конструкции, воплощенной в образах и сюжетах (Кулигина, 2022). Мифологема сохраняет архетипические черты и одновременно адаптируется к реалиям современности, не требуя целостного мифа. Благодаря «переносу» традиционных ситуаций на актуальные контексты она становится инструментом осмысления новых экзистенциальных вызовов, включая экологические.

Научная фантастика представляет собой специфическое пространство функционирования мифологем, в котором они подвергаются рационализации и включаются в формы научного или псевдонаучного объяснения. Как отмечает Н.А. Махмудова, исследуя эволюцию изображения природных катаклизмов в литературе, ключевой тенденцией становится «переход от сверхъестественных объяснений к натуралистическим интерпретациям» (Makhmudova, 2024).

В рамках жанра мифологические структуры не утверждаются как абсолютные истины, но переоформляются в виде гипотез, моделей будущего и альтернативных миров, что позволяет сохранять эффект научной достоверности при одновременной работе с предельными, экзистенциально значимыми смыслами (Jameson, 2005). Экологическая проблематика оказывается особенно продуктивной в этом отношении, поскольку сама по себе связана с предельными вопросами выживания, ответственности и границ человеческого вмешательства, а в современных нарративах, как подчеркивает исследователь, все более заметную роль играет растущее внимание к человеческому фактору.

Экологический кризис в научной фантастике репрезентируется не столько через набор изолированных мотивов, сколько посредством устойчивых мифологем, формирующих целостные модели восприятия будущего. Одной из базовых является мифологема *экологического апокалипсиса*, в основе которой лежит представление о радикальной трансформации или гибели биосферы как результате накопленного антропогенного воздействия. При этом катастрофа лишена трансцендентного источника: разрушение мира осмысливается как имманентное следствие человеческой деятельности, что придает апокалиптическому сценарию характер внутреннего воздаяния, а не внешнего суда. Данная логика полностью соответствует общей эволюции литературных репрезентаций катастроф, фиксируемой в современном научном дискурсе: трансформация от мифологических до

научных интерпретаций означает, что источник угрозы перемещается из сферы сакрального в область человеческих решений и их последствий.

Характерным примером реализации мифологемы экологического апокалипсиса является роман Ф. Герберта «Дюна», в котором разрушительное воздействие человека на среду представлено не в форме внезапной катастрофы, а как длительный и накопительный процесс, изменяющий саму структуру мира. Планета Арракис предстает как радикально трансформированная экосистема, существование которой определяется предельной экологической нестабильностью и дефицитом жизненно важных ресурсов. Антропогенное вмешательство – добыча меланжа, контроль водных запасов и проекты терраформирования – не только нарушает природное равновесие, но и закрепляет состояние постоянного кризиса, воспринимаемого как норма существования цивилизации.

Принципиально важно, что экологическая катастрофичность Арракиса лишена трансцендентного источника и не связана с внешним «наказанием» или стихийным бедствием. Напротив, разрушение среды мыслится как закономерное следствие человеческой хозяйственной и политической деятельности, встроенной в логику эксплуатации ресурсов. Апокалиптический характер мира «Дюны» проявляется в необратимости экологических процессов и в осознании пределов человеческого контроля: любая попытка радикального преобразования среды оборачивается новыми формами нестабильности и угрозы. В этом контексте экологический кризис выступает не как разовое событие, а как постоянное состояние мира, подрывающее антропоцентрическое представление о возможности полного господства человека над природой.

Другим устойчивым элементом экологического мифологического поля является мифологема *утраченного рая*, формирующая представление о прошлом как о пространстве утраченной гармонии между человеком и средой. Этот «рай» не дан непосредственно, а конструируется ретроспективно – через память, легенду или противопоставление настоящему. В «Марсианских хрониках» Р. Брэдбери Марс предстает как целостный и хрупкий мир, разрушение которого происходит не в результате катастрофы, а через постепенное воспроизведение земных моделей колонизации – терраформирование. Экологический мотив здесь соединяется с критикой цивилизационного повторения и подчеркивает необратимость утраты, придавая мифологеме утраченного рая выраженное нравственное измерение.

Завершающим элементом экологической типологии выступает мифологема *постчеловеческого мира*, в рамках которой человек утрачивает положение центрального субъекта истории. Экологический кризис в данном случае становится фактором разрушения антропоцентрической картины мира и условием воображения реальности, не ориентированной исключительно на человеческие потребности. В научной фантастике, отвечающей на кризисы антропоцена, центральное место занимают постчеловеческие фигуры и «денатурированный нечеловеческий мир, созданный человеческими технологиями» (Bedgood, 2022: 271). Это выражается в смещении фокуса с индивидуального человеческого опыта на долгосрочные планетарные, биологические и эволюционные процессы, разворачивающиеся в масштабах, несоизмеримых с человеческой историей (Haraway, 2016).

Наглядное воплощение данное явление получает в романе С. Лема «Солярис», где экологическое и онтологическое измерения оказываются неразделимыми. Планета Солярис представлена как целостная нечеловеческая форма жизни, обладающая собственной временной логикой и не поддающаяся человеческому познанию и контролю. Океан не выступает ни объектом эксплуатации, ни источником угрозы, но функционирует как автономная реальность, существующая вне человеческих целей и потребностей.

Принципиально важно, что в мире «Соляриса» отсутствует сценарий экологической катастрофы в привычном смысле. Постчеловеческий характер данного художественного мира

проявляется в утрате человеком статуса центрального субъекта истории: человеческое знание оказывается ограниченным, а сама попытка интерпретации нечеловеческого – проблематичной (Беляев, 2016). Экологический кризис здесь смещается с уровня разрушения среды на уровень разрушения антропоцентрической картины мира, в рамках которой человек привык мыслить себя мерой всех вещей. Тем самым роман Лема моделирует реальность, в которой нечеловеческое не подчинено человеку и не нуждается в нем, что делает «Солярис» одним из ключевых примеров постчеловеческой мифологемы в классической научной фантастике.

Таким образом, экологические мифологемы образуют в научной фантастике целостную систему смысловых координат, в рамках которой экологический кризис осмысляется как предел антропоцентрического мышления и одновременно как основание для переосмысления статуса человека в мире. Соединяя научный прогноз с мифологической логикой интерпретации, научная фантастика превращается в пространство актуального мифотворчества, придающего экологическим угрозам культурную и ценностную определенность.

Образ человека в экологическом мифе научной фантастики: от антропоцентризма к постчеловеческой перспективе

Экологический миф в научной фантастике формирует особую модель осмысления статуса человека в мире, отражающую эволюцию культурных представлений о его роли в природной и социальной реальности. В рамках данной эволюции прослеживается движение от антропоцентрической установки, в которой человек сохраняет ценностный и смысловой приоритет, к моделям, предполагающим утрату им господствующего положения и признание автономии нечеловеческих процессов. Эта трансформация не носит линейного характера: в классической научной фантастике антропоцентризм длительное время сохраняется даже в условиях радикальных техногенных и экологических нарушений.

Антропоцентрическая модель наиболее отчетливо представлена в научной фантастике первой половины XX века, в том числе в произведениях А. Беляева. Анализируя его творчество, можно прийти к выводу – даже при изображении крайних форм вмешательства в природные и биологические процессы человек остается центральным носителем смысла и ответственности, а мир – пространством реализации человеческих проектов. Экологические и техногенные катастрофы в этих текстах не подрывают антропоцентрическую логику, а, напротив, подчеркивают масштаб человеческой воли и ее последствий (Ху Яньсинь, 2025).

Показательным примером является роман «Продавец воздуха», в котором природная среда радикально редуцируется до объекта экономического и технологического контроля. Воздух – базовое условие жизни – превращается в товар, а экологический кризис создается искусственно как инструмент власти и выгоды. Важно, что катастрофа здесь не осмысляется как автономный процесс или ответ среды на человеческое вмешательство: она полностью сконструирована человеком и подчинена его рациональному расчету. Даже угроза гибели биосферы не приводит к децентрации человека – напротив, подтверждается его способность распоряжаться фундаментальными условиями существования. Тем самым экологический конфликт в романе функционирует в рамках жестко выраженного антропоцентризма, где природа лишена субъектности и выступает материалом человеческой деятельности.

Подрыв антропоцентрической модели в научной фантастике становится возможен в тех случаях, когда экологический кризис утрачивает характер управляемого следствия человеческой воли и начинает разворачиваться как автономный процесс, не поддающийся рациональному контролю.

В «Гиперионе» Д. Симмонса антропоцентризм подрывается через связку экологического и техногенного кризиса: попытки радикального вмешательства демонстрируют пределы контроля и приводят к распаду привычного порядка. Расширение человечества в космосе не

возвращает господство – зависимость от сложных систем и ИИ, а также уязвимость колонизируемых миров делают человека элементом процессов, которые он не способен полностью объяснить и направить. Тем самым кризис выступает симптомом распада идеи человеческой исключительности.

Дальнейшее развитие экологического мифа связано с утратой самой идеи человеческого господства и переходом к моделям мира, в которых человек перестает быть центральным субъектом истории. В романе «Люди как боги» Г. Уэллса изображен социум, уже преодолевший логику эксплуатации и конфликта с природой. Экологическое равновесие здесь поддерживается не через контроль и принуждение, а через отказ от антропоцентрической модели мира. Контакт с землянами выявляет, что именно человек индустриальной цивилизации выступает носителем разрушительных практик – болезней, насилия, идеологического давления. Таким образом, утрата господства человека над миром в романе мыслится не как катастрофа, а как необходимое условие устойчивого существования.

Аналогичную логику демонстрирует цикл «Город» К. Саймака, где исчезновение человеческой цивилизации не приводит к гибели мира. Напротив, планета продолжает существовать в иных формах разумности и экологического равновесия. Человек здесь утрачивает статус онтологического центра, а экологический миф фиксирует возможность мира, не ориентированного исключительно на человеческие потребности и ценности. Уход человека оказывается не концом истории, а сменой ее субъекта.

Так образ человека в экологическом мифе научной фантастики претерпевает принципиальную трансформацию. От фигуры активного хозяина и конструктора кризиса, характерной для антропоцентрической модели, жанр постепенно переходит к образу уязвимого участника и, в конечном итоге, к признанию возможности мира без человека. Экологический кризис в этих текстах выступает не только тематическим мотивом, но и механизмом переосмысления самой идеи человеческой исключительности, открывая пространство для постчеловеческих форм воображаемого будущего.

Функции экологических мифологем в научной фантастике

Одной из ключевых функций экологических мифологем является интерпретативная функция, связанная с превращением сложных и трудно локализуемых экологических процессов в наглядные смысловые структуры. Глобальные изменения климата, деградация биосферы и утрата устойчивости среды обитания в научной фантастике репрезентируются через образы апокалипсиса, умирающей планеты или враждебной среды. Мифологема в данном случае выступает инструментом когнитивного упрощения, позволяя культуре осмыслить экологический кризис как целостное событие, а не как совокупность разрозненных факторов, поскольку миф способен «вскрыть латентные механизмы регуляции человеческого сознания и поведения» в кризисных ситуациях (Василькова, 2023). Роман Дж. Балларда «Затонувший мир» наглядно демонстрирует, как сложные климатические изменения репрезентируются через образ планеты, возвращающейся к доисторическому состоянию, что позволяет осмыслить экологический кризис как целостную трансформацию мира.

Вторая важная функция – ценностно-нормативная, заключающаяся в формировании этических оценок человеческой деятельности. Экологические мифологемы закрепляют представления о допустимых и недопустимых формах взаимодействия человека с природой, моделируя последствия тех или иных стратегий поведения. Через мотивы воздаяния, утраты равновесия или необратимости экологического ущерба научная фантастика артикулирует критику антропоцентрического мышления и ставит под сомнение идею безграничного господства человека над средой. Тем самым мифологемы выполняют функцию культурного предупреждения, соотносимую с традиционными мифами о нарушении космического порядка. В «Марсианских хрониках» Р. Брэдбери колонизация Марса осмысливается не как достижение прогресса, а как этически сомнительная форма экспансии, ведущая

к уничтожению иной экосистемы и культуры, что формирует негативную оценку антропоцентрической модели освоения природы.

Экологические мифологемы позволяют представить не только катастрофические исходы, но и альтернативные формы сосуществования человека и природы, включая отказ от антропоцентрической парадигмы. В этом смысле научная фантастика соединяет элементы мифа и прогноза, формируя пространство культурного воображения будущего. Как подчеркивает М.В. Заваркина, в художественном мире фантастического произведения природа нередко остается «"сокровенной" и непознаваемой», а человек, несмотря на научные открытия, по-прежнему смертен и одинок (Заваркина, 2022), что указывает на принципиальные границы антропоцентрического проекта и возвращает к мифологическому восприятию природы как тайны.

Особую роль играет онтологическая функция, связанная с переосмыслением статуса человека в мире. Экологические мифологемы фиксируют переход от модели человека как центрального субъекта истории к представлению о нем как об одном из элементов сложной, нечеловеческой системы. Через образы автономной природы, планетарных процессов и миров, существующих независимо от человеческого присутствия, научная фантастика разрушает антропоцентрическую картину мира и открывает пространство для постчеловеческих интерпретаций реальности. В этом контексте мифологема выполняет функцию децентрации человеческого опыта, становясь проводником «постгуманистического поворота», в рамках которого «человеческая природа переплетается с миром природы», а отношения с нечеловеческими существами требуют пересмотра (Верещагина, Компацарис, 2023).

Примером может служить роман И. Ефремова «Туманность андромеды», в котором человечество – часть галактического сообщества разумных форм жизни, встроенных в общий эволюционный процесс; экология, космология и этика образуют единую онтологическую рамку.

Наконец, экологические мифологемы выполняют интегративную функцию, объединяя научные, философские и экзистенциальные представления в рамках единого художественного целого. Научная фантастика становится пространством, в котором рациональные знания о природе сосуществуют с мифологическими моделями смысла, позволяя культуре коллективно перерабатывать экологическую тревогу и неопределенность. Тем самым экологический миф в научной фантастике выступает не архаическим пережитком, а актуальным механизмом культурной рефлексии современного кризиса.

Заключение

Исследование показало, что экологическая проблематика в научной фантастике второй половины XX – начала XXI века функционирует как механизм культурного осмысления кризиса: научные представления о природе здесь переплетаются с мифологическими структурами, формируя устойчивые модели восприятия будущего. К ключевым относятся мифологемы экологического апокалипсиса, утраченного равновесия, автономной/мстящей природы и постчеловеческого мира.

В рамках экологического мифа фиксируется переход от антропоцентрической модели к постчеловеческой перспективе: кризис выступает внутренним пределом идеи человеческого господства и выявляет несоразмерность амбиций человека логике планетарных процессов. Экологические мифологемы при этом одновременно интерпретируют угрозы, задают этическую оценку практик, моделируют сценарии будущего и интегрируют разнородные смыслы в целостный нарратив.

Таким образом, экологические мифологемы следует рассматривать как устойчивые художественные конструкции, отражающие трансформации экологического сознания современной культуры и изменения в понимании природы, человека и их соотношения.

Литература

Беляев, Д. А. (2016), «Постчеловек в научной фантастике: опыт прогнозирования трансформации человека», *Концепции постчеловека в философии и технонауке: мат-лы V Междунар. науч. школы для молодежи (Белгород, 19–23 мая 2016 г.)*, Климова, С. М., Майданский, А. Д. (ред.), ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», Белгород, 230–235.

Василькова, В. В. (2023), «Миф в современном обществе: когнитивная концепция регрессии как перспектива интегративного подхода», *Философия и культура*, 12, 16–22. DOI: 10.24158/fik.2023.12.1

Верещагина, Н. В. и Компациарис, П. (2023), «Катастрофизм и восстание природы: экологическая монструозность в нарративах популярной медиакультуры», *Наука телевидения*, 19(3), 97–120. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.3-97-120; EDN: QIOUUE

Заваркина, М. В. (2022), «Фантастика, миф и эсхатология в повести А. Платонова «Эфирный тракт»», *Проблемы исторической поэтики*, 20(4), 224–251. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11582

Кулигина, Е. А. (2023), «Ремифологизация в XX и XXI вв. и ее роль в осмыслении природы современного мифа (на материале новостных текстов англоязычных СМИ)», *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 16(12), 4338–4345. DOI: 10.30853/phil20230658

Кулигина, Е. А. (2022), «Мифологема как лингвокогнитивный феномен», *LXXV Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. науч. статей междунар. науч. конференции (Санкт-Петербург, 14–15 апреля 2022 г.)*, Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 151–154.

Наумов, И. (2024), «На пути к общему миру: композиционизм Бруно Латура как средство преодоления климатического кризиса», *Социологическое обозрение*, 23(2), 311–339. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-311-339

Скрынникова, И. В., Астафурова, Т. Н. (2024), «Метафора экологической безопасности в онлайн-коммуникации», *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2, 220–229. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-2-220-229

Суворова, А. А. (2024), «Эсхатологические и апокалиптические мотивы в современном российском искусстве», *Артикульт*, 3(55), 24–33. DOI: 10.28995/2227-6165-2024-3-24-33

Хен, Ю. В. (2025), «Сумерки экологического сознания», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 189–199. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-5

Ху Яньсинь (2025), «Идея антропоцентризма в научной фантастике А.Р. Беляева», *Мир науки, культуры, образования*, 4 (113), 442–445. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-442-445

Beck, U. (2009), *World at Risk*, Cambridge, Polity Press, Malden, MA.

Bedggood, D. (2022), “Ecocrises and Posthuman-Animal Futures in Bacigalupi’s ‘The Windup Girl’ and Schoen’s ‘Barsk’”, in: Borkfelt, S. and Stephan, M. (eds.) *Literary Animal Studies and the Climate Crisis*, Palgrave Macmillan, Cham, 267–289. DOI: 10.1007/978-3-031-11020-7_13

Garrard, G. (2012), *Ecocriticism*, Routledge, London, New York.

Haraway, D. J. (2016), *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*, Durham, NC, Duke University Press, London.

Jameson, F. (2005), *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*, Verso, London, New York.

Makhmudova, N. A. (2024), “Representation of Natural Disasters in Literature: from Mythological Tales to Modern Narratives”, *Нижевартовский филологический вестник*, 9(2), 125–131. DOI: 10.36906/2500-1795/24-2/11.

References

Beck, U. (2009), *World at Risk*, Cambridge, Polity Press, Malden, MA.

Bedggood, D. (2022), “Ecocrises and Posthuman-Animal Futures in Bacigalupi’s ‘The Windup Girl’ and Schoen’s ‘Barsk’”, in: Borkfelt, S. and Stephan, M. (eds.) *Literary Animal Studies and the Climate Crisis*, Palgrave Macmillan, Cham, 267–289. DOI: 10.1007/978-3-031-11020-7_13

Belyaev, D. A. (2016), “The posthuman in science fiction: the experience of predicting human transformation”, in: Klimova, S. M. and Maidanskiy, A. D. (eds.), *Concepts of the Posthuman in Philosophy and Technoscience: Proceedings of the V International Scientific School for Youth (Belgorod, May 19–23, 2016)*, Belgorod State University Publishing House, Belgorod, 230–235 (in Russian).

Garrard, G. (2012), *Ecocriticism*, Routledge, London, New York.

Haraway, D. J. (2016), *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*, Durham, NC, Duke University Press, London.

Hu Yanxin (2025), “The idea of anthropocentrism in A. Belyaev's science fiction”, *The World of Science, Culture and Education*, 4, 442–445 (in Russian). DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-442-445

Khen, Yu. V. (2025), “The Twilight of Environmental Consciousness”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 189–199 (in Russian). DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-5

Jameson, F. (2005), *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*, Verso, London, New York.

Kuligina, E. A. (2023), “Remythologization in the 20th and the 21st centuries and its role in understanding the nature of modern myth (based on news texts in the English-language media)”, *Philology. Theory & Practice*, 16(12), 4338–4345 (in Russian). DOI: 10.30853/phil20230658

Kuligina, E. A. (2022), “Mythologeme as a linguo-cognitive phenomenon”, in: *LXXV Herzen Readings. Foreign Languages: Proceedings of the International Scientific Conference (St. Petersburg, April 14–15, 2022)*, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 151–154 (in Russian).

Makhmudova, N. A. (2024), “Representation of natural disasters in literature: from mythological tales to modern narratives”, *Nizhneartovsk Philological Bulletin*, 9(2), 125–131. DOI: 10.36906/2500-1795/24-2/11

Naumov, I. (2024), “On the Way to a Common World: Bruno Latour's Compositionism as a Means of Addressing the Climate Crisis”, *Russian Sociological Review*, 23(2), 311–339 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-311-339

Skrynnikova, I. V. and Astafurova, T. N. (2024), “Environmental security metaphor in online communication”, *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2, 220–229 (in Russian). DOI: 10.29025/2079-6021-2024-2-220-229

Suvorova, A. A. (2024), “Eschatological and apocalyptic motives in Russian contemporary art”, *Artikult*, 3, 24–33 (in Russian). DOI: 10.28995/2227-6165-2024-3-24-33

Vasilkova, V. V. (2023), “Myth in Modern Society: The Cognitive Concept of Regression as an Integrative Approach Perspective”, *Society: Philosophy, History, Culture*, 12, 16–22 (in Russian). DOI: 10.24158/fik.2023.12.1

Vereshchagina, N. V., and Kompatsiariis, P. (2023), “Catastrophism and Nature's Revolt: Ecological Monstrosity in Popular Media Narratives”, *Nauka Televideniya—The Art and Science of Television*, 19 (3), 97-120. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.3-97-120; EDN: QIOUUE

Zavarkina, M. V. (2022), “Fantastika, Myth and Eschatology in A. Platonov's Short Novel (Povest') 'The Ethereal Tract'”, *Problems of Historical Poetics*, 20(4), 224–251 (in Russian). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11582.

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Билибин Антон Михайлович, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; bilibinskyanton@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Anton M. Bilibin, PhD Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; bilibinskyanton@gmail.com

УДК 008

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-4

Червяков В. В.

Ткачество как технология культуры: историко-культурная
генеалогия текстиля

Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия;
chervyakov.vyacheslav@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философско-культурологическому осмыслению ткачества как одной из базовых технологий культуры. Актуальность исследования связана с необходимостью пересмотра традиционного взгляда на ткачество как на преимущественно ремесленную и утилитарную практику. В работе показано, что текстильные практики играли значительно более широкую роль: они участвовали в формировании телесности, повседневности, ритуальных границ, социальных различий и символических порядков. Цель статьи заключается в реконструкции историко-культурной генеалогии текстиля и выявлении ее значения как структурообразующего медиума культуры. Методологическую основу составляют историко-культурный, сравнительно-исторический и генеалогический подходы, дополненные философско-культурологической интерпретацией археологических, антропологических и исторических материалов. Обосновывается, что истоки ткачества следует искать в более широком комплексе практик переплетения, плетения, скручивания и связывания, предшествующих развитому ткацкому производству. Показано, что в древних и средневековых обществах ткань выступала медиумом власти, статуса, памяти и социального порядка, а в Новое и Новейшее время ткачество стало важной частью машинной, медийной и цифровой культуры. Делается вывод, что ткачество следует рассматривать как культурную форму, в которой материальное и символическое изначально связаны.

Ключевые слова: ткачество; текстиль; технологии культуры; история культуры; материальная культура; символические формы; социальная память

Для цитирования: Червяков, В. В. (2026), «Ткачество как технология культуры: историко-культурная генеалогия текстиля», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 149-163. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-4

V. V. Chervyakov

Weaving as a technology of culture: a historical-cultural genealogy
of textiles

P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University,
42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia;
chervyakov.vyacheslav@mail.ru

Abstract: The article is devoted to a philosophical and cultural analysis of weaving as one of the basic technologies of culture. The relevance of the study lies in the need to reconsider the traditional view of weaving as a primarily craft-based and utilitarian

practice. The paper shows that textile practices played a much broader role: they participated in the formation of embodiment, everyday life, ritual boundaries, social distinctions, and symbolic orders. The aim of the article is to reconstruct the historical and cultural genealogy of textiles and to reveal its significance as a structuring medium of culture. The methodological framework combines historical-cultural, comparative-historical, and genealogical approaches, supplemented by a philosophical and cultural interpretation of archaeological, anthropological, and historical materials. It is argued that the origins of weaving should be sought in a broader complex of practices of interlacing, plaiting, twisting, and binding that preceded developed textile production. The article demonstrates that in ancient and medieval societies fabric functioned as a medium of power, status, memory, and social order, while in the modern and contemporary periods weaving became an important part of machine, media, and digital culture. The conclusion is that weaving should be understood as a form of cultural world-making in which the material and the symbolic are originally intertwined.

Keywords: weaving; textiles; technologies of culture; history of culture; material culture; symbolic forms; social memory

For citation: Chervyakov, V. V. (2026), “Weaving as a technology of culture: a historical-cultural genealogy of textiles”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 149-163. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-4

Введение

В гуманитарном знании ткачество долгое время описывалось преимущественно как ремесленная техника, связанная с производством утилитарных предметов, домашним трудом или историей костюма. Однако подобная оптика оказывается недостаточной, когда предметом анализа становится не отдельное изделие, а сама культурная логика переплетения, через которую организуются телесность, повседневность, символические границы и формы социального взаимодействия. Уже в археологических и антропологических исследованиях последних десятилетий подчеркивается, что текстиль не может рассматриваться как второстепенный материал культуры. Так, И. Гуд отмечает, что археологические текстильные исследования сегодня следует понимать как самостоятельное междисциплинарное поле, позволяющее по-новому реконструировать хозяйственные, символические и социальные структуры прошлого (Good, 2001: 209). В этом смысле история ткачества выводит исследователя за пределы истории техники в пространство истории и теории культуры.

Актуальность такого подхода связана с необходимостью переосмысления статуса «малых» и долгое время недооцененных культурных практик. В современной культурологии возрастает интерес к тем медиумам, которые не только обслуживают социальную жизнь, но и задают ее ритмы, формы видимости и способы различения. Текстиль, на наш взгляд, принадлежит именно к таким медиумам. Он не сводится к вещи среди других вещей, поскольку участвует в формировании границ между сакральным и профанным, частным и публичным, повседневным и ритуальным. Не случайно С. Харрис, анализируя ценность текстильных объектов в древних обществах, пишет, что ценность вещи определяется не ее изолированным свойством, а желанием и теми эффектами, которые она способна породить в социальной среде (Harris, 2017: 681–682). Это замечание позволяет перевести разговор о ткани из плоскости материальной полезности в плоскость культурной действенности.

Проблема исследования состоит в том, что в большинстве историко-культурных реконструкций ткачество по-прежнему интерпретируется либо как сопутствующий элемент

хозяйственного уклада, либо как производная от более «значимых» институтов власти, обмена и религии. Между тем текстильные практики сами участвовали в конституировании этих институтов: они создавали культурные различия, маркировали социальные неравенства и задавали формы кооперации (Basso Rial et al., 2021: 324–325). Поэтому ткачество целесообразно осмыслять как одну из базовых технологий культуры.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать ткачество как структурообразующий медиум культуры, проследив, как ранние формы текстиля формировали коллективные навыки, ритуальные смыслы и повседневные практики, а затем стали выполнять функции социального различения, хранения памяти и институциональной организации труда.

Текстиль первобытной культуры: переплетение как форма социального мира

Истоки ткачества целесообразно искать не в моменте появления развитого станка, а в гораздо более широком комплексе практик работы с гибким материалом: скручивании, плетении, завязывании, изготовлении сетей и шнуров. В этом отношении показательно наблюдение Е.А. Цейтлина, что эволюция текстильной техники представляет собой постепенный переход от элементарных способов связывания и переплетения к более сложным формам организации нити и поверхности (Цейтлин, 1940). Такой сдвиг исследовательской оптики принципиален. Он позволяет увидеть, что текстиль возникает раньше собственно ткацкого производства в узком смысле и выступает одной из древнейших форм культурной упорядоченности. Речь идет о тех действиях, посредством которых человек не просто изготавливает полезный предмет, но учится связывать разнородные элементы в устойчивую структуру. Именно поэтому ткачество следует рассматривать как одну из ранних моделей культурного формообразования.

Архаический текстиль связан с особым режимом материального существования культуры. Тканые и плетеные артефакты плохо сохраняются, поэтому археология сталкивается здесь с парадоксом: чем важнее была практика для повседневной жизни, тем слабее ее непосредственная вещественная сохранность. Отсюда необходимость работать с косвенными следами, отпечатками тканей на глине, фрагментами волокон, изображениями одежды, орудиями обработки нити. Эта эпистемологическая ситуация сама по себе показательна. Она свидетельствует, что текстиль принадлежит к тем пластам культуры, которые действуют фундаментально, но остаются частично скрытыми. В этом смысле текстиль предстает не как яркий монумент цивилизации, а как ее глубинная структура.

Ранние формы работы с волокном были тесно связаны с организацией времени и распределением труда внутри общины. Изготовление сетей, веревок, корзин и простейших тканых поверхностей предполагало повторяемость операций, сезонность заготовки сырья, накопление телесной памяти и передачу навыка. Здесь возникает одна из важнейших культурологических характеристик текстильной практики: она требует длительности, ритма и устойчивости жеста.

Архаический текстиль формирует пространство социальной связности (см. рис. 1). Сети, пояса, головные покрытия, плетеные вместилища и тканые покровы относятся к разным классам предметности, но основаны на общей логике переплетения, которая переносится из хозяйственной сферы в телесную, из повседневной – в ритуальную. Поэтому язык «уз», «узлов», «сети» и «ткани» общества укоренен в длительном опыте практического связывания мира.

Рис. 1. Неолитические фрагменты ткани из Робенхаузена, простое полотняное переплетение.

Изображение из архива Британского музея

Fig. 1. Neolithic textile shreds from Wetzikon-Robenhauzen, plain weave.

Image from the British Museum archive

Археологические данные позволяют предполагать, что уже на ранних этапах текстильное производство было сопряжено с символическим различием. Изображения одежды и плетеных элементов на женских фигурках палеолита, а позднее использование ткани в погребальных и ритуальных контекстах показывают, что текстиль рано приобрел статус знака. Он не просто покрывал тело, а делал его культурно читаемым. Через ткань и плетение маркировались возраст, статус, принадлежность к определенной группе, возможно, и ритуальная роль. В этом отношении текстильные практики выступают в качестве ранней технология видимости. Как отмечает Е.А. Шипилова, предметы костюма выступают механизмом социальной маркировки и визуальной фиксации культурных различий (Шипилова, 2015: 83). Поэтому уже архаические формы текстиля можно рассматривать как ранний уровень тех знаковых систем, которые позднее оформятся в устойчивые языки костюма и телесной репрезентации.

Характерно, что подобная функция сохраняется и в тех обществах, где материальные условия и сырьевые базы резко различаются. Исследования текстильного производства в разных регионах показывают, что оно не сводится к локальной технической случайности. Напротив, речь идет о множественных и относительно самостоятельных траекториях развития, где разные виды волокон, экологические условия и формы хозяйства порождают разные «экологии ткачества» (Gleba, 2017: 1205). Это означает, что текстильные практики имеют универсальный культурный статус, хотя их конкретные формы исторически вариативны. Каждая цивилизационная зона разворачивает собственную версию отношения

между сырьем, телом, трудом и символом, но сама логика переплетения сохраняет антропологическую устойчивость.

Таким образом, ткачество в архаической культуре предстает не приложением к хозяйству, а одной из базовых технологий социального мира. Оно формирует длительность, дисциплинирует жест, организует совместность, кодирует телесность и задает ранние формы знаковой дифференциации (Halperin, 2008: 111). Переплетение в этом контексте следует понимать как одну из первичных культурных операций, посредством которых человеческое сообщество вырабатывает формы устойчивости, различия и памяти. Текстильные практики возникают раньше развитых институтов государства и письменности, но уже здесь задают схемы, позднее институционализируемые в экономике, ритуале, праве и эстетике.

Текстиль Древнего мира и Средневековья:

ткань как медиум власти, статуса и социального порядка

Если в архаических сообществах ткачество формировало прежде всего устойчивые режимы повседневности, ритуала и коллективного навыка, то в эпоху первых цивилизаций его культурный статус заметно меняется. Ткань начинает функционировать как инструмент институционального различия. Она включается в хозяйственные реестры, перераспределительные системы, придворные церемонии и религиозные практики. Иными словами, текстильные практики входят в состав ранней политической рациональности. Именно в этот период ткань становится особой поверхностью власти, на которой фиксируются статус, долг, сакральная дистанция и принадлежность к тому или иному порядку (Weiner, Schneider, 1989: 1–3).

Особенно отчетливо эта трансформация прослеживается в раннегосударственных обществах Ближнего Востока. В хозяйственных текстах храмов и дворцов ткань фигурирует уже как нормируемый ресурс, включенный в системы учета, обмена и снабжения. Как показывает М. Ливерани, в хозяйствах урукского и последующих периодов шерсть и изделия из нее становятся одним из ключевых элементов распределительной экономики наряду с зерном (Liverani, 2014: 102–104). Кроме того, на материале Сирии римского периода Е. Альхатиб и П.М. Кольцов демонстрируют, что текстильное ремесло выступало не только частью локального хозяйства, но и значимым элементом более широких торговых и культурных связей региона (Альхатиб, Кольцов, 2016). Все это имеет более широкий культурологический смысл, чем может показаться на первый взгляд. Когда ткань входит в язык административного исчисления, она перестает быть просто вещью и становится формой управления временем, трудом и телами. За единицами учета скрывается новая структура социальности, в которой производство полотна уже соотнесено с календарем работ, распределением обязанностей и иерархией доступа к ресурсам.

В этой перспективе особенно важно, что ткацкие практики в древних обществах нередко были связаны с крупными женскими трудовыми коллективами. Речь идет не просто о «женском ремесле» в бытовом смысле, а о систематически организованной сфере производства, встроенной в политэкономия раннего государства. Э. Барбер подчеркивает, что в древнем мире изготовителями текстиля «практически всегда были женщины» (Barber, 1991: 21), однако это наблюдение требует культурологического уточнения. Женский труд здесь структурирован, он помещен в зону, где формируются базовые механизмы воспроизводства социальной жизни. Именно поэтому ткачество оказывается сопряжено не только с домашней сферой, но и с языком сакрального покровительства, мифологической санкции и культурной нормы. В античной традиции этот смысл позднее кристаллизуется в фигурах Афины и Арахны, где власть над нитью предстает одновременно властью над формой, мастерством и пределами допустимого.

Египетский материал выявляет другую, но столь же важную сторону древнего текстиля. Здесь ткань включена в режим сакрального отделения. Льняные покровы, погребальные

пелены, храмовые завесы и ритуальные облачения функционируют как средства символической демаркации, отделяя священное от профанного и упорядочивая отношения между видимым и сокрытым (см. рис. 2). Как показывает А. Лукас, в Древнем Египте обработка льна, изготовление тканей, отбеливание, окрашивание и использование полотен в погребальных и культовых практиках составляли устойчивый комплекс ремесленных и ритуальных действий (Лукас, 1958). В этом отношении текстиль выступает как своеобразный медиум «ритуальной онтологии». Он маркирует дистанцию, оформляет присутствие и придает предмету или телу особый статус. Смысл ткани в этой бытийной модальности заключается здесь не в том, что она скрывает вещь, а в том, что она переводит ее в иной режим значимости. Соответственно, текстиль выступает инструментом выделения сакрального слоя реальности.

Рис. 2. Древнеегипетский текстильный фрагмент XIX династии (1292–1190 до н. э.) из собрания К. Хьюитта, Смитсоновский музей дизайна Купер Хьюитт, инв. № 1915-24-1-b
Fig. 2. Egyptian textile fragment of the 19th Dynasty (1292–1190 BC) from the Cooper Hewitt, Smithsonian Design Museum, accession no. 1915-24-1-b

Античный мир вносит в эту историю новый принцип. Как показывает А.Г. Букина, ткань в античной Греции следует рассматривать как важную часть символического и социального

мира полиса, где свойства материи, цвет, способ изготовления и контекст использования были культурно нагружены (Букина, 2008). Кроме того, ткань начинает активно работать как форма публичной видимости и юридически кодированного различия. Особенно показателен в этом отношении феномен пурпура. Так, в римской культуре цвет оказывается не приложением к статусу, а одной из его зримых форм. Плиний Старший называет пурпур «первейшей славой» одежды, и эта характеристика симптоматична. В ней выражено понимание ткани как носителя социального ранга. Цвет, фактура, ширина полос, орнамент и качество материала становятся частью политической семиотики. Как показывает Р. Финлей, во многих исторических обществах право на определенные цвета принадлежало только элите, а запреты на их ношение выполняли функцию закрепления социальной иерархии (Finlay, 2007: 397–409).

С античностью связано и другое важное изменение. Ткань постепенно превращается в поверхность, способную не только обозначать статус, но и нести повествование. Развитие гобеленовых техник, сложных кайм, медальонов, бордюров и карточного ткачества означает, что текстильная поверхность начинает функционировать как носитель знаков, сюжетов и культурной памяти (см. рис. 3). Орнамент уже не сводится к украшению: он кодирует принадлежность, сообщает о ранге, иногда воспроизводит мифологические и религиозные мотивы. М.В. Терехова подчеркивает, что костюмный и текстильный ряд способны аккумулировать многослойную информацию о времени, сообществе и ценностной иерархии, функционируя как особая форма культурного письма (Терехова, 2016: 63–64). Сходную перспективу задает и интерпретация русского традиционного ткачества через категорию «орнаментального текста», семиотическая организация которого соотносится с культурной динамикой, описанной Ю.М. Лотманом (Червяков, Беляев, 2025: 350–352).

Рис. 3. Позднеантичное панно «Триумф Диониса» (IV–VI вв.), шерсть и лен, шпалерное ткачество. Метрополитен-музей, инв. № 90.5.873

Fig. 3. Panel with the Triumph of Dionysos (4th–6th century), wool and linen, tapestry weave. The Metropolitan Museum of Art, object no. 90.5.873

Сходный процесс, хотя и на иной сырьевой и политической основе, разворачивается в древневосточных обществах. В китайской традиции шелк рано получает статус не просто ценного материала, но и одного из универсальных эквивалентов социального обмена. Исследования экономической истории Китая показывают, что шелк и холстина использовались в платежах и могли приниматься государством в качестве формы налогообложения (Von Glahn, 2016: 41–43). Подобная практика принципиальна, поскольку означает, что ткань становится формой абстракции. Иными словами, текстиль приобретает квази-денежную функцию и тем самым входит в те механизмы, посредством которых государство удерживает свою власть. В таком контексте шелк оказывается материалом, где соединяются эстетика, экономическая эквивалентность и административное признание.

Переход к Средневековью не отменяет этих функций, а перераспределяет их между новыми центрами силы. Византия, исламский мир и латинская Европа наследуют древние текстильные логики, но встраивают их в иной политико-религиозный контур. Особенно выразительна византийская модель, где шелк находится под прямым государственным надзором. К примеру, «Книга епарха» показывает, что оборот шелка рассматривается как стратегическая область городской экономики, с которой связаны церемония, дипломатия и престиж власти. Это важный поворот. Ткань здесь уже не просто циркулирует внутри социальной системы, а охраняется как ресурс политической стабильности. В результате текстильные техники оказываются встроены в саму логику имперского управления.

В исламском мире ткань приобретает еще более явную функцию символического посредничества. Практика пожалования хила'а, то есть «одежды чести», превращает текстиль в язык социально-властного признания. Даруемая одежда не просто отмечает милость правителя, а заново конституирует положение получателя в иерархии. Аналогичную функцию выполняют и *ḥiğāz*-ленты с надписями, в которых письмо буквально вплетается в ткань. В таком случае текстиль становится пространством соединения тела, власти и текста. Сам факт ношения определенной ткани уже означает включенность в особый режим легитимности. Поэтому средневековую ткань уместно понимать как материальный носитель политической грамматики, где узор, надпись и вещь работают совместно.

Западноевропейское Средневековье вырабатывает собственную версию этой логики, переводя ткачество из преимущественно домашней сферы в пространство городского ремесла, цеховой регуляции и технологического ускорения. Как показывает Дж.Х. Манро, одним из ранних промышленных применений водяной силы стало валяние сукон, что радикально изменило масштабы и темп текстильного производства (Munro, 2003: 188). Этот сдвиг имел не только экономические последствия. Он трансформировал культурную топологию труда. Ткацкое дело все более закрепляется за городской мастерской, включается в систему профессиональной специализации, контроля качества и регламентации. Возникает иной режим телесности производства: меняется рабочая поза, распределяются функции, возрастает дисциплинарная зависимость от технологической последовательности. Иначе говоря, сама техника начинает перестраивать антропологию труда.

Однако средневековый текстиль был важен не только для городской экономики. Он оставался и одним из основных носителей священной репрезентации. Вышивки *opus anglicanum*, церковные покровы, облачения, алтарные ткани и реликварные обертки образуют особую форму текстильной иконоки (см. рис. 4). Здесь ткань не изображает сакральное извне, а участвует в его осуществлении. Она становится частью литургического пространства, в котором зримость и святость должны быть организованы в соответствии с определенной иерархией. Именно поэтому средневековая ткань столь часто соединяет драгоценный материал, цветовую символику, письменные элементы и орнаментальные структуры.

Рис. 4. Средневековая текстильная иконика: а – Сионский плащ. Англия, ок. 1310–1320. Вышивка opus anglicanum. Музей Виктории и Альберта, Лондон, инв. № 83-1864; б – Алтарный покров. Британия, XV–XVI вв. Бархат, металлическая нить. Метрополитен-музей, Нью-Йорк, инв. № 06.1199.3

Fig. 4. Medieval textile iconicity: a – The Syon Cope. England, ca. 1310–1320. Opus anglicanum embroidery. Victoria and Albert Museum, London, inv. no. 83-1864; b – Altar Frontal Textile. Britain, 15th–16th century. Velvet, metal thread. The Metropolitan Museum of Art, New York, inv. no. 06.1199.3.

В то же время текстиль в Средневековье способен выступать и как носитель исторической памяти. Наиболее известным примером остается Байеский гобелен, где ткань выполняет функцию хроники, соединяя изображение и надпись в единый повествовательный контур (рис. 5). Для культурологического анализа здесь важно не только содержание сюжета, но и сам принцип медиации. История фиксируется не в кодексе и не в монументе, а в ткани. Это значит, что текстиль окончательно выходит за пределы утилитарности и становится полноправным медиумом культурной памяти. Он способен удерживать событие и организовывать его интерпретацию.

Рис. 5. Байеский гобелен (фрагмент). XI в. Шерстяная вышивка по льняному полотну.

Муниципальная библиотека г. Байё, Франция.

Fig. 5. The Bayeux Tapestry (detail). 11th century. Wool embroidery on linen. Municipal Library of Bayeux, France.

Таким образом, в эпоху первых цивилизаций и в Средневековье ткачество переходит от режима общинной повседневности к режиму социальной институционализации. Ткань включается в хозяйственный учет, сакральные практики, статусное различие и механизмы политического признания, становясь одной из технологий культурного порядка. Поэтому в данном историческом контексте она должна рассматриваться не как простое ремесло, а как медиум власти, памяти и легитимности.

Ткачество в Новое и Новейшее время: от ремесленного текстиля к машинной и цифровой культуре

Переход к Новому времени меняет положение ткачества в культуре значительно глубже, чем это обычно фиксируется в экономической истории. Теперь ткань оказывается в центре процессов, связанных с ускорением обмена, ростом рынков, колониальной экспансией и формированием новой дисциплины труда. Волокна, красители, орнаментальные мотивы и готовые изделия начинают циркулировать между регионами с невиданной ранее интенсивностью, а «текстильная система» все явственнее становится моделью управляемого, масштабируемого и стандартизируемого производства.

Настоящий перелом наступает в эпоху индустриализации, когда ткачество становится одной из центральных площадок формирования машинной современности. Текстильное производство дает ранний и наглядный пример того, как техника начинает не просто помогать человеческому действию, а переписывать его ритм, масштаб и внутреннюю организацию: то, что раньше требовало длительной телесной вовлеченности и координации рук и глаз, частично переводится в режим механически воспроизводимой последовательности. В результате ткань все больше выступает как продукт технической системы.

Этот сдвиг означает не только рост производительности, но и преобразование антропологии труда. Если в ремесленной мастерской тело мастера оставалось носителем знания, то на фабрике знание отчуждается от отдельного работника и встраивается в машину, организацию пространства, режим надзора и техническую последовательность операций. Именно поэтому текстильная фабрика становится лабораторией дисциплинарной культуры, где отрабатываются синхронизация, контроль времени, стандартизация качества и разделение функций.

Здесь же обнаруживается и другой важный сдвиг. Индустриальное ткачество не уничтожает знаковую природу ткани, но радикально меняет способы ее семиотизации. В условиях механического производства орнамент, фактура и цвет начинают функционировать в связке с рыночной дифференциацией, модой и культурой потребления. Если ранее ткань в первую очередь закрепляла уже существующие социальные различия, то в Новое и Новейшее время она все активнее участвует в их подвижной переработке. Через одежду, интерьерный текстиль, обивку и декоративные поверхности общество теперь проектирует новые режимы вкуса, идентичности и подражания. Вместе с тем этот процесс не означает простого разрыва с предшествующими художественными кодами. Даже в ситуации стилевого обновления орнамент сохраняет способность выступать пространством сложного культурного синтеза, где традиционный мотив не исчезает, а получает новую композиционную и смысловую организацию. Поэтому современный текстиль должен пониматься не только как продукт стандартизации, но и как поле активной переработки культурной памяти.

Особое значение в этой связи имеет взаимосвязь текстиля и медийности. Уже в XIX веке ткань начинает существовать в пространстве каталогов, рекламных изображений, выставок, образцовых коллекций, журналов мод. Она все чаще воспринимается не только тактильно, но и визуально, через репрезентацию. Тем самым меняется сам режим ее культурного присутствия. Ткань уже не обязательно должна быть непосредственно пережита как материал, чтобы стать объектом желания, оценки или символического выбора. Ее образ отделяется от ее фактуры и начинает циркулировать в медиальной среде. Этот процесс становится особенно интенсивным в XX веке, когда визуальная культура, дизайн и реклама окончательно связывают ткань с индустрией образов.

На этом фоне интересен парадокс современного текстиля. С одной стороны, машинное производство обесценивает уникальность единичного изделия и подчиняет ткань логике массового выпуска. С другой стороны, именно эта же система порождает встречное

стремление к ремесленному, авторскому, локальному, тактильно подлинному. Поэтому история ткачества Новейшего времени не сводится к прямой победе машины над ручным трудом. Скорее, она разворачивается как напряженный диалог между серийностью и уникальностью, между стандартом и фактурной неповторимостью, между техническим ускорением и культурной памятью материала. Для российской культурной ситуации этот парадокс особенно заметен в судьбе ручного ткачества XX века. Л.Б. Семизорова показывает, что даже в советский период ручные текстильные практики не исчезают под давлением индустриальных форм, а сохраняются как носители локальной эстетики, навыка и культурной преемственности (Семизорова, 2008: 350–351).

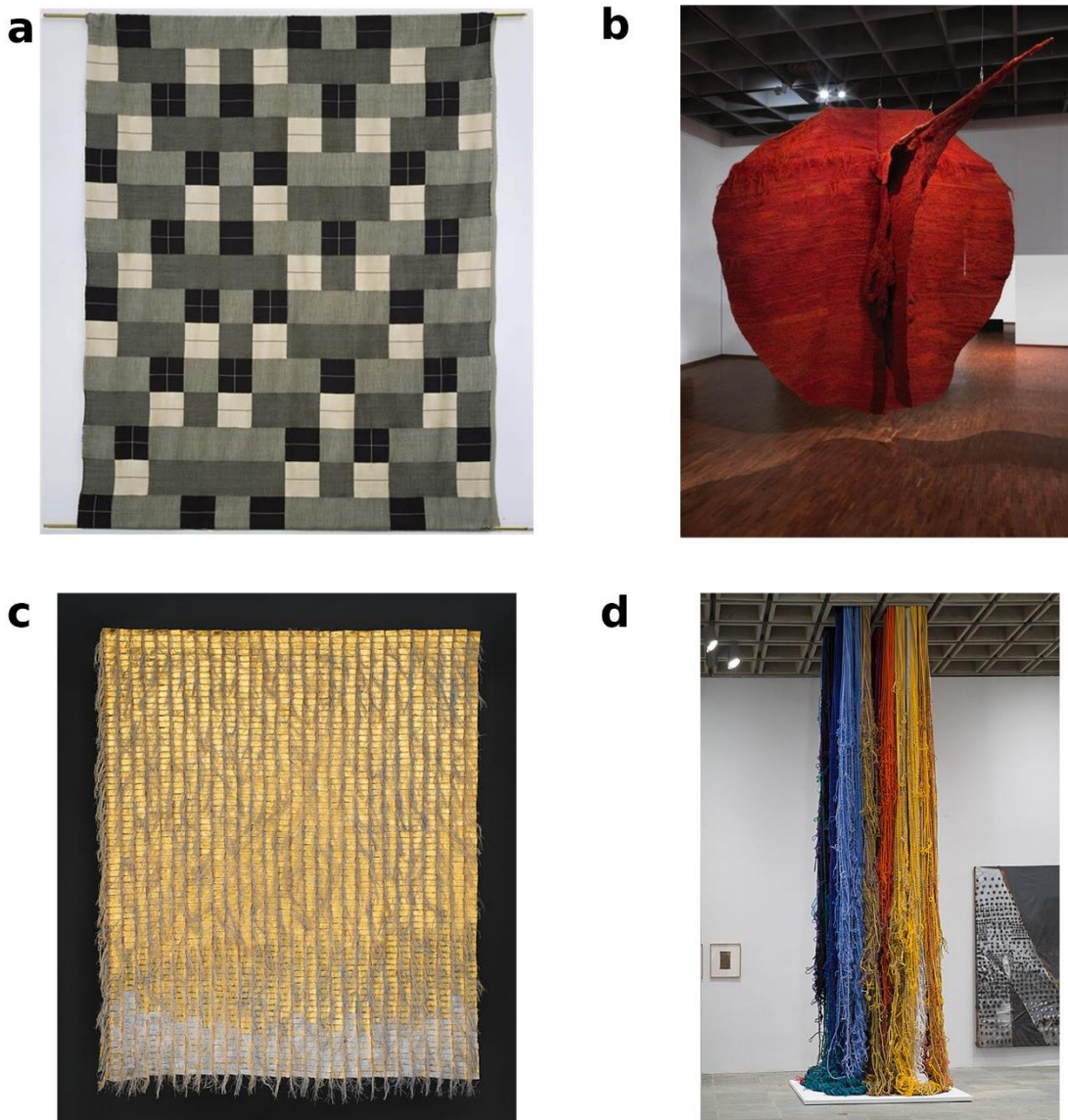

Рис. 6. Текстиль как самостоятельный художественный медиум мышления: а) Анни Альберс. Настенное панно. Проект 1927 г., исполнение данного экземпляра – 1964 г.; б) Магдалена Абаканович. Красный абакан. 1969 г.; в) Ольга де Амараль. Алхимия 13. 1984 г.; д) Шейла Хикс. Столп вопрошания / Податливая колонна. 2013–2014 гг.

Fig. 6. Textile as an autonomous medium of artistic thinking: a) Anni Albers. Wall Hanging. Design, 1927; this version executed in 1964; b) Magdalena Abakanowicz. Abakan Red. 1969; c) Olga de Amaral. Alchemy 13. 1984; d) Sheila Hicks. Pillar of Inquiry / Supple Column. 2013–2014.

Во второй половине XX и в XXI веке это напряжение получает новое развитие. Текстиль выходит за рамки традиционного противопоставления ремесла и фабрики, поскольку включается в поля современного искусства, дизайна, экологической этики и цифровых технологий. Художественный текстиль, fiber art, авторское ткачество, текстильные инсталляции возвращают ткани статус самостоятельного медиума мышления (см. рис. 6). В этих практиках важен уже не только результат, но и сам способ работы с переплетением как формой памяти, телесности и сопротивления ускоренной культуре. Нить здесь может выступать как след времени, как способ фиксации травмы, как форма фрагментарного повествования, как жест собирания разрушенного опыта.

В российском искусствоведческом и культурологическом дискурсе современный текстиль также описывается как медиум, выходящий за пределы декоративной функции. Так, Н.Ю. Митрофанова связывает его с пространством концептуального высказывания, пластического эксперимента и авторской рефлексии (Митрофанова, 2019: 184–186). Тем самым ткань предстает уже не столько материалом оформления, сколько самостоятельным носителем художественного мышления.

Одновременно цифровое проектирование, автоматизированное ткачество, алгоритмическое создание узоров, «умные ткани» и сенсорные материалы расширяют само понятие текстиля. Переплетение начинает пониматься как программируемая структура, в которой сочетаются материальность, вычисление и интерактивность. Это позволяет увидеть, что современная культура, несмотря на процессы виртуализации, не освобождается от фундаментальной логики связывания: сетевые структуры, гибридные интерфейсы, носимые технологии и экологически ориентированный дизайн по-прежнему работают с идеей соединения разнородного в устойчивую конфигурацию.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать ткачество как одну из базовых культурных форм, через которые человеческие сообщества организуют мир. Его историческая устойчивость связана с тем, что оно принадлежит не только сфере вещи, но и сфере отношения: ткань возникает из упорядоченного соединения разнородных элементов и потому уже в своей структуре содержит принцип связывания, повторения и оформления. Благодаря этому текстильные практики позволяют увидеть культуру в ее процессуальности – как форму, не отделенную от жеста, труда, ритма и материала.

В таком ракурсе история ткачества предстает частью более широкой истории формообразующих практик, в которых закрепляются способы человеческого присутствия в мире. Ткачество соединяет телесную память, социальную координацию, техническое воображение и знаковую организацию среды, показывая, что материальное и символическое изначально формируются совместно. Поэтому философско-культурологический анализ ткачества выводит к общему тезису: культура может быть понята как процесс постоянного связывания и переоформления человеческого мира, а ткань – как один из наиболее зримых исторических принципов этого процесса.

Литература

Альхатиб, Е. и Кольцов, П. М. (2016), «Текстильное ремесло Сирии в римский период в I–III вв.», *Вестник Калмыцкого университета*, 2, 6–11.

Букина, А. Г. (2008), «Сиреневые овцы, или Слово о тканях античной Греции», *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*, 177, 28–34. EDN: YSLVYK

Лукас, А. (1958), *Материалы и ремесленные производства Древнего Египта*, пер. с англ. Савченко, Б. Н., Авдиев, В. И. (ред.), Изд-во иностранной литературы, Москва.

Митрофанова, Н. Ю. (2019), «Современное текстильное искусство в поисках новых форм, смыслов и средств выразительности», *Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой*, 1, 176–190. EDN: XCBVXJ

- Семизорова, Л. Б. (2008), «Особенности ручного ткачества советского периода второй половины XX в.», *Вестник Башкирского университета*, 13(2), 350–352. EDN: JVMOIF
- Терехова, М. В. (2016), «Костюм как текст и язык культуры», *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*, 2, 62–64. EDN: WBLVER
- Цейтлин, Е. А. (1940), *Очерки истории текстильной техники*, Гизлегпром, Москва, Ленинград.
- Червяков, В. В. и Беляев, Д. А. (2025), «Семиотика орнаментального текста: русское традиционное ткачество в свете культурной динамики Ю. М. Лотмана», *Общество: философия, история, культура*, 10, 350–356. DOI: 10.24158/fik.2025.10.46
- Шипилова, Е. А. (2015), «Современный подход к изучению костюма как культурного кода», *Аналитика культурологии*, 1, 79–85. EDN: TYVZTL
- Barber, E. W. (1991), *Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Basso Rial, R. E., Jover Maestre, F. J. and López Padilla, J. A. (2021), “An Undervalued Archaeological Resource: Social Aspects of Bronze Age Textile Production in the Eastern Iberian Peninsula”, *European Journal of Archaeology*, 24(3), 324–344. DOI: 10.1017/ea.2021.15
- Finlay, R. (2007) “Weaving the Rainbow: Visions of Color in World History”, *Journal of World History*, 18(4), 383–431. DOI: 10.1353/jwh.2008.0001
- Glahn, R. von (2016), *The Economic History of China: From Antiquity to the Nineteenth Century*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Gleba, M. (2017), “Tracing Textile Cultures of Italy and Greece in the Early First Millennium BC”, *Antiquity*, 91(359), 1205–1222. DOI: 10.15184/aqy.2017.144
- Good, I. (2001), “Archaeological Textiles: A Review of Current Research”, *Annual Review of Anthropology*, 30, 209–226. DOI: 10.1146/annurev.anthro.30.1.209
- Halperin, C. T. (2008) “Classic Maya Textile Production: Insights from Motul de San José, Petén, Guatemala”, *Ancient Mesoamerica*, 19(1), 111–125. DOI: 10.1017/S0956536108000230
- Harris, S. (2017), “From Value to Desirability: The Allure of Worldly Things”, *World Archaeology*, 49(5), 681–699. DOI: 10.1080/00438243.2017.1413416
- Liverani, M. (2014), *The Ancient Near East: History, Society and Economy*, Routledge, London, UK and New York, NY, USA.
- Munro, J. H. (2003), “Medieval Woollens: Textiles, Textile Technology, and Industrial Organisation, c. 800–1500”, in Jenkins, D. (ed.), *The Cambridge History of Western Textiles*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, Vol. 1, 181–227.
- Weiner, A. B. and Schneider, J. (eds.) (1989), *Cloth and Human Experience*, Smithsonian Institution Press, Washington, DC, USA and London, UK.

References

- Alkhatib, E. and Koltsov, P. M. (2016), “Textile graft flourishing in Syria in the Roman Period in I-III A.D.”, *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University], 2, 6–11 (in Russ.).
- Barber, E. W. (1991), *Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Basso Rial, R. E., Jover Maestre, F. J. and López Padilla, J. A. (2021), “An Undervalued Archaeological Resource: Social Aspects of Bronze Age Textile Production in the Eastern Iberian Peninsula”, *European Journal of Archaeology*, 24(3), 324–344. DOI: 10.1017/ea.2021.15
- Bukina, A. G. (2008), “Lilac sheep, or a word about the fabrics of ancient Greece”, *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Works of the St. Petersburg State University of Culture and Arts], 177, 28–34. (in Russ.). EDN: YSLVYK
- Chervyakov, V. V. and Belyaev, D. A. (2025), “Semiotics of the ornamental text: Russian traditional weaving in the light of Yu. M. Lotman’s cultural dynamics”, *Society: Philosophy, History, Culture*, 10, 350–356 (in Russ.). DOI: 10.24158/fik.2025.10.46
- Finlay, R. (2007) “Weaving the Rainbow: Visions of Color in World History”, *Journal of World History*, 18 (4), 383–431. DOI: 10.1353/jwh.2008.0001
- Glahn, R. von (2016), *The Economic History of China: From Antiquity to the Nineteenth Century*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

- Gleba, M. (2017), “Tracing Textile Cultures of Italy and Greece in the Early First Millennium BC”, *Antiquity*, 91 (359), 1205–1222. DOI: 10.15184/aqy.2017.144
- Good, I. (2001), “Archaeological Textiles: A Review of Current Research”, *Annual Review of Anthropology*, 30, 209–226. DOI: 10.1146/annurev.anthro.30.1.209
- Halperin, C. T. (2008) “Classic Maya Textile Production: Insights from Motul de San José, Petén, Guatemala”, *Ancient Mesoamerica*, 19 (1), 111–125. DOI: 10.1017/S0956536108000230
- Harris, S. (2017), “From Value to Desirability: The Allure of Worldly Things”, *World Archaeology*, 49 (5), 681–699. DOI: 10.1080/00438243.2017.1413416
- Liverani, M. (2014), *The Ancient Near East: History, Society and Economy*, Routledge, London, UK and New York, NY, USA.
- Lucas, A. (1958), *Materialy i remeslennye proizvodstva Drevnego Egipta* [Ancient Egyptian Materials and Industries], translated by Savchenko, B. N., Avdiev, V. I. (ed.), Izdatelstvo inostrannoy literatury, Moscow, USSR (in Russ.).
- Mitrofanova, N. Yu. (2019), “Modern textile art in a search for new forms, meanings and means of expressions”, *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoy* [Bulletin of the Academy of Russian Ballet named after A. Ya. Vaganova], 1, 176–190 (in Russ.). EDN: XCBTXJ
- Munro, J. H. (2003), “Medieval Woollens: Textiles, Textile Technology, and Industrial Organisation, c. 800–1500”, in Jenkins, D. (ed.), *The Cambridge History of Western Textiles*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, Vol. 1, 181–227.
- Semizorova, L. B. (2008), “Peculiarities of hand weaver in the Soviet period of the 2nd part of the 20th century”, *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 13(2), 350–352 (in Russ.). EDN: JVMOIF
- Shipilova, E. A. (2015), “A contemporary approach to the study of costume as a cultural code”, *Analitika kulturologii* [Cultural studies analytics], 1, 79–85 (in Russ.). EDN: TYVZTL
- Terekhova, M. V. (2016), “Costume as a text and language of culture”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture and Arts], 2, 62–64 (in Russ.). EDN: WBLVEP
- Tseitlin, E. A. (1940), *Ocherki istorii tekstilnoy tekhniki* [Essays on the History of Textile Technology], Gizlegprom, Moscow, Leningrad, USSR (in Russ.).
- Weiner, A. B. and Schneider, J. (eds) (1989), *Cloth and Human Experience*, Smithsonian Institution Press, Washington, DC, USA and London, UK.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Червяков Вячеслав Викторович, аспирант кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; chervyakov.vyacheslav@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vyacheslav V. Chervyakov, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Political Science and Theology, P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia; chervyakov.vyacheslav@mail.ru

АРХИВ
ARCHIVE

УДК: 792.54(091):78.071.2(092)

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-5

Гордеева М. Н.

Гастроли Федора Шаляпина на сцене Оперы С.И. Зимина
в сезоне 1915-1916 годов. Хронология события

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
ул. Мясницкая, д. 21, г. Москва, 101000, Россия;
ladigeza@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка воссоздать хронологию гастролей Ф.И. Шаляпина на сцене Оперы С.И. Зимина, проходивших в сезоне 1915-1916 годов. Это яркое событие в истории отечественной культуры начала XX века до сих пор остается недостаточно изученным. Новизну и оригинальность исследования составляет анализ архивных документов из фонда Российского национального музея музыки, публикаций в прессе, воспоминаний современников. Целью является систематизация и уточнение фактов, касающихся заявленного события и свидетельствующих о его значимости. В отличие от большинства монографий, посвященных Шаляпину, где его выступления у Зимина упоминаются фрагментарно, в статье подробно восстанавливается афиша, реакция публики и критики на спектакли с участием певца. Значительное внимание уделено творческим поискам и непосредственному участию артиста в постановке спектаклей. Сделан вывод: гастроли Шаляпина в Опере С.И. Зимина показали, что эта антреприза могла успешно конкурировать с императорской сценой и обеспечить достойный, высокопрофессиональный ансамбль для выступления звезды мирового масштаба. Хронология событий, отраженная в исследовании, вносит вклад в изучение истории отечественного музыкального театра начала XX века.

Ключевые слова: Федор Иванович Шаляпин; Опера С.И. Зимина; Сергей Иванович Зимин; московский музыкальный театр; гастроли Ф.И. Шаляпина; Сергей Петрович Юдин

Для цитирования: Гордеева, М. Н. (2026), «Гастроли Федора Шаляпина на сцене Оперы С.И. Зимина в сезоне 1915-1916 годов. Хронология события», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 164-179. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-5

M. N. Gordeeva

**The touring engagements of Fyodor Chaliapin on the stage
of the S.I. Zimin opera during the 1915-1916 season: a chronology**

Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture,
21 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia;
ladigeza@yandex.ru

Abstract. This article attempts to reconstruct the chronology of Feodor Chaliapin's guest performances at the S.I. Zimin Opera in the 1915-1916 season, a significant yet understudied event in early 20th-century Russian culture. The novelty of the research lies in its analysis of archival documents from the Russian National Museum of Music, press publications, and memoirs. Its aim is to systematize facts concerning the event's significance. Unlike most Chaliapin monographs, which mention these performances only fragmentarily, this article reconstructs the playbill and the public's and critics' reactions. Significant attention is paid to the artist's creative role in staging the productions. The conclusion is drawn that these performances demonstrated the Zimin Opera could successfully compete with the imperial stage and provide a worthy, professional ensemble for a world-class star.

Keywords: Feodor Ivanovich Chaliapin; S.I. Zimin Opera; Sergei Ivanovich Zimin; Moscow musical theater; F.I. Chaliapin's guest performances; Sergey Petrovich Yudin

For citation: Gordeeva, M. N. (2026), "The touring engagements of Feodor Chaliapin on the stage of the S.I. Zimin opera during the 1915-1916 season: a chronology", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 164-179. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-5

Сезон 1915-1916 годов для русского театра был довольно тяжелым – страна участвовала в Первой мировой войне. Этот трагический политический контекст не мог не отразиться на культурной жизни России: под запрет к постановке попали произведения немецких авторов, многие артисты ушли на фронт.

В 1910-х годах Опера С.И. Зимина являлась одним из ведущих московских музыкальных театров. Именно в этот трудный период на ее сцене проходили гастроли выдающегося русского оперного певца Федора Ивановича Шаляпина. Приглашение мировой знаменитости в частный театр стало событием исключительной важности в культурной жизни Москвы. Оно явилось духовным подспорьем для общества в ту тревожную эпоху. Настоящая статья восстанавливает детали гастролей по сохранившимся афишам, высказываниям критиков, мемуарам и письмам самих участников событий и их современников.

Рис. 1. С.И. Зимин. 1918 (?). Гурзуф.? Российский национальный музей музыки
Fig. 1. S.I. Zimin. 1918 (?). Gurzuf.? Russian National Museum of Music

Сергей Иванович Зимин (рис. 1) был человеком, страстно любившим музыку. С детства он брал уроки пения, мечтая стать оперным певцом. С возрастом видение собственного будущего несколько трансформировалось, и выходец из богатой купеческой семьи начал грезить созданием театра. В своих юношеских фантазиях он продумывал не только устройство антрепризы, но и «намечал» список артистов, которых пригласил бы в свою труппу. Конечно же, под первым номером стояло имя уже известного баса – Федора Ивановича Шаляпина. В своем дневнике Сергей Иванович оставил запись о знакомстве с выдающимся артистом: «В 1902 году я жил в имении Шибаевых, у моей сестры, и там гостил с семьей и женой Юлией Игнатьевной Ф.И. Шаляпин. Это было мое первое с ним знакомство вне сцены. Я, юноша 27 лет, трепетал в священном трепете перед ним и помню, сколько было мне радости, когда он ездил со мной на мельницу ловить рыбу. Вечер в парке около дома, где жил он с Шибаевыми, я никогда не забуду. Я в доме у них бывал редко, и вот, гуляя, я услышал звуки рояля и подошел к дому. Запел Шаляпин. Он пел несколько вещей, в доме уже горели огни, в парке была чудная ночь с луной, все было наполнено запахом липы, и, вдруг, он запел «Менестрель» Аренского, мне врезалось до сих пор в память это исполнение романса. Чудно звучал голос, негодуяще рассказывал певец о том, как погиб менестрель, как рыдали струны, как любил он молодую БERTУ, и так изумительно было толкование, так вдохновенно и прекрасно передавал он свою песнь, так гармонировало это с ночью, что этот момент остался для меня ярким на всю жизнь»¹.

С этого времени и начали складываться приятельские отношения этих двух людей, прославивших русский музыкальный театр. Федор Иванович иногда бывал у Сергея

¹ Российский национальный музей музыки, Ф. 355 «Книга воспоминаний и дневник С.И. Зими́на № [5]. [Т.], [1934.08.10-1936.06.31]», № 8, Л. 49.

Ивановича, принимал участие в его домашних музыкальных вечерах. Они обменивались письмами, открытками и, будучи большими любителями бани, часто встречались в этих заведениях.

Свой театр Зимин организовал в 1904 году и на протяжении первых сезонов налаживал его работу, пестовал любимое детище. Примерно через пять лет Опера С.И. Зимина заняла прочное, лидирующее положение среди московских музыкальных театров. Конечно же, все это время Сергей Иванович неоднократно обращался к Шаляпину, приглашая его в свою антрепризу на гастроли. Связанный жесткими контрактами с императорской сценой, артист всякий раз был вынужден отказываться. Но из-за изменившейся личной ситуации летом 1915 года Федор Иванович согласился выступить на сцене Солодовниковского театра, которую с 1908 года арендовала Опера С.И. Зимина.

В 1915 году антрепренер записал в дневнике: «Сбылась моя сокровенная мечта: Ф.И. Шаляпин, поссорившись с Б[ольшим] т[еатром], будет петь почти весь сезон у меня» (Зимин, 2013: 274). В этот период импресарио артиста являлся Владимир Данилович Резников, к которому в Петроград и отправился Зимин, чтобы оформить все необходимые документы по гастролям. Позже он записал в дневнике: «Плачу Резникову за Шаляпина 6 000 рублей, что остается самому В.Д. [Резникову] – не знаю, но думаю, если и 500 р[ублей] от спектакля, то недурно» (Зимин, 2013: 274).

В одном из своих писем в 1915 году певец сообщал антрепренеру: «Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Я в свою очередь также рад пропеть что-нибудь на старом пепелище, которое так славно поддерживаете Вы Вашей мощной рукой. Приятно мне это тем более, что я почаще повидаю Вас, а то мы все же очень редко видимся. Приятно мне, и я заранее спокоен, ибо знаю, что такой могучий любитель прекрасного и безграничного искусства, как Вы, всегда пойдет навстречу всему, что логично и необходимо для осуществления прекрасного.

На случай хочу Вам написать приблизительно те оперы, в которых я так или иначе хотел бы петь, а именно: «Юдифь», «Борис Годунов», может быть, «Вражья сила», «Дон Карлос», «Фауст», может быть, «Мефистофель» Бойто, «Русалка», «Псковитянка», может быть, «Жизнь за царя», и т. д. Одним словом, я готов был бы сыграть, кажется, все роли моего репертуара, если бы это было возможно.

Итак, то, что я здесь написал, мне кажется, все шло у Вас в театре, и для всего этого имеются и труппа, и декорации, и костюмы, и словом – все.

Вот только одно меня очень беспокоит – это свет!

Мне помнится, в прошлый раз, когда я бывал у Вас в театре, – мне показалось темновато на сцене, а я, уж простите мне, – всю жизнь и всегда и во всех смыслах стою за свет! Может быть, если возможно, Вы сумеете устранить это мало-мало неприятное обстоятельство! Я знаю милого Сергея Ивановича и, конечно, в его желании, чтобы наши спектакли были живее и лучше, чем в Большом театре, – несколько не сомневаюсь.

Итак, мне остается только пожать Вам Вашу руку и крикнуть: до скорого свидания, милый Сергей Иванович.

Всегда Ваш Ф. Шаляпин» (Федор Иванович Шаляпин..., 1976: 443-444).

С. Зимин был чрезвычайно рад гастролям выдающегося певца не только потому, что они сулили довольно значительную прибыль его театру, а также дополнительное внимание публики, но и желая сам получить то громадное художественное удовольствие, которое дарил зрителям этот артист.

Уже во второй половине июля 1915 года в московской прессе стали появляться объявления о предстоящих гастролях знаменитого исполнителя. В августе начался ажиотаж: «Открывшаяся продажа билетов на объявленный абонемент с участием Ф.И. Шаляпина

в опере Зими́на привлекла к кассе тысячную толпу публики. Билеты брались нарасхват» («Хроника», 1915: 6), – сообщалось на страницах московской периодики.

Нужно отметить, что гастроли были запланированы на глубокую осень и первую половину зимы. Согласно контракту, артист взял на себя обязательства принять участие в четырех абонементных и 26 внеабонементных спектаклях. Продажи билетов на внеабонементные представления начались 30 октября в 10 часов утра. В вестибюле и перед зданием театра собралось огромное количество желающих заблаговременно приобрести себе места на спектакли с участием Шаляпина. Зимин вспоминал: «Толпы народа ждали всю ночь открытия кассы, и когда часть разместили в вестибюле, то хвост кончался в переулке за Большим театром. Такое было скопление, что вызвали полицию. Люди рвутся и во время спектакля, барышникам платят чуть ли не удесятенную плату, и, несмотря ни на что, барышники как-то добывают билеты, хотя следим, чтоб брала только публика. Видимо, покупают у публики» (Зимин, 2013: 274). Отметим, что места на гастроли Федора Ивановича реализовывались по завышенным ценам, по сравнению с другими спектаклями, шедшими в Опере С.И. Зими́на, они стоили в два-три раза дороже.

Как и рассчитывала дирекция, билеты на выступления Ф.И. Шаляпина были распроданы практически молниеносно. Поэтому 6 ноября в газетах появилось объявление о том, что «на днях откроется продажа билетов еще на четыре гастрольные спектакля с его участием. Спектакли начнутся с 7-го января и будут состоять из “Фауста”, “Юдифи”, “Лакме” и “Жизни за Царя”» («Театр и музыка. Театр С.И. Зими́на», 1915). Реализация билетов началась 10 ноября в 10 часов утра, очередь за ними начала формироваться с вечера 9 ноября.

Рис. 2. Афиша Оперы С.И. Зими́на²
Fig. 2. Playbill of the S.I. Zimin Opera²

Афиша (рис. 2) выступлений Ф.И. Шаляпина на сцене «Оперы С.И. Зими́на» в сезоне 1915-1916 годов выглядела следующим образом:

23 ноября (1 аб.); 11 января – «Жизнь за царя» М.И. Глинки.

25 ноября (2 аб.); 29 января; 17 февраля – «Севильский цирюльник» Дж. Россини.

27 ноября; 4 декабря; 9, 18 января – «Юдифь» А.Н. Серова.

30 ноября (3 аб.); 2 и 7 декабря; 7 (4 аб.), 15, 25 января; 8 февраля – «Фауст» Ш. Гуно.

13 января – «Моцарт и Сальери» Н.А. Римского-Корсакова и сцена в корчме из «Бориса Годунова» М.П. Мусоргского.

20, 22 января; 5, 10, 19 (утро) февраля – «Вражья сила» А.Н. Серова.

31 (утро) января; 3, 12, 15, 21 февраля – «Борис Годунов» М.П. Мусоргского.

К гастролям Ф.И. Шаляпина труппа С.И. Зими́на стала готовиться уже во второй половине октября, тогда начались репетиции опер А.Н. Серова «Вражья сила» и «Юдифь».

² Иллюстрации с афишами и фотографиями Ф.И. Шаляпина в театральных костюмах взяты из открытых источников сети Интернет. / Illustrations with posters and photographs of F.I. Chaliapin in theatrical costumes were taken from open Internet sources.

Первое выступление артиста состоялось 23 ноября 1915 года. Федор Шаляпин исполнил роль Ивана Сусанина в произведении М.И. Глинки «Жизнь за царя».

Спектакль прошел с большим успехом. Зрительный зал был переполнен. Помимо Ф.И. Шаляпина в постановке приняли участие ведущие артисты Оперы С.И. Зимина: Т.И. Сабанеева (Антонида), В.П. Дамаев (Собинин), Ю. Корсакова (Ваня) и др.

После окончания представления состоялось чествование Федора Ивановича. Вот что по этому поводу писали в московской прессе: «От С.И. Зимина артисту было поднесено блюдо художественной работы с надписью: “Великому певцу земли русской Федору Шаляпину”. От артистов труппы – лавровый венок с белыми лентами, на которых была надпись: “Гениальному артисту и великому учителю Ф.И. Шаляпину”» (Бэн, 1915: 5). Артист Николай Сперанский прочел памятный поздравительный адрес, который украсил заставкой молодой художник Оперы Иван Малютин.

Антрепренер в своем дневнике записал: «Ф.И. [Шаляпина] чествовала вся моя труппа при открытом занавесе. Н.И. Сперанский в своей речи подчеркнул, что 19 лет назад Ф.И. [Шаляпин] впервые выступил в партии того же Сусанина, что пел и сегодня, 19 лет назад в Мамонтовской опере на этой же сцене. Это дало повод Ф.И. [Шаляпину] обратить внимание на то, что С.И. [Мамонтов] здесь, и получился трогательный момент, когда он обратился к сидевшему скромно в 3 ряду С.И. [Мамонтову]: “Савва Иванович, я глубоко обрадован, что вижу Вас здесь, будьте добры, пожалуйста на минуточку на сцену, я хочу Вас расцеловать”. Смущенный, растерявшийся от неожиданности С.И. [Мамонтов] при громе аплодисментов всего зрительного зала и артистов... прошел за кулисы того театра, коего он был родоначальником и через минуточку вместе с Шаляпиным появился на сцене. Много я слышал оваций, но такой единодушной и не припомню. Все слились в одном чувстве благодарности великому старику. <...> И когда Ф.И. Шаляпин, оперный “блудный сын” С.И. [Мамонтова], облобызал его, то овация достигла своего апогея, все в зрительном зале встали с своих мест и кричали “браво” родителю-основателю частной оперы»³.

25 ноября на сцене театра С.И. Зимина шла опера Дж. Россини «Севильский цирюльник», где Шаляпин блистал в роли Дона Базилио. Его партнерами по сцене были артисты антрепризы: С.П. Юдин (Альмавива), Е.И. Попова (Розина), М.В. Бочаров (Фигаро), К.И. Чугунов (Бартоло) и др. Дирижировал оркестром Е.Е. Плотников. Современники отмечали, что в этот вечер голос певца звучал превосходно. Ария «Клевета» покорила публику, после ее исполнения зрительный зал взорвался аплодисментами, Ф. Шаляпина не отпускали со сцены, пока он еще раз не исполнил этот фрагмент оперы.

Спектакли с участием Федора Ивановича пользовались большим успехом у зрителей и каждый раз проходили в переполненном зале. Сам артист довольно критично относился к своей творческой деятельности. Он вел специальную записную книжку, где делал пометки, выставляя сам себе оценки за каждое выступление. Так, напротив записи, касающейся исполнения «Севильского цирюльника» у Зимина 25 ноября, Шаляпин написал – «великолепно» (Силентьева, 1997: 23).

В газете «Московский листок» сообщалось, что опера Дж. Россини шла с некоторыми изменениями, которые были внесены согласно указаниям Шаляпина (Ш., 1915). Нужно заметить, что артист часто менял некоторые детали в операх, а иногда настаивал даже на исключении целых сцен, добиваясь большей выразительности представления.

27 ноября артист выступил в роли Олоферна в опере «Юдифь». Зрительный зал так же, как в предыдущий вечер, был переполнен. Для возобновления этого произведения Зимин дал задание своим художникам обновить декорации и бутафорию, а для 2 и 3 актов – изготовить

³ Российский национальный музей музыки, Ф. 355 «[Воспоминания С.И. Зимина. 1939.08.06-12.17]», № 38, Л. 6-8.

новые. Партнерами Шаляпина по сцене были Е. Ивони (Юдифь), С. Юдин (Вагоа), Е. Попова (1 одалиска), К. Запорожец (Озия) и др. Федор Иванович так оценил в дневнике свое выступление в этом спектакле: «великолепно, но кашлял» (Силентьева, 1997: 23).

Рис. 3. Ф. Шаляпин в образе Олоферна. Опера А. Серова «Юдифь»
Fig. 3. Chaliapin as Holofernes. A. Serov's opera "Judith"

Образ Олоферна (рис. 3), который певец создавал на сцене, был поразительным. В нем удивляло все, начиная от грима и рисунка роли, заканчивая актерской работой в паузах. В этой партии талант артиста раскрывался в полной мере. Тенор Оперы С.И. Зимина и партнер Шаляпина во время его гастролей Сергей Петрович Юдин вспоминал: «Когда я в первый раз увидел Шаляпина в гриме Олоферна, то это был не просто мастерски сделанный грим, это было произведение искусства» (Юдин, 1977: 263). Такое впечатление вполне закономерно. Ведь в создании этого образа и рисунка роли певцу помогал его друг Валентин Серов. В конце 1890-х годов они вместе разработали облик ассирийского полководца, именно художник предложил Шаляпину гримировать руки, чтобы придать им сходство с барельефом. Рождение образа Олоферна началось с того, что артист тщательно изучил альбомы с произведениями искусства Месопотамии. Именно увиденные там рельефы натолкнули его на мысль «оживить» скульптуру. Эту идею живо подхватил и Валентин Александрович: «Серов во время одной из бесед о предстоящей постановке блестяще сымпровизировал, изобразив, как ассирийский царь пьет и ходит. Шаляпин продолжил импровизацию, показав, как по его представлению, Олоферн мог возлечь на ложе с чашей в руке» (Раскин, 1963: 60). Впоследствии, уже работая в других театрах, Федор Иванович продолжал совершенствовать своего Олоферна, постоянно дорабатывая грим и рисунок роли. Вот так на протяжении многих лет складывался один из самых блистательных образов в русской опере.

С середины 1910-х годов Шаляпин начал много внимания уделять общему сценическому воплощению спектакля. Он довольно часто давал настоятельные рекомендации своим коллегам по сцене, как следует исполнять ту или иную партию. Во время своих выступлений Шаляпин придерживался самой высокой планки, которой только мог достичь. Он был требовательным не только к себе, но и к своим партнерам, желая, чтобы все равнялись по нему. Зимин по этому поводу писал о Шаляпине: «Сам сидит часами на репетициях, болеет, когда что-нибудь у исполнителя не удастся, сам показывает, и не мудрено, что кое-когда нервы у него не выдерживают, и он прорвется. Все ему можно простить ввиду того, как радуется он за свое дело. Всем бы следовало у него учиться» (Зимин, 2013: 274).

Сергей Юдин так вспоминал о своей работе с Шаляпиным: «“Индийская песнь” Вагоа была мне по голосу и, по-видимому, удавалась. На репетициях Шаляпин уделял ей особое внимание и упорно убеждал меня петь как можно легче и прозрачнее по звуку. Здесь у него,

конечно, были два соображения. Во-первых, ему нравилось именно такое исполнение этой тонкой, стильной песни. Во-вторых, непосредственно вслед за ней идет “Воинственная песнь” Олоферна, мужественный, сильный характер которой не может не выиграть, если предшествующая ей песня евнуха прозвучит с особо подчеркнутой мягкостью, нежностью» (Юдин, 1977: 265). Добиваясь целостного художественного образа спектакля, как уже упоминалось выше, Шаляпин довольно часто вносил в представление изменения или перестановки. Так, например, для своего гастрольного выступления в «Юдифи» он несколько перестроил финальную сцену, сократив монолог главной героини после убийства Олоферна до одного восклицания имени ее служанки: «– Авра!». Так он поступил, чтобы напряжение, которое создается артистами, в заключительной части оперы не рассеивалось, а напротив – стремительно обрывалось. Таким образом, все творческие силы исполнителей и художественные средства выразительности, по замыслу Шаляпина, должны быть направлены на создание гармоничного и целостного образа спектакля.

Пресса очень лестно отозвалась о постановке «Юдифи» на сцене Оперы С.И. Зимина. Газетный обозреватель Г. Чарыхин писал о роли Олоферна: «Партия эта одна из тех, в которых громадный талант г. Шаляпина раскрывается во всей своей потрясающей силе, в которой ему есть где показать и голос, и замечательное сценическое дарование» (Г., 1915). Он обращает внимание читателя на тот факт, что с годами артист все так же великолепно, с потрясающей экспрессией исполняет эту роль. Но при этом рецензент отмечает: «И все-таки не весь интерес спектакля исчерпывается участием в нем Шаляпина. Опере Серова даны были такая тщательная постановка и такой отличный состав исполнителей, которые даже рядом с поглощающим все внимание исполнением Шаляпина все же оказались способны привлечь и к себе не последнюю долю внимания и интереса» (Г., 1915). В числе понравившихся ему артистов Чарыхин называет Е. Ивони, великолепно исполнявшую партию Юдифи, С. Юдина, спевшего Вагоа. Отдельной похвалы критик удостоил музыкантов оркестра и хор, «исполнение которого подкупало не только хорошей звучностью, но и большой выразительностью, способностью отзываться на драматические ситуации оперы» (Там же). На основании этой рецензии можно сделать вывод относительно того, что Опера С.И. Зимина по праву считалась ведущим частным театром Москвы. Эта антреприза располагала выдающимися артистическими силами, способными создать не только достойный, но и художественно-гармоничный ансамбль такому выдающемуся исполнителю, как Федор Шаляпин.

30 ноября, в рамках 3-его абонемена, состоялось представление оперы Ш. Гуно «Фауст». Как и прежде, спектакль прошел с большим успехом, публика неистово аплодировала, многократно вызывая на сцену Шаляпина-Мефистофеля, а также Н. Степанову-Шевченко, исполнившую партию Маргариты. Федор Иванович по несколько раз спел все популярные арии оперы на бис.

7 декабря у С.И. Зимина еще раз поставили «Фауста» (рис. 5). Спектакль прошел при полном аншлаге, публика была в восторге. Нужно отметить, что накануне, в ходе репетиции случился конфликт между Шаляпиным и Юдиным (рис. 4). Это происшествие не осталось без внимания прессы. В журнале «Рампа и жизнь» была опубликована заметка «Инцидент», где автор, скрывший свое имя под псевдонимом L., обратил внимание читателей на «новую выходку Шаляпина» (L., 1915). Вот что сообщалось в статье по этому поводу: «Г. Юдин выучил текст оперы по юргенсоновскому клавиру, а в этом тексте имеется следующая замечательная фраза: “Молчи, злой дух, оставь на совести (?) мое преступление и позор” ... Эта “реникса” вывела из себя Шаляпина, и он сказал молодому тенору, что, кроме юргенсоновского клавира, не мешает иметь еще и “собственные мозги”» (L., 1915). Становится очевидным, что партнерство этих артистов в опере «Фауст» не задалось – одно досадное недоразумение сменялось другим. Так, во время репетиций оперы, когда Шаляпин

однажды опоздал на весьма значительное время, Юдин, как и другие артисты, был раздражен. Певец явился на сцену без грима и костюма и потребовал тут же начать репетицию.

Рис. 4. С.П. Юдин. 1915 г., место создания Москва (М. Сахаров и П. Орлов), 13,6х8,6.

Музей Государственного академического Большого театра России

Fig. 4. S.P. Yudin. 1915, Moscow (M. Sakharov and P. Orlov), 13.6 x 8.6 cm.

Museum of the State Academic Bolshoi Theater of Russia

Вот как этот случай описывает Михаил Жаров: «Юдин запел в полный голос или почти полный. Появился Мефистофель-Шаляпин и запел вполголоса. Тогда Юдин быстро перестроился и тоже начал мурлыкать. Шаляпин его останавливает и говорит:

– Молодой человек, пойте громче, я вас не слышу.

Юдин ему отвечает:

– И я вас не слышу.

– Хорошо! – сказал Шаляпин.

И тот и другой усиливают голос, но уже видно, что злятся. Атмосфера репетиции накаляется. Потом Шаляпин, стоя на сцене в шубе и шапке, говорит Юдину:

– Голубчик, перейдите-ка лучше сюда.

– Меня зовут Сергей Петрович! И стоять я буду здесь, а вы стойте, где хотите!

И вообще... <...> Юдин, покраснев, как рак, выхватывает шпагу из ножен и со словами: “И вообще я нигде стоять не буду, потому что не желаю с Вами петь”, – пускает шпагу из одного конца сцены в другой, прямо под ноги Шаляпину. Шаляпин поднимает огромную ножищу, обутую в фетровый бот, и грациозно наступает на шпагу. Юдин еще что-то кричит и убегает за кулисы» (Жаров, 1977: 417).

Но, несмотря на эту конфликтную ситуацию, спектакль прошел с большим успехом. Все свои самые известные партии Шаляпин бисировал по настоятельным просьбам восторженной публики. В антракте на сцену был вызван Сергей Зимин, которого зрители горячо приветствовали в знак своей благодарности за то, что он предоставил им возможность наслаждаться голосом любимого исполнителя. После окончания спектакля артисту было

преподнесено несколько пачек сигарет для раненых солдат, находящихся на излечении в организованном им госпитале.

Рис. 5. Ф. Шаляпин в образе Мефистофеля. Опера Ш. Гуно «Фауст»
Fig. 5. Chaliapin as Mephistopheles. Ch. Gounod's opera "Faust"

«Фауст» стал последней оперой в гастроях Шаляпина на сцене зиминского театра в 1915 году. Он принял участие в 7 спектаклях. 8 декабря 1915 года певец уехал в Петроград, где был запланирован его ангажемент в Народном доме.

В начале января Шаляпин вернулся в Москву, чтобы продолжить свои выступления в Опере С.И. Зимина. Согласно контракту, спектакли с его участием были намечены до 17 февраля.

7 января вниманию зрителей была предложена опера Ш. Гуно «Фауст», которая шла для 4 абонементов, состав исполнителей был тот же, что и 7 декабря 1915 года.

Желание публики попасть на спектакль с участием Шаляпина было огромным. Когда билеты было невозможно достать даже у перекупщиков, в ход шла смекалка. Особо страстные меломаны подкупали старших над статистами, чтобы выйти на одну сцену со своим кумиром. Пользовались этой лазейкой и работавшие в театре сотрудники. В своих воспоминаниях художник Василий Комарденков так писал относительно своего участия в спектакле «Фауст»: «Одев костюм, стою на сцене рядом с Шаляпиным <...> Когда он пел арию “На земле весь род людской...”, делалось страшно, хотя сцена залита светом и кругом народ, Шаляпин превращался в духа зла, глаза его сверкали, жесты его были скупы, но идеально выразительны. Могущество голоса, мимика заставляли верить, что перед тобой какая-то неземная сила. Все на сцене и в зале замирали и ждали какого-то чуда» (Комарденков, 1972: 44).

Билеты на спектакли с участием Федора Ивановича поступали в кассы небольшими блоками на 4 представления. 9 января 1916 года была открыта продажа мест на оперы: «Юдифь» (18 января), «Вражья сила» (20 и 22 января), «Фауст» (25 января).

Специально для гастролей Шаляпина Опера С.И. Зимина поставила произведение Н.А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Оно было показано публике 13 января. В качестве дополнения к нему шел отрывок из оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов» – сцена «В корчме».

Вспоминая о подготовке к этому спектаклю, С. Юдин, который исполнял роль Моцарта, упоминал, что он сильно переживал из-за того, что первые репетиции оперы были назначены буквально за несколько дней до премьеры. Он писал: «День выступления приближался стремительно. Я же никогда не видел и не слышал этой оперы и представления не имел, как будет она выглядеть на сцене. Клавиры я изучил внимательно, партии (не только свою, но и Сальери) усвоил крепко; однако когда же будет репетиция?! И, наконец, почти что накануне премьеры, за день-два до нее, она была назначена, но не сценическая, а сразу оркестровая. <...> репетиция прошла уверенно, спокойно: Шаляпин был в чудесном настроении, держался во всем доброжелательно и ровно. Без всякой обстановки на сцене, без всяких мизансцен мы провели обе картины; мною он, по-видимому, остался удовлетворен и не сделал никаких замечаний» (Юдин, 1977: 265-266). После того как Юдин и Шаляпин пропели свои партии, они остались на сцене, чтобы отработать свои роли с точки зрения актерской игры. Федор Иванович предложил поменяться героями, чтобы показать, как он видит образ Моцарта. «Не думайте, что я хочу вам что-нибудь навязать, нет! Вы только посмотрите, что бы сделал я, если бы был на вашем месте! Я сыграю Моцарта, как я себе его представляю, и, может быть, вам что-то понравится, запомнится...» (Юдин, 1977: 266). Исполнение Шаляпина произвело впечатление на Юдина: «...показ, по-видимому, был так хорош, так убедителен и ясен, что я, увидя в нем основу образа, отлично понял, что мне нужно делать и как держаться» (Юдин, 1977: 265-266). Таким образом, работая вместе со всемирно известным исполнителем, Сергей Петрович оттачивал свое актерское мастерство.

13 января 1916 года, в день премьеры оперы «Моцарт и Сальери», Федор Иванович был не совсем здоров, но, тем не менее, недомогание не помешало ему исполнить роль Сальери на высоком профессиональном уровне. В своей записной книжке напротив спектакля «Моцарт и Сальери» он поставил пометку – «очень хорошо», а «Сцену в корчме» оценил как «великолепно». Нужно отметить, что исполненное в этот день произведение Н.А. Римского-Корсакова основано на речитативе, а это значит, артисты должны владеть не только шириной пения, но и навыком хорошо говорить нараспев. Г. Чарыхин писал: «Поставленный волею композитора в эти тесные рамки, г. Шаляпин также смог показать себя только с одной стороны, а именно – со стороны только ему одному свойственной выразительности музыкальной фразы и необычайной отчетливости произношения. В этом отношении исполнение г. Шаляпиным партии Сальери представляет верх совершенства, недостижимого ни для кого другого из современных артистов. Но эти достоинства исполнения для большой публики мало понятны. Она больше ценит моменты широкого пения и сильной драматической игры. Отсюда – замечавшаяся неудовлетворенность слушателей этим спектаклем» (Г. Ч., 1916). Свидетельством еще одного проявления шаляпинских талантов и подтверждением насыщенного и внимательного общения мастеров остался выполненный в эти дни выразительный портрет (рис. 6).

19 января была объявлена продажа билетов на следующие спектакли с участием Шаляпина: «Севильский цирюльник» (29 января) и «Борис Годунов» (31 января).

20 января 1916 года гастроль артиста продолжились постановкой оперы А.Н. Серова «Вражья сила». Театр был переполнен. Шаляпин блистательно работал на сцене. Как сообщали «Московские ведомости», «свою партию артист во втором акте провел художественно и дал яркий, выпуклый образ. Песню о “Широкой масленице” в последней части артист по требованию публики повторил. В антракте г. Шаляпин почувствовал себя больным и отказался от продолжения спектакля» («Солодовниковский театр», 1916: 4). Зимин вышел к публике и предложил всем желающим вернуть деньги за билеты или же пройти по ним на представление, которое состоится позже. Запланированный повторный показ прошел с большим успехом при аншлаге. В прессе появились восторженные отклики критиков. Так, например, Н.Н. Куров, который был невысокого мнения о художественных достоинствах

музыки «Вражьей силы», с восторгом отзывался об образе Еремки, созданном Шаляпиным. Критик писал: «Он доделал то, что не в силах был сделать автор музыки в области гибкости и верной декламации мелодического речитатива <...> Еремка-Шаляпин с первых же слов приковывает к себе ваше внимание. Приковывает тем, я бы сказал, идеальным ритмом в игре, которым наделен Шаляпин. Вспомните знаменитую сцену Петра и Еремки в 3-ем действии. С самого начала отъезда Груни и до конца сцены артист дает разнообразнейшую смену нюансов. Каждая пауза угадана и верно подготавливает следующую затем фразу. Вспомните, как из ленивого, ничемного разговора артист с величайшим мастерством и вдохновением переходит к кульминационному пункту – к дуэту “Твоему горю помогу”, где Еремка является уже своеобразным русским Мефистофелем» (Куров, 1916: 11).

Рис. 6. Портрет С.И. Зимины работы Ф.И. Шаляпина. 15 января 1916. Бумага на картоне, уголь. 42.1x32,3. Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина
Fig. 6. Portrait of S.I. Zimin by F.I. Chaliapin. January 15, 1916. Paper on cardboard, charcoal. 42.1 x 32.3 cm. A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum

27 января 1916 года, согласно афише гастролей, Шаляпин должен был выступить в опере «Юдифь». Но спектакль не состоялся по причине плохого самочувствия певца. Публика заблаговременно не была об этом оповещена, поэтому около театра скопилось большое количество людей, пытавшихся выяснить причины и подробности отмены. Дирекция театра перенесла постановку на масленичную неделю, объявив, что уже проданные места будут действительны. Единственное, их необходимо обменять с доплатой. Дополнительные расходы были связаны с тем, что с 1 февраля 1916 года был увеличен налог на театральные билеты. Всем желающим вернули деньги в полном объеме. Билеты, которые не были обменяны или сданы в кассу, по распоряжению администрации театра признавались недействительными и места по ним вновь поступили в реализацию.

30 января была открыта продажа мест на очередную часть спектаклей с участием Шаляпина: «Борис Годунов» (3 и 12 февраля), «Вражья сила» (5 и 10 февраля), «Фауст» (8 февраля).

31 января утром специально для гастролей Федора Ивановича в Опере С.И. Зимина был возобновлен «Борис Годунов» (рис. 7). Накануне премьеры состоялась репетиция, которая прошла без участия Шаляпина. Но уже на генеральном прогоне, на котором присутствовал и Зимин, знаменитый бас выступил и даже принял участие в постановке некоторых мизансцен. Спектакль был назначен на утро, но театр все равно был переполнен, публика принимала своего любимца восторженно. Помимо Шаляпина в постановке участвовали Н. Кошиц, С. Дамаев, Н. Сперанский и др.

Рис. 7. Ф. Шаляпин в образе Бориса Годунова. Опера М.П. Мусоргского «Борис Годунов»
Fig. 7. Chaliapin as Boris Godunov. M.P. Mussorgsky's opera "Boris Godunov"

В начале февраля зиминский театр открыл продажи билетов на очередную часть спектаклей Шаляпина: «Борис Годунов» (15 и 21 февраля), «Севильский цирюльник» (17 февраля), «Вражья сила» (19 февраля).

Согласно афише, 15 февраля артист выступал в роли царя Бориса Годунова в одноименной опере М. Мусоргского. Как и во всех предыдущих случаях, певец был великолепен, его многократно вызывали на бис, а после 3 акта поклонники преподнесли ему лиру, сделанную из лавровых листьев и цветов, которые были скреплены лентами пунцового цвета с надписями: «Титану сцены» и «Обновителю русского искусства».

Утром 21 февраля 1916 года состоялась прощальная гастроль Шаляпина, для которой была выбрана опера «Борис Годунов». Спектакль прошел при полном аншлаге. «Артист был в ударе и великолепно пел. Публика принимала его восторженно и вызывала по нескольку раз. Между прочим от С.И. Зимина артист получил роскошную лиру» («Хроника», 1916: 11), – писали на страницах журнала «Рампа и жизнь». Тем же вечером исполнитель уехал в Петроград, где с 29 февраля начинались его выступления в Народном доме.

В связи с гастролями Шаляпина на сцене Оперы С.И. Зимина часто упоминалось, что спектакли с его участием имели шумный успех. Масштаб триумфа певца можно зримо себе представить, ознакомившись с воспоминаниями М. Жарова: «Двадцать раз актер выходил в гриме на аплодисменты зала. Что это, колоссально? Да, но еще не все. Затем раз десять выходил в костюме, уже после того как успел снять грим и парик. Зал продолжал греметь овацией. Затем Шаляпин выходил в халате и раскланивался семь-восемь раз. Потом снова уходил в свою уборную.

– Спа-си-бо! Спа-си-бо! Ша-ля-пин! – продолжал скандировать зал. И он – властелин чувств человеческих – показывался уже в вечернем костюме, в котором он ехал в ресторан, ибо он обязательно после каждого спектакля уезжал в ресторан ужинать. Казалось бы, все, но публика не унималась, требуя снова и снова выхода своего любимца на сцену. Между выходами аплодировали по очереди, группами – то здесь, то там, а когда появлялся артист, по залу пронеслся вихрь. Так еще пять-семь раз. Наконец Шаляпин появлялся на сцене в своей знаменитой поддевке, с закрученным вокруг шеи красным шарфом, в ботищах и перчатках. Он шел к рампе, низко кланялся и говорил:

– Благодарю, братцы! Благодарю!» (Жаров, 1977: 420-421).

Окрыленный ошеломительным успехом выступлений выдающегося русского исполнителя, Зимин заключил договор с Резинковым на гастроли Шаляпина в будущем сезоне. Артист дал согласие участвовать в четырех абонементных (по шесть спектаклей в каждом) и помимо этого в 26 гастрольных спектаклях.

Выступления знаменитого баса на сцене Оперы С.И. Зимина стали яркой страницей в культурной жизни Москвы в военное время. Шаляпин в очередной раз зарекомендовал себя блистательным певцом, не просто стремившимся хорошо исполнить свою арию, но и создать на сцене масштабный художественный образ, впечатление от которого оставалось у зрителей на долгие годы.

Подводя итоги сезона 1915-1916 годов, можно с большой уверенностью сказать, что он стал временем настоящего триумфа для Оперы С.И. Зимина. Гастроли таких выдающихся исполнителей, как Ф. Шаляпин, Л. Собинов, принесли театру не только художественный, но и материальный доход. В газете «Московские ведомости» было отмечено, что за сезон «Опера С.И. Зимина» получила валовую сумму сбора в размере 500 000 рублей (Е., 1916). Несмотря на тяжелые времена это открывало прекрасные перспективы для дальнейшего развития театра и создания на его сцене высокохудожественных постановок.

Источники

Российский национальный музей музыки, Ф. 355 «Книга воспоминаний и дневник С.И. Зимина №[5]. [Т.], [1934.08.10-1936.06.31]».

Российский национальный музей музыки, Ф. 355 «[Воспоминания. 1939.08.06-12.17]».

Литература

- Бэн (1915), «Шаляпин», *Московские ведомости*, 270 (24 ноября), 4.
Г. (1915), «Возобновление Юдифи», *Московские ведомости*, 278 (3 декабря), 4.
Г. Ч. (1916), «Гастроли Ф.И. Шаляпина», *Московские ведомости*, 12 (16 января), 4.
Е. (1916), «Театр и музыка. Опера С.И. Зимина», *Московские ведомости*, 88 (17 апреля), 4.
Жаров, М. И. (1977), «Ф.И. Шаляпин», *Федор Иванович Шаляпин: В 3 т. Т. 2: Воспоминания о Шаляпине*, Искусство, Москва, 414-423.
Зимин, С. И. (2013), *Записки оперного антрепренера*, Поколения, Москва.
История Оперы С.И. Зимина. 1903–1917 гг. (2005), Поколения, Москва.
Комарденков, В. П. (1972), *Дни минувшие*, Советский художник, Москва.
Куров, Н. (1916), «Вражья сила», *Рампа и жизнь*, 5 (31 января), 10-11.
Раскин, А. Г. (1963), *Шаляпин и русские художники*, Искусство, Ленинград; Москва.

- Силентьева, И. (1997), Шаляпин, каким его знали книги: (К 125-летию со дня рождения), Сфера, Москва.
- «Солодовниковский театр» (1916), *Московские ведомости*, 16 (21 января), 4.
- «Театр и музыка. Театр С.И. Зимина» (1915), *Московские ведомости*, 256 (6 ноября), 4.
- Федор Иванович Шаляпин: В 3 т. Т. 1: Литературное наследство. Письма (1976), Искусство, Москва.
- «Хроника» (1915), *Рампа и жизнь*, 33 (16 августа), 6-7.
- «Хроника» (1916), *Рампа и жизнь*, 9 (28 февраля), 10-13.
- Ш. (1915), «Опера С.И. Зимина», *Московский листок*, 271 (26 ноября), 3.
- Юдин, С. П. (1977), «Ф.И. Шаляпин в партиях Олоферна и Сальери», *Федор Иванович Шаляпин: В 3 т. Т. 2: Воспоминания о Шаляпине*, Искусство, Москва, 263-268.
- Л. (1915), «Инцидент», *Рампа и жизнь*, 49 (6 декабря), 8.

Sources

- Russian National Museum of Music*, F. 355 “Zimin, S. I. (1934-1936), “Book of memories and diary of S.I. Zimin”.
- Russian National Museum of Music*, F. 355 “Zimin, S. I. (1939), [Memories]”.

References

- Ben (1915), “Shalyapin”, *Moskovskie vedomosti* [Moskovskie Vedomosti], 270 (24 November), 4 (in Russ.).
- “Chronicle” (1915), *Rampa i zhizn* [Ramp and life], 33 (16 August), 6-7 (in Russ.).
- “Chronicle” (1916), *Rampa i zhizn* [Ramp and life], 9 (28 February), 10-13 (in Russ.).
- E. (1916), “Theatre and Music. Opera by S.I. Zimin”, *Moskovskie vedomosti* [Moskovskie Vedomosti], 88 (17 April), 4 (in Russ.).
- Fedor Ivanovich Shalyapin: V 3 t. T. 1: Literaturnoe nasledstvo. Pis'ma* (1976) [Feodor Ivanovich Chaliapin: In 3 vols. Vol. 1: Literary Heritage. Letters], Iskusstvo, Moscow, USSR (in Russ.).
- G. (1915), “Revival of ‘Judith’”, *Moskovskie vedomosti* [Moskovskie Vedomosti], 278 (3 December), 4 (in Russ.).
- G. Ch. (1916), “Tours of F.I. Chaliapin”, *Moskovskie vedomosti* [Moskovskie Vedomosti], 12 (16 January), 4 (in Russ.).
- Istoriya Opery S.I. Zimina* (2005) [The History of the S.I. Zimin Opera], Pokoleniya, Moscow, Russia (in Russ.).
- Komardenkov, V. P. (1972), *Dni minuvshie* [Bygone Days], Sovetskiy khudozhnik, Moscow, USSR (in Russ.).
- Kurov, N. (1916), “The Power of the Fiend”, *Rampa i zhizn* [Ramp and life], 5 (31 January), 10-11 (in Russ.).
- L. (1915), “The ‘Inciden’”, *Rampa i zhizn* [Ramp and life], 49 (6 December), 8 (in Russ.).
- Raskin, A. G. (1963), *Shalyapin i russkie khudozhniki* [Chaliapin and Russian Artists], Iskusstvo, Leningrad; Moscow, USSR (in Russ.).
- Sh. (1915), “Opera by S.I. Zimin”, *Moskovskiy listok* [Moscow Paper], 271 (26 November), 3 (in Russ.).
- Silentyeva, I. (1997), *Shalyapin, kakim ego znali knigi: (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Chaliapin as he was known in books: (On the 125th anniversary of his birth)], Sfera, Moscow, Russia (in Russ.).
- “Solodovnikov Theater” (1916), *Moskovskie vedomosti* [Moskovskie Vedomosti], 16 (21 January), 4 (in Russ.).
- “Theater and Music. S.I. Zimin Theater” (1915), *Moskovskie vedomosti* [Moskovskie Vedomosti], 256 (6 November), 4 (in Russ.).
- Yudin, S. P. (1977), “F.I. Chaliapin in the roles of Holofernes and Salieri”, *Fyodor Ivanovich Shalyapin: V 3 t. T. 2: Vospominaniya o Shalyapine* [Feodor Ivanovich Chaliapin: In 3 vols. Vol. 2: Memories of Chaliapin], Iskusstvo, Moscow, USSR, 263-268 (in Russ.).
- Zharov, M. I. (1977), “F.I. Chaliapin”, *Fyodor Ivanovich Shalyapin: V 3 t. T. 2: Vospominaniya o Shalyapine* [Feodor Ivanovich Chaliapin: In 3 vols. Vol. 2: Memories of Chaliapin], Iskusstvo, Moscow, USSR, 414-423 (in Russ.).

Zimin, S. I. (2013), *Zapiski opernogo antreprenera* [Notes of an Opera Impresario], Pokoleniya, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Гордеева Марина Николаевна, кандидат искусствоведения, главный библиограф, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, ул. Мясницкая, д. 21, Москва, 101000, Россия; *ladigeza@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Marina N. Gordeeva, Candidate of Art History, Chief Bibliographer, Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, 21 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia; *ladigeza@yandex.ru*

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 101.8

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-6

Орлова Д. Д. | «Философия для детей» как форма практической философии

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
Orlova_dd@bsuedu.ru

Аннотация. В работе рассматриваются ключевые этапы становления и распространения движения «Философия для детей» (М. Липман) в различных странах, описываются ведущие организации и институты, поддерживающие и развивающие это направление. Особое внимание уделяется разнообразию методологических подходов, включая классические материалы Института по развитию философии для детей (IAPC), интеграцию художественной литературы и философских игр. Анализируются современные образовательные технологии, цифровые ресурсы и формы практической реализации философии в школе, а также ее роль в формировании критического и этического мышления у детей. Статья подводит к выводу о том, что философия, реализуемая в формате «Философии для детей», выступает не как дополнительный учебный предмет, а как гуманитарная практика, способная качественно трансформировать саму образовательную среду. Она меняет парадигму: от монологической передачи знаний к совместному исследованию и диалогу; от ориентации на результат к ценности мыслительного процесс; целенаправленно формируя интеллектуальную автономию, критическую рефлексивность, этическую чуткость и диалогические компетенции, тем самым готовит человека не к усвоению информации, а к осмысленной, ответственной и творческой жизни в современном мире.

Ключевые слова: образование; «Философия для детей»; практическая философия; критическое мышление; диалог

Для цитирования: Орлова, Д. Д. (2026), ««Философия для детей» как форма практической философии», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 180-188. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-6

D. D. Orlova | Philosophy for Children as a Form of Practical Philosophy

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia;
Orlova_dd@bsuedu.ru

Abstract. The article explores the origins, development, and contemporary significance of the Philosophy for Children (P4C) movement as a form of practical philosophy. Starting from Matthew Lipman's pioneering work in the 1970s, it traces the establishment of international centers and organizations such as the Institute for the Advancement of Philosophy for Children (IAPC), that have contributed to the global dissemination of philosophical education for children. The study highlights diverse methodological approaches, including the integration of literature, philosophical dialogue, and games, as well as the role of digital technologies in expanding access to P4C practices. Particular attention is given to the implementation of P4C in different cultural contexts, including Russia, where the movement has been adapted to local educational traditions. The article argues that P4C is not merely an additional school subject, but a transformative humanistic practice. It shifts the educational paradigm from a monologue of knowledge transmission to collaborative inquiry and dialogue, and from a focus on outcomes to valuing the thinking process itself. This approach cultivates intellectual autonomy, critical reflection, ethical sensitivity, and dialogical competencies in children. Ultimately, P4C is presented as a flexible pedagogical model that prepares individuals not merely to assimilate information, but for a life of meaningful, responsible, and creative engagement with the modern world.

Keywords: education; Philosophy for Children; practical philosophy; critical thinking; dialogue

For citation: Orlova, D. D. (2026), "Philosophy for Children as a Form of Practical Philosophy", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 180-188. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-6

Свобода мысли требует ответственности, и именно ответственность за свои мысли и действия необходимо воспитывать в новом поколении. «И к истинному благу ведет вас природное стремление, но от него уводят многочисленные заблуждения» (Боэций, 1990: 227). Чтобы дети не становились жертвой таких заблуждений в эпоху избытка информации, заботится школа. Однако она за последние десятилетия все больше придерживается информационного метода, отдаляясь от проблемного. Еще столетие назад Джон Дьюи, размышляя о сущности образования, предостерегал: «В школьном образовании чересчур полагаются на книги и беседы <...> школы должны полнее опираться на совместную деятельность учащихся, в которой последние могли бы понять социальный смысл собственных способностей...» (Дьюи, 2000: 43). К сожалению, этот диагноз остается актуальным. Если мы хотим, чтобы человек продолжал обучаться на протяжении всей жизни (что стало популярной тенденцией), то в первую очередь, еще со школьных лет, ребенка необходимо научить мыслить самостоятельно, критически и творчески, в детях необходимо воспитывать рефлексивные модели поведения. «...Сегодня, так же как во времена Сократа или Марка Аврелия, некоторое количество принципов, направлявших повседневную жизнь этих философов, могли бы помочь и нам в жизни «более сознательной, более рациональной, более открытой для других и для безмерности мира.»» (Адо, 2005: 17).

Этот запрос закономерно обращает нас к философии, но не в ее академическом, а в жизненно-практическом измерении. В этом контексте философия предстает не как теория, а как практика осмысленной жизни: «Сама философия является практикой и выступает как жизненный проект, задающий наиболее общее направление сознательной деятельности человека» (Гусейнов, 2023: 5). «Человек как живое разумное существо является, не может не

быть практикующим философом» (Там же: 18), следовательно, задача заключается в том, чтобы помочь человеку, в том числе и ребенку, осознать себя в этой роли.

Еще на ранних этапах жизни (в возрасте от трех лет) ребенок начинает формировать первичное мировоззрение, знакомясь с окружающим миром. Философия начинается с любопытства, которое, как мы знаем, совершенно не чуждо и трехлетнему ребенку. В дальнейшем интерес перерастает в вопросы, поисками ответов на которые увлечены не только взрослые, но и маленькие дети: «Детская философия – это не просто беседа об окружающем мире, а познание реальности посредством размышлений в формате дискуссионной беседы об окружающем нас мире и выстраивании причинно-следственных взаимодействий между объектами и субъектами окружающей действительности» (Савинова, Лапина, 2021). Принято считать, что уже в возрасте 5-6 лет дети способны овладевать предпосылками критического мышления. Ответы дети пытаются найти в своем ближнем окружении – у родителей, но что интересно, если вместо ответа задать встречный вопрос: «А как бы ты ответил?» – ребенок начнет размышлять и приходить к каким-то выводам, взрослому останется контролировать и направлять этот процесс. «Дети сами будут создавать свои философии и свои методы их производства» (Kohan, 2015: 91), важно признать в философии детский голос, а не просто адаптации взрослых моделей.

«Философия, которая начинается именно с того, о чем ее спрашивают, безгранична в отличие от требований, предъявляемых к наукам. Она – не специальность, не учебная дисциплина в академическом смысле слова» (Ахенбах, 2016: 101), то есть философию можно представить как универсальное теоретическое познание реальности, основанное на рациональном мышлении. «Философствование – это, собственно, и есть размышление о вещах чрезвычайно важных для каждого – о жизни и смерти, свободе и рабстве, любви и ненависти, справедливости, лжи, терпении и т.д.» (Ретюнских, 2019: 199). Философское мышление может стать своего рода фильтром для ребенка при попытках понять мир таким каков он есть.

Философия для детей направлена на развитие критического мышления, формирование умений аргументации, навыков заботы о мнении окружающих, самостоятельности, а также на поддержание детского интереса и развитию творческих способностей: «Перманентность изменений и реальные опасности общественного развития (угроза становления пост-внечеловеческой реальности) актуализируют практико-теоретическую позицию – практическую философию» (Маслов, 2023: 25). Чтобы процесс знакомства ребенка с философией был положительным, необходимо вмешательство взрослого, подготовленного человека.

В США философия официально входит в учебную программу колледжей, но также некоторое введение в философию встречается во многих средних школах в специальных курсах литературы, для учеников, готовящихся к поступлению в колледж. В Европе философия чаще встречается в программах средней школы. В России же философия появляется лишь как предмет высшего и среднего специального образования, которому отводится 1-2 семестра.

«Джон Дьюи, первым предложивший ввести исследовательский метод в школьное обучение, видел ее в подготовке учащихся к решению проблем. В понятие “воспитание” он вкладывал смысл развития в индивидах способности принимать решения и нести за них ответственность» (Юлина, 2005: 45), хотя идея философии как школьной дисциплины была ему чужда – Дьюи считал, что философские методы рационального рассуждения расплывчаты для учебных задач. Но его идеи стали толчком для создания программы «Философия детям», которая «представляет собой межпредметную область, где встречаются педагогика, психология и философия. <...> “Делание философии” представляет собой практику

включения детей в процесс философствования, т. е. творчества концептов» (Ретюнских, 2016: 856) – это деятельностное, практическое понимание философии в свете детства.

«Философия для детей» (P4C) приобрела большую популярность как в странах запада, так и востока (более 80 стран имеют свои центры философии детям). Программа была разработана профессорами Мэтью Липманом и Энн Маргарет Шарп в 70-х годах прошлого века. Международное развитие P4C сопровождалось созданием множества организаций и ресурсов, поддерживающих и развивающих философское образование детей. Главный центр программы – Институт развития философии для детей (IAPC¹), основанный М. Липманом в Монтклере (США), дал начальный импульс нарастания ее популярности: «После небольшого, но интенсивного эксперимента с этой программой (который показал, что детей можно обучать усовершенствованному дедуктивному мышлению без “обучения для проверки”) ряд кандидатов философских наук были обучены для подготовки учителей по всей территории Соединенных Штатов, что они и начали делать в 1970-х годах. К концу десятилетия около 5000 классов в стране использовали эту программу» (Saeed, Rosnani, 2017: 20). В настоящее время институтом руководят Моун Грегори и другие.

Миссии Advancement of Philosophy for Children заключаются в: (1) разработке и поддержке учебных программ философии детям; (2) проведении исследований в области философского образования; (3) издании журналов и публикации материалов. В результате быстрорастущего интереса в 1985 г. был создан Международный совет по философским исследованиям с участием детей (ICPIC), который по сей день спонсирует регулярную международную конференцию, проводившуюся в таких странах как: Австралия, Австрия, Бразилия, Англия, Мексика, Испания (дважды) и Тайвань.

При поддержке Американской философской ассоциации была учреждена организация PLATO² (Philosophy Learning and Teaching), которая функционирует как некоммерческая структура, проводит ежегодные конференции, сотрудничает с Центром философии для детей при Вашингтонском университете, а также выпускает издания *Questions* и *Precollege Philosophy and Public Practice*. В Австралии и Новой Зеландии деятельность координирует федерация FAPSA³ (Federation of Australasian Philosophy in Schools Associations), издающая научный журнал *Journal for Philosophy in Schools*.

В 1992 г. в Великобритании было создано Общество по продвижению философских исследований и размышлений в образовании (SAPERRE⁴), деятельность которого включает разработку учебных курсов, которые уже не ориентируются на специальный философский дискурс, а используют различные материалы, включая рассказы, книги, изображения и фильмы. Society for the Advancement of Philosophical Enquiry and Reflection in Education также занимается обучением учителей, предоставляя курсы и материалы по внедрению P4C в образование, разработкой учебных пособий и руководств по проведению философских занятий с детьми и организацией мероприятий и исследований в области философии для детей, сотрудничая с образовательными учреждениями и правительственными организациями для внедрения программы на национальном уровне.

¹ IAPC – Institute for the Advancement of Philosophy for Children, Montclair State University [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.montclair.edu/iapc/>, свободный, дата обращения: 07.04.2025.

² PLATO – Philosophy Learning and Teaching Organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.plato-philosophy.org/>, свободный. Дата обращения: 07.04.2025.

³ FAPSA – Federation of Australasian Philosophy in Schools Associations [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fapsa.org.au/>, свободный. Дата обращения: 07.04.2025.

⁴ SAPERE – Society for the Advancement of Philosophical Enquiry and Reflection in Education [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sapere.org.uk/>, свободный. Дата обращения: 07.04.2025.

Исследования, посвященные практической пользе «Философии детям», проводимые в США и Великобритании, показали, что программа поспособствовала вовлечению учащихся в учебный процесс, повысила уровень уважения к мнению других и умения ясно выражать свои мысли, также было выявлено положительное влияние на когнитивные навыки. «Есть свидетельства того, что польза от Р4С сохраняется с течением времени. В Шотландии ученики начальной школы, которые изучали Р4С, перешли в среднюю школу, где у них не было такого опыта. Тем не менее, их результаты в тесте на когнитивные способности по-прежнему значительно превосходили результаты контрольной группы» (Topping, Trickey, 2020: 24). Это показывает, что программа способна фундаментально повлиять на развитие ребенка, что особенно полезно в контексте «непрерывного образования», как фундамент, способствующий самостоятельному развитию личности.

В 2007 г. был основан фонд философии (The Philosophy Foundation Hardship), в работу которого входят также исследования в школах. Идеи фонда не сильно отличаются от Липмановских: философия способствует развитию навыков рассуждения, которые являются неотъемлемой частью обучения; философия заслуживает внимания и предстает как увлекательная дисциплина. Для участников проводятся философские встречи, в ходе которых они знакомятся с философскими проблемами – первый шаг, создающий условия для диалога между участниками. Своими целями фонд ставит: улучшение коммуникативных навыков, углубление мышления, понимание мира, себя и окружающих. Работа фонда поддерживается и признается Британской философской ассоциацией, Королевским институтом философии.

В 2007 г. Питер Уорли основал The Philosophy Foundation, сосредоточенную на практическом применении философии в образовательной практике. Журнал *Philosophy and Childhood*, поддерживаемый ICPIС⁵ и Университетом Рио-де-Жанейро, является академическим ресурсом для исследователей. Наряду с классическими материалами Института философии для детей (IAPC) получили распространение альтернативные подходы. Гарет Мэтьюз первым предложил использовать художественную литературу в философском контексте, публикуя обзоры произведений в журнале *Thinking*. Эта идея вдохновила Тома Уортенберга на разработку программы (2009, 2013), основанной на классических детских книгах, которая стала успешной и отмечена наградами. Карен Мюррис и Джоана Хейнс выдвинули теоретическое обоснование значимости иллюстрированных изданий как источников для философской рефлексии. Питер Уорли написал серию методических пособий, включающих сценарии философских занятий, не использующих традиционные материалы IAPC. Фил Кэм из Австралии адаптировал множество рассказов для философского анализа. В эпоху цифровизации философское сообщество использует интернет как платформу для распространения знаний.

Устойчиво ценные ресурсы включают сайты PLATO, SAPERE, The Philosophy Foundation⁶, FAPSA и сайт Центра философии для детей при Университете Вашингтона. Программа «Философия для детей» прошла путь от новаторского проекта до международного образовательного движения с развитой институциональной и методической поддержкой. Такие организации, как PLATO, SAPERE и FAPSA, продолжают формировать современное философское образование, внедряя инновации и расширяя доступ к философии для учащихся разного возраста. «Взяв за основу ключевые идеи программы, они не менее успешно осуществляют различные философские практики с детьми, в той или иной степени соответствующие модели Липмана» (Сертакова, 2019: 94): разнообразие ресурсов и программ

⁵ International Council of Philosophical Inquiry with Children (ICPIC) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icpic.org/>, свободный. Дата обращения: 07.04.2025.

⁶ The Philosophy Foundation [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.philosophy-foundation.org/>, свободный. Дата обращения: 07.04.2025.

позволяет адаптировать Р4С к культурным и педагогическим реалиям каждой страны, способствуя развитию критического мышления, рефлексии и диалога у детей по всему миру.

В России программа «Философия для детей» связывается, в первую очередь, с именем Нины Степановны Юлиной, опубликовавшей в 1996 г. первое издание одноименной работы, которая предстала как методический комплекс, основанный на программе М. Липмана. Издание рассчитано для использования на протяжении всего школьного курса и включает основные теоретико-педагогические принципы программы Р4С. В издание также вошли переводы оригинальных текстов М. Липмана, Э. М. Шарп и Ф. Осканяна с комментариями.

Кружок «В поисках мудрости» при философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова работает свыше десяти лет под руководством Л.Т. Ретюнских, занимающей активную позицию в исследованиях «Философии для детей». Лариса Тимофеевна Ретюнских – доктор философских наук, автор более 100 публикаций и нескольких учебных пособий, организатор ежегодной научно-практической конференции и создатель семейного клуба «Школа Сократа» на базе Центрального дома работников искусств (ЦДРИ). Клуб занимается своей деятельностью с 1992 г., собирая вместе детей и взрослых для разговоров на равных о том, что волнует и вызывает интерес. В основу легла авторская методика Л.Т. Ретюнских «Философские игры для детей и взрослых», направленная на: интеллектуальное и творческое развитие детей, укрепление и гармонизацию отношений между родителями и детьми, а также на развитие критического мышления. Занятия проходят в форме игр и творческих заданий, но основу составляют беседы о самом главном – о любви, добре и зле, счастье, свободе и многом другом. Клуб организует ежегодный философский бал, проходящий в разных тематиках с практикой чтения связанных произведений, а также подкрепляется диалогами и знакомством с разными культурными традициями. На базе «Школы Сократа» создана межрегиональная детская общественная организация «Философия – детям» (МДОО «ФиД») в 2004 г.

Летняя школа «Квант» (Республика Татарстан) – учебный лагерь, созданный в 1972 г. кандидатом физико-математических наук, доцентом Казанского университета Валентиной Сочневой; в нем с 1990-х г. в занятия по ряду дисциплин была внесена философия. Наиболее интересно, что образовательный процесс здесь включен в жизненный уклад и общение, сочетается с отдыхом на природе. В общие дисциплины включаются мировоззренческие компоненты и построение личных отношений.

В России в ряде городов и на сетевой площадке также реализуется практический курс «Философия для жизни», включающий лекции, упражнения и волонтерскую работу. Он реализуется на базе международного культурного центра «Новый Акрополь»⁷, который был основан Хорхе Анхелем Ливрагой в Буэнос-Айресе в 1957 г. Разработанный центром курс нацелен на освоение философии, которая понимается, как жизненная практика. Как и программа «Философия детям», он нацелен не только на передачу знаний, но и на раскрытие внутреннего потенциала учеников, способствуя формированию целостной личности. В его задачи входят: (1) формирование мировоззрения; (2) обучение размышлению и поиски ответов на основные жизненные вопросы; (3) развитие личностных качеств и умений; (4) построение понимания и взаимодействия с другими людьми; (5) воспитание активной жизненной позиции; (6) практика применения полученных знаний. Курс изучается более чем в 50 странах на пяти континентах. Он существует более 60 лет и пользуется большой популярностью (более полумиллиона человек прослушали курс, из них 12 000 в России)⁸.

⁷ Новый Акрополь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://acropolis.org.ru/?ysclid=mkubalopgn450819820>. Дата обращения: 07.04.2025.

⁸ Новый Акрополь. Курс «Философия для жизни. От теории к практике» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://acropolis.org.ru/course>, свободный. Дата обращения: 07.04.2025.

Занятия проходят как в форме лекций, так и диалогов, философских игр и диспутов. Часть занятий посвящена разного рода упражнениям, включающим упражнения на развитие внимания, памяти и воображения, а также домашние задания, состоящие из практического применения, услышанного на лекциях. Курс разделен на несколько блоков: 1. Этика. Человек и его внутренний мир. 2. Человек и общество. 3. Философия истории. Человек и время.

Китайская система образования, которой также была свойственна информационная модель, в XXI веке остро ставит вопрос о необходимости новой образовательной парадигмы с упором на всесторонне развитие и критическое мышление. В 2010 г. началась долгосрочная реформа образования «Национальные руководящие принципы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования (2010-2020 гг.)» (Жаров, 2021), в которой особое место заняло развитие когнитивных навыков и умений сотрудничества. В первую очередь реформа коснулась преподавателей, которые прошли профессиональную переподготовку. Но практическое освоение новых подходов проходило слабо, а упор был сделан на государственную политику и постановления. В программе говорилось о важности навыков мышления и их пользы для развития когнитивных навыков учеников, но не было дано практических рекомендаций. На данный момент в Китае существует единственный центр Р4С. Самая ранняя практика центра была реализована в провинции Юань еще в 1997 г., и она получила положительные отклики среди преподавателей: «По оценке с помощью анкеты, 89 % учителей считали, что Р4С может способствовать развитию мышления учащихся, а 83 % учителей полагали, что их навыки диалога улучшились» (Там же). Проводимые исследования в большей степени принесли теоретические результаты в решении вопросов о возможности объединения конфуцианского диалога и исследовательского сообщества и определения тем, которые наилучшим образом подходят для китайского класса.

На основании педагогических практик и методологии Р4С можно выделить ряд общих советов для желающих реализовать частные инициативы философских кружков для детей. Поскольку в основу программы «Философия детям» входит Сократический диалог, он требует особого подхода. Во-первых, в диалоге важен зрительный контакт, поэтому все участники должны сидеть лицом друг другу (обычно используется рассадка по кругу). Детям необходимо дать понять, что все являются партнерами, в том числе и ведущий, все имеют общую цель, слушают друг друга, стараясь вникнуть в услышанное, и не боятся высказывать свою точку зрения. Само занятие строится из прочтения отрывка выбранного текста и дальнейшего обсуждения его проблемного поля и выявления наиболее интересных для группы вопросов, что в дальнейшем перерастает в обсуждение и выстраивание гипотез, которые все пытаются опровергнуть или доказать через аргументацию своего мнения. Помимо рассказов можно использовать видео-формат (фильмы, мультфильмы и ролики), метафорические карты с изображениями на разные темы, работу с понятиями, суждениями или ситуациями.

Практическая философия с детьми как образовательная технология получила огромный отклик во множестве стран и стала основой для многих образовательных программ. Как отмечается в современных исследованиях, «использование методов и подходов Р4С способствует социальной адаптации детей, культивированию столь необходимых современному обществу диалогических навыков и умений, этических ценностей; позволяет осуществить деконструкцию прежних устойчивых значений и представлений о процессе обучения и взаимоотношениях взрослых и детей» (Дронина, 2023: 146). Это подтверждает, что данное направление отвечает на ключевые вызовы современного образования. Его уникальность в том, что оно способно адаптироваться к культурным особенностям разных стран, поскольку представляет собой гибкую систему. Программа строится не на классической передаче знаний, в которой почти нет места для свободы мысли, а на создании условий для философского диалога, постановки вопросов и поиска ответов в сообществе, где каждый может проявить свое творческое мышление. Таким образом, практическая философия

с детьми зарекомендовала себя как гибкая, универсальная и глубоко гуманистическая педагогическая технология, способная обогатить образовательную систему и подготовить подрастающее поколение к жизни в сложном, быстро меняющемся мире.

Литература

Адо, П. (2005), *Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном*, пер. с франц. Воробьева В. А., Степной Ветер; Коло, Москва, Санкт-Петербург.

Ахенбах, Г. Б. (2016), «Основное правило философской практики», *Социум и власть*, 6, 101–108. EDN: XSCTRF

Боэций, А. М. Т. С. (1990), *«Утешение философией» и другие трактаты*, пер. с латин., отв. ред. Майоров, Г. Г., Наука, Москва.

Гусейнов, А. А. (2023), «Практическая философия: традиция и современные тенденции», *Этическая мысль*, 23(1), 5–26. DOI: 10.21146/2074-4870-2023-23-1-5-26

Доронина, С. Г. (2023), «Философия с детьми в контексте планирования школьных программ: синтез инноваций и традиций», *Философия образования*, 23(1), 135-149. DOI: 10.15372/PHE20230109

Дьюи, Д. (2000), *Демократия и образование*, пер. с англ. Турчаниновой, Ю. И., Гусинского, Э. Н., Михайлова, Н. Н., Педагогика-Пресс, Москва.

Жаров, И. С. (2021), «Обучение учителей в Китае использованию подхода «Философия для детей» и его влияние на навыки критического мышления: экспериментальное исследование», *Инфоурок*, 28.10.2021, URL: <https://infourok.ru/obuchenie-uchitelej-v-kitae-ispolzovaniyu-podhoda-filosofiya-dlya-detej-i-ego-vliyanie-na-navyki-kriticheskogo-myshleniya-eksper-5422511.html?ysclid=mku9wviukj494471770> (дата обращения: 22.05.2024).

Маслов, В. М. (2023) «Практическая философия: современные основы и необходимость», *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 23(1), 25–29. DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-1-25-29; EDN: SNZERP

Ретюньских, Л. Т. (2016), «Практический смысл “Философии с детьми”», *Сб. мат-лов Ежегодной международной науч.-практич. конф. «Воспитание и обучение детей младшего возраста»*, 5, 856-857.

Ретюньских, Л. Т. (2019), «“Философия – детям” в России и за рубежом. Размышления участника XXIV Всемирного философского конгресса» *Личность. Культура. Общество*, 21(1-2), 197-205. DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-1/2-197-205; EDN: MQJNTK

Савинова, В. Е. и Лапина, Е. Н. (2021), «Философия для детей: реальность или вымысел?», *Universum: психология и образование*, 12, 1-10. DOI: 10.32743/UniPsy.2021.90.12.12714; EDN: PUVHVN

Сертакова, И. Н. (2019), «Особенности философии для детей как образовательной практики в различных культурных традициях», *Философия и образование: практики взаимодействия, стратегии развития в XXI веке: Мат-лы второй междунар. науч.-практич. конф.*, Тамбов, 08 ноября 2019 г. Издательский дом «Державинский», Тамбов, 93-97.

Юлина, Н. С. (2005), *Философия для детей*, «Канон+» РООИ «Реабилитация», Москва.

Kohan, W. O. (2015), *Childhood, Education and Philosophy: New Ideas for an Old Relationship*, Routledge, Abingdon, New York.

Saeed, N. and Rosnani, H. (2017), *History, theory and practice of philosophy for children: international perspectives*, Routledge, London. DOI: 10.31436/ijes.v9i2.327

Topping, K. J., Trickey, S., and Cleghorn, P. (2020), *Philosophy for Children: Guidance for Educators*, UNESCO IBE, Geneva.

References

Achenbach, G. B. (2016), "The Fundamental Rule of Philosophical Practice", *Sotsium i vlast/Society and Power*, 6, 101-108 (in Russ.). EDN: XSCTRF

Boethius, A. M. T. S. (1990), *Uteshenie filosofiei i drugie traktaty* [The Consolation of Philosophy and Other Treatises], in Maiorov, G. G. (ed.), Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Dewey, J. (2000), *Democracy and Education*, transl. by Turchaninova, Yu. I., Gusinsky, E. N., Mikhailov, N. N., Pedagogika-Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Doronina, S. G. (2023), "Philosophy with children in the context of school program planning: synthesis of innovations and traditions ", *Philosophy of Education*, 23(1), 135-149 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230109>

Guseinov, A. A. (2023), "Practical Philosophy: Tradition and Contemporary Trends", *Ethical Thought*, 23(1), 5-26 (in Russ.). DOI: 10.21146/2074-4870-2023-23-1-5-26

Hadot, P. (2005), *Filosofiya kak sposob zhit* [Philosophy as a Way of Life (La philosophie comme manière de vivre)], translated from French by Vorobyova, V. A., Stepnoi Veter, Kolo, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kohan, W. O. (2015), *Childhood, Education and Philosophy: New Ideas for an Old Relationship*, Routledge, Abingdon, New York, UK, USA.

Maslov, V. M. (2023), "Practical philosophy: Modern foundations and necessity", *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 23(1), 25-29 (in Russ.). DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-1-25-29; EDN: SNZERP

Retyunskikh, L. T. (2016), "The Practical Meaning of 'Philosophy with Children'", *Collection of Materials of the Annual International Scientific and Practical Conference "Education and Training of Young Children"*, 5, 856-857 (in Russ.).

Retyunskikh, L. T. (2019), "Philosophy for Children in Russia and Abroad. Reflections of a Participant in the XXIV World Congress of Philosophy", *Personality. Culture. Society*, 21(1-2), 197-205 (in Russ.). DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-1/2-197-205; EDN: MQJNTK

Saeed, N. and Rosnani, H. (2017), *History, Theory and Practice of Philosophy for Children: International Perspectives*, Routledge, London, UK. DOI: 10.31436/ijes.v9i2.327

Savinova, V. E. and Lapina, E. N. (2021), "Philosophy for children is reality or fiction?", *Universum: Psychology and Education*, 12, 1-10 (in Russ.). DOI: 10.32743/UniPsy.2021.90.12.12714; EDN: PUVHVN

Sertakova, I.N. (2019), "Features of Philosophy for Children as an Educational Practice in Different Cultural Traditions", in *Philosophy and Education: Practices of Interaction, Development Strategies in the 21st Century: Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, "Derzhavinskiy"*, Tambov, Russia, 93-97 (in Russ.).

Topping, K. J., Trickey, S. and Cleghorn, P. (2020), *Philosophy for Children: Guidance for Educators*, UNESCO IBE, Geneva, Switzerland.

Yulina, N. S. (2005), *Filosofiya dlya detey* [Philosophy for Children], Kanon+ ROOI Reabilitatsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Zharov, I. S. (2021), "Training Teachers in China to Use the Philosophy for Children Approach and Its Impact on Critical Thinking Skills: An Experimental Study", *Infourok*, 28.10.2021 (in Russ.), [Online], available at: <https://infourok.ru/obuchenie-uchitelej-v-kitae-ispolzovaniyu-podhoda-filosofiya-dlya-detej-i-ego-vliyanie-na-navyki-kriticheskogo-myshleniya-eksper-5422511.html> (Accessed 22 May 2024).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Орлова Дарья Дмитриевна, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; Orlova_dd@bsuedu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Daria D. Orlova, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia; Orlova_dd@bsuedu.ru

УДК 655.552:82

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-7

Ефименко Н. А.

Рецензия на монографию Чжу Цзяньгана «尼·斯特拉霍夫文学批评研究» – «Литературная критика Н. Н. Страхова» (Пекин, 2025)

Сычуаньский университет,
ул. Ванцзян, д. 29, г. Чэнду, 610064, пров. Сычуань, КНР;
efimenko200205@mail.ru

Аннотация. В рецензии анализируется монография китайского исследователя Чжу Цзяньгана «尼·斯特拉霍夫文学批评研究» («Литературная критика Н. Н. Страхова»), вышедшая в издательстве Пекинского университета в 2025 г. Отмечается, что автор выводит Страхова из тени его великих современников (Толстого и Достоевского) и рассматривает критика как самостоятельную фигуру, обладавшую собственной мыслью и стилем. Центральной в монографии признается формула «一破一立» («полемическое преодоление и созидательное утверждение»), – полемическое преодоление нигилизма и созидательное утверждение русской культурной самобытности, связующим понятием которых выступает «жизнь». Показано, как Чжу Цзяньган последовательно раскрывает позицию Страхова в отношении произведений Пушкина, Тургенева, Герцена, Достоевского и Толстого, выявляя как сильные стороны его критического метода, так и его границы (особенно в понимании Достоевского).

Ключевые слова: Н.Н. Страхов; литературная критика; русская литература XIX века; нигилизм; почвенничество

Для цитирования: Ефименко, Н. А. (2026), «Рецензия на монографию Чжу Цзяньгана "尼·斯特拉霍夫文学批评研究" – “Литературная критика Н. Н. Страхова” (Пекин, 2025)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 189-194. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-7

N. A. Efimenko

Review of the monograph by Zhu Jiangan "尼·斯特拉霍夫文学批评研究" – *Literary Criticism of N. N. Strakhov*

Sichuan University,
29 Wangjiang Rd., Chengdu, 610064, Sichuan Province, China;
efimenko200205@mail.ru

Abstract. The review analyzes the monograph by Chinese researcher Zhu Jiangan, "尼·斯特拉霍夫文学批评研究" („Literary Criticism by N. N. Strakhov"), published by Peking University Press in 2025. It notes that the author brings Strakhov out of the shadow of his great contemporaries (Tolstoy, Dostoevsky) and treats him as an independent figure with his own thought and style. The central formula identified in the

monograph is “一破一立” (polemical overcoming of nihilism and creative affirmation of Russian cultural identity), with “life” serving as the unifying concept. The review shows how Zhu Jiangang consistently reveals Strakhov's position regarding Pushkin, Turgenev, Herzen, Dostoevsky, and Tolstoy, highlighting both the strengths of his critical method and its limitations (especially in understanding Dostoevsky).

Keywords: N. N. Strakhov; literary criticism; 19th century Russian literature; nihilism; soil-based movement

For citation: Efimenko, N. A. (2026), “Review of the monograph by Zhu Jiangang “尼·斯特拉霍夫文学批评研究” – *Literary Criticism of N. N. Strakhov*”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 189-194, DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-7

Монография Чжу Цзяньгана «尼·斯特拉霍夫文学批评研究» («Литературная критика Н. Н. Страхова») посвящена фигуре, которая долгое время оставалась в тени более известных имен русской литературы XIX в. Монографическое издание вышло в Пекине в издательстве Пекинского университета в июне 2025 г. Монография поддержана программой издания 优秀学术专著 Сучжоуского университета, что маркирует ее научную историко-критическую значимость (Чжу, 2025: 2).

Исходная позиция Чжу Цзяньгана сформулирована уже во введении. Автор специально выводит Страхова из привычного положения «человека рядом с Толстым и Достоевским». Он пишет, что Страхов «не был лишь критиком, зависевшим от литературных мастеров и получившим известность благодаря другим», поскольку обладал «собственной уникальной мыслью» и «собственным стилем» (Чжу, 2025: 1). Данное положение задает весь аналитически-оценочный тон книги. Чжу последовательно демонстрирует, что Страхов был самостоятельным критиком, чьи суждения о Пушкине, Тургеневе, Герцене, Достоевском и Толстом участвовали в формировании последующего понимания русской классики потомками.

Один из центральных авторских «ключей» Чжу Цзяньгана выражен через формулу «一破一立» («полемическое преодоление и созидательное утверждение»). В разделе о замысле исследования он прямо пишет, что литературная критика Страхова держится на двух основаниях: «破» – «противостояние нигилизму» и «立» – «поиск особенностей русской культуры» (Чжу, 2025: 47). Эти две линии Чжу связывает с понятием жизни, через которое он читает критические статьи Страхова о русских классиках. Такая формула позволяет автору уйти от односторонней характеристики Страхова как консерватора. Антинигилизм Чжу раскрывает через критику абсолютного отрицания, сциентистской самоуверенности и разрыва с живой культурной основой, а поиск русской самобытности – как попытку найти положительное основание культуры.

Чжу Цзяньган не сводит исследование Страхова к истории отдельных литературных оценок. Он указывает, что критика Страхова «не является чистым текстовым анализом», поскольку в ней критик стремился исследовать «особый путь строительства русской культуры» (Чжу, 2025: 47). Здесь содержится одна из главных научных позиций автора. Литературная критика у Страхова, по Чжу, становится способом разговора о судьбе России,

о национальной форме культуры, о связи литературы с жизнью, народом и исторической памятью.

Тема нигилизма раскрывается у Чжу через конкретный историко-литературный узел. Автор показывает, что понятие нигилизма обрело ясную литературную форму в образе Базарова, который, по его оценке, воплощает два главных признака русского нигилизма – «абсолютное отрицание» и «чистый сциентизм» (Чжу, 2025: 51). Через этот тезис Чжу объясняет, почему спор Страхова с нигилизмом выходит за пределы политической публицистики. Для Страхова, в авторской реконструкции, опасность нигилизма состояла в замене живой нравственной и культурной реальности отвлеченной уверенностью в науке.

Важный нюанс состоит в том, что Чжу показывает источники страховского антинигилизма через источниковедческий срез. Он цитирует программную мысль страховской публицистики о необходимости создать «новый способ жизни», собственный, исходящий из народного духа и народной основы, после чего заключает, что именно соединение национальной особенности и народного основания стало главным содержанием почвенничества («почва» у почвенников означала народную основу русской культуры: народную жизнь, историческую память, веру, язык, быт, нравственные представления) (Чжу, 2025: 57). В этой связи Страхов оказывается у Чжу не одиночной фигурой, а участником широкого интеллектуального движения. Его борьба с нигилизмом объясняется через почвенническую установку на восстановление связи высокой культуры с народной жизнью.

Раздел о Пушкине демонстрирует, что Чжу Цзяньган умеет извлекать из страховской критики собственно литературоведческий смысл. Автор не ограничивается указанием на патриотическую позицию Страхова. Он показывает, что Страхов продолжил и углубил линию Аполлона Григорьева, выявил у Пушкина пародийность, предложил более глубокое понимание типа Белкина в «Повестях Белкина», раскрыл традицию «семейной хроники» и связал ее с национальностью и религиозностью русской литературы (Чжу, 2025:101). Отсюда следует важный вывод: Чжу видит в Страхове участника одной из значимых, но недооцененных линий осмысления Пушкина, а не только комментатора Толстого.

Именно пушкинский раздел дает одну из самых точных иллюстраций новизны монографии. Чжу утверждает, что Страхов включил Тургенева, Писемского, Толстого и их творчество в традицию, идущую от Пушкина, благодаря чему эта традиция перестала быть характеристикой одного писателя и стала явлением всей русской литературы XIX века (Чжу, 2025: 101). Это уже не общий комплимент Страхову, а конкретная научная позиция. Автор показывает, что Страхов мыслил русскую литературу как преемственную систему, где поздний Пушкин открывает путь к толстовскому изображению семьи, быта, народной жизни.

Глава о Тургеневе построена вокруг изменения страховской оценки писателя. Чжу пишет, что именно статья об «Отцах и детях» позволила Страхову выйти на литературную арену, хотя широкой известности он тогда еще не получил, поскольку его «особый взгляд» и «новый вывод» отличали его от критиков, занятых партийными спорами (Чжу, 2025: 102–103). Затем, по наблюдению Чжу, после выхода «Дыма» отношение Страхова к Тургеневу изменилось, а сама перемена была связана с расхождением почвенников и западников (Чжу, 2025: 103). Чжу показывает также, что позднее Страхов считал свою прежнюю оценку «Отцов и детей» определенной идеализацией Тургенева и нигилистического перелома. Здесь Чжу раскрывает динамику критического сознания Страхова: признание художественной силы Тургенева переходит в критику западнической культурной ориентации.

В главе о Герцене Чжу Цзяньган рассматривает Страхова как критика, способного видеть движение внутри чужой позиции. Центральным становится вопрос о Герцене как западнике, пережившем разочарование в Европе. Чжу показывает, что Достоевский в письме к Страхову

уловил ключ его статьи о Герцене: стремление представить Герцена как западника и через эту фигуру обсудить отношение Запада и России (Чжу, 2025: 135). При этом Достоевский, в реконструкции Чжу, смещал акцент к отрыву Герцена от народной почвы. Данное наблюдение принципиально. Страхов у Чжу не просто отвергает Герцена; он обнаруживает в судьбе Герцена подтверждение собственной мысли о кризисе западной рационалистической надежды.

Раздел о Достоевском написан у Чжу особенно напряженно, поскольку здесь автор раскрывает пределы страховского метода. Чжу фиксирует глубокое расхождение двух мировоззрений через формулы «дважды два – четыре» и «дважды два – сколько?», вплоть до достоевской формулы «дважды два равно пяти». По мнению Чжу, Страхов держится за человеческую рациональность, тогда как Достоевский защищает свободу человека (Чжу, 2025: 157). Далее Чжу формулирует различие еще резче: для Страхова грех и низость становятся приговором человеку, а для Достоевского признание греха и низости становится началом восстановления человеческого в человеке (Чжу, 2025: 157). Этот подход достаточно интересен, поскольку он показывает не только достоинства Страхова, но и границы его понимания Достоевского.

Чжу Цзяньган не скрывает, что Страхов временами судил Достоевского с позиции рационального реалистического вкуса. Анализируя его отношение к художественной системе Достоевского, автор пишет, что Страхов не понял глубокий смысл достоевского «реализма в высшем смысле» и смотрел на него с рациональной точки зрения, не понимая и тем более не желая принять ростки модернистского романа (Чжу, 2025: 161). Эта оценка делает монографию убедительнее. Чжу не превращает Страхова в безошибочного толкователя русской литературы. Он показывает, что ясность, цельность и рациональность страховского мышления помогли ему в оценке Толстого, но осложняли понимание Достоевского.

Толстовский раздел является смысловой вершиной монографии. Само название главы задает авторский ключ – «Жизненное сознание и народная основа» (Чжу, 2025: 167). При анализе критики «Войны и мира» Чжу показывает, что Страхов точно различил художественный и исторический взгляд на события. Автор делает вывод, что страховская интерпретация раскрыла различие точки зрения художника и историка и одновременно подчеркнула национальную основу творчества Толстого (Чжу, 2025: 189). Чжу усиливает этот тезис ссылкой на отклик Достоевского, увидевшего в страховском чтении Бородинской битвы в «Войне и мире» почти полное выражение национальной русской мысли. Здесь Чжу объясняет, почему Страхов оказался столь важен для ранней рецепции эпопеи Толстого. Он увидел в толстовском эпосе не иллюстрацию исторических событий, а художественное выражение русской жизни.

Чжу Цзяньган особенно точно формулирует итог страховского прочтения «Войны и мира». По его словам, для Страхова роман Толстого выражает борьбу русской мысли с западной мыслью, а само появление произведения означает в страховской образной логике, реконструированной Чжу, выздоровление русской литературы после долгого отклонения от верного пути (Чжу, 2025: 189). Далее Чжу указывает главный источник этого выздоровления – жизнь, прежде всего русская жизнь; прямое соединение с русской жизнью, по страховскому выводу в авторском пересказе, позволяет избежать западного влияния и нигилизма (Чжу, 2025: 189).

Глава о «деле Страхова» дает Чжу возможность перейти от истории литературных оценок к проблеме критического общения. В рассуждении о Достоевском, Толстом и Страхове автор показывает, что отношения между ними нельзя объяснить простыми биографическими схемами. Он пишет, что Страхов сохранял к Достоевскому чувство привязанности, но под этой внешней болью скрывались мировоззренческие и жизненные противоречия (Чжу, 2025: 222–

223). В этой части монографии Страхов раскрывается как участник сложной системы личных, идейных и литературных связей. Данный раздел позволяет увидеть, что Чжу рассматривает конфликт не в бытовой плоскости, а через идейные и коммуникативные расхождения.

Отдельная ценность монографии связана с приложением. Чжу помещает в книгу перевод четырехчастного цикла Страхова о «Войне и мире», что видно из структуры издания (Чжу, 2025: 270). Это имеет значение для китайской русистики, поскольку читатель получает не только исследовательскую интерпретацию, но и корпус текстов Страхова в переводе. В этом проявляется практическая научная новизна книги: Чжу Цзяньган расширяет доступ китайского читателя к страховскому циклу о «Войне и мире».

Итоговая оценка монографии выстраивается вокруг конкретной авторской концепции. Чжу Цзяньган показывает, что критика Страхова держится на двух основаниях – сопротивлении нигилизму и поиске русской культурной самобытности, а связующим смысловым понятием для этих оснований выступает жизнь. Он доказывает этот тезис не декларативно, а через последовательный разбор Пушкина, Герцена, Тургенева, Достоевского и Толстого. У Пушкина Страхов раскрывает традицию Белкина и семейной хроники; у Герцена – драму разочарования в Европе; у Тургенева видит симптомы западного кризиса; у Достоевского – тему свободы, которую сам Страхов понимал ограниченно; у Толстого – высшее выражение русской жизни и народной основы. Поэтому монография Чжу Цзяньгана ценна не общим «возвращением имени», а тем, что показывает внутреннюю работу страховской критики и ее место в истории русской литературной мысли.

Вместе с тем, можно отметить и границы авторской схемы. Чжу настолько последовательно выстраивает материал вокруг антинигилизма, русской самобытности и категории жизни, что отдельные художественные вопросы иногда оказываются подчинены этой главной линии. Однако сам автор учитывает проблему пределов страховской критики, поскольку заключение книги включает специальный раздел о ее ограниченности (Чжу, 2025: 247). Поэтому указанная особенность не разрушает научной ценности труда. Она показывает, что после книги Чжу остается пространство для дальнейших исследований – исследований стиля Страхова, журнальной среды, конкретной риторики его статей, его переводческой практики и полемических приемов.

Монография Чжу Цзяньгана заслуживает высокой оценки как крупная работа известного китайского исследователя, системно рассматривающая Н.Н. Страхова как литературного критика. Ее научная новизна состоит в реконструкции двухвекторной модели страховской критики, основанной на принципе «一破一立» («полемическое преодоление и созидательное утверждение»), в уточнении роли Страхова в рецепции Пушкина, Тургенева, Герцена, Достоевского и Толстого, в выявлении пределов его рационального метода и в переводческом представлении четырехчастного цикла о «Войне и мире» китайскому читателю. Монография позволяет говорить о Страхове не как о периферийном консерваторе, а как о критике, через которого русская литература XIX века осмысляла собственную связь с жизнью, народной основой, Западом, верой и культурной самостоятельностью.

Литература

Чжу, Цзяньган (2025), 尼·斯特拉霍夫文学批评研究 (Исследование литературной критики Н.Н. Страхова), Издательство Пекинского университета, Пекин, КНР. ISBN 978-7-301-36028-6

References

Chzhu, Tszyangan (2025), 尼·斯特拉霍夫文学批评研究 (A Study of N. N. Strakhov's Literary Criticism), Peking University Press, Beijing, China. ISBN 978-7-301-36028-6

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Ефименко Николай Александрович, докторант по специальности «Международное обучение китайскому языку», филологический институт, Сычуаньский университет, ул. Ванцзян, д. 29, г. Чэнду, 610064, пров. Сычуань, КНР; *efimenko200205@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Nikolai A. Efimenko, Doctoral Student, PhD program in International Chinese Language Education, Institute of Philology, Sichuan University, 29 Wangjiang Rd., Chengdu, 610064, Sichuan Province, China; *efimenko200205@mail.ru*

УДК 2-1:27(73)

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-8

Беляева У. П.

Споры об «истинном христианстве»: нормативность и религиозная идентичность (размышления о книге David W. Congdon «Who Is a True Christian? Contesting Religious Identity in American Culture», Cambridge University Press, 2024)

Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия;
ulyana-sin@yandex.ru

Аннотация. В рецензии анализируется монография Дэвида У. Конгдона «Кто является истинным христианином? Споры о религиозной идентичности в американской культуре». Актуальность рецензируемой книги определяется тем, что Конгдон переводит вопрос о границах христианской идентичности из плоскости внутриконфессиональной полемики в более широкий философско-религиоведческий и культурно-политический контекст, показывая его связь с кризисом авторитета, политикой памяти, «культурными войнами» и современными режимами символического исключения. Книга рассматривается не только как опыт интеллектуальной истории и богословской критики, но и как значимая часть дискуссии о нормативности религиозной традиции, ее историчности и формах публичной артикуляции. В рецензии реконструируются ключевые линии аргументации автора: критика прескриптивных моделей «истинного христианства», анализ превращения ортодоксии в культурную и политическую технологию разграничения, интерпретация «христианского национализма» как предельной формы нормативной политизации религии, а также обсуждается предложенная Конгдоном концепция «полидоксии». Одновременно отмечаются наиболее дискуссионные аспекты монографии: тенденция к расширительным обобщениям на основе американского материала и недостаточная разработанность позитивного содержания полидоксальной альтернативы. Делается вывод, что труд Конгдона представляет собой концептуально насыщенное и эвристически продуктивное исследование, значимое для широкого обсуждения границ религиозной идентичности в современной культуре.

Ключевые слова: христианская идентичность; истинное христианство; ортодоксия; полидоксия; религиозная нормативность; религиозная идентичность; американская культура

Для цитирования: Беляева, У. П. (2026), «Споры об “истинном христианстве”: нормативность и религиозная идентичность (размышления о книге David W. Congdon “Who Is a True Christian? Contesting Religious Identity in American Culture”, Cambridge University Press, 2024)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 194-202. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-8

U. P. Belyaeva

Contesting “True Christianity”: Normativity and Religious Identity (Reflections on David W. Congdon’s Book *Who Is a True Christian? Contesting Religious Identity in American Culture*, Cambridge University Press, 2024)

Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University,
42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia;
ulyana-sin@yandex.ru

Abstract. The review examines David W. Congdon’s monograph *Who Is a True Christian? Contesting Religious Identity in American Culture*. The relevance of the book under review lies in the fact that Congdon relocates the question of the boundaries of Christian identity from the sphere of intra-confessional polemics into a broader philosophical, religious-studies, and cultural-political context, demonstrating its connection to the crisis of authority, the politics of memory, the “culture wars,” and contemporary regimes of symbolic exclusion. The novelty of the reviewer’s approach consists in treating the book not only as a work of intellectual history and theological critique, but also as a significant contribution to the discussion of the normativity of religious tradition, its historicity, and its forms of public articulation. The review reconstructs the principal lines of the author’s argument: a critique of prescriptive models of “true Christianity,” an analysis of the transformation of orthodoxy into a cultural and political technology of demarcation, an interpretation of “Christian nationalism” as an extreme form of the normative politicization of religion, and a discussion of Congdon’s proposed concept of “polydoxy.” At the same time, the review identifies the most debatable aspects of the monograph: its tendency toward broad generalizations based on American material and the insufficient elaboration of the positive content of the polydoxy alternative. It is concluded that Congdon’s work constitutes a conceptually rich and heuristically productive study, significant for the broader discussion of the boundaries of religious identity in contemporary culture.

Keywords: Christian identity; true Christianity; orthodoxy; polydoxy; religious normativity; religious identity; American culture

For citation: Belyaeva, U. P. (2026), “Contesting ‘True Christianity’: Normativity and Religious Identity (Reflections on David W. Congdon’s Book *Who Is a True Christian? Contesting Religious Identity in American Culture*, Cambridge University Press, 2024)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 194-202. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-8

Монография Дэвида У. Конгдона «Кто является истинным христианином? Споры о религиозной идентичности в американской культуре» принадлежит к тому редкому типу исследований, которые одновременно работают как конфессиональный срез истории религии, как богословско-религиоведческая диагностика современности и как откровенно нормативное вмешательство в текущий спор о пределах христианской идентичности. Уже само название книги задает проблемное поле, давно вышедшее за пределы внутриконтрафессиональной полемики. Вопрос «кто является подлинным христианином?» в интерпретации Конгдона перестает быть частным вопросом догматического самосознания и раскрывается как узел, в котором пересекаются история теологии позднего модерна, кризис институтов,

трансформация общественной сферы, американские «культурные войны», политика памяти и борьба за легитимный язык описания религии. В этом смысле книга затрагивает не только историю американского протестантизма, но и фундаментальную для философии религии проблему соотношения нормативности, традиции, историчности и религиозной идентичности, исследуя не «сущность христианства» как таковую, а процедуры ее конструирования и легитимации.

Фигура самого Конгдона многое объясняет в замысле книги. Это исследователь, чей академический интерес фокусируется прежде всего на исследовании Рудольфа Бультмана и герменевтической судьбе диалектической теологии. Его предыдущие книги (Congdon, 2015, 2016) уже свидетельствовали о последовательном интересе автора к тем вопросам, где пересекаются история христианской догматики, проблема историчности религиозного языка и возможность мыслить христианство вне жесткой модели нормативной однородности. В этом смысле рассматриваемая работа не является случайным поворотом к социокультурной тематике. Напротив, книга выглядит как закономерное продолжение прежней исследовательской траектории, только теперь интерес к историчности религиозности и к демифологизирующему размыканию традиции перенесен в пространство анализа современных режимов христианского самоописания.

Актуальность монографии для философско-религиоведческого дискурса определяется сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, Конгдон помещает спор об «истинном христианстве» в рамку современной политики идентичности, не редуцируя религию к политике, но показывая, как религиозная норма действует в политизированном поле (Congdon, 2024: 17–18). Во-вторых, он демонстрирует, что апелляция к «историческому» или «библейскому» христианству почти никогда не является простой отсылкой к прошлому, а представляет собой форму современного символического производства (Congdon, 2024: 37–38). В-третьих, книга продуктивно включается в современные дискуссии о пределах плюралистической теологии и адаптационных режимах ортодоксии (Hellemans, 2011; Watson, 2021).

Методологически Конгдон работает на стыке интеллектуальной истории, теологии, религиоведения и дискурс-анализа. В самом начале вводится отчетливое различие прескриптивизма и дескриптивизма, которое автор заимствует из «языковых войн», переводя его в регистр религии. В интерпретации Конгдона религиозный прескриптивизм устанавливает нормы, по которым определяется аутентичная вера, тогда как религиозный дескриптивизм описывает то, во что люди, называющие себя христианами, фактически верят и что практикуют (Congdon, 2024: 17–18). Это различие у Конгдона не нейтрально: признавая неизбежность минимальной нормативности внутри любой традиции, он направляет критику против тех форм прескриптивизма, которые маскируют исторически обусловленные и политически мотивированные стратегии господства апелляцией к «неизменной истине» (Congdon, 2024: 37). Метод книги можно определить как генеалогически ориентированную теологическую критику: Конгдон прослеживает, как понятия переходят между контекстами и как усилия по защите традиции сами оказываются формами ее современного переконструирования.

Введение монографии фактически задает весь последующий горизонт анализа. Конгдон связывает нынешнюю американскую одержимость вопросом об «истинном христианине» с ситуацией культурной тревоги и указывает, что каждое поколение переживает свой «век тревоги», порождая реакционные усилия по определению границ аутентичной веры (Congdon, 2024: 37). При этом «правило веры» у него означает уже не только раннехристианскую *regula fidei*, но более широкую прескриптивную смысловую рамку, служащую укреплению христианской идентичности в условиях кризиса. Эта расширительная трактовка, безусловно, может вызвать вопросы у историка христианской догматики, поскольку перенос термина из

патристического контекста в современную культурно-политическую ситуацию чреват семантическим размыванием. Но как аналитическая стратегия она оказывается весьма эвристически продуктивна. Благодаря ей Конгдон показывает, что современная борьба за «сущность христианства» и консервативная апелляция к «историческому христианству» – не две отдельные линии, а взаимосвязанные ответы на одну и ту же ситуацию исторической рефлексивности (Congdon, 2024: 38). Особенно точно здесь звучит его мысль о том, что расширение ортодоксии на этические и культурные конфликты современности не есть восстановление древнего христианства, то есть сама идея выделить «ядро» в противоположность «наслоениям» уже является современной перекодировкой христианской нормативности (Congdon, 2024: 38-39). В этой формулировке Конгдон схватывает принципиально важный момент: антимодерновая реакция оказывается внутренним продуктом самого же современного сознания.

В первой главе реконструируется генеалогия «поиска сущности христианства». Конгдон прослеживает линию от Реформации через Локка, Шлейермахера, Ричля, Гарнака и Барта, показывая, как менялись основания, на которых мыслители пытались определить нормативный центр христианства. Исходная мысль автора заключается в том, что никакого поиска сущности не возникает там, где норма полностью встроена в общинную жизнь и не нуждается в рефлексивном оправдании. Поиск начинается тогда, когда авторитет разом перестает быть самодостаточным и должен объяснять себя, то есть в «ситуации исторического разрыва» (Congdon, 2024: 43–46). Отсюда его внимание к протестантскому разрыву с католической институциональной моделью авторитета, к новоевропейской трансформации понятия религии и к либеральной попытке найти внеисторическое «ядро» христианства.

Особенно показательна в этом отношении реконструкция XIX века. Обсуждая траекторию от Гегеля и Фейербаха к Ричлю, автор показывает, что вопрос о сущности христианства с самого начала был не просто богословским, а глубоко философским. Он включал в себя спор о соотношении истории, сознания, общины и спасения. Одна из сильных сторон главы состоит в том, что Конгдон не удовлетворяется привычной схемой «либералы искали сущность – консерваторы защищали догму». Напротив, он демонстрирует, что даже наиболее традиционно ориентированные фигуры вынуждены были формулировать норму в условиях историзации сознания. Так, в обсуждении Ричля подчеркивается, что последний отстаивал традицию не метафизически, а исторически, связывая центр христианства с искупительным отношением к личности Иисуса (Congdon, 2024: 63–64). Иначе говоря, уже здесь сущность оказывается подвижной функцией определенного способа конструирования исторического христианства.

В этой части книги Конгдон идет по следам более ранних размышлений о «тождестве христианства», среди которых особенно важна работа Стивена Сайкса (Sykes, 1984). Хотя Конгдон не сводит свою задачу к продолжению линии Сайкса, между ними есть принципиальная близость. Оба автора исходят из того, что христианская идентичность не дана как простая сумма неизменных положений, а формируется через исторически опосредованные режимы распознавания. При этом Конгдон радикальнее. Если Сайкса прежде всего интересовали условия сохранения идентичности христианства, то Конгдона – механизмы, при помощи которых эта идентичность утверждается как единственно допустимая.

Вторая глава вводит в обсуждение один из центральных концептов книги – «историческое христианство». Конгдон показывает, что этот термин вовсе не очевиден в своем определении. Для одних он обозначает апостольскую общину Нового Завета, минуя позднейшую традицию, для других – совокупность догматических формул древних соборов и символов веры (Congdon, 2024: 87). Именно в этой многозначности проявляется скрытая борьба за то, кто вправе монополизировать прошлое. Анализируя Д. Ньюмена, К. Барта, К.С. Льюиса и их американские рецепции, Конгдон не просто реконструирует теологические

позиции, но показывает, как антимодерновая критика либерализма постепенно превращается в ресурс «культурных войн» (Congdon, 2024: 124–125).

Здесь одна из наиболее интересных интуиций Конгдона состоит в том, что американское присвоение Барта довольно рано превратило его в символ антилиберальной нормативности, хотя сам бартовский проект был сложнее и не сводился к простому реставрационизму. Автор убедительно показывает, как из этой почвы вырастает все более устойчивая установка на «историческое христианство», где прошлое функционирует уже не как предмет исторической критики, а как источник легитимной догматической и культурной идентичности. Сильным ходом является и то, что Конгдон не замыкает этот сюжет в сфере чистой догматики. Автор убеждает, что лозунг «исторического христианства» нельзя воспринимать как формальный дескриптор. Это своеобразный символический пароль, посредством которого осуществляется граница между допустимым и недопустимым внутри традиции.

Третья глава, озаглавленная «Как христианство стало культурой», пожалуй, является наиболее концептуально насыщенной частью книги. Здесь Конгдон переходит от догматического и доктринального регистра к культурно-лингвистическому, показывая, как постлиберальная теология перенесла центр нормативности из набора положений в структуру культурной принадлежности. Его анализ ключевых работ Д. Линдбека (Lindbeck, 1984; Lindbeck, 1997) особенно важен. С одной стороны, Конгдон признает, что его «Природа доктрины» радикально изменила разговор о норме, представив доктрину как грамматику религиозного действия и тем самым предложив более сложную модель традиции, чем простое пропозициональное православие. С другой стороны, исследователь показывает, что эта модель породила новый режим исключения. Если доктрина есть грамматика культурной общины, тогда угроза культуре становится угрозой христианству как таковому. То, что изначально декларировалось как средство усилить уважение к различным традициям, легко превращается в защитный механизм, направленный против секулярности и внутреннего инакомыслия.

Этот раздел монографии особенно удачно перекликается с критикой постлиберальной модели у Э. Уотсона (Watson, 2021), который показывает, что у Линдбека доктрина приобретает конститутивную функцию по отношению к «эссенциальной христианской идентичности». Конгдон, однако, идет дальше Уотсона. Он показывает, что культурно-лингвистическая модель не просто конституирует идентичность, но позволяет заново, уже по культурному полю, провести черту между «своими» и «чужими» (Congdon, 2024: 158). Особенно выразительна его формула о том, что если «библейский мир поглощает все прочие миры», то герменевтика легко превращается в проект христианизации культуры (Congdon, 2024: 161). Автор делает важное наблюдение: отказ от грубого догматического авторитаризма вовсе не гарантирует выхода из логики господства. Напротив, нормативность, смещенная в сферу культуры, способна стать еще более тотальной, потому что она регулирует не только то, что считается истинным, но и то, что считается вообще осмысленным.

В этой связи интересна линия, по которой Конгдон связывает постлиберализм с евангеликализмом. Он показывает, что между ними куда больше внутреннего родства, чем принято думать, поскольку и те и другие были движимы тревогой по поводу утраты христианского мира и искали язык сопротивления модерну (Congdon, 2024: 163). Это наблюдение приобретает дополнительную убедительность на фоне исследования К.К. Дю Мез, которое показывает, как белый американский евангеликализм соединяет религиозную нормативность с культурной войной и моральной политикой (Du Mez, 2020). Конгдон, впрочем, не повторяет ее аргументы, а интегрирует их в более широкую историю формирования христианской нормы. Там, где историк американского евангеликализма анализирует расу, гендер и национализм как структурные компоненты конкретного движения,

Конгдон интерпретирует эти процессы в качестве предельного выражения более глубокой установки на защиту «правильного» христианства.

В четвертой главе – наиболее политически заостренной и дискуссионной – рассматривается сближение христианства с политическим проектом MAGA «Сделаем Америку снова великой!». В этой части Конгдон демонстрирует: когда христианство мыслится как нормативная культура, а культура – как арена цивилизационного конфликта, то в этом случае религиозная норма начинает функционировать как политическое оружие (Congdon, 2024: 176). Конгдон на примере США показывает, что всякий раз, когда религиозная традиция производит политически неудобный результат, возникает соблазн объявить этот результат внешним по отношению к «подлинной» традиции. Соответственно, здесь религиозная идентичность рассматривается уже не как совокупность верований, а как медиатор политической аффектации. При этом автор не утверждает, что теология полностью растворяется в политике. Скорее, он показывает, как определенный способ теологического дискурса делает возможной политическую артикуляцию вражды.

Пятая глава отчетливо выводит книгу из исследовательского модуса интеллектуальной истории в режим конструктивной критики. Основной мотив этой части – тезис о невозможности «исторического христианства» в строгом смысле слова (Congdon, 2024: 240–241). При этом его аргументация не сводится к банальной мысли об «изменчивости традиций». Конгдон показывает, что сам акт ретривализма, претендующий на неизменность, неизбежно является селективным, а значит, современным, поскольку выбор «того самого прошлого» опосредован актуальным социокультурным контекстом (Congdon, 2024: 236–241).

Разбирая «опасность христианской культуры», Конгдон показывает, что вера, превращенная в форму культурной принадлежности, легко становится ресурсом «христианского национализма»: религиозность начинает функционировать как знак групповой солидарности, символической лояльности и политической благонадежности (Congdon, 2024: 245–255). Это хорошо соотносится с определением «христианского национализма» как «культурной схемы», связывающей американскую гражданскую жизнь с партикулярной формой христианства (Baker, Perry, Whitehead, 2020).

Последняя часть этой главы посвящена рассмотрению парадокса ортодоксии и политики антилиберализма. Конгдон утверждает, что ортодоксия сама по себе тяготеет к авторитарным способам самоподдержания, поскольку для сохранения своих границ нуждается в институциональном контроле и санкциях (Congdon, 2024: 255–263). На наш взгляд, это один из самых дискуссионных тезисов книги. Исторический материал, на который опирается автор, действительно показывает, что ортодоксальные формы самоутверждения нередко сопровождалась дисциплинарными практиками. Однако тезис о почти неизбежной авторитарности ортодоксии требует более тонкого различения. Одно дело – догматический консенсус как способ символического единства религиозного сообщества. Другое – ортодоксия как политическая технология исключения, направленная на маркирование допустимого и недопустимого. Конгдон в данном случае сосредоточен прежде всего на втором аспекте (р. 267–270).

Заключение возвращает читателя к аналитике публичных утверждений по типу: «нельзя быть истинным христианином и...». Автор показывает, что подобные формулы исторически повторяются и могут обслуживать противоположные этические и политические позиции. Это наблюдение важно, поскольку оно усложняет однозначно негативную оценку прескриптивизма. Конгдон, однако, не отказывается от критики, а предлагает различение: проблема не в том, что существуют нормы, а в том, как норма институционализируется и какие границы она проводит (Congdon, 2024: 272–274). Автором вводится неологизм «полидоксия», описываемая как способ мыслить религию и теологию в плюралистическую эпоху (Congdon, 2024: 274–283). Конгдон стремится удержать нормативность и одновременно отказаться от

фиксации единственного «правильного» учения: полидоксия предполагает признание внутренней множественности христианства и легитимацию религиозного самоопределения разных общин и субъектов при сохранении этического горизонта, противостоящего насилию и исключению (Congdon, 2024: 275–279).

При всех несомненных достоинствах монографии отдельные ее положения остаются дискуссионными. Прежде всего это касается статуса ортодоксии в авторской аргументации. Конгдон особенно убедителен там, где показывает, как язык ортодоксии функционирует в качестве технологии исключения внутри традиции. Однако при таком ходе анализа не всегда достаточно строго различаются, с одной стороны, ортодоксия как форма догматического и символического единства религиозного сообщества и, с другой, ортодоксия как инструмент институционального контроля и дисциплинарного разграничения. Вследствие этого критика авторитарных практик религиозного самоутверждения местами переносится на ортодоксию как таковую.

Второй дискуссионный момент связан с масштабом авторских обобщений. Американский материал – от споров об «историческом христианстве» до анализа «христианского национализма» – рассмотрен Конгдоном тонко и последовательно. Однако в ряде случаев именно эта конкретная культурно-историческая ситуация начинает служить основанием для более широких выводов о логике развития христианства вообще, что, на наш взгляд, не всегда оправдано.

Наконец, наименее развернуто обоснованной частью книги остается ее конструктивный финал. Предлагаемая Конгдоном «полидоксия» значима как попытка помыслить христианство вне режима единственно допустимой нормы и тем самым сохранить нормативность без авторитарного исключения. Однако позитивное содержание этой альтернативы прояснено менее подробно, чем критика адресованных ей моделей. В результате остается открытым вопрос, каким образом полидоксальная версия христианской идентичности может удерживать содержательную определенность и минимальные условия общей религиозной узнаваемости, не воспроизводя при этом новой формы нормативного предпочтения.

В целом книга Дэвида У. Конгдона – это сильное и концептуально насыщенное исследование, наиболее ценное тем, что оно показывает исторически и политически опосредованный характер любой претензии на нормативное определение «истинного христианства». Именно поэтому монография заслуживает внимательного прочтения не только как интеллектуальная история американских религиозных конфликтов, но и как приглашение к дальнейшему обсуждению границ и форм христианской идентичности в позднем модерне.

Литература

References

Baker, J. O., Perry, S. L. and Whitehead, A. L. (2020), “Keep America Christian (and White): Christian Nationalism, Fear of Ethnoracial Outsiders, and Intention to Vote for Donald Trump in the 2020 Presidential Election”, *Sociology of Religion*, 81 (3), 272–293, DOI: 10.1093/socrel/sraa015

Congdon, D. W. (2015), *The Mission of Demythologizing: Rudolf Bultmann’s Dialectical Theology*, Fortress Press, Minneapolis, MN, USA.

Congdon, D. W. (2016), *The God Who Saves: A Dogmatic Sketch*, Wipf & Stock Publishers, Eugene, OR, USA.

Congdon, D. W. (2024), *Who Is a True Christian? Contesting Religious Identity in American Culture*, Cambridge University Press.

Du Mez, K. K. (2020), *Jesus and John Wayne: How White Evangelicals Corrupted a Faith and Fractured a Nation*, Liveright Publishing Corporation, New York, NY, USA.

Hellemans, S. (2011), “Religious Orthodoxy as a Modality of ‘Adaptation’”, in Becking, B. (ed.), *Orthodoxy, Liberalism, and Adaptation: Essays on Ways of Worldmaking in Times of Change from Biblical, Historical and Systematic Perspectives*, Brill, Leiden, the Netherlands; Boston, MA, USA, 9–32.

Lindbeck, G. A. (1984), *The Nature of Doctrine: Religion and Theology in a Postliberal Age*, Westminster Press, Philadelphia, PA, USA.

Lindbeck, G. A. (1997), “The Gospel’s Uniqueness: Election and Untranslatability”, *Modern Theology*, 13(4), 423–450, DOI: 10.1111/1468-0025.00047

Sykes, S. W. (1984), *The Identity of Christianity: Theologians and the Essence of Christianity from Schleiermacher to Barth*, Fortress Press, Philadelphia, PA, USA.

Watson, E. (2021), “Another Nature of Doctrine: George Lindbeck, Kathryn Tanner and Christian Identities”, *Scottish Journal of Theology*, 74 (3), 262–273, DOI: 10.1017/S0036930621000429

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Беляева Ульяна Павловна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; *ulyana-sin@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Ulyana P. Belyaeva, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Political Science, and Theology, Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia; *ulyana-sin@yandex.ru*

УДК: 130.2; 808.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-9

Егоров Н. С.

**Личностное литературоведение. Заметки на полях книги
А.Н. Андреева «Школа персоноцентрического
литературоведения» (Москва, 2025)**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
jivaturik@yandex.ru

Аннотация. В рецензии рассматривается вопрос о месте школы персоноцентрического литературоведения в общей композиции основных векторов постижения литературы. Особое внимание уделяется возможности исследования текста путем выявления личностных и надличностных детерминант творчества. Через дихотомию личностного и надличностного осмысляются идеологические и социологические компоненты литературной целостности, а также новые понятийные объемы, предложенные в книге для классических гуманитарных понятий. Отмечается, что книга А.Н. Андреева не может быть в полной мере отнесена к области личностного литературоведения в связи с установлением А.Н. Андреевым определяющей роли надличностных детерминант литературного процесса.

Ключевые слова: персоноцентрическое литературоведение; Анатолий Николаевич Андреев; личностное литературоведение; личность; автор; идеология

Для цитирования: Егоров, Н. С. (2026), «Личностное литературоведение. Заметки на полях книги А.Н. Андреева “Школа персоноцентрического литературоведения” (Москва, 2025)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 203-208. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-9

N. S. Egorov

**Personal literary criticism. Notes on the margins of A.N. Andreev's
book “The School of Personocentric Literary Criticism”
(Moscow, 2025)**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
jivaturik@yandex.ru

Abstract. The review examines the question of the place of the school of personocentric literary studies in the overall composition of the main vectors of comprehension of literature. Particular attention is paid to the possibility of analysing a text by identifying the personal and transpersonal determinants of creativity. Through the dichotomy of the personal and the transpersonal, the ideological and sociological components of literary integrity are comprehended, as well as new conceptual volumes proposed in the book for classical humanitarian concepts. It should be noted that the book by A. N. Andreeva cannot be fully attributed to the field of personal literary criticism, given that

A. N. Andreev established the defining role of transpersonal determinants in the literary process.

Keywords: personocentric literary criticism; Anatoliy N. Andreev, personal literary criticism; personality; author; ideology

For citation: Egorov, N. S. (2026), “Personal literary criticism. Notes on the margins of A.N. Andreev's book ‘The School of Personocentric Literary Criticism’ (Moscow, 2025)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 203-208. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-9

Исследование личностных и лично-биографических аспектов творческой деятельности, составляющих одно из измерений литературного процесса и истории искусства, – давний и, разумеется, открытый вопрос. То, что можно назвать личным в области постижения литературы и искусства, связано с поиском твердо очерченной фигуры автора, портретированной через экзистенциальную, этическую, биографическую, психологическую, культурно-историческую оптику. Еще И. Тэн предлагал «войти в мелочь частной жизни великих художников и великих писателей» (Тэн, 1996: 26). Ш.-О. Сент-Бёв писал о современных ему литераторах: «Я сужу не об их произведениях, а о самой их личности» (Сент-Бёв, 1987: 52). Область личного в постижении литературы безгранична и существует в целом спектре направлений, уделяющих внимание автору, авторскому голосу, авторскому намерению, авторской ответственности.

Особенную позицию к этой области занимает недавно вышедшее исследование А.Н. Андреева «Школа персонцентрического литературоведения». На наш взгляд, работа несомненно заслуживает внимания тем, что позволяет сосредоточиться на междисциплинарном статусе автора и авторства.

Название книги как будто провоцирует аналитическое сопоставление «личного» и «авторского». Собственно, «личность» в европейских языках обозначается словами, происходящими от латинского “persona”. Можно ли считать персонцентрическое литературоведение личностным? Или считать новую школу персонцентрического литературоведения проектом «возвращения» или «воскрешения» автора?

Рассуждая о понятии авторской школы, А.Н. Андреев понимает под автором не объект изучения, а, скорее, собственную субъективно-центрированную установку исследования: «Начало авторской школы персонцентрического (лично ориентированного) литературоведения было положено в 1995 году, когда была опубликована монография “Целостный анализ литературного произведения” (Андреев А.Н. / Минск: НМЦентр. – 144 с.). Далее в 1998 году мною в МГУ им. М.В. Ломоносова была защищена докторская диссертация “Целостность художественного произведения как литературоведческая проблема”» (Андреев, 2025: 7).

Методологически организованные, программные размышления А.Н. Андреева структурно моделируют целостный анализ как серьезное направление «отечественной литературоведческой мысли на рубеже XX–XXI столетий» (Андреев, 2025: 5).

А.Н. Андреев предупреждает: «Читателю нашей книги (да и любой другой литературоведческой книги) придется столкнуться с ситуацией терминологического хаоса» (Андреев, 2025: 17). Близкое расположение терминов «авторская школа» и «персонцентрическая школа» действительно можно назвать дисгармоничным. Но в отношении полисемии «автора» и «читателя», на примере которых А.Н. Андреев говорит о хаосе, подобное заявление уязвимо. Отходя от литературоведческой сферы и рассматривая наиболее значимые категории гуманитарной мысли («Бог», «любовь», «истина», «душа»,

«власть», «культура»), можно обнаружить многослойные, семантически насыщенные абстракции высшего порядка. Все они обретают личные и безличные контексты, могут выходить на различные уровни отвлеченности. То же можно сказать об «авторе»: его «хаос» – богатство контекстуально-обусловленных смыслов, которые могут быть организованы в симфоническое единство. Автор как юридическое лицо, носитель авторского права, не исключает и не ограничивает автора-человека или автора –текстуальную инстанцию, так же как представление о Боге-Абсолюте не исключает представление о Боге-Творце или Богочеловеке. При этом в разговоре об авторе нам приходится иметь в виду ряд весомых концептов, редуцировавших эту парадигмальную фигуру гуманитарного мышления. К примеру, у М. Фуко автор сокращается до функции классификации текстов (Фуко, 1996). Предрекают ли подобные редукции, осуществленные исследователями XX века, нашу участь вечного блуждания в хаосе частных взаимоисключающих определений? Напротив, вместо взаимоисключающих линий, мы имеем возможность увидеть автора как смысловой узел, соединяющий (систематизирующий) детерминации, интенции и контексты, наполняющие и обрамляющие индивидуальное творчество (Егоров, 2024). Целостный анализ, применяемый А.Н. Андреевым, предлагает другой порядок обобщения: «Моментами целостности (в разной степени) могут выступать личность, эпоха, автор, произведение, читатель, традиция, современный контекст и так далее» (Андреев, 2025: 26). Таким образом, в фокусе внимания А.Н. Андреева находится не авторская фигура, а произведение как точка сосредоточения идейного и эстетического, художественного и внехудожественного, личного и текстуального (Андреев, 2025: 21, 24, 31). На этих диалектических связях, опутывающих автора и произведение, основывается целостный анализ, который, как замечает А.Н. Андреев, сам по себе уже является понятием диалектическим: целостность как неделимое и анализ как разделение (Андреев, 2025: 19).

Целостность у А.Н. Андреева – карт-бланш на выход из текста в философско-культурологическую и психологическую сферу. При этом интервенция в смежные области знания должна закрепить за литературоведением научный статус: «Как показывает практика, сосредоточенность исключительно на “тексте” и “стиле” не позволяет литературоведению всерьез претендовать на статус науки» (Андреев, 2025: 27). Согласиться с этим трудно, поскольку именно определенность предметной области вкупе с методологией выступают признаками научной дисциплины. Возможно, вместо констатации грядущего расширения предметной области литературоведения уместнее было бы сказать о междисциплинарном масштабе целостного анализа. Сосредотачиваясь на художественном тексте, А.Н. Андреев констатирует «создание персоноцентрического литературоведения» (Андреев, 2025: 38). Впрочем, персоноцентрическая линия доминировала в осмыслении истории литературы (искусства) вплоть до провозглашения авторской смерти. Сопrotивляясь этой персоноцентрической (субъектоцентрической) линии, Г. Вёльфлин составлял естественную историю искусства, или историю искусства «без имен» (Вёльфлин, 2020); с тем же предложением относительно литературы выступал П. Валери (Валери, 2020).

Что же имеет в виду А.Н. Андреев, говоря о персоне? Персона (сама по себе не имеющая определения в его тексте) ведет к понятию «личность», которое описывается как информационная инстанция, «духовно-психо-физиологический симбиоз» (Андреев, 2025: 131), носитель сознания: «Как показывает практика, без теории сознания оказалось невозможным сформировать представление о предмете исследования для эстетики и литературоведения – таков наш исходный постулат» (Андреев, 2025: 67). Говоря о концепциях личности в произведении, А.Н. Андреев вводит в свою теорию не только авторское и читательское сознание, но и «ансамбль личностей» (Андреев, 2025: 140), который имеет началом мировоззрение и сознание автора (Андреев, 2025: 141, 142).

Между тем, при взаимодействии читателя с произведением «момент сопереживания полностью вытесняет момент сотворчества» (Андреев, 2025: 224). Более развитые личности ценят момент сотворчества. Высшая привилегия творчески одаренных натур – «сотворческое сопереживание» (Андреев, 2025: 224).

Обращаясь к классическим литературоведческим категориям и их соотношениям, Андреев предлагает собственное видение понятийных объемов: «Любой прием поглощается понятием “стиль”, и в этом отношении тождественен ему. Но если стиль является эстетической категорией, то техника – это искусство создавать стиль» (Андреев, 2025: 204). Методологическая решительность А.Н. Андреева порождает чрезмерную эклектичность в пересечениях понятий «человека», «персоны» («персоноцентричности», «персоноцентрической валентности»), «личности», «субъекта» («коэффициента субъекта»), «автора», «писателя». Эти понятия (некоторые из которых подчас используются синонимично) тем не менее иногда получают у А.Н. Андреева особую семантическую нагрузку. Так, о человеке А.Н. Андреев чаще говорит как о носителе психики и интеллекта, тогда как о личности (которой еще надо стать (Андреев, 2025: 225)) – как о носителе разума и информационной структуры. При этом и человек, и личность, и автор, и читатель обладают сознанием.

Несмотря на простой, популярный в синтаксическом отношении стиль изложения, категориальная сложность А.Н. Андреева устанавливает высокий порог доступа для людей, не имеющих профессиональной подготовки.

Итак, сердцевиной целостного анализа является персоноцентрическое литературоведение, которое в свою очередь выдвигает на первый план сознание (авторское и читательское). Эта теоретическая картина, описанная А.Н. Андреевым в первой главе, уже во второй претерпевает смещение акцентов. Детерминирующим элементом целостности предстает не персона (персональные «информационные» и психические свойства), а надперсональная идеология, возвышающаяся над автором и творчеством: «Литература – инструмент идеологии, что вовсе не унизительно; напротив, литература выполняет важнейшую культурную функцию» (Андреев, 2025: 83). Это положение можно назвать наиболее дискуссионным из всех, изложенных в книге. Даже если принять взгляд на идеологию как на технологию выражения идей в образной форме, остается непонятным, в чем заключается инструментальная оригинальность литературы. Инструментами идеологии могут выступать такие феномены человеческой культуры, как кинематограф, архитектура, образование, реклама, мода, спорт. В этом ряду, разумеется, есть место и для литературы, но не вполне очевидным представляется этот ряд и эта оптика в разговоре о персональных, «личных» интеракциях автор-герой-читатель. Можно предположить, что перед автором ставится задача индоктринации читателя посредством текста.

Говоря об идеологических матрицах, например, «Родина. Правда. Победа» (Андреев, 2025: 93), А.Н. Андреев подталкивает к абсолютизации социальной миссии писателя, хотя и выражает более сложное отношение к ней, рассуждая о двух эстетических кредо («искусство для искусства», «искусство для общества») (Андреев, 2025: 211-214). Вызывает сомнение признание тотальности идеологической реальности, которая низводит литературу до инструментального статуса. Таким образом, функция литературы сокращается до «иллюстрации» идей и эстетических программ; творческая единица – до агента социальных коммуникаций: «“Личное” – это и есть “сверхличное”, все личные идеалы, мировоззрения, жизненные программы являются сверхличными по определению (“человек есть совокупность общественных отношений”))» (Андреев, 2025: 152). Творец здесь – не столько транслятор, сколько ретранслятор идей, идеалов, ценностей.

Среди слабых сторон такого взгляда можно назвать отсутствие единых читательских ключей; литературное творчество метафорично, а не директивно, поэтому идеологическая

цепочка «автор-произведение-читатель» имеет ограниченный потенциал. Особенно зыбки позиции тотального идеологизма при анализе постмодернистских произведений, вступающих в идейную и ценностную игру с читателем: постмодернистское произведение, обладающее самодовлеющей формой, является выражением идеологии постмодернизма через форму, а не содержание. Но в таком случае, если отсутствие идеологии, игра с идеологией, тоже считается идеологией, сам термин становится тавтологичным и лишается объяснительной силы. Как бы предупреждая подобный аргумент, в конце книги А.Н. Андреев предлагает социологическое уточнение: «Названия художественной литературы как вида искусства, как формы общественного сознания заслуживает прежде всего <...> Литература Больших Идей, решающая кардинальные духовные проблемы человека» (Андреев, 2025: 267).

Гораздо весомее идеологических (эстетико-идеологических) детерминаций выглядит проблема взаимопредставленности реальности в тексте и текста – в реальности. Но этот фундаментальный теоретический вопрос не рассматривается отдельно, а лишь упоминается в ряду иных проблем, связанных с идеологией (Андреев, 2025: 213).

В заключение можно заметить, что книга А.Н. Андреева представляет собой содержательный труд, обобщающий основные достижения литературоведческой школы. Работа отмечена высоким уровнем методологической рефлексии и междисциплинарной (филологической, философской, культурологической) широтой. Вместе с тем, нельзя не сказать и о спорных сторонах. Терминологическая перегруженность, требующая интенсивной вовлеченности в новые интерпретации классических литературоведческих терминов («метод», «стиль», «пафос» и т. д.) и крупных гуманитарных понятий («персона», «личность», «человек», «идеология») делает «службу понимания» довольно трудной.

Персоноцентрическую школу все же не отнести в полной мере к области личностного литературоведения; слишком интенсивным является внимание к надличностным детерминантам литературного процесса.

Книга, без сомнения, заслуживает пристального внимания и академической полемики вокруг личностных и внеличностных, персоноцентрических и социоцентрических начал литературного творчества.

Литература

- Андреев, А. Н. (2025), *Школа персоноцентрического литературоведения*, Вече, Москва.
- Валери, П. (2020), *Эстетическая бесконечность. Эссе*, пер. с фр. Тайманова, М., КоЛибри, Москва.
- Вельфлин, Г. (2020), *Основные понятия истории искусств*, пер. с нем. Франковский, А. А., Лань, Планета музыки, Санкт-Петербург.
- Егоров, Н. С. (2024), «Автор в культурно-историческом дискурсе», Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону.
- Сент-Бев, Ш.-О. (1987), «Из “Дневника”», *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе*, сост., общ. ред. Косикова, Г. К., Издательство МГУ, Москва, 51-53.
- Тэн, И. (1996), *Философия искусства*, пер. с англ. Соболевский, Н., Искусство, Москва. EDN: HADPFХ
- Фуко, М. (1996), «Что такое автор?», *Фуко, М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности*, сост., пер. с фр. Табачниковой, С., Магистериум, Москва, 8-48.

References

- Andreev, A. N. (2025), *Shkola personotsentricheskogo literaturovedeniya* [School of personocentric literary criticism], Veche, Moscow, Russia (in Russ.).
- Egorov, N. S. (2024), “The author in cultural and historical discourse”, Abstract of PhD dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (in Russ.).

Foucault, M. (1996), “What is an author?”, *Fuko, M. Volya k istine : Po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* [Foucault, M. The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality], Transl. by Tabachnikova, S., Magisterium, Moscow, Russia, 8-48 (in Russ.).

Sainte-Beuve, Ch.-A. (1987), “From the ‘Diary’”, *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. Traktaty, stati, esse* [Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th–20th centuries. Treatises, articles, essays], in Kosikov, G. K. (comp., ed.), Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia, 51-53 (in Russ.).

Taine, H. (1996), *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art], translated from English by Sobolevsky, N., Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: HADPFX

Valéry, P. (2020), *Esteticheskaya beskonechnost. Esse* [Aesthetic infinity. Essays], translated from French by Taimanova, M., KoLibri, Moscow, Russia (in Russ.).

Wölfflin, H. (2020), *Osnovnye ponyatiya istorii iskusstv* [Kunstgeschichtliche Grundbegriffe] [Basic concepts of art history], translated from German by Frankovsky, A. A., Lan', Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Егоров Никита Сергеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; jivaturik@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Nikita S. Egorov, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; jivaturik@yandex.ru

УДК: 159.923.32

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-2-0

Баринов Н. Н. | «Профессиональный кретинизм» и постнеклассическая наука

Приход храма в честь святых Царственных страстотерпцев г. Рязани
Рязанской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат),
Московское шоссе, д. 65б, г. Рязань, 390020, Россия;
Рязанский государственный университет им. С. Есенина,
ул. Свободы, д. 46, г. Рязань, 390000, Россия;
o.nikolaos@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются негативные последствия использования избыточной терминологии в научных работах. Исследуются история описания и анализа проблемы, начиная с трудов И. Канта, К. Маркса и до настоящего времени, возникновение в науке «синдрома Вавилонской башни», понятий «профессиональный кретинизм», «атомизация знания», «мистификация Сокала», «терминологический шум». Рассмотрены различные аспекты отрицательного воздействия данного явления на развитие постнеклассической науки. Предлагается метод решения в виде развития предложения С. Лема и применения «бритвы Оккама» не только к генерированию новых понятий, но и к накопленному багажу существующей излишней терминологии.

Ключевые слова: терминологический шум; профессиональный идиотизм; бритва Оккама; синдром Вавилонской башни; мистификация Сокала; атомизация научного знания; метаязык; И. Кант; К. Маркс; А. Любищев

Для цитирования: Баринов, Н. Н. (2026), «“Профессиональный кретинизм” и постнеклассическая наука», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 209-216. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-2-0

N. N. Barinov | “Professional Cretinism” and Post-Non-Classical Science

Orthodox Parish of the Church in honor of the Holy Royal Passion-Bearers of Ryazan,
Ryazan Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate),
65b Moskovskoe Hgw., Ryazan, 390020, Russia;
Esenin Ryazan State University, 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia; *o.nikolaos@yandex.ru*

Abstract. This article examines the negative consequences of using redundant terminology in scientific works. It explores the history of the description and analysis of the problem, beginning with the works of I. Kant and K. Marx and continuing to the present day, as well as the emergence of the "Tower of Babel Syndrome" in science, along with concepts such as "professional cretinism," "atomization of knowledge," "Sokal's hoax," and "terminological noise." Various aspects of the negative impact of this phenomenon on the development of post-classical science are considered. A solution is proposed by expanding on S. Lem's proposal and applying Occam's razor not only to the

generation of new concepts but also to the accumulated baggage of existing redundant terminology.

Keywords: terminological noise; professional idiocy; Occam's razor; Tower of Babel syndrome; Sokal's hoax; atomization of scientific knowledge; metalanguage; I. Kant; K. Marx; A. Lyubishchev

For citation: Barinov, N. N. (2026), “‘Professional Cretinism’ and Post-Non-Classical Science”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 209-216, DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-2-0

«Профессиональный кретинизм» – современное имя термина, имеющего давние исторические корни. Ввел его К. Маркс, у него оно дословно звучало “Fach-idiotismus” (Маркс, 1885: 144) (профессиональный идиотизм): «Каждый отгораживает себе известное пространство и замыкается в нем» (Маркс, 1941: 122). В.В. Сидорин поясняет это так: «Маркс установил, что капиталистическому способу производства соответствует и определенный тип личности, ключевой характеристикой которой оказывается “профессиональный кретинизм”: личность превращается в маленький “винтик” громадной системы эксплуатации» (Сидорин: 2018). В.В. Сидорин напоминает марксистский тезис, что капитализм принуждает работника к труду в форме предельной эксплуатации в рамках его узкой специализации, это способствует «профессиональному кретинизму» и является одновременно следствием и условием капиталистического разделения труда. С ликвидацией капиталистической системы, в ходе социалистического и коммунистического строительства, перед человечеством встает новая экономическая задача – создание единого, планового механизма управления производством (Там же). Первая часть приведенного размышления сомнений не вызывает. Узкая специализация приводит к высокому профессионализму в конкретной области, часто за счет отставания в других сферах. Но В.В. Сидорин вслед за классическим марксизмом относит это только к капитализму, что, очевидно, не подтверждается эмпирическими данными. Разделение труда и узкая специализация характерны для любого развитого производства при любом общественном строе. А если процитировать В.И. Ленина, то в России никогда и не было социализма; по его мнению, при существовании института государства социализм принципиально невозможен: «Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, это – мы» (Ленин, 1970: 398). «...всякое государство несвободно и ненародно <...> “народное государство” есть... бессмыслица» (Ленин, 1969b: 20, 66). До него точно такие же взгляды высказывал Ф. Энгельс: «...государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист» (Маркс и Энгельс, 1961: 290). «...Следует оценивать фразу про “свободное народное государство”, фразу, имевшую до известной поры право на существование в качестве агитационного средства, но, в конечном счете научно несостоятельную» (Там же: 292). Естественно, такие взгляды тщательно скрывались от народа. В.И. Ленин наказывал: «Ни малейшего упоминания в печати о моем письме быть не должно» (Ленин, 1970: 400). А.А. Любичев писал о том, что в СССР человек был таким же «винтиком», когда «творческое обсуждение вопросов подменяется администрированием, отсекаются инакомыслящие, глушится живая научная мысль» (Любичев, 1999: 48). Таким образом, в соответствии со взглядами теоретиков марксизма-ленинизма, народного социалистического государства в России не существовало. По их теоретической гипотезе, оно вообще невозможно, социализм должен был наступить только после полного (постепенного) отмирания института государства. А термин «народное государство» был только агитационным приемом для удержания в повиновении масс, а поэтому и тезис, что

«профессиональный кретинизм» относится только к западному капиталистическому обществу, не выдерживает критики.

На самом деле, проблему узкоспециализированного знания, замыкающего в нем человека, делающего его несведущим во многих, даже самых простых, вопросах за пределами его компетенции, заметил еще И. Кант. Он приводил пример, когда ученый не знал ответ на простой обыденный вопрос, и одна дама сказала: «Каким образом такой ученый человек может быть настолько глупым?!» (Кант, 1900: 76). И. Кант также писал, что педантично следующий определенной школе, даже будучи «машиной для обучения других», имеет узкий взгляд на вещи, подвержен «гордости, которая неизбежно присуща всякому педанту» (Кант, 1900: 20). Данное психологическое наблюдение необходимо отметить, оно важно для дальнейшего исследования рассматриваемой проблемы. Позже, как показано выше, К. Маркс развил данный тезис И. Канта применительно к разделению труда и охарактеризовал его как “*Fach-idiotismus*”.

Сами основатели марксизма-ленинизма не избежали попадания под это определение К. Маркса. Так, обладающий большими познаниями в отдельных сферах Ф. Энгельс при обосновании закона «отрицания отрицания» совершенно по-дилетантски обошелся с простейшим математическим примером, где перепутал отрицание (знак « $\neg$ ») с умножением (знак « $\times$ »), что свело к нулю его доказательства (Баринов, 2022: 35). Причем преклонение перед его авторитетом и в дальнейшем не позволило никому обратить внимание на данную ошибку. В.И. Ленин воздвиг свои фундаментальные утопические труды (которые привели на практике к неисчислимым жертвам) как колосса на «глиняных ногах» фундаментального же непонимания элементарных законов физики. В работе «К вопросу о диалектике» он пишет: «Условие познания всех процессов мира в их “самодвижении”, в их спонтанном развитии...» (Ленин, 1969а: 317). Однако самодвижение и саморазвитие материи невозможны в силу закона сохранения энергии и закона увеличения энтропии (говоря проще, постепенной утраты любым материальным объектом энергии и, соответственно, постепенного его разрушения) (Баринов, 2025: 9-10). Для начала движения нужен первый импульс. Как здесь не вспомнить теорию Большого взрыва или Аристотеля с его перводвижателем, или Бога в мировых религиях? Да и сам К. Маркс, увлекаясь экономическими идеями, попадал в философские ловушки. А.А. Любищев пишет по поводу его знаменитой фразы «бытие определяет сознание»: «Вдумайтесь в эти надоевшие слова. Бытие противопоставляется сознанию. Значит – сознание не бытие. Но то, что лишено бытия, не имеет реального существования, иначе говоря, не существует. Мы пришли к сумасшествию, горшему сумасшествия солипсистов» (цит. по: Голубовский, 2000). Даже если иносказательно понимать термин «бытие» как «организацию окружающей жизни», то эмпирические данные в любом случае не подтверждают теорию К. Маркса. Множество выдающихся людей, в том числе христианских подвижников благочестия, на протяжении всей истории человечества меняли сознанием «бытие», часто не в угоду утилитаризму и эвдемонизму, иногда жертвуя своей жизнью. Таким образом, главные теоретики марксизма-ленинизма попали, образно говоря, в яму, которую вырыли сами, некоторые их идеи полностью соответствуют термину К. Маркса «профессиональный идиотизм». К. Поппер обосновывал тезис, что понятия «капитализм», «социализм», «коммунизм» не имеют никакой связи с реальным миром, аргументировал несоответствие критериям научности теории марксизма и называл ее «идеологическим идиотизмом». По его мнению, общество, в котором жил К. Маркс, сильно отличалось от того, как тот его себе представлял (Поппер, 1993: IV-VI).

Углубление узконаправленной специализации с параллельным расширением незнания в других областях происходит во всем мире. А.А. Любищев писал, что грубейшие ошибки совершались даже талантливейшими деятелями русской культуры, когда они, переоценив свои силы, вторгались в незнакомые им области. Истина для всех времен и общественных

строев заключается в том, что никакой талант не спасает от серьезных промахов, если к чрезмерной самоуверенности присоединяется непонимание сути дела (Этика ученого..., 1999: 45-46). XX век выкристаллизовал, по словам Х. Ортеги-и-Гассета, «диковинного нового человека»: «Специалист хорошо “знает” свой мизерный клочок мироздания и полностью несведущ в остальном» (Ортега-и-Гассет, 2016: 105). Обратная сторона медали заключается в том, что западной узкоспециализированной науке в большинстве случаев удавалось достичь более существенного прогресса. Человек имеет ограниченные способности, поэтому нельзя объять необъятное. Направив свою энергию на небольшой участок исследования, он может добиться в этой области более серьезных успехов, чем на широком поле деятельности. Таким образом, в рассматриваемой проблеме выявилось диалектическое противоречие, которое позволяет обратиться за помощью к философии: она может сформулировать метапозицию над поставленными вопросами и предлагать пути выхода из данного кризиса.

Самое существенное в описанной проблеме состоит в непроницаемости терминологического «панциря», созданного узкими специалистами при сообщении с внешним миром. С одной стороны, складывается и закрепляется непонимание «внешними», даже учеными, проблем внутри «панциря», поскольку выработанная терминология доступна для понимания лишь «внутренним». Отдельные «панцири» в этом отношении изолируются друг от друга. Например, известный биолог С.В. Мейен писал, что ему с трудом удалось понять работы Ю.А. Урманцева по новой междисциплинарной науке «биосимметрии», поскольку тот применял новые методы комбинаторной математики, симметричного анализа и аксиоматической общей теории систем, а известный биолог А.А. Любищев вообще честно признал, что многое не понимает в его работах. И это при том, что он был энциклопедистом, эрудиция его «была огромной» (Мейен, 2015: 17, 44-45). А.К. Савина назвала это явлением партикуляризма и атомизации областей знания, «синдромом “Вавилонской башни”» (Савина, 2018). Согласно библейскому тексту, при строительстве этой башни Бог дал каждому народу отдельный язык, люди перестали понимать друг друга и разошлись, строительство башни остановилось.

Одна из сторон проблемы – это использование, подобно «фиговому листочку», новоизобретенных терминов для закрытия необъясненных трудностей в научных областях, чтобы придать видимость прогресса или даже «открытий». Как пишет тот же А.А. Любищев: «Они лишь подчеркивают незнание... и не могут служить объяснением» (Любищев, 1982: 12).

В истории существуют примеры использования некоторых терминов в виде штампов для борьбы с оппонентами. Например, в СССР понятие «вейсманнизм-морганизм» (и некоторые другие «-измы») превратилось в ярлык, который обскуранты употребляли для борьбы с теми учеными, против которых они не имели аргументации, чтобы вести научный спор по существу (Этика ученого..., 1999: 33).

Важной составляющей рассматриваемой проблемы являются психологические мотивы, замеченные еще И. Кантом, о которых говорилось выше. Кант писал о возникновении гордости при узкопедаггическом следовании определенной школе, дающем гипертрофированную самооценку. Соответственно, в настоящее время использование сложной научной узкоспециальной терминологии, не доступной пониманию других, может являться следствием желания некоторых индивидов повысить свою значимость в глазах окружающих. Множество малопонятных «внешним» терминов не обязательно говорит о реальной научной ценности той или иной работы. А.А. Любищев приводит пример Г. Фиша, который попытался прикрыть свою некомпетентность и повысить значимость, для чего решил «щегольнуть знанием латинской номенклатуры» (Этика ученого..., 1999: 41). К этой же мотивации, вероятно, относятся тенденции употребления в тексте ложной новоизобретенной терминологической лексики, или «терминологического шума». Е.С. Громенко в своем

исследовании показывает, что этот «шум» может составлять в современных текстах до 95 % приводимых понятий (Громенко, 2023: 34).

С. Лем жестко критиковал увлечение в ученых кругах ставшей тогда модной кибернетической терминологией, которую пытались «прицепить» куда только возможно. Он писал, что природа мозговых явлений, до сих пор остающаяся неразгаданной, зачастую оказывается насильственно втиснутой в жесткие рамки «физикалистской» терминологии. В таких контекстах можно прочесть об «энтропии сознания и подсознания», о «понятийных» и «эмоциональных кодах», а также об «эстетической информации». Более того, наблюдается тенденция к натягиванию кибернетических масок на психоанализ, что приводит к приравниванию творений ученых-теоретиков к продуктам мышления шизофреников. При этом чисто формальный подход к «информационной оригинальности» – где смысл уравнивается в правах с бессмыслицей – по видимости, считается неимоверно научным, то есть «кибернетическим». С. Лем с сарказмом пишет, что некоторые лица в свободное время с удовольствием измышляют «новые виды» информации. Они могут делать это совершенно безмятежно, ведь все их «гениальные» идеи и «прорывные» изобретения недоступны никакой экспериментальной проверке (Лем, 1968: 219). Таким образом С. Лем обозначил здесь еще один аспект проблемы – использование многочисленных узкоспециализированных терминов усложняет верификацию и ограждает профанацию от значительной части возможной критики, что, безусловно, отрицательно сказывается на развитии науки.

В 1996 году А. Сокал (A. Sokal), профессор физики Нью-Йоркского университета, написал статью «Переступая границы: к вопросу о трансформативной герменевтике квантовой гравитации». Она была намеренно бессмысленной с точки зрения науки, но написана безупречным академическим языком, полным модных научных терминов. Статью опубликовал престижный культурологический журнал *Social Text*. Вскоре А. Сокал признался в обмане в другом журнале (*Lingua Franca*). Он объяснил, что его целью было доказать: современная гуманитарная среда настолько увлечена идеологией и сложными терминами, что готова опубликовать полный абсурд, если это звучит «прогрессивно» и научнообразно. Это дело получило название «мистификация Сокала» (Sokal Hoax) и с тех пор приводится как пример того, что имитация академического стиля может легко скрыть отсутствие смысла (Сокал и Брикмон, 2002: 7).

В текущей парадигме постнеклассической рациональности, когда на первый план выступают сложные междисциплинарные науки и появляются новые, рассмотренные в данной статье тенденции явно сдерживают прогресс знания. В настоящее время предлагаются различные пути выхода из создавшейся ситуации. Э. Морен считает, что назрела необходимость создания «трансдисциплинарного языка», или «метаязыка» (Морен, 2005: 22). Учитывая рассмотренные проблемы, такой подход, очевидно, имеет законное право на существование. Однако нужно заметить, что он требует больших усилий для исполнения и не гарантирует успеха. Но существуют альтернативные, причем более доступные возможности. На некоторые из них указывал С. Лем. Он предлагал вернуться к полузабытой в настоящее время «бритве Оккама», причем применительно не только по отношению к излишним деталям самих теорий или избыточным гипотезам, но и к терминологии: «Новое понятие допускается вводить в теоретическую модель действительности лишь в исключительных случаях – если иначе рушатся бесчисленные положения, составляющие самый фундамент всей нашей науки» (Лем, 1968: 82). Но и это предложение не решает всех трудностей, не устраняет проблемы уже накопившегося в больших количествах балласта «терминологического шума» и установившейся традиции его дальнейшего применения. Поэтому в данной работе предлагается сделать еще один шаг: «безжалостно» применить «бритву Оккама» к этому излишнему багажу существующей терминологии и использовать в научных работах только самые необходимые научные термины. Это, конечно, превратит

статьи научных журналов в научно-популярные, и такое положение дел, очевидно, ущемит гордость, снобизм и самомнение некоторых узких специалистов. Но это снимет маску профессионализма с профанации, положительно скажется на возможности междисциплинарного диалога, верификации, критики, уменьшения «профессионального идиотизма» и более плодотворного поиска истины. Как говорил российский император Петр I: «...ибо сим всякого дурость явлена будет» (Воскресенский, 1945: 196).

Литература

- Баринов, Н. Н. (2022), «Марксизм-ленинизм и христианство: классы и классовая борьба», *Философия и культура*, 11, 30-74. DOI: 10.7256/2454-0757.2022.11.39225
- Баринов, Н. Н. (2025), «Некоторые философско-теологические смыслы антропного принципа», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(2), 5-17. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-2-0-1
- Воскресенский, Н. А. (1945), *Законодательные акты Петра I*, ред. и предисл. Сыромятникова, Б. И., Изд-во Акад. наук СССР, Москва; Ленинград.
- Голубовский, М. Д. (2000), «Тайный жребий профессора Любищева», *Вавиловский журнал генетики и селекции*, 15 [Электронный ресурс], URL: <https://vavilovj-icg.ru/2000-year/2000-15/2000-15-8/> (дата обращения: 12.03.2026).
- Громенко, Е. С. (2023), «О явлении “терминологического шума” в языке современных массмедиа», *Русская речь*, 6, 24-37. DOI: 10.31857/S013161170029351-5
- Кант, И. (1900), *Антропология*, пер. Соколова, Н. М., тип. П.П. Сойкина, Санкт-Петербург.
- Лем, С. (1968), *Сумма технологии*, Мир, Москва.
- Ленин, В. (1969а), «К вопросу о диалектике», *ПСС: В 55-ти т. Т. 29*, 5-е изд., Изд-во политической литературы, Москва, 316-319.
- Ленин, В. (1969б), «Государство и революция», *ПСС: В 55-ти т. Т. 33*, 5-е изд., Изд-во политической литературы, Москва, 1-120.
- Ленин, В. (1970), «О задачах наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.И. Курскому», *ПСС: В 55-ти т. Т. 44*, 5-е изд., Изд-во политической литературы, Москва, 396-400.
- Любищев, А. А. (1982), *Проблемы формы систематики и эволюции организмов*, Наука, Москва.
- Маркс, К. (1941), *Нищета философии. Ответ на «философию нищеты» г. Прудона*, Госполитиздат, Москва.
- Маркс, К. и Энгельс, Ф. (1961), «Анти-Дюринг», *Сочинения: В 50-ти т. Т. 20*, 2-ое изд., Изд-во политической литературы, Москва, 1-338.
- Мейен, С. В. (2015), «А.А. Любищев: введение в круг его идей», *Lethaea Rossica. Российский палеоботанический журнал*, 11, 16-46. EDN: WFAPRP
- Морен, Э. (2005), *Метод. Природа Природы*, Прогресс-Традиция, Москва.
- Поппер, К. Р. (1993), *Нищета историцизма*, Прогресс; VIA, Москва.
- Савина, А. К. (2018), «Междисциплинарные педагогические исследования в современной Польше: реальность и риски», *Отечественная и зарубежная педагогика*, 1, 1(46), 44-59. EDN: YUMWJC
- Сидорин, В. В. (2018), «Человек культурный как результат образования. Из истории отечественной философии образования: В.В. Розанов, С.И. Гессен, Э.В. Ильенков», *Язык и текст*, 5, 3, [Электронный ресурс], URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Sidorin.shtml> (дата обращения: 12.03.2026). DOI: 10.17759/langt.2018050309; EDN: KSOVFE
- Сокал, А. и Брикмон, Ж. (2002), *Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна*, Дом интеллектуальной книги, Москва.
- Ортега-и-Гассет, Х. (2016), *Восстание масс*, АСТ, Москва.
- Этика ученого: подбор писем и ст. А.А. Любищева против лысенковщины* (1999), УГПУ, Ульяновск.
- Marx, K. (1885), *Das elend der philosophie. Antwort auf Proudhons "philosophie des elends"*, Verlag und Druck von J. H. W. Dietz, Stuttgart.

References

- Barinov, N. N. (2022), “Marxism-Leninism and Christianity: Classes and Class Struggle”, *Philosophy and culture*, 11, 30-74 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0757.2022.11.39225
- Barinov, N. N. (2025), “Some philosophical and theological meanings of the anthropic principle”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(2), 5-17 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-2-0-1
- Etika uchenogo: podbor pisem i statey. A.A. Lyubishcheva protiv lysenkovshchiny* (1999) [Ethics of a scientist: a selection of letters and articles by A.A. Lyubishchev against Lysenkoism], Ulyanovsk State Pedagogical University Publishing House, Ulyanovsk, Russia (in Russ.).
- Golubovsky, M. D. (2000), “The Secret Lot of Professor Lyubishchev”, *Vavilov Journal of Genetics and Breeding*, 15 [Online], available at: <https://vavilovj-icg.ru/2000-year/2000-15/2000-15-8/> (Accessed 12 March 2026) (in Russ.).
- Gromenko, E. S. (2023), “On the Phenomenon of ‘Terminological Noise’ in the Language of Modern Mass Media”, *Russian Speech*, 6, 24-37 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013161170029351-5
- Kant, I. (1900), *Anthropology*, Transl. by Sokolov, N. M., Typ. P.P. Soikin, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Lem, S. (1968), *Summa tekhnologii* [The Sum of Technology], Mir, Moscow, USSR (in Russ.).
- Lenin, V. (1969a), “On the question of dialectics”, *Complete Works: In 55 vols. Vol. 29*, 5th Edition, Political Literature Publishing House, Moscow, USSR, 316-319 (in Russ.).
- Lenin, V. (1969b), “The State and the Revolution”, *Complete Works: In 55 vols. Vol. 33*, 5th Edition, Political Literature Publishing House, Moscow, USSR, 1-120 (in Russ.).
- Lenin, V. (1970), “On the Tasks of the People's Commissariat of Justice in the Context of the New Economic Policy. Letter to D.I. Kursky”, *Complete Works: In 55 vols. Vol. 44*, 5th Edition, Political Literature Publishing House, Moscow, USSR, 396-400 (in Russ.).
- Lyubishchev, A. A. (1982), *Problemy formy sistematiki i evolyutsii organizmov* [Problems of Form, Taxonomy, and Evolution of Organisms], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).
- Marx, K. (1941), *Nishcheta filosofii. Otvet na “filosofiyu nishchety” g. Prudona* [The Poverty of Philosophy. A Response to Mr. Proudhon's “Philosophy of Poverty”], Gospolitizdat, Moscow, USSR (in Russ.).
- Marx, K. and Engels, F. (1961), “Anti-During”, *Sochineniya: V 50-ti t. T. 20* [Works: In 50 vols, Vol. 20], second edition, Political Literature Publishing House, Moscow, USSR, 1-338 (in Russ.).
- Marx, K. (1885), *Das elend der philosophie. Antwort auf Proudhons “philosophie des elends”* [The misery of philosophy. A response to Proudhon's “philosophy of misery”], Verlag und Druck von J. H. W. Dietz, Stuttgart (in Germ.).
- Meyen, S. V. (2015), “A.A. Lyubishchev: Introduction to the Circle of His Ideas”, *Lethaea rossica. The Russian Journal of Palaeobotany*, 11, 16-46 (in Russ.). EDN: WFAPRP
- Moren, E. (2005), *Metod. Priroda Prirody* [Method. The Nature of Nature], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).
- Ortega y Gasset, H. (2016), *Vosstaniye mass* [La rebelión de las masas] [Revolt of the Masses], AST, Moscow, Russia (in Russ.).
- Popper, K. R. (1993), *Nishcheta istoritsizma* [The Poverty of Historicism], Progress; VIA, Moscow, Russia (in Russ.).
- Savina, A. K. (2018), “Interdisciplinary Pedagogical Research in Contemporary Poland: Reality and Risks”, *Domestic and Foreign Pedagogy*, 1, 1(46), 44-59 (in Russ.). EDN: YUMWJC
- Sidorin, V. V. (2018), “The Cultural Human Being as a Result of Education. From the History of Russian Philosophy of Education: V.V. Rozanov, S.I. Gessen, E.V. Ilyenkov”, *Language and Text*, 5, 3 [Online], available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Sidorin.shtml> (Accessed 12 March 2026) (in Russ.). DOI: 10.17759/langt.2018050309; EDN: KSOVFE
- Sokal, A. and Bricmont, J. (2002), *Intellektualnye ulovki. Kritika sovremennoy filosofii postmoderna* [Intellectual Tricks. Critique of Contemporary Postmodern Philosophy], Dom intellektualnoy knigi, Moscow, Russia (in Russ.).
- Voskresensky, N. A. (1945), *Zakonodatel'nyye akty Petra I* [Legislative Acts of Peter I], in Syromyatnikov, B. I. (ed.), Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow; Leningrad, USSR (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Баринов Николай Николаевич, соискатель кафедры культурологии, Рязанский государственный университет им. С. Есенина, ул. Свободы, д. 46, г. Рязань, 390000, Россия; протоиерей, настоятель храма в честь святых Царственных страстотерпцев г. Рязани, Рязанской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), Московское шоссе, д. 65 Б, г. Рязань, 390020, Россия; *o.nikolaos@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0007-3858-2877

Researcher ID (Web of Science): LRB-3234-2024

ABOUT THE AUTHOR:

Barinov Nikolay Nikolaevich, Applicant of the Department of Cultural Studies, Esenin Ryazan State University, 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia; Archpriest, Rector of the Church in Honor of the Holy Royal Passion-Bearers of Ryazan, 65 B Moskovskoe Hgw., Ryazan, 390020, Russia; *o.nikolaos@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0007-3858-2877

Researcher ID (Web of Science): LRB-3234-2024

УДК: 070

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-2-1

Подзолкова И. Ю.¹,
Карпенко И. И.²

Использование генеративного искусственного интеллекта
в политической коммуникации

¹ Мультимедийный информационный центр «Известия»,
Партийный переулок, д. 1, корп. 57, стр. 3, г. Москва, 115093, Россия;
i.podzolkova@iz.ru

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
KarpenkoIrina@bsuedu.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация политической коммуникации под влиянием генеративного ИИ. Рассматриваются новые методы создания контента: дипфейки, чат-боты, AI-аватары, таргетированные рассылки. На примерах выборов в США и кризисов 2025 года показаны риски дезинформации, манипуляции сознанием и роста политической напряженности. Отмечаются позитивные аспекты (персонализация, экономия ресурсов) и серьезные вызовы (утрата доверия, этические проблемы). Авторы приходят к выводу о необходимости комплексного регулирования и сохранения человеческого контроля над политическими нарративами.

Ключевые слова: политическая коммуникация; генеративный ИИ; контент; сюжетность; национальная безопасность

Для цитирования: Подзолкова, И. Ю. и Карпенко, И. И. (2026), «Использование генеративного искусственного интеллекта в политической коммуникации», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 217-226. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-2-1

I. Yu. Podzolkova ¹,
I. I. Karpenko ²

Using generative artificial intelligence in political communication

¹ Izvestia Multimedia Information Center,
Bld. 57/3, 1 Partiyny Ln., Moscow, 115093, Russia;
i.podzolkova@iz.ru

² Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *KarpenkoIrina@bsuedu.ru*

Abstract. This article analyzes the transformation of political communication under the influence of generative AI. New content creation methods are considered, including deepfakes, chatbots, AI avatars, and targeted emails. Using examples from the US elections and the 2025 crises, the article illustrates the risks of disinformation, mind manipulation, and rising political tensions. Positive aspects (personalization, resource conservation) and serious challenges (loss of trust, ethical issues) are highlighted. The

authors conclude that comprehensive regulation and the preservation of human control over political narratives are essential.

Keywords: political communication; generative AI; content; storytelling; national security

For citation: Podzolkova, I. Yu. and Karpenko, I. I. (2026), “Using Generative Artificial Intelligence in Political Communication”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 217-226. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-2-1

Введение

Современные технологии генеративного искусственного интеллекта (ИИ) существенно трансформируют политическую коммуникацию, порождая новые методы создания и распространения политического контента. Эти технологии меняют традиционные механизмы политического воздействия, позволяя не только формировать политические нарративы, но и проводить тонкие манипуляции восприятием и поведением граждан.

Тренд на использование генеративного ИИ в политике набирает обороты, особенно в демократических странах, где цифровые платформы играют ключевую роль в формировании общественного мнения. Согласно отчету Center for Media Engagement о роли ИИ в выборах в США 2024 года¹, технология уже широко применяется для ускорения анализа данных, сбора информации и генерации контента. Это позволяет кампаниям проводить А/В-тестирование² сообщений в реальном времени, выявляя наиболее убедительные формулировки для целевых аудиторий. В глобальном масштабе, как указано в брифинге Европейского парламента от декабря 2025 года³, генеративный ИИ ускоряет манипуляцию информацией, делая ее дешевле и эффективнее. Например, доля AI-генерированного контента в Интернете достигла 52 % к маю 2025 года⁴, что привело к росту дезинформации, особенно в предвыборных кампаниях в Молдове, Словакии и США.

Основная часть

В современных условиях развития искусственного интеллекта проблема распространения не соответствующего реальности контента становится особенно острой: появляется широкий спектр проблем, связанных с разного рода манипуляцией, созданием фейковых новостей, дезинформацией. Это стало причиной появления нового понятия – «постправды», как своего рода механизма «изобличения всего, что претендует быть правдой, поскольку правда невозможна в мире тотального изобретения образов» (Якимов, 2020: 2). В контексте развития понятия «постправды» исследователи выделяют проблему «доверия к сообщениям в медиа, и проблему достоверности той реальности, которая оформляется в данных сообщениях» (Там же).

Теоретиками и практиками исследования медиа установлено, что возможности быстрого создания правдоподобного, но ложного контента усложняют мониторинг и реагирование на

¹ “Generative Artificial Intelligence and Elections”, *The University of Texas at Austin. Center for Media Engagement*. URL: <https://mediaengagement.org/research/generative-artificial-intelligence-and-elections/> (дата обращения: 12.03.2026).

² Сплит-тестирование, метод маркетингового исследования, при котором текущая версия сайта/приложения (А) сравнивается с версией (В), содержащей одно или несколько изменений.

³ “Information manipulation in the age of generative artificial intelligence”, *European Parliament*, URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/779259/EPRS_BRI\(2025\)779259_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/779259/EPRS_BRI(2025)779259_EN.pdf) (дата обращения: 06.04.2026).

⁴ “Искусственный интеллект поравнялся с людьми в генерации статей в интернете”, *Газета.ru*, 14 октября 2025. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/10/14/26955794.shtml?utm_auth=true (дата обращения 07.05.2026).

инфосреду, а также способствуют появлению новых форм цифровой агрессии и психологического воздействия⁵. В апреле 2023 года, сразу после объявления Джо Байденом о его выдвижении на второй срок, Национальный комитет Республиканской партии (RNC) выпустил тридцатисекундное сгенерированное ИИ видео⁶, в котором было показано гипотетическое антиутопическое будущее в случае победы Байдена. В ролике демонстрировались сводки о ряде возможных кризисов: вторжение Китая на Тайвань, обвал мировых финансовых рынков, закрытие Сан-Франциско из-за преступности и переполнение южной границы США за счет наплыва беженцев. Ролик вызвал широкие дискуссии о допустимости таких методов⁷.

ИИ-ролики, как показывает практика, становятся триггерами серьезной политической напряженности. В качестве примера можно привести индо-пакистанский кризис мая 2025 года: «одно сфабрикованное видео о потере двух истребителей способно за часы накалить общественные настроения, подстегнуть военную риторику и создать эффект эскалации, опережающий официальные опровержения»⁸.

Важную роль в политической коммуникации играют *чат-боты, работающие на базе ИИ*, которые обеспечивают двустороннюю коммуникацию с избирателями. Они могут отвечать на вопросы, собирать обратную связь и формировать персонализированные рекомендации, что усиливает вовлеченность и доверие к политическим субъектам. Это позволяет повысить качество взаимодействия при масштабных кампаниях с большим числом участников.

В числе основных функций автоматизированных чат-ботов на основе ИИ:

– автоматизация ответов на часто задаваемые вопросы. Чат-боты круглосуточно отвечают на вопросы о программах кандидатов, датах выборов, порядке голосования, адресах избирательных участков и т. д.;

– персонализация коммуникации. Боты анализируют профиль пользователя по набору параметров (возраст, пол, регион, интересы) и подбирают релевантную информацию: например, для молодежи – о молодежной политике, для пенсионеров – о социальных льготах и пенсионных выплатах;

– сбор обратной связи и мнений. Через опросы и диалоги чат-боты выявляют ключевые проблемы избирателей, что помогает кандидатам корректировать предвыборную кампанию;

– организация и информирование. Боты напоминают о важных событиях, отправляют приглашения на встречи, информируют о результатах голосования;

– аналитика и мониторинг. Собранные через чат-боты данные позволяют анализировать настроения, выявлять актуальные темы и реагировать на них в реальном времени.

К примеру, в ходе президентских выборов 2020 и 2024 годов в США штабы активно использовали чат-ботов для взаимодействия с избирателями. Бот штаба Джо Байдена отвечал на вопросы о политике партии, помогал зарегистрироваться для голосования и отправлял напоминания о важных датах. В 2024 году чат-боты интегрировались с мессенджерами (WhatsApp, Telegram) и соцсетями, что позволило охватить миллионы молодых избирателей. По данным Center for Media Engagement, использование чат-ботов повысило вовлеченность аудитории на 25–30 % по сравнению с традиционными формами коммуникации.

⁵ Никифорова, А. «Как ИИ «становится злым»: ученые научились это пресекать», *Хайтек*, 02.08.2025. URL: <https://hightech.fm/2025/08/02/ai-angry> (дата обращения: 02.03.2026).

⁶ Stepansky, J. “‘Wild West’: Republican video shows AI future in US elections”, *AL Jazeera*, 28.04.2023 (дата обращения: 10.05.2026).

⁷ Gingiatano, A. “RNC counters Biden 2024 campaign launch with AI-generated fake news disasters”, *The Hill*, 04.05.2025. URL: <https://thehill.com/homenews/campaign/3970062-rnc-counters-biden-2024-campaign-launch-with-ai-generated-fake-news-disasters/> (дата обращения: 30.04.2026).

⁸ ««Подлинная политика» в цифровую эпоху», *Коммерсантъ*, 21.01.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8363969> (дата обращения: 03.03.2026).

По данным, которые получили американские исследователи, «чат-боты с искусственным интеллектом оказывают на мнение избирателей большее влияние, чем традиционные предвыборные кампании на телевидении»⁹. В ходе проведенного эксперимента чат-боту удалось привлечь одного из 21 участника в группу, поддерживающую Камалу Харрис и одного из 35 избирателей убедить голосовать за Дональда Трампа. Исследователями было доказано, что «влияние традиционной телевизионной рекламы оказалось менее значимым»¹⁰.

Автоматизация таргетированной рассылки – еще один ключевой прием, которым сообщения адаптируются под интересы и мотивы пользователей на основе данных из публичных источников. «Возросли возможности микротаргетинга, то есть возможности доставлять персонализированные сообщения конкретным группам пользователей – избирателей» (Тризно, 2025: 98). Такой подход делает коммуникацию более точной и повышает ее результативность, однако одновременно увеличивает риск манипуляций и усиления политической поляризации (Устинович, 2024).

Среди наиболее эффективных приемов можно также выделить *создание цифровых AI-аватаров и дипфейков* – виртуальных персонажей, создаваемых и управляемых частично или полностью посредством технологий генеративного искусственного интеллекта. Виртуальные аватары «могут выступать в роли бренд-амбассадоров, дипфейк-технологии дают возможность задействовать образы известных личностей без их участия» (Потаскуева, 2025: 60). Создание AI-аватаров сегодня рассматривается специалистами в области GenAI как перспективное в экономическом плане направление. «Глобальный рынок виртуальных инфлюенсеров, оценивавшийся в 2024 г. в \$6 млрд по прогнозам, достигнет \$46 млрд к 2030 г., демонстрируя среднегодовой рост на уровне 40,8 %» (Цит. по: Парфун, 2025: 216).

Виртуальные аватары являются средством, усиливающим эмоциональное воздействие на аудиторию, и делают политические кампании более выразительными и запоминающимися. Несмотря на высокий уровень влияния, использование таких материалов порождает острые этические вопросы, связанные с манипуляцией и возможным подрывом доверия общества. Законодательные инициативы в разных странах пытаются регулировать подобные практики, вводя требования к правдивости и ответственности за создаваемый контент [Paget, 2024]. Одна из основных угроз подобной коммуникации – утрата «субъектности традиционными акторами политической коммуникации в результате их замены ИИ, незаметной для получателя политической информации» (Уртаева, 2024: 46).

К наиболее распространенным приемам генерации политического контента с применением технологий искусственного интеллекта также можно отнести *создание мемов/карикатур*, а также автоматизированное составление программных манифестов и агитационной документации. Высокая убедительность и запоминаемость таких сообщений достигается благодаря эффективному сочетанию эмоционального воздействия и аргументированного содержательного компонента. Данный феномен широко проявился в ходе предвыборных кампаний 2024-2025 гг., характеризующихся массированным внедрением указанных методик в политический дискурс различных стран мира, включая США, страны Европы, Латинской Америки и частично Россию. Наблюдения показывают, что именно перечисленные приемы преобладают среди прочего контента, созданного средствами генеративного ИИ, обеспечивая быстрый отклик аудитории. «Интернет-мемы стали инструментом влияния на общественное мнение за счет широкого охвата аудитории, быстрого (вирусного) распространения, высокой эмоциональной нагрузки, точного попадания в актуальную тематику» (Напалкова, Семенов 2022: 66).

⁹ “WP сообщила о сильном влиянии чат-ботов на избирателей предвыборных компаний”, *Известия*, 07.12.2025. URL: <https://iz.ru/2003734/wp-soobshchila-o-silnom-vliianii-chat-botov-na-izbiratelei-predvybornykh-kampanii-izi> (дата обращения: 01.04.2026).

¹⁰ Там же.

Эффективная реализация приемов обеспечивается использованием популярных платформ для генерации мультимедийного контента. Их спектр на сегодняшний день довольно широк, однако можно выделить тройку наиболее популярных: ChatGPT, DALL-E и Midjourney. Эти инструменты позволяют проводить кампании с высокой степенью персонализации и масштабируемости, а также экономят время и минимизируют финансовые затраты «заказчика». При этом гибкость и доступность позволяют политическим аналитикам формировать качественные запросы для генерации релевантных материалов, существенно снижающих порог технической подготовки пользователей¹¹.

Специализированные программные продукты (SMM-системы и платформы автоматизации маркетинга) ориентированы на автоматизацию управления кампаниями в соцсетях и на цифровых платформах. С их помощью происходит персонализация сообщений, мониторинг эффективности и корректировка контента с учетом реакции аудитории. Часто эти системы объединяют генеративные модули с аналитическими панелями (SMMplanner, Jasper AI, BotHub / GPTunnel и др.), что позволяет отслеживать контекст и выявлять тренды в режиме реального времени.

В государственном секторе ведется внедрение генеративного ИИ для оптимизации внутренних коммуникаций и поддержки принятия решений. В России, например, Минцифры реализует проекты по развитию компетенций госслужащих и созданию ИИ-систем стратегического планирования с элементами самообучения¹². Эти решения служат основой для формирования новых стандартов взаимодействия и повышения эффективности управления. Такая стратегия «поможет сохранить определенный уровень доверия к политическим процессам в условиях внедрения ИИ, а также здраво оценивать эффекты, риски и последствия использования алгоритмов» (Себекин, 2023: 15).

Генеративный искусственный интеллект выступает одновременно и мощным инструментом модернизации политических процессов, и фактором значительных вызовов для общества и государственных институтов. Его применение позволяет совершенствовать методы анализа общественного мнения, прогнозирования электоральных настроений и автоматизации управленческих решений, что открывает новые горизонты эффективности в государственном управлении. Вместе с тем, эта технология трансформирует способы формирования политических нарративов, усиливая эмоциональную вовлеченность и персонализацию сообщений, но при этом повышая риски искажения информации и манипуляций.

Международное сообщество осознает двоякую природу подобных изменений: потенциал ИИ для решения глобальных проблем соседствует с угрозами дезинформации, подрыва доверия к фактам и безопасности, влиянием на легитимность выборных процессов и демократические институты, так как «...развитие ИИ-сервисов несет опасность появления огромных массивов не только никем не проверенных текстов, но и даже полностью выдуманных фактов, цифр и данных»¹³. Активизация генеративного ИИ в политической коммуникации способствует усилению эмоционального давления на избирателей, что вызывает обеспокоенность по поводу прозрачности выбора, а также создает новые вызовы для защиты прав человека и политического плюрализма. По мнению исследователей, «среди рисков, которые исходят от искусственного интеллекта в электоральном процессе, чаще всего

¹¹ “Топ ИИ-инструментов для политических аналитиков”, *Actualcomment.ru*, 04.06.2024. URL: <https://actualcomment.ru/top-ii-instrumentov-dlya-politicheskikh-analitikov-2406041412.html> (дата обращения: 05.04.2026).

¹² “Чиновников избавляют от рутины”, *Коммерсантъ*, 28.08.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7923065> (дата обращения 05.04.2026).

¹³ “Метки ставить негде”, *Коммерсантъ*, 29.05.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6729928?ysclid=m1qd85zerz859126906> (дата обращения: 01.07.2025).

отмечаю производство дезинформации, дипфейков, таргетированной политической рекламы, создание поддельных видео, бюллетеней, фабрикации аудиозаписей и даже создание кандидатов, сгенерированных искусственным интеллектом» (Баранов, 2025: 618).

Внедрение генеративных технологий сопровождается сложностями для национальной безопасности и рисками манипулятивного вмешательства в политические процессы, требующими согласованных международных мер и механизмов контроля. На фоне стремительного развития ИИ возрастает необходимость комплексного подхода, сочетающего технологические инновации, правовое регулирование и этические стандарты для обеспечения справедливого и устойчивого функционирования политической системы.

Таким образом, инструментарий генеративного искусственного интеллекта в политике представляет собой комплекс современных технологий, объединяющих генерацию, анализ и управление контентом для достижения максимальной эффективности коммуникации. Одним из ее ключевых аспектов является сюжетность созданных сообщений. Она подразумевает создание логичных, эмоционально насыщенных и персонализированных нарративов, направленных на формирование и поддержание убеждений аудитории. Используя методы анализа больших данных и обработку естественного языка, ИИ адаптирует сообщения под уникальные характеристики каждой группы избирателей, обеспечивая их максимальную убедительность и привлекательность.

Процесс создания таких нарративов включает этапы анализа аудитории, подбора подходящей стилистики и эмоционального наполнения, а также последующей адаптации сообщений на основе обратной связи. Генеративные технологии усиливают классические методы политической пропаганды, повышая их эффективность и экономя ресурсы. Однако существует риск появления недостоверной информации и манипулирования сознанием, что выдвигает необходимость строгого контроля и осторожного использования этих инструментов. Также за счет того, что ИИ генерирует шаблонный контекст, снижается разнообразие нарративов и как следствие атрофируется критическое мышление у избирателей.

В условиях динамичного информационного поля политический контент с помощью искусственного интеллекта формируется не просто как совокупность фактов или лозунгов, но как эмоционально насыщенный нарратив, способный вызывать у аудитории сильные чувства и создавать устойчивые ассоциации с политическими фигурами и идеями. Такие сюжеты строятся на глубоком анализе социальных настроений и предпочтений, выявленных с помощью ИИ, что позволяет адаптировать нарративы к конкретным сегментам избирателей, повышая степень их вовлеченности и доверия (Уртаева, 2024).

Искусственный интеллект интегрирует возможности анализа больших данных и семантического моделирования, что облегчает выбор не только темы, но и эмоционального фона сообщения. Сюжет становится инструментом, позволяющим выстроить логическую цепочку и эмоциональное путешествие, где критические события, герои и антагонисты создают эффект сопереживания и мотивации к действию. Такой подход обеспечивает более глубокое запоминание и устойчивость политической информации в сознании аудитории, укрепляя политическую лояльность и усиливая поддержку. Контент PR-кампаний «становится динамическим, так как сообщения могут автоматически адаптироваться под конкретного пользователя, учитывая его интересы, предыдущие взаимодействия и предпочтения. ИИ позволяет доставлять политическую рекламу и контент наиболее релевантным группам избирателей, повышая эффективность PR-воздействия» (Тризно, 2025: 101-102).

Кроме того, с помощью ИИ возможно создание вариативных нарративов, которые трансформируются в режиме реального времени под воздействием обратной связи и изменения общественного мнения. Эти адаптивные сюжеты позволяют оперативно корректировать стратегию коммуникации, что особенно важно в условиях кризисных ситуаций или острых общественных дискуссий. В результате политические кампании

становятся более гибкими и целенаправленными за счет избегания шаблонности и алгоритмизированного потенциала, «формирующего воздействия на массовое сознание в автоматическом режиме со стороны нейросетевых комплексов и систем, базирующихся на технологиях ИИ» (Володенков, Федорченко, Печенкин, 2024: 421).

Однако усиление сюжетности посредством автоматизации и глубокой персонализации не только увеличивает эффективность, но и порождает серьезные этические и социальные вызовы. Во-первых, использование ИИ для формирования нарративов может привести к манипулятивным практикам, когда ключевые факты и контексты искажаются ради создания желаемого эмоционального эффекта. Это снижает информационную прозрачность и подрывает качество политического диалога, способствуя росту недоверия в обществе. «Использование ИИ в политической коммуникации чревато появлением еще более изощренных методов информационного воздействия на граждан. Уже сейчас нейросети могут создавать массовый поток контента (флуд), выдавая его за человека (армии ботов с “человеческим лицом”» (Черкасова, Позднякова, 2025: 199).

Во-вторых, появление дипфейков и схожих технологий усложняет восприятие реальности, так как создаются искусственные, но правдоподобные истории, способные дестабилизировать политическую обстановку и дискредитировать легитимные институты власти. Это ставит перед обществом сложную задачу распознавания реального и поддельного, а также вынуждает политические структуры применять новые методы контроля и противодействия дезинформации. Исследователи рисков использования ИИ в политической коммуникации выделяют ряд мер для снижения угроз использования ИИ: «регулирование использования ИИ в политических кампаниях, включая выработку единых правил и ограничений на использование ИИ в политических кампаниях, <...> развитие технологий борьбы с дезинформацией и фейковыми новостями, <...> создание независимых организаций для проверки информации; – обеспечение систематического мониторинга политических коммуникаций на предмет распространения дипфейков и использования деструктивных ИИ-алгоритмов; – разработка механизмов усиления прозрачности при использовании ИИ в политических кампаниях...» (Уртаева, 2024: 49).

Наконец, распространение сюжетов, созданных ИИ, оказывает влияние на формирование общественного мнения в долгосрочной перспективе, что требует повышения внимания к вопросам ответственности, соблюдения этических норм и регуляции использования подобных технологий. «Алгоритмы могут сохранять скрытое смещение (предвзятость), заложенные в данные или код. Например, система определения может хуже распознавать лица определенных этнических групп. Или алгоритм отбора резюме может отсеивать кандидатов по признаку возраста, пола и т. п. – что недопустимо. <...> Этические стандарты требуют периодической проверки алгоритмов на предмет справедливости, но пока это на совести разработчиков» (Черкасова, 2025: 199).

Отсюда следует, что сюжетность занимает центральное место в создании убедительных политических сообщений с привлечением генеративных ИИ – она улучшает коммуникацию, делая ее эмоционально насыщенной, адаптивной и персонализированной. Вместе с тем такие возможности порождают многогранные угрозы, влияющие на качество демократических процессов и доверие к публичной информации.

Заключение

Подводя итог, отметим, что анализ приемов создания контента выявил разнообразие методов, от генерации персонализированных текстов и визуальных образов до использования интерактивных чат-ботов, что кардинально меняет традиционные способы взаимодействия с избирателями и расширяет возможности масштабного воздействия.

Выделение инструментальных средств, включая современные языковые модели и платформы интеграции контента с аналитическими системами, показало, что эффективность политических кампаний во многом определяется синтезом технологий генерации, анализа и адаптации сообщений под конкретные аудитории. Это способствует не только повышению релевантности и эмоциональной насыщенности материалов, но и формированию сюжетности как ключевого элемента убедительной политической нарративности.

Особое внимание уделялось функции сюжетности, ведь именно структурированное эмоциональное повествование усиливает восприятие и запоминание политических сообщений, формируя устойчивые связи между избирателями и политическими субъектами. Вместе с тем автоматика и персонализация сюжета создают новые вызовы в виде возможных манипуляций, искажения фактов и усложнения распознавания подлинной информации.

Риски для национальной безопасности, тесно связанные с генеративным ИИ, выявили угрозы информационной дестабилизации через распространение дезинформации и дипфейков, а также концентрацию цифровой власти в руках ограниченного числа технологических гигантов. Государственные инициативы и международные дискуссии свидетельствуют о необходимости комплексных мер, включая технические, нормативные и этические механизмы противодействия таким вызовам.

Перспективы дальнейших исследований ориентированы на междисциплинарный подход, совмещающий технические, социологические и этические методы, что необходимо для оценки комплексных последствий внедрения ИИ в политическую коммуникацию и формирования сбалансированных стратегий развития. Также подчеркнута важность сохранения творческого и стратегического участия человека в управлении политическими нарративами.

Генеративный искусственный интеллект в политической коммуникации является одновременно мощным средством повышения эффективности взаимодействия с обществом и источником новых вызовов для безопасности и этичности политического процесса. Осознание этих двояких эффектов и выработка адекватных инструментов мониторинга, регулирования и просвещения становятся ключевыми задачами для устойчивого развития демократических институтов в условиях цифровой революции.

Литература

Баранов, Н. А. (2025), «Искусственный интеллект в избирательном процессе: возможности и новации», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 27(3), 606-621. EDN: LRZUBZ

Володенков, С. В., Федорченко, С. Н. и Печенкин, Н. М. (2024), «Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(2), 406-424. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424; EDN: LWSYCV

Напалкова, И. Г. и Семенов, А. С. (2022), «Интернет-мем как метод политической коммуникации», *Гуманитарные и политико-правовые исследования*, 2, 55-72. DOI: 10.24411/2618-8120-2022-2-55-72; EDN: KJOMBL

Парфун, А. В. (2025), «Генеративный аватар как инструмент брендинга в цифровой среде: анализ коммуникационной стратегии на примере кейса “Мира” для ритейл-сети “Магнит”», *Коммуникации в условиях цифровой трансформации: Сб. мат-лов IX Междунар. науч.-практич. конф.*, Санкт-Петербург, 24-25 ноября 2025 года, Санкт-Петербургский гос. экономич. университет, Санкт-Петербург, 216-219. EDN: LJKLBC

Потаскуева, У. А. и Соколова, Е. А. (2025), «Развлекательные ИИ-видео как инструмент формирования лояльности к чайному бренду в digital-среде», *Коммуникации в условиях цифровой трансформации: Сб. мат-лов IX Междунар. науч.-практич. конф.*, Санкт-Петербург, 24-25 ноября 2025 года, Санкт-Петербургский гос. экономич. университет, Санкт-Петербург, 58-61. EDN: FNZOMS

Себекин, С. А. (2023), «Искусственный интеллект в политических процессах: перспективы и вызовы», *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 46, 7-18. DOI: 10.26516/2073-3380.2023.46.7; EDN: RLEPOU

Тризно, Т. А. (2025), «Трансформация политической коммуникации и роль ИИ в PR-стратегиях при формировании образа политических элит», *Вопросы элитологии*, 6(3), 94-113.

Уртаева, Э. Б. (2024), «Возможности и угрозы применения искусственного интеллекта (ИИ) в политических коммуникациях», *Общество: политика, экономика, право*, 2, 44-51. DOI: 10.24158/rep.2024.2.3; EDN UALQLW

Устинович, Е. С. (2024), «Генеративный искусственный интеллект в избирательных процессах 2024 года в мире: дезинформационные кампании и онлайн-тролли», *Социальная политика и социальное партнерство*, 3, 197-204. DOI: 10.33920/pol-01-2403-03; EDN: QUINRG

Черкасова, Т. П., и Позднякова, О. В. (2025), «Использование искусственного интеллекта в политических процессах: опыт Российской Федерации», *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 2, 191-203. EDN: UTDUDE

Якимов, А. Е. (2020), «Постправда и повседневность. К проблеме определения понятия “постправда”», *Философия и культура*, 9, 1-8. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.9.33801; EDN: LCIEJB

Paget, A. (2024), “(Synthetic) stump speech: crafting generative AI disclosure regulations for political advertisements”, *Fordham Law Review*, 93(1), 321–358.

References

Baranov, N. A. (2025), "Harnessing Artificial Intelligence in Electoral Processes: Emerging Opportunities and Innovations", *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 606–621 (in Russ). EDN: LRZUBZ

Cherkasova, T. P. and Pozdnyakova, O. V. (2025), "The Use of Artificial Intelligence in Political Processes: Experience of the Russian Federation", *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2, 191-203 (in Russ). EDN: UTDUDE

Napalkova, I. G. and Semenov, A. S. (2022), "The Internet Meme as a Method of Political Communication", *Humanitarian and Political-Law Studies*, 2(17), 55-72 (in Russ). DOI: 10.24411/2618-8120-2022-2-55-72; EDN: KJOMBL

Paget, A. (2024). (Synthetic) Stump Speech: Crafting Generative AI Disclosure Regulations for Political Advertisements, *Fordham Law Review*, 93(1), 321–358.

Parfun, A. V. (2025). "Generative Avatar as a Branding Tool in the Digital Environment: Analysis of a Communication Strategy Using the Case of the "Mir" for the Magnit Retail Chain", *Communications in the Context of Digital Transformation: Collection of Materials of the 9th International Scientific and Practical Conference*, St. Petersburg, November 24–25, 2025, Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, 216–219 (in Russ). EDN: LJKLBC

Potaskueva, U. A., Sokolova, E. A. (2025), "Entertaining AI Videos as a Tool for Building Loyalty to a Tea Brand in the Digital Environment," *Communications in the Context of Digital Transformation: Collection of Materials of the 9th International Scientific and Practical Conference*, St. Petersburg, November 24–25, 2025, Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, 58–61 (in Russ). EDN: FNZOMS

Sebekin, S. A. (2023), "Artificial Intelligence in Political Processes: Prospects and Challenges," *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 46, 7–18 (in Russ). DOI: 10.26516/2073-3380.2023.46.7; EDN: RLEPOU

Trizno, T. A. (2025), "Transformation of Political Communication and the Role of AI in PR Strategies in Shaping the Image of Political Elites", *Issues in Elitology*, 6(3), 94-113 (in Russ).

Urtaeva, E. B. (2024), “Opportunities and Threats of Using Artificial Intelligence (AI) in Political Communications”, *Society: Politics, Economics, Law*, 2, 44-51 (in Russ). DOI: 10.24158/rep.2024.2.3; EDN UALQLW

Ustinovich, E. S. (2024), "Generative Artificial Intelligence in the Electoral Processes of 2024 in the World: Disinformation Campaigns and Online Trolls", *Sotsialnaya politika i sotsialnoye partnerstvo* [Social Policy and Social Partnership], 3, 197-204 (in Russ). DOI: 10.33920/pol-01-2403-03; EDN: QUINRG

Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S. N. and Pechenkin, N. M. (2024), " Risks, Threats, And Challenges of Introducing Artificial Intelligence and Neural Network Algorithms into The Contemporary System of

Socio-Political Communications: The Results of Expert Study", *RUDN Journal of Political Science*. 26(2), 406–424 (in Russ). DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424; EDN: LWSYCV

Yakimov, A. E. (2020). " Post-Truth and Daily Routine. To The Problem of Definition of the Concept of "Post-Truth"", *Philosophy and Culture*, 9, 1-8(in Russ). DOI: 10.7256/2454-0757.2020.9.33801; EDN: LCIEJB

*Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРАХ:

Подзолкова Ирина Юрьевна, продюсер группы продюсеров итоговых программ, ООО «Мультимедийный информационный центр «Ивестия», Партийный переулок, д. 1, корп. 57, стр. 3, г. Москва, 115093, Россия; *i.podzolkova@iz.ru*

ORCID ID: 0009-0000-4167-5475

Карпенко Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *KarpenkoIrina@bsuedu.ru*

ORCID ID: 0000-0003-0964-6679

ABOUT THE AUTHORS:

Irina Yu. Podzolkova, Producer of the Group of Producers of Final Programs, Izvestia Multimedia Information Center, Bld. 57/3, 1 Partyny Ln., Moscow, 115093, Russia; *i.podzolkova@iz.ru*

ORCID ID: 0009-0000-4167-5475

Irina I. Karpenko, Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *KarpenkoIrina@bsuedu.ru*

ORCID ID: 0000-0003-0964-6679

УДК 81'25

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-2-2

Куров А. С.

**Когнитивное моделирование внеязыковой ситуации
в аудиовизуальном переводе: потенциал денотативного подхода**

Ивановский государственный университет,
ул. Ермака, д. 39, г. Иваново, 153025, Россия;
Ярославский региональный инновационно-образовательный центр «Новая школа»,
ул. Некрасова, д. 58, г. Ярославль, 150040, Россия;
alexanderkurov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена междисциплинарному исследованию аудиовизуального перевода (АВП) сквозь призму когнитивной лингвистики. В условиях технологического прорыва начала XXI века АВП рассматривается как сложный когнитивный процесс, интегрирующий психологические и лингвистические аспекты. Автор опирается на фундаментальные положения когнитивной парадигмы о языке как инструменте обработки опыта и концептуализации мира. В центре внимания находится денотативная (ситуативная) модель перевода В.Н. Комиссарова, возможности которой переосмысливаются в контексте работы с мультимодальным контентом. В отличие от традиционных текстовых форматов, в АВП внеязыковая ситуация эксплицирована визуальным и звуковым рядами, что жестко детерминирует процесс перевода. В работе обосновывается, что денотативный подход выступает оптимальным механизмом когнитивного моделирования, позволяя переводчику достигать эквивалентности в условиях безэквивалентной лексики и контекстуальной детерминированности. Автор анализирует этапы перевода как последовательные ментальные операции: от восприятия мультимодального стимула до формирования смыслового соответствия на языке перевода. Сделан вывод о том, что применение денотативной модели в АВП способствует более глубокому пониманию ментальной сущности переводческой деятельности и расширяет дидактические возможности теории перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; денотативный подход; лингвистика; восприятие и понимание; когнитивное моделирование

Для цитирования: Куров, А. С. (2026), «Когнитивное моделирование внеязыковой ситуации в аудиовизуальном переводе: потенциал денотативного подхода», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 227-235. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-2-2

A. S. Kurov

The cognitive modeling of an extra-linguistic situation in audiovisual translation: the potential of the denotative approach

Ivanovo State University,
39 Ermak St., Ivanovo, 153025, Russia;
The New School Yaroslavl Regional Innovation and Educational Center,

58 Nekrasov St., Yaroslavl, 150040, Russia;
alexanderkurov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the interdisciplinary study of audiovisual translation (AVT) through the prism of cognitive linguistics. AVT is considered as a complex cognitive process integrating psychology and linguistic aspects in the context of the technological breakthrough of the 21st century. The author relies on the fundamental provisions of the cognitive paradigm about language as a tool for processing experience and conceptualizing the world. The focus is on V.N. Komissarov's denotative (situational) translation model, the possibilities of which are being rethought in the context of working with multimodal content. Unlike traditional text formats, the extra-linguistic situation is explicated by visual and sound series in AVT, which rigidly determines the translation process. The paper substantiates that the denotative approach acts as an optimal mechanism for cognitive modeling, allowing the translator to achieve equivalence in conditions of non-equivalent vocabulary and contextual determinism. The author analyzes the stages of translation as sequential mental operations: from the perception of a multimodal stimulus to the formation of semantic correspondence in the translation language. It is concluded that the application of the denotative model in AVT contributes to a deeper understanding of the mental essence of translation activity and expands the didactic possibilities of translation theory.

Keywords: audiovisual translation; denotative approach; linguistics; perception and understanding; cognitive modeling

For citation: Kurov, A. S. (2026), "The cognitive modeling of an extra-linguistic situation in audiovisual translation: the potential of the denotative approach", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 227-235. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-2-2

Введение

Междисциплинарный подход становится актуальным во всех сферах научной деятельности. Вследствие технологического прорыва, произошедшего в конце XX – в начале XXI века, появилась новая разновидность перевода – аудиовизуальный перевод. Ив Гамбье определяет конструктивно, что АВП – это разновидность перевода, учитывающая следующие типы знаков: аудиальные, визуальные и лингвистические (Гамбье, 2016: 56). Данный вид перевода активно развивается в научной сфере и становится популярным направлением в России (Козуляев, 2019; Филатова, 2021). Мы рассматриваем АВП как имеющий основания в психологии и лингвистике. Благодаря когнитивной лингвистике мы можем понять: 1) какую функцию выполняет язык для получения знаний в результате обработки опыта человека, 2) как информация закрепляется в языковых формах, 3) каким образом она хранится и извлекается из памяти, 4) как происходит концептуализация и категоризация мира¹.

Когнитивный аспект в переводе

Ученые активно применяют когнитивный подход в своих исследованиях перевода. Так, Т.А. Фесенко с точки зрения когнитивной лингвистики анализирует проблемы креативного перевода (Фесенко, 2005: 49). В.И. Хайруллин в книге «Перевод и фреймы» изучает лингвокогнитивные аспекты перевода высказываний о материальном объекте (Хайруллин,

¹ Кубрякова, Е. С. и Болдырев, Н. Н. «Когнитивная лингвистика», *Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал*, URL: <https://bigenc.ru/c/kognitivnaia-lingvistika-b3ed80> (дата обращения: 04.04.2026).

2010: 109). И.В. Убоженко рассматривает модель процесса перевода с когнитивной точки зрения и отмечает ее возможности в рамках дидактики (Убоженко, 2016: 122). Л.А. Нефедова и И.Н. Ремхе сообщают об обнаружении «когнитивной сущности перевода научно-технических статей и докладов» (Нефедова, Ремхе, 2008: 91). Н.К. Яшина утверждает, что когнитивный подход играет важную роль для определения сущности переводческого процесса (Яшина, 2020: 94). И.Н. Фурсова, изучив некоторые подходы, рассмотренные в когнитивной лингвистике, отметила, что ученые обращают внимание не на детали техники перевода, а на ментальное и смысловое соответствие текста оригинала и его перевода (Фурсова, 2013: 94).

Н.К. Яшина выделяет в процессе перевода три этапа: 1) восприятие и понимание оригинального текста, 2) подбор конкретного подхода и его выполнение в результате перевода, 3) перенос заложенного в тексте оригинала смысла в текст целевого языка (Яшина, 2020: 94).

Т.А. Манина описывает разработанные В.Н. Комиссаровым модели перевода: 1) ситуативную или денотативную и 2) трансформационно-семантическую. Согласно первой модели, переводческий процесс связан с описанием той же самой ситуации, что приведена в оригинале, с помощью целевого языка. Главным преимуществом ситуативной или денотативной модели является достижение эквивалентности. Первая модель подходит в трех ситуациях: 1) в тексте есть безэквивалентная лексика, 2) определение варианта перевода однозначно, 3) перевод оригинала нельзя выяснить, если не знать определенные стороны рассказанной ситуации, которые не являются частью значения слов. Согласно второй модели (трансформационно-семантической), переводческий процесс связан с передачей значений языковых единиц оригинала (Манина, 2014: 121).

Поднимаемая в статье тема актуальна в научной сфере. Так, Л.Г. Васильев и Т.У. Пайсаева исследуют потенциал денотативной модели перевода в качестве инструмента достижения переводческой эквивалентности (Васильев, Пайсаева, 2022). О.А. Пышненко и А.Е. Хандобин, изучая перевод идиокультуронимов, отмечают, что денотативную модель наиболее часто применяют для передачи «национальной специфики культурно-маркированной лексики» (Пышненко, Хандобин, 2024). З.Г. Гебекова и Х.И. Тагирова исследуют денотативную модель в качестве одной из теоретических концепций в переводоведении (Гебекова, Тагирова, 2025). Л.А. Гинис отмечает, что ключевые понятия и принципы когнитивной психологии стали важной частью когнитивного моделирования. Когнитивная психология занимается изучением вопросов, как человек получает информацию, как она представляется им; каким образом она хранится в его памяти и трансформируется в знания, влияющие на его внимание и поведение (Гинис, 2005: 123-124).

Характеристика материала и методов исследования

На наш взгляд, как денотативная, так и когнитивная модели являются важными компонентами АВП, так как переводчику, с одной стороны, нужно подобрать эквиваленты на родном языке, а с другой – сохранить и передать смысл, чтобы информация в оригинале и варианте перевода воспринималась одинаково. В ходе анализа использован сравнительно-сопоставительный метод, суть которого заключается в анализе текстов оригинала и перевода, позволяющем понять механизм процесса перевода: выделить сходства и различия между языками, исследовать способы достижения эквивалентности, учесть специфику языков. В данной статье мы проанализируем, как применяется денотативная модель перевода на кинопримерах: во фрагменте сериала «Игра престолов» (рассмотрим три варианта, созданных студиями «Kravac records», «Alexfilm» и «TVShows») и в отрывках художественного фильма «Шерлок Холмс».

Результаты исследования и их обсуждение

Для того чтобы перейти к анализу фрагмента сериала «Игра престолов», необходимо понимать контекст и учитывать аудиовизуальную составляющую. В сериале есть два

персонажа: 1) Ходор, который начиная с первой серии всегда мог произносить только свое имя и 2) Бран Старк, обладавший способностью видеть прошлое и брать контроль над животным или человеком. В шестой серии пятого сезона произошел случай, объяснивший, по какой причине Ходор мог произносить лишь одно слово. Армия мертвецов атаковала место, в котором находились персонажи. Когда Бранк Старк, будучи в состоянии транса, смотрел на события прошлого, Мира Рид пыталась его разбудить. Так как Бран Старк не мог ходить, она старалась донести до него мысль: нужно взять контроль над Ходором и покинуть место из-за опасности. Бран Старк услышал просьбу и взял контроль над Ходором. Пробегая по тоннелю и спасаясь от армии мертвецов, персонажи увидели выход, который можно было закрыть большой дверью. Ходор держал ее изо всех сил, чтобы другие персонажи могли спастись. В то же время Мира Рид кричала ему: «Hold the door!» Бран Старк, находясь в прошлом, услышал эту фразу, в этот момент у молодого Ходора (оказалось, что его раньше звали Уилис) случился приступ, в результате которого он начал повторять многократно фразу «Hold the door», трансформировавшуюся в слово «Hodor».

Рассмотрим оригинальное предложение «Hold the door». В английском предложении в первую очередь следует выделить языковое явление ассимиляции, в результате которого согласные уподобляются друг другу (один из возможных случаев). В рассматриваемом предложении звук [ð] трансформируется в [d]. Таким образом, фраза в английском языке произносится так: «Hold the door» [hould ðə dɔː]. Когда у персонажа случился приступ, предложение редуцировалось до слова «Hodor» [houldə].

Для перевода могли быть использованы две стратегии: 1) либо в результате должно было получиться слово «Ходор», составленное из подобранных русских слов, 2) либо нужно было создать новую лексическую единицу, способную передать смысл и учитывающую аудиовизуальную составляющую часть.

Студия «Kraives records» перевела фразу «Hold the door» как «Затвори ход». Переводчик использовал тот же прием из оригинала: фраза редуцируется до слова («Ход затвори» – «Ход затвор» – «Ходор»). Как мы видим, слова «дверь» в переводе нет, но это компенсирует визуальная составляющая фрагмента. Подбор слов и конечный результат мы считаем удачным.

Студия «Alexfilm» перевела фразу «Hold the door», используя два варианта («Дверь на затвор» и «Проход на затвор»), которые редуцируются до одного. Данное решение, как нам кажется, сделано переводчиком осознанно, он не хотел упустить детали оригинала. В результате в переводе упомянута дверь, которая должна затворить проход. Во время трансформации слово «дверь» в определенный момент пропадает, фраза «Проход на затвор» редуцируется следующим образом: «Проход на затвор» – «Ход запор» – «Ход пор» – «Ходор». Вариант перевода считаем также удачным: упомянуты детали оригинала, креативно редуцирована фраза, сохранен результат оригинала, учтена визуальная составляющая.

Студия «TVShows» перевела фразу «Hold the door» как «Дверь держи». В результате предложение было редуцировано до слова «Дведер» [дв'едэр]. Переводчик решил создать новую лексическую единицу, которая без контекста, на наш взгляд, не ассоциируется со словами «дверь» и «держать». В данном случае важно отметить особенность, характерную для оригинала и всех вариантов перевода: звуковой состав предложения и получившегося слова не совпадает, благодаря этому заложенный в итоговый вариант смысл становится имплицитным.

***

Рассмотрим варианты перевода фрагментов фильма «Шерлок Холмс» (официальный дубляж и перевод Дмитрия Пучкова) и сравним их с оригиналом.

Таблица 1

Шерлок Холмс. Эпизод 1

Table 1

Sherlock Holmes. Episode 1

Оригинал / Original	Дубляж / Dubbing	Перевод Д. Пучкова / Translation by D. Puchkov
Sherlock Holmes: Head cocked to the left. Partial deafness in ear. First point of attack.	Шерлок Холмс: Голова задрана влево, частичная глухота на правое ухо. Первое место для удара.	Шерлок Холмс: Задирает голову влево, глуховат на правое ухо. Первый удар туда.
Sherlock Holmes: Two. Throat. Paralyse vocal cords. Stop screaming.	Шерлок Холмс: Второе – горло. Парализовать голосовые связки, перестанет кричать.	Шерлок Холмс: Второй – в горло. Парализовать голосовые связки, чтобы не закричал.
Sherlock Holmes: Three. Got to be heavy drinker. Floating rib to the liver.	Шерлок Холмс: Третье! Должно быть, он много пьет. Удар по печени.	Шерлок Холмс: Третий. Наверняка, пьяница. Удар по печени.
Sherlock Holmes: Four. Finally, drag the left leg. Fist the patella.	Шерлок Холмс: И, четвертое, волочит левую ногу. В коленную чашечку.	Шерлок Холмс: Четвёртый, заключительный, волочит левую ногу. В коленную чашечку.

Рассмотрим примеры, раскрывающие возможности АВП (табл. 1).

Представляется важным обратить внимание на следующую деталь: как в дубляже, так и в переводе Дмитрия Пучкова было добавлено прилагательное «правый», которого нет в оригинальном тексте. Связано это непосредственно с визуальной составляющей, поскольку в кадре был показан персонаж, поворачивавший голову. В центре кадра мы видим голову и понимаем, что речь идет о правом ухе.

Вторым ярким примером является перевод фразы «First point of attack»: в версии дубляжа мы обращаем внимание на предлог «для», который употребляется при указании на цель совершения действия², а в варианте перевода Дмитрия Пучкова – на местоименное наречие, употребляющееся при указании на место³. Как предлог, так и наречие усиливают визуальную составляющую. В этот момент на экране зритель видит, как Шерлок Холмс наносит удар по правому уху. Оба варианта перевода считаем удачными: средства выражения мысли разные, а результат перевода одинаковый.

Как в оригинале, так и в версиях перевода использован языковой прием, характерный для разговорного стиля – эллипсис: «Two = Two point of attack»; «Второе – горло» = «Второе место для удара – горло»; «Второй – в горло» = «Второй удар в горло». Вариант дубляжа близок к оригиналу по структуре и смыслу, в таком случае слово горло выступает в качестве объекта для удара. В версии Дмитрия Пучкова то же самое смысловое содержание передается

² Кузнецов, С. А. (ред.) (2000), *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург, 263.

³ (Кузнецов, 2000: 1351).

комбинацией предлога и существительного «в горло». Таким образом, предлог, указывающий на направление движения, усиливает визуальную составляющую.

Floating ribs – колеблющиеся рёбра (11-е и 12-е), особенность которых в том, что они не прикрепляются к груди. Печень человека находится в данной области (часть органа закрывают ребра). В обеих версиях перевода фраза «Floating rib» исчезла. Данное решение принято переводчиками осознанно, поскольку в этот момент в кадре показывается удар в область печени. Во фразе «Fist the patella» слово «fist» пропало по той же причине. В кадре мы видим, что удар наносится именно кулаком в коленную чашечку.

Таблица 2

Шерлок Холмс. Эпизод 2

Table 2

Sherlock Holmes. Episode 2

Оригинал / Original	Дубляж / Dubbing	Перевод Д. Пучкова / Translation by D. Puchkov
<p>Sherlock Holmes: Is that the maharajah's missing diamond? Or just another souvenir?</p> <p>Irene Adler: Let's not dwell on the past. Shall we?</p>	<p>Шерлок Холмс: Это не тот пропавший бриллиант махараджи? Или это просто сувенир?</p> <p>Ирен Адлер: Не будем ворошить прошлое. Чашку чая?</p>	<p>Шерлок Холмс: Это не тот ли пропавший бриллиант махараджи? Или это просто сувенир?</p> <p>Ирен Адлер: Не будем ворошить прошлое. Присядем?</p>

Рассмотрим пример перевода диалога (табл. 2).

Выражение «Dwell on the past» можно перевести несколькими способами: думать о прошлом, жить прошлым, заикливаться на прошлом, ворошить прошлое. В обоих переводах предпочтение было отдано последнему варианту – «ворошить прошлое». Это решение было принято, на наш взгляд, осознанно. В толковом словаре есть три значения слова «ворошить»: 1) двигать, поворачивать, разгребая и сгребая (обычно что-либо рыхлое), 2) разг. шевелить, переворачивать что-либо, 3) вспоминать (что-либо тяжелое, неприятное)⁴.

В данное словарной статье мы обращаем внимание на третье значение. Переводчики приняли решение, поскольку учитывали аудиовизуальную составляющую: во время диалога Шерлок Холмс, частный детектив, обращает внимание на пропавший бриллиант махараджи, который висит на шее Ирен Адлер, преступницы, и добавляет еще одну саркастичную фразу – «Или это просто сувенир?» Если учитывать две указанные детали, то выбор переводчиков становится понятным: Ирен Адлер не хочет вспоминать о бриллианте, который она когда-то украла.

Далее представляется важным обратить внимание на выражение «Shall we?», часть которого является устаревшим вариантом «shall» (в современном варианте английского языка используется «will»). Известно, что в АВП большую роль играет как аудиальная, так и визуальная информация. На наш взгляд, фразу «Shall we?» можно воспринимать на слух по-разному: как часть предложения «Let's not dwell on the past», либо как самостоятельную предикативную единицу. Если рассматривать первый вариант, то фразу «Let's not dwell on the past, shall we?» можно перевести как «Не будем ворошить прошлое, не так ли?». Таким образом, концовка предложения будет выражать приглашение согласиться со сказанным⁵.

⁴ (Кузнецов, 2000: 151).

⁵ (Кузнецов, 2000: 611); “Значение частицы «не так ли»”, в кн.: Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. *Большой универсальный словарь русского языка*, URL: <https://gramota.ru/poisk?query=не%20так%20ли&mode=slovari> (дата обращения: 02.04.2026).

Переводчики решили использовать вторую версию. Перевести фразу «Shall we?» отдельно невозможно, так как нужен контекст. В данном случае мы снова наблюдаем такое языковое явление, как эллипсис. Переводчики были вынуждены обратить внимание на визуальную составляющую, и каждый из них выбрал свой вариант. В версии дубляжа мы видим, что фраза «Shall we?» переведена как «Чашку чая?» Переводчик учитывал, что произошло после сказанной фразы: Ирен Адлер показывает на стол, на котором стоят чашки и чайник. Данный перевод, с одной стороны, констатирует то, что происходит в сцене, а с другой – показывает зрителю, что Ирен Адлер не хочет вспоминать события прошлого и в то же время желает поменять тему разговора (мимика и интонация главной героини, на наш взгляд, указывает на это). Дмитрий Пучков перевел фразу «Shall we?» как «Присядем?». Переводчик также учитывал аудиовизуальную составляющую. Для данной версии перевода важным оказалось именно процесс, продемонстрированный через несколько секунд после произнесения фразы.

Заключение

Проанализированные примеры показывают, что денотативная модель перевода в АВП применяется успешно: на экране зритель видит денотат, подсказывающий выбор слов, которые, с одной стороны, безэквивалентны, а с другой – контекстуально однозначны. Таким образом, денотативная модель В.Н. Комиссарова – это, по сути, инструмент когнитивного моделирования реальности в условиях мультимодальности. Денотативный подход позволяет достичь максимальной эквивалентности в АВП благодаря опоре на внеязыковую ситуацию.

Литература

- Васильев, Л. Г. и Пайсаева, Т. У. (2022), «Ситуативная модель перевода как средство достижения переводческой эквивалентности», *Вестник Калужского университета*, 3, 8-10. DOI: 10.54072/18192173_2022_3_5_8; EDN: CQAGQV
- Гамбье, И. (2016), «Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий», *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*, 4, 56-74. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.405; EDN: YLZDRT
- Гебекова, З. Г. и Тагирова, Х. И. (2025), «Денотативная модель перевода (теоретический обзор и практическое применение)», *На пути к эффективному и устойчивому повышению качества образования*, мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Дагестанского гос. пед. ун-та им. Р. Гамзатова и ун-та гуманитарных наук им. Мухаммеда бин Заида, Махачкала, 270-275.
- Гинис, Л. А. (2005), «Истоки современного когнитивного моделирования», *Известия ТРТУ*, 50(6), 119-128. EDN: KNVHZN
- Козуляев, А. В. (2019), *Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу: английский язык*: Автореф. дис. ... канд. педагогических наук, Москва.
- Манина, Т. А. (2014), «Сущность переводческих трансформаций в плане передачи контекстуальных значений в языке переводного текста», *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 2, 120-124. EDN: SHTQDL
- Нефедова, Л. А. и Ремхе, И. Н. (2008), «Когнитивные особенности перевода научно-технического текста», *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2, 91-101. EDN: JVGUYT
- Пышненко, О. А. и Хандобин, А. Е. (2024), «Влияние культурологических аспектов на выбор переводческой модели при переводе идиокультуронимов (на материале произведения Алана Вуда “Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581-1991”)», *Научно-практическая реализация творческого потенциала молодежи: проекты, разработки, сценарии, творческие интерпретации в социально-гуманитарной сфере и искусстве*, мат-лы IX Всерос. науч.-практич. конф. (г. Хабаровск, 26 апреля 2024 г.), ХГИК, Хабаровск, 50-58.
- Убоженко, И. В. (2016), «О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход», *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*, 4, 122-141. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.410; EDN: YLZDVP
- Фесенко, Т. А. (2005), «Креативность и проблемы перевода», *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1, 49-54. EDN: PQWZZ

Филатова, Е. А. (2021), «Комплексная модель оценки аудиовизуального перевода и лингво-функциональный анализ динамики кинопереводческих норм в 1960–2010 гг.: на материале англоязычной документалистики о живой природе»: Автореферат дис. ... канд. филологических наук, Москва.

Фурсова, И. Н. (2013), «Когнитивный подход в переводоведении», *Lingua mobilis*, 6, 66-74. EDN: SJJQLB

Хайруллин, В. И. (2010), *Перевод и фреймы*, Libroком, Москва.

Яшина, Н. К. (2020), «Моделирование процесса перевода в когнитивном аспекте», *Международный научно-исследовательский журнал*, 8-3, 93-97. DOI: 10.23670/IRJ.2020.98.8.087; EDN: BJAXTS

References

Fesenko, T. A. (2005), “Creativity and problems of translation”, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 49-54 (in Russ.). EDN: IIQWZZ

Filatova, E. A. (2021), “A comprehensive assessment model for audiovisual translation and a linguistic and functional analysis of the dynamics of film translation standards in 1960 – 2010: based on the material of English-language documentaries about wildlife”, Abstract of Ph.D. dissertation, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (in Russ.).

Fursova, I. N. (2013), “Cognitive approach in translation studies”, *Lingua Mobilis*, 6, 66-74 (in Russ.). EDN: SJJQLB

Gambier, I. (2016), “Translation and Translation Studies at the Crossroads of Digital Communications”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism], 4, 56-74 (in Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.405; EDN: YLZDRT

Gebekova, Z. G. and Tagirova, H. I. (2025), “Denotative translation model (theoretical review and practical application)”, *Na puti k effektivnomu i ustoychivomu povysheniyu kachestva obrazovaniya* [Towards Effective and Sustainable Improvement of the Quality of Education], *Proc. of International scientific and practical conference*, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, 270-275 (in Russ.).

Ginis, L. A. (2005), “The origins of modern cognitive modeling”, *Izvestiya TRTU* [Bulletin of the Taganrog Radio Engineering University], 50(6), 119-128 (in Russ.). EDN: KNVHNZ

Khairullin, V. I. (2010), *Perevod i freimy* [Translation and frames], Librokom, Moscow, Russia (in Russ.).

Kozulyaev, A. V. (2019), “The integrative model of teaching audiovisual translation: English”, Abstract of Ph.D. dissertation, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia (in Russ.).

Manina, T. A. (2014), “The essence of the transfer of contextual values”, *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2, 120-124 (in Russ.). EDN: SHTQDL

Nefedova, L. A. and Remkhe, I. N. (2008), “Cognitive characteristics of technical translation”, *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 91-101 (in Russ.). EDN: JVGUYT

Pyshnenko, O.A. and Handobin, A.E. (2024), “The influence of cultural aspects on the choice of a translation model when translating idioculturonyms (based on the work of Alan Wood “Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581-1991”)”, *Nauchno-prakticheskaya realizatsiya tvorcheskogo potentsiala molodezhi: proekty, razrabotki, stsenarii, tvorcheskiye interpretatsii v sotsialno-gumanitarnoy sfere i iskusstve* [Scientific and Practical Realization of the Creative Potential of Youth: Projects, Developments, Scenarios, Creative Interpretations in the Social and Humanitarian Sphere and Art], *Proc. 9th International scientific and practical conference*, Publishing House of the Khabarovsk State Institute of Culture/ Khabarovsk, Russia, 50-58 (in Russ.).

Ubozhenko, I. V. (2016), “On cognitive modeling of intuition and creativity in translation: interpretive and semiotic approach”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism], 4, 122-141 (in Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.410; EDN: YLZDVP

Vasilev, L. G. and Paysaeva, T. U. (2022), “Situational model of translation as a means of achieving translational equivalence”, *Vestnik Kaluzhskogo universiteta* [Bulletin of Kaluga University], 3, 8-10 (in Russ.). DOI: 10.54072/18192173_2022_3_5_8; EDN: CQAGQV

Yashina, N. K. (2020), “The Modeling of the Translation Process in the Cognitive Aspect”, *International Research Journal*, 8-3, 93-97 (in Russ.). DOI: 10.23670/IRJ.2020.98.8.087; EDN: BJAXTS

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Куров Александр Станиславович, магистр педагогики, аспирант Ивановского государственного университета, ул. Ермака, д. 39, г. Иваново, 153025, Россия; педагог-организатор Ярославского регионального образовательного центра «Новая школа», ул. Некрасова, д. 58, г. Ярославль, 150040, Россия; alexanderkurov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexander S. Kurov, Master's Degree in Pedagogical Education, Postgraduate Student, Ivanovo State University, 39 Ermak St., Ivanovo, 153025, Russia; Teacher-organizer of the New School Yaroslavl Regional Educational Center, 58 Nekrasov St., Yaroslavl, 150040, Russia; alexanderkurov@mail.ru